

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7 (73). №2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол _____ 2021 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (главный редактор)

Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.

Берг Людмила Николаевна, д.ю.н., проф.

Билиев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.

Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.

Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.

Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.

Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.

Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.

Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.

Лютов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.

Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.

Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.

Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.

Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.

Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.

Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.

Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.

Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.

Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать . . . 2021. Формат 70х100 1/16

усл. п. л. Тираж 50 экз. Заказ № НП/3

Дата выхода в свет . . . 2021

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности

КФУ имени В. И. Вернадского

295051, Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-law.cfuv.ru>

УДК 341.215.4

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-3-12

**ТРАЕКТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ПРАВОЗАЩИТНЫХ
СИСТЕМ**

Албутиф Мохаммед Аднан Каркан

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье проведен анализ исторических траекторий, современного состояния и проблем формирования исламской правозащитной системы в контексте универсальной тенденции к регионализации механизма защиты прав человека. Исследование построено на применении сравнительно-правового, формально-юридического и конкретно-исторических специализированных методов познания правовой реальности. При подготовке исследования изучены региональные акты в сфере защиты прав человека, а также положения трудов российских и зарубежных исследователей по вопросам региональных механизмов защиты прав человека, исторического опыта и современных тенденций в сфере встраивания в них исламской правозащитной системы. Констатируется самостоятельный характер исламской региональной системы защиты прав человека, которая в настоящее время в большей части бездействует, по причине незавершенности организационно-правового построения. Выделены препятствия в развитии исламской системы защиты прав: дифференцированность «исламского мира»; идеологическая разрозненность исламских государств; инертность и консерватизм систем управления и законодательства исламских государств; неприятие исламской правозащитной системы широким международным сообществом в условиях однополярного мира. Для завершения формирования исламской правозащитной системы рекомендовано объединить усилия исследователей, региональных и международных политиков и правозащитников.

Ключевые слова: механизм защиты прав человека, региональные правозащитные системы, исламская система защиты прав человека, исламское право, исламский мир, регионализация правозащитных систем.

Актуальность исследования обусловлена поиском дальнейших путей развития правозащитной деятельности в условиях современного многополярного мира. Важной тенденцией в трансформациях систем защиты прав человека второй половины XX — начала XXI столетия выступает их регионализация. Речь идет о формировании региональных правозащитных систем, существенно дополняющих и развивающих национальный механизм защиты прав человека, однако, при этом, учитывающих специфику правовых систем государств региона, правовой культуры, традиций и др.

С некоторым запаздыванием в сравнении с другими региональными правозащитными системами происходит формирование такой системы в исламском мире. Несмотря на то, что первые попытки создания исламской системы прав человека датированы 1980-ми годами, до сих пор, почти за сорокалетний опыт построения, исламская правозащитная система по-прежнему не стала полноценно функционировать.

В настоящей публикации будет осуществлен комплексный анализ исторических траекторий, современного состояния и проблем формирования исламской

правозащитной системы в контексте универсальной тенденции к регионализации механизма защиты прав человека.

Материалы и методы. Исследование построено на применении сравнительно-правового, формально-юридического и конкретно-исторических специализированных методов познания правовой реальности. При подготовке исследования изучены региональные акты в сфере защиты прав человека, а также положения трудов российских и зарубежных исследователей по вопросам региональных механизмов защиты прав человека, исторического опыта и современных тенденций в сфере встраивания в них исламской правозащитной системы.

Результаты. Под правозащитным механизмом (механизмом защиты прав человека) следует понимать систему институтов, инструментов и средств, направленных на обеспечение и защиту прав человека и гражданина¹.

Формирование и функционирование правозащитного механизма направлено на достижение следующих целей и задач²:

- обеспечение условий и предпосылок для полноценной реализации конституционных прав и свобод человека, прежде всего, естественных, гарантированных самим фактом рождения;
- восстановление нарушенных прав и устранение препятствий по полноценному пользованию ими;
- компенсация вреда, причиненного субъектами, как допустившими собственно нарушение прав, так и ограничившими возможность воспользоваться в полной мере возможностями защиты прав в национальном механизме, в том числе, в соответствии с принятыми международными обязательствами;
- комплексное информирование общественности и всех заинтересованных субъектов о состоянии и проблемах защиты прав человека на национальном, региональном, международном уровнях;
- правотворческая работа, как в части издания региональных актов в сфере защиты прав человека, так и в части содействия национальным законодателям в разработке норм, соответствующих международным и региональным стандартам и нормам в сфере прав человека, а органам конституционной юстиции - в надлежащей оценке законодательства на соответствие упомянутым нормам и стандартам;
- правовое сотрудничество, в том числе, в части развития судебных систем, информатизации правозащитной работы, научных исследованиях, по иным вопросам;
- юридическая пропаганда и правовое просвещение общественности по вопросам прав человека.

Соответствующий перечень может быть разукрупнен и дополнен.

По уровню правовой регламентации и юрисдикции компетентных органов, выделяют внутригосударственный и международный механизм защиты прав

¹ Пашенцев Д. А. Совершенствование механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации //Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2015. – №. 1. – С. 20.

² Небратенко О. О. Универсальные механизмы защиты прав человека //Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2016. – №. 19-2. – С. 233-235.

человека, в рамках последнего - глобальную и региональные правозащитные системы³.

Видится важным то обстоятельство, что современные региональные правозащитные системы являются универсальным механизмом, укрепляющим и существенно расширяющим гарантии защиты прав человека. Их содержание вовсе не ограничивается ролью судебной сверхинстанции по отношению к национальной судебной системы в части защиты прав человека. Речь идет о постоянно функционирующей системе генерации, обмена и распространения научных знаний, передовой практики в сфере защиты прав человека, оказание комплексного содействия развивающимся и трансформирующимся обществам в распространении гуманистических начал в национальной правовой системе и государственном механизме.

Региональные правозащитные системы построены практически по всему миру. Помимо указанных выше универсальных функциональных особенностей, такие системы защиты прав человека в немалой степени ориентированы на учет специфики регионального менталитета, культурного развития, исторических традиций. Представленные аспекты существенно влияют на собственное восприятие права, понимание сущности прав человека, их ограничений, а также правозащитного механизма.

Ключевыми элементами региональных правозащитных механизмов выступают⁴:

- институты защиты прав человека, прежде всего, юрисдикционные органы надгосударственного уровня (суды по правам человека);
- надгосударственное законодательство (региональные межправительственные договоры и соглашения), а также унифицированная доктрина в сфере защиты прав человека;
- инструменты мониторинга соблюдения соглашений по правам человека, распространения юридических знаний и универсализации правоприменительной практики на национальном уровне.

В качестве универсального эталона правозащитных систем регионального уровня нередко и весьма справедливо называют европейскую систему защиты прав человека⁵. Действительно, европейская правозащитная система не просто оказалась первой исторической региональной системой защиты прав человека, но и характеризуется высочайшей степенью организационной и правовой проработанности, множеством весьма эффективных инструментов и механизмов в человеческом измерении. Успешное функционирование европейской

³ Резер, Т. М. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина: учеб. пособие / Т. М. Резер, Е. В. Кузнецова, М. А. Лихачев / [под общ. ред. Т. М. Резер]; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. - С. 14.

⁴ Небратенко О. О. Международные региональные механизмы защиты прав человека //Юристъ-Правоведъ. – 2016. – №. 2 (76). – С. 80-83.

⁵ Лукьянцев, Г.Е. Региональная система защиты прав человека в рамках Совета Европы: На прим. Европ. конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 1998. – С. 5-12.

правозащитной системы рассматривается не иначе, как важная предпосылка для надгосударственной интеграции в рамках Европейского Союза⁶.

Другие авторитетные региональные правозащитные системы, - межамериканская и африканская система защиты прав человека⁷. Дискуссионным остается вопрос о причислении исламской системы защиты прав человека к числу региональных; противоречия возникают в двух плоскостях - наличии конкурирующих альтернатив (А. Х. Абашидзе и соавторы предлагают в качестве «иных региональных, субрегиональных и межрегиональных» правозащитных систем отдельно выделять правозащитную систему Организации исламского сотрудничества и Лиги арабских государств⁸), а также фактической незавершенности строительства договорной системы и судебного механизма защиты прав человека в исламском мире.

Считаем целесообразным присоединиться к мнению тех исследователей, которые поддерживают идею о существовании исламской региональной системы защиты прав человека, прежде всего, в рамках арабского (североафриканского и ближневосточного региона), несмотря на незавершенность ее организационного и правового построения⁹.

Фактическое начало построения исламской правозащитной системы видится целесообразным датировать 19 сентября 1981 года, когда Исламским советом была принята Всеобщая исламская декларация прав человека¹⁰ - первый программный документ исламского правозащитного либерализма.

Нормативно-правовым фундаментом исламской региональной системы защиты прав человека в таком случае следует рассматривать Арабскую декларацию прав человека (от 22 мая 2004 года¹¹), а юрисдикционным - формирующийся механизм Арабского суда по правам человека (в настоящее время, разработан Статут суда¹²,

⁶ Баскакова О. А. Эффективность европейской системы защиты прав человека //Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы. – 2020. – С. 319-321.

⁷ См.: Солнцев А.М., Воробьев Д.В. Защита прав коренных народов в рамках африканской региональной системы защиты прав человека//Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 1 (68). – С. 33-36; Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Достижения и проблемы межамериканской системы защиты прав человека в новом региональном контексте//Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. – № 3. – С. 99-112.

⁸ Региональные системы защиты прав человека: учебник для бакалавриата и магистратуры / А. Х. Абашидзе [и др.]; под редакцией А. Х. Абашидзе. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 7.

⁹ См.: Горян Э.В. Исламская концепция прав человека и прогрессивное развитие международного права//Международное право. 2015. № 3. С. 91-101; Иванов Ф.Л. Постоянная независимая комиссия по правам человека организации «Исламская конференция»: смена парадигм?//Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 3 (19). – С. 273-275.

¹⁰ Всеобщая исламская декларация прав человека. Принята Исламским советом 19 сентября 1981 г. [Электронный документ]//Режим доступа: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_SPSAS/fulltexts/ZhdanovNB_512-519.pdf (дата обращения: 07.11.2020).

¹¹ Арабская хартия прав человека (Принята Советом Лиги арабских государств 22 мая 2004 года). На англ. яз.: League of Arab States, Arab Charter on Human Rights, May 22, 2004// Reprinted in 12 Int'l Hum. Rts. Rep. – 2005. – 893.

¹² Положение арабского суда по правам человека. На англ. яз.: Statute of the Arab Court of Human Rights (The Council of the League of Arab States, Ministers of Foreign Affairs, adopted during his (142) session, and by his resolution n° 7790, E.A (142) C 3, 07/09/2014, the Statute of the Arab Court of Human Rights) [E-source]//URL: https://aci.hl.org/texts.htm?article_id=44&lang=ar-SA (Retrieved 7 November 2020).

требующий ратификации не менее семи государств, прорабатываются иные элементы его организационного и правового обеспечения¹³).

Обсуждение результатов. Материалы исследования показывают, что, вплоть до настоящего времени, говорить о формировании целостного и, что более важно, действующего механизма защиты прав человека в исламском мире, нельзя. Свообразным тестом на состоятельность исламской правозащитной системы выступает наличие возможности гражданина любого, пусть даже лишь только одного, государства исламского мира, обратиться за защитой своих конституционных прав в специализированную надгосударственную структуру, либо эффективно использовать международный договор регионального масштаба для защиты своих конституционных прав, не говоря уже о правах, гарантированных международными стандартами и основополагающими конвенциями, минимальный объем которых вовсе не обязательно фиксируется в конституционном законодательстве исламских государств, и, тем более, подкрепляется действенным национальным механизмом гарантий их соблюдения.

Не проходит исламская правозащитная система и другой тест на состоятельность, - в части влияния надгосударственных органов системы защиты прав человека на формирование национальной доктрины в данной отрасли, в том числе, через периодические обзоры, обсуждения, послания законодательным органам и проч.

В то же время было бы абсолютно неправильным утверждать, что исламская правозащитная система вовсе не сформирована: за последние десятилетия она прошла значительный путь трансформаций, примечательных и, во многом, беспрецедентных в контексте исламского традиционализма и консерватизма. Преобразования и развитие происходят на фоне существенных подвижек в понимании системы прав человека в исламском мире, в движении к более позитивному восприятию универсальных норм и стандартов в области прав человека, включая аспекты гендерного равенства, индивидуально-правовой свободы и даже свободы вероисповедания¹⁴. Общественный и правовой прогресс идут в ногу с цивилизационным развитием ряда исламских государств, начиная от таких, как Объединенные Арабские Эмираты и Катар (несмотря на их геостратегическое противоборство), и заканчивая таким традиционным оплотом исламского правового консерватизма, как Саудовская Аравия.

Трансформации происходят вопреки многочисленным препятствиям в развитии исламской системы защиты прав человека, среди которых видится важным выделить следующие, ключевые, на наш взгляд:

- дифференцированность «исламского мира». Государства исламского мира не являются единым целым, и даже если абстрагироваться от политико-правовых аспектов, попросту не сконцентрированы в одном регионе. Речь идет о странах Северной Африки, Ближнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии, и даже Океании. В некоторых странах мира, не являющихся исламскими государствами,

¹³ Magliveras K. D. Completing the Institutional Mechanism of the Arab Human Rights System: The Arab Court of Human Rights //International Human Rights Law Review. – 2017. – Vol. 6. – N. 1. – Pp. 30-52.

¹⁴ Сюкияйнен, Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. – М.: Садра, 2014. – С. 5-10, 47-68.

значительная часть населения исповедует ислам. В связи с региональной разрозненностью осложняется механизм согласования действий в части построения надгосударственных правозащитных систем, и, тем более, в направлении обеспечения мониторинга и контроля за соблюдением прав человека в отдельных государствах. Камнем преткновения может выступать такой вопрос, как место размещения региональных правозащитных судебных органов и мониторингового механизма. Рассматриваемый в качестве альтернативы, сбалансированной по политическим соображениям, Каир (Египет), к примеру, отстает от столицы преимущественно исламской Индонезии без малого на 9 тыс. км, а от отдаленных территорий той же Индонезии уже на 12 тыс. км, что приближается к трети длины экватора Земли - и это далеко не самое длинное расстояние между территориями государств, включаемых в ареал исламской правозащитной системы, в том числе, в перспективном формате. Несмотря на все достижения цифровизации, утверждать, что возможно беспрепятственно реализовывать эффективный надгосударственный мониторинг и контроль в сфере защиты прав человека, было бы преждевременным;

- к территориальной дифференциации примыкает религиозная и идеологическая разрозненность государств исламского мира. Ислам не является однородной религией, и различия между основными течениями (направлениями) намного более существенны, чем, скажем, между направлениями христианской религии, - особо важно, что такие отличия формируют долгосрочные аспекты государственной политики, включая правовую, и являются маркерами для региональной группировки отдельных государств в целях внутреннего противоборства тем странам, где правительства или индивидуальные правители исповедуют другое, «конфликтующее» течение ислама. Для представителей таких государств, как, скажем, ОАЭ и Саудовская Аравия с одной стороны, и Катар, и Иран - с другой, видится маловероятным попросту сесть за один стол переговоров, не говоря о договоренностях в формировании регионального правозащитного механизма, включая выработку и ратификацию международных договоров регионального уровня. В условиях текущего градуса регионального внешнеполитического противоборства целый ряд государств исламского мира искусственно исключены из действий по построению исламской системы защиты прав человека, что само по себе ограничивает перспективы ее международного признания, столь необходимого для дальнейшего результативного развития;

- инертность и консерватизм систем государственного управления и национального законодательства исламских государств. Консервативный характер национального правотворчества связан, собственно, со спецификой исламской религии, наполненной традиционалистскими началами¹⁵ - фундаментальные нормы исламского права были сформулированы более тысячелетия назад и зафиксированы в Священном Писании. Светское законодательство остается надстройкой к предписаниям шариата, и, потому, не может рассматриваться как гибкий инструмент регулирования общественных отношений, в частности, в сфере охраны и защиты прав человека, ни сейчас, ни на перспективу. В духе традиционного ислама выдержаны действия правительств большинства государств исламского

¹⁵ Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Значение прав человека в исламском праве // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17, вып. 3. – С. 352-354.

мира, тем более, следует учитывать преобладание монархий и абсолютизма именно в этом регионе, не характерных для остального мира;

- неприятие исламской правозащитной системы широким международным сообществом в условиях, по сути, однополярного мира. Многочисленные упомянутые отличительные особенности национальных правовых систем исламского мира не учитываются, а, порой, и вовсе сознательно игнорируются критиками общественно-правового уклада исламских государств на Западе, претендующем на руководящую роль в части регулирования мировой цивилизации. И речь идет, скажем, не об ученых-исследователях, а о политиках, от поступков которых зависит будущее глобального и регионального устройства. В условиях последних событий осени 2020 года во Франции и в ряде других европейских государствах можно с уверенностью говорить о новом витке противостояния между Западом и Востоком, столь нежелательного для развития глобальных и региональных цивилизаций. На примере с международной легитимацией исламской правозащитной системы убедительно виден деструктивный характер подобной позиции: Западные правозащитники и политики действуют по принципу «все или ничего», требуя для признания исламской системы защиты прав человека одновременного включения в нее всего массива международных правозащитных стандартов с их имплементацией в национальное конституционное законодательство¹⁶, без малейших попыток и, порой, даже деклараций о гибком учете исторических, культурных и религиозных аспектов. Заложниками абсолютно бесперспективных «торгов» становятся рядовые граждане исламских государств, которые, в отличие от жителей стран большинства регионов мира все еще не имеют возможности воспользоваться преимуществами региональной правозащитной системы для обеспечения своих прав и свобод, пусть даже их набор отличается от минимальных международных стандартов в восприятии западного мира.

Упомянутые препятствия развитию исламской системы защиты прав человека оказывают комплексное негативное воздействие, фактически блокируя позитивные перспективы ее полноценного запуска. Несмотря на сказанное, и вопреки всем имеющимся противоречиям, видится важным продолжать движение в направлении построения исламской правозащитной системы. Для этого необходимо:

- региональным геополитическим лидерам обуздать и концентрировать усилия и волю по дипломатическому преодолению идеологических и культурных противоречий между исламскими государствами, пусть даже в целях исключительно выработки консенсусных решений в сфере построения региональной правозащитной системы;

- исследовательскому сообществу всего мира активизировать поиск наиболее приемлемых конфигураций исламской правозащитной системы, при которых она могла бы эффективно функционировать, в реальной жизни, а не в проектах;

- международному сообществу, начиная от виднейших правозащитников и заканчивая наиболее авторитетными политическими лидерами стран Евросоюза, Канады и США, присоединиться к конструктивной позиции ряда государств (России, Китая, Турции) в восприятии полноправного политико-правового

¹⁶ Насер, Аль Али. Защита прав и свобод человека в арабских странах: монография / Аль Али Насер. – М.: КНОРУС, 2017. – С. 11-61.

партнерства исламских государств, в том числе, в международных аспектах защиты прав человека, тем самым, сформулировав надежную платформу для широкого глобального признания исламской правозащитной системы как важного стимула для ее практического воплощения.

Заключение. Несмотря на противоречивый генезис и отсутствия единства исследовательских мнений по поводу самостоятельного характера исламской системы защиты прав человека, на текущий момент сформировались ее ключевые контуры и имеются определенные предпосылки к фактическому задействию в обозримой перспективе. Для этого представляется необходимым объединить усилия исследователей, региональных и международных политиков и правозащитников, и активизировать работу по скорейшему развитию ключевых элементов регионального правозащитного механизма в исламском мире.

Список литературы

1. Арабская хартия прав человека (Принята Советом Лиги арабских государств 22 мая 2004 года). На англ. яз.: League of Arab States, Arab Charter on Human Rights, May 22, 2004// Reprinted in 12 Int'l Hum. Rts. Rep. – 2005. – 893. – Текст : непосредственный.
2. Баскакова О. А. Эффективность европейской системы защиты прав человека – Текст : непосредственный // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : материалы IV межвузовской студенческой научной конференции (г. Москва, МПГУ, 3 декабря 2019 г.) / под общ. ред. С. В. Ширяевой [Электронное издание сетевого распространения]. – Москва : МПГУ, 2020. – С. 319-323.
3. Всеобщая исламская декларация прав человека. Принята Исламским советом 19 сентября 1981 г. – Текст : электронный// Научная библиотека Челябинского государственного университета : [сайт]. – 2018. – URL: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_SPSAS/fulltexts/ZhdanovNB_512-519.pdf (дата обращения: 22.03.2021).
4. Горян Э.В. Исламская концепция прав человека и прогрессивное развитие международного права – Текст: электронный //Международное право. - 2015. - № 3. - С. 91-101. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24076851> (дата обращения: 16.03.2021). – Режим доступа: по подписке.
5. Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Значение прав человека в исламском праве – Текст: электронный // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. - 2017. - Т. 17, вып. 3. - С. 352-358. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30607789> (дата обращения: 16.03.2021). – Режим доступа: по подписке.
6. Иванов Ф.Л. Постоянная независимая комиссия по правам человека организации «Исламская конференция»: смена парадигм? – Текст: электронный //Актуальные проблемы экономики и права. - 2011. - № 3 (19). - С. 273-275. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postoyannaya-nezavisimaya-komissiya-po-pravam-cheloveka-organizatsii-islamskaya-konferentsiya-smena-paradigm> (дата обращения: 16.03.2021). – Режим доступа: по подписке.
7. Лукьянцев, Г.Е. Региональная система защиты прав человека в рамках Совета Европы: На прим. Европ. конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Москва, 1998. - 190 с. – Текст : непосредственный.
8. Насер, Аль Али. Защита прав и свобод человека в арабских странах : монография / Аль Али Насер. – Москва : Кнорус, 2017. - 190 с. – Текст : непосредственный.
9. Небратенко О. О. Международные региональные механизмы защиты прав человека – Текст: электронный //Юрист-Правовед. – 2016. – №. 2 (76). - С. 80-87. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26251932> (дата обращения: 16.03.2021). – Режим доступа: по подписке.
10. Небратенко О. О. Универсальные механизмы защиты прав человека – Текст: электронный //Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2016. – №. 19-2. – С. 233-238. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25728737> (дата обращения: 16.03.2021). – Режим доступа: по подписке.
11. Пашенцев Д. А. Совершенствование механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации – Текст: электронный //Вестник Московского городского педагогического

университета. Серия: Юридические науки. – 2015. – №. 1. – С. 20-25. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23099191> (дата обращения: 16.03.2021). – Режим доступа: по подписке.

12. Положение арабского суда по правам человека. На англ. яз.: Statute of the Arab Court of Human Rights (The Council of the League of Arab States, Ministers of Foreign Affairs, adopted during his (142) session, and by his resolution n° 7790, E.A (142) C 3, 07/09/2014, the Statute of the Arab Court of Human Rights) – Текст : электронный Arab Center for International Humanitarian Law and Human Rights Education : [сайт]. – 2018. – URL: https://acihl.org/texts.htm?article_id=44&lang=ar-SA (дата обращения: 22.03.2021).

13. Региональные системы защиты прав человека : учебник для бакалавриата и магистратуры / А. Х. Абашидзе [и др.]; под редакцией А. Х. Абашидзе. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Издательство Юрайт, 2019. - 378 с. – Текст : непосредственный.

14. Резер, Т. М. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина: учеб. пособие / Т. М. Резер, Е. В. Кузнецова, М. А. Лихачев / [под общ. ред. Т. М. Резер]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 110 с. – Текст : непосредственный.

15. Солнцев А.М., Воробьев Д.В. Защита прав коренных народов в рамках африканской региональной системы защиты прав человека– Текст: электронный //Евразийский юридический журнал. - 2014. - № 1 (68). - С. 33-36. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21137990> (дата обращения: 16.03.2021). – Режим доступа: по подписке.

16. Сюкияйнен, Л.Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. – Москва : Садра, 2014. - 210 с. – Текст : непосредственный.

17. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Достижения и проблемы межамериканской системы защиты прав человека в новом региональном контексте– Текст: электронный //Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. - 2015. - № 3. - С. 99-112. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24854023> (дата обращения: 16.03.2021). – Режим доступа: по подписке.

18. Magliveras K. D. Completing the Institutional Mechanism of the Arab Human Rights System: The Arab Court of Human Rights – Текст: непосредственный //International Human Rights Law Review. – 2017. – Vol. 6. – N. 1. – Pp. 30-52.

Al'butif Mohammed Adnan Karkan. Trajectories of formation, current state and problems of development of the islamic system of human rights protection in the context of regionalization of human rights systems // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 3-12.

The article analyzes the historical trajectories, the current state and problems of the formation of the Islamic human rights system in the context of the universal trend towards regionalization of the mechanism for protecting human rights. The research is based on the application of comparative legal, formal legal and specific historical specialized methods of cognition of legal reality. In preparing the study, regional acts in the field of human rights protection, as well as the provisions of the works of Russian and foreign researchers on regional mechanisms for the protection of human rights, historical experience and modern trends in the field of embedding the Islamic human rights system in them were studied. The independent character of the Islamic regional system of human rights protection is stated, which is currently mostly inactive, due to the incompleteness of the organizational and legal structure. The key obstacles in the development of the Islamic system of human rights protection are highlighted: differentiation of the "Islamic world"; religious and ideological fragmentation of the states of the Islamic world; the inertia and conservatism of government systems and national legislation of Islamic states; rejection of the Islamic human rights system by the wide international community in an essentially unipolar world. To complete the formation of the Islamic human rights system, it was recommended to combine the efforts of researchers, regional and international politicians and human rights defenders.

Keywords: human rights protection mechanism, regional human rights systems, Islamic system of human rights protection, Islamic law, Islamic world, regionalization of human rights systems.

Spisok literaturey

1. Arabskaya hartiya prav cheloveka (Prinyata Sovetom Ligi arabskih gosudarstv 22 maya 2004 goda). Na angl. yaz.: League of Arab States, Arab Charter on Human Rights, May 22, 2004// Reprinted in 12 Int'l Hum. Rts. Rep. – 2005. – 893. – Текст : neposredstvennyj.

2. Baskakova O. A. Effektivnost' evropejskoj sistemy zashchity prav cheloveka – Tekst : neposredstvennyj // Zakonnost' i pravoporyadok: istoriya, sovremennost', aktual'nye problemy : materialy IV mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, MPGU, 3 dekabrya 2019 g.) / pod obsch. red. S. V. SHiryaevoy [Elektronnoe izdanie setevogo rasprostraneniya]. – Moskva : MPGU, 2020. – S. 319-323.
3. Vseobshchaya islamskaya deklaraciya prav cheloveka. Prinyata Islamskim sovetom 19 sentyabrya 1981 g. – Tekst : elektronnyj // Nauchnaya biblioteka CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta : [sajt]. – 2018. – URL: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_SPSAS/fulltexts/ZhdanovNB_512-519.pdf (data obrashcheniya: 22.03.2021).
4. Goryan E.V. Islamskaya koncepciya prav cheloveka i progressivnoe razvitie mezhdunarodnogo prava – Tekst: elektronnyj //Mezhdunarodnoe pravo. - 2015. - № 3. - S. 91-101. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24076851> (data obrashcheniya: 16.03.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske.
5. Duraev T. A., Tyumeneva N. V. Znachenie prav cheloveka v islamskom prave – Tekst: elektronnyj // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo. - 2017. - T. 17, vyp. 3. - S. 352-358. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30607789> (data obrashcheniya: 16.03.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske.
6. Ivanov F.L. Postoyannaya nezavisimaya komissiya po pravam cheloveka organizacii «Islamskaya konferenciya»: smena paradigm? – Tekst: elektronnyj //Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. - 2011. - № 3 (19). - S. 273-275. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postoyannaya-nezavisimaya-komissiya-po-pravam-cheloveka-organizatsii-islamskaya-konferentsiya-smena-paradigm> (data obrashcheniya: 16.03.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske.
7. Luk'yancev, G.E. Regional'naya sistema zashchity prav cheloveka v ramkah Soveta Evropy: Na prim. Evrop. konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod 1950 g. : dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.10. – Moskva, 1998. - 190 s. – Tekst : neposredstvennyj.
8. Naser, Al' Ali. Zashchita prav i svobod cheloveka v arabskih stranah : monografiya / Al' Ali Naser. – Moskva : Knorus, 2017. - 190 s. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Nebratenko O. O. Mezhdunarodnye regional'nye mekhanizmy zashchity prav cheloveka – Tekst: elektronnyj //YUrist"-Pravoved". - 2016. - №. 2 (76). - S. 80-87. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26251932> (data obrashcheniya: 16.03.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske.
10. Nebratenko O. O. Universal'nye mekhanizmy zashchity prav cheloveka – Tekst: elektronnyj //Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. – 2016. – №. 19-2. – S. 233-238. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25728737> (data obrashcheniya: 16.03.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske.
11. Pashencev D. A. Sovershenstvovanie mekhanizma zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii – Tekst: elektronnyj //Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: YUridicheskie nauki. – 2015. – №. 1. – S. 20-25. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23099191> (data obrashcheniya: 16.03.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske.
12. Polozhenie arabskogo suda po pravam cheloveka. Na angl. yaz.: Statute of the Arab Court of Human Rights (The Council of the League of Arab States, Ministers of Foreign Affairs, adopted during his (142) session, and by his resolution n° 7790, E.A (142) C 3, 07/09/2014, the Statute of the Arab Court of Human Rights) – Tekst : elektronnyj Arab Center for International Humanitarian Law and Human Rights Education : [sajt]. – 2018. – URL: https://aci.hl.org/texts.htm?article_id=44&lang=ar-SA (data obrashcheniya: 22.03.2021).
13. Regional'nye sistemy zashchity prav cheloveka : uchebnik dlya bakalavriata i magistratury / A. H. Abashidze [i dr.]; pod redakciej A. H. Abashidze. - 2-e izd., pererab. i dop. - Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2019. - 378 s. – Tekst : neposredstvennyj.
14. Rezer, T. M. Mekhanizmy realizacii i zashchity prav cheloveka i grazhdanina: ucheb. posobie / T. M. Rezer, E. V. Kuznecova, M. A. Lihachev / [pod obsch. red. T. M. Rezer]. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2019. – 110 s. – Tekst : neposredstvennyj.
15. Solncev A.M., Vorob'ev D.V. Zashchita prav korennyh narodov v ramkah afrikanskoj regional'noj sistemy zashchity prav cheloveka– Tekst: elektronnyj //Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. - 2014. - № 1 (68). - S. 33-36. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21137990> (data obrashcheniya: 16.03.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske.
16. Syukiyajnen, L.R. Islam i prava cheloveka v dialoge kul'tur i religij. – Moskva : Sadra, 2014. - 210 s. – Tekst : neposredstvennyj.
17. Hejfec V.L., Hadorich L.V. Dostizheniya i problemy mezhamerikanskoj sistemy zashchity prav cheloveka v novom regional'nom kontekste– Tekst: elektronnyj //Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6.

Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. - 2015. - № 3. - S. 99-112. –URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24854023> (data obrashcheniya: 16.03.2021). – Rezhim dostupa: po podpiske.
18. Magliveras K. D. Completing the Institutional Mechanism of the Arab Human Rights System: The Arab Court of Human Rights – Tekst: neposredstvennyj //International Human Rights Law Review. – 2017. – Vol. 6. – N. 1. – Pp. 30-52.

УДК 340.5

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-13-17

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В РОССИИ И ФРАНЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Галкин А. Г., Петров А. Д.

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

В представленной научной статье рассматривается актуальная на сегодняшний день тематика, посвященная сравнительно-правового анализа законодательства, регламентирующего ответственность органов государственной власти и их должностных лиц. Автор рассматривает основные нормативно-правовые акты, которые регулируют правоотношения в данной сфере. В настоящем исследовании также рассматриваются и статистические данные, которые являются результатом эффективности приведённых в пример правовых актов.

Ключевые слова: Правовая семья, злоупотребление полномочиями, коррумпированность, регламентирование, преступление, экономическая деятельность, анализ, система, вред, квалификация.

Актуальность представленной в настоящем научном исследовании тематики обусловлена тем, что должностное преступление обладает весьма широким кругом поражения. То есть, совершение того или иного должностного преступления может повлиять на досрочное большое количество различных общественных отношений. Кроме этого, должностные преступления опасны тем, что их совершение подрывает авторитет органов государственной власти, чем разлагает сформированный в обществе порядок поведения [1]. Что касается сущностной характеристики данного рода преступления, то под ней необходимо понимать определенного рода посягательство на нормальную деятельность органов государственной власти, Вооруженных сил РФ, органов местного самоуправления и других. При совершении должностного преступления, правонарушитель нарушает как права как отдельно взятого гражданина или организации, так и всего общества в целом [2].

Следует обратить внимание на тот факт, что в качестве субъекта должностной преступление может выступать не только должностное лицо, наделенное определенными властными полномочиями в силу закона, но и, так называемые, государственные корпорации. Дело в том, что данные корпорации также могут играть значительную роль в решении экономических или же социально-политических вопросов. По мнению большинства правоведов и практикующих специалистов, должностные преступления, вне зависимости от их вида или характера, следует относить к коррупционным. В рамках настоящего научного исследования мы рассмотрим особенности злоупотребления должностными полномочиями, однако необходимо учитывать тот факт, что законодатель сформировал еще несколько однородных составов преступления, а именно превышение должностных полномочий и халатность.

В рамках настоящего исследования нам необходимо провести сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства двух стран, которые относятся к континентальной правовой системе. В данном случае, речь идет о Российской Федерации и Франции. Во Франции злоупотребление должностными полномочиями

также относится к коррупционной разновидности преступления. Так, французский законодатель разработал два вида преступного проявления коррупционных преступлений. К таковым следует относить:

- Активную коррупцию, куда входят преступления, предусмотренные ст. 433-1 УК Франции;
- Пассивная коррупция, куда входят преступления, предусмотренные ст. 432-11 УК Франции;

Что касается отечественной уголовно-правовой системы, регламентирующей ответственность должностного лица, то она является несколько схожей с выше представленной. Так, наш законодатель предусмотрел три элемента коррупционной составляющей при злоупотреблении должностными полномочиями:

- Злоупотребление должностными полномочиями, которое предполагает осуществление активных действий со стороны должностного лица, для удовлетворения чужих интересов вопреки интересам службы;
- Злоупотребление должностными полномочиями, предполагающее преступное бездействие должностного лица, которое может привести к общественно опасным последствиям.

На основании всего выше изложенного можно сделать вывод о том, что такое преступление как злоупотребление должностными полномочиями представляет собой осуществление специальным субъектом таких действий, которые не входят в круг его обязанностей, установленных законом [3]. Как правило, при совершении подобного рода преступления, должностным лицом движет корыстные либо личные мотивы. К характерным примерам таких мотивов следует отнести:

- Выдачу водительского удостоверения тем лицам, которые не сдали соответствующего экзамена по вождению;
- Принятие на работу лица, которое не соответствует указанным для должности условиям;
- Исходящее от начальника военной части неправомерное освобождение от выполнения солдатом тех или иных обязательств.

В процессе квалификации содеянного правоприменителю необходимо обращать внимание на наличие вреда, который был причинен посредством совершения преступного деяния. Установление данного обстоятельства имеет важное значение, так как оно свидетельствует о том, что преступление было окончено. Таким образом, можно сказать о том, что совершение злоупотребления должностными полномочиями не повлечет за собой установление уголовной ответственности, если преступные действия не привели к общественно опасным последствиям.

В процессе изучения настоящего исследования, необходимо особое внимание обратить на угрозу безопасности экономической системы, которая в первую очередь страдает от представленной разновидности преступления. Так, негативное влияние такого преступления как злоупотребление должностными полномочиями проявляется в следующем:

- Наступление экономических последствий, которые могут выражаться в увеличении, так называемой, теневой экономики, а также нарушению рыночных законов конкуренции. В совокупности представленные проблемы могут привести к значительному сокращению налоговых поступлений в бюджет государства;

- Наступление социальных последствий, которые проявляются в атрофировании социальных институтов государства, возрастании имущественного неравенства, а также развитии правового нигилизма и отсутствия правового сознания;

- Наступление политических последствий, которые проявляются подрыве авторитета государственной власти и должностных лиц, которые осуществляют свои служебные обязательства. Кроме этого, существует риск политической изоляции страны на международной арене, так как руководство такого государства становится попросту ненадежным деловым партнером.

Для сравнительно-правового анализа уголовного законодательства России и Франции нам необходимо взять конкретный промежуток времени, который будет подрезан исследованием. Ввиду эпидемиологической ситуации и сравнительной недоступности большинства информационных ресурсов в настоящее время, данные за 2019-2020 год будут несколько некорректными. Именно поэтому нам следует обратиться к статистическим данным за 2017-2018 год.

Начать необходимо с того, что в России 2012 год был признан годом начала ведения комплексной антикоррупционной борьбы практически во всех сферах жизни как общества, так и государства [4]. В 2013 году Правительство РФ разработало специальные методические рекомендации, направленные на разработку мер по предупреждению и противодействию коррупции. Данные рекомендации были утверждены Министерством труда и социальной защиты РФ.

Практически в это же время во Франции законодатель тоже сосредоточивает все свои силы на борьбе с коррупцией во всех эшелонах власти. Главным образом, это было связано с тем, что Министр бюджета Франции Ж. Каюзак сознался в том, что в течении практически 20 лет использовал нелегальные зарубежные счета с целью умышленного ухода от оплаты налогов. Данное признание стало результатом весьма трудоемкого и сложного расследования, которое осуществлялось с 2012-2013 год.

Именно этот инцидент спровоцировал дальнейшее принятие закона о прозрачности общественной жизни и борьбе с преступностью в финансовой деятельности, в рамках осуществления должностными лицами своих служебных обязанностей. До этого во Франции уже существовал так называемый закон «Sapin», датированный 1993 годом. Данный нормативно-правовой акт регламентировал вопросы обеспечения максимальной прозрачности общественных отношений при осуществлении органами власти государственных закупок. Представленный нами выше нормативно-правовой акт не нашел должного одобрения среди представителей научного сообщества Франции. Именно поэтому в 2015 году М. Сапен внес на рассмотрение законопроект, направленный на совершенствование французского антикоррупционного законодательства. Через год Парламент принял закон «О прозрачности, борьбе с коррупцией и модернизации экономики» [5].

Более того, в ранее существовавший закон «О прозрачности общественной жизни» французским законодателем был введен дополнительный раздел, который именовался: «О прозрачности отношений между представителями интересов и государственными органами». В данном разделе более подробно были урегулированы вопросы, касающиеся взаимодействия органов государственной

власти и иных участников гражданских правоотношений. Так, под представителями интересов выступают никто иные как публичные предприятия, а также различного рода организации, которые так или иначе взаимодействуют с органами государственной власти и их должностными лицами, а значит могут оказывать влияние на принимаемые органами власти решения.

В данном случае, мы видим, что во Франции законодательная проработка вопроса об эффективном ведении антикоррупционной политики, действительно не стоит на месте. Принимаются новые законы и совершенствуются старые. Что касается состояния в отечественно правовой науке, то ситуация более плачевная. Так, на сегодняшний день мы имеем лишь один кодифицированный нормативно-правовой акт, который регулирует предмет и методы антикоррупционной политики. В данном случае, речь идет о ФЗ «О противодействии коррупции» [6]. Однако, на этом все масштабные законодательные преобразования заканчиваются, так как в дальнейшем разрабатываются ведомственные или же локальные акты, направленные на регламентацию данного вопроса, что является недостаточно эффективным. К тому же выше упомянутый нами закон является далеко несовершенным и в некоторой степени абстрактным. Если же говорить о правовой доктрине, то во многих высших учебных заведениях попросту нет учебной и научной литературы, посвященной антикоррупционной деятельности. То есть, большинство студентов, обучающихся в юридических факультетах, изучают дисциплину «противодействие коррупции» не по специальной литературе и учебникам, а по абстрактному и сырому ФЗ «О противодействии коррупции».

Представленные выше факторы привели к объективным и весьма логичным последствиям, которые заключаются в том, что уровень коррупции в рамках деятельности государственных органов в России является достаточно высоким. Для подтверждения данных положений необходимо привести в пример официальную статистику, приведённую журналом «Transparency International». Специалисты данного издания на основе произведённых опросов, которые проводились в течении последних десяти лет. Так, результаты осуществлялись на основе определенного ранжирования по шкале от 0 - 100 баллов, где 0 приравнивается к максимальному уровню коррумпированности, а 100 к самому низкому уровню коррупции в стране. На момент 2017 г. РФ набрала 130 баллов, когда как показатели во Франции равнялись 20 баллам.

Стоит сказать, что в России данные показатели менялись, однако колебания были весьма незначительными. В большинстве своём Россия поднималась в общем графике благодаря включению в исследование других стран третьего мира, где уровень коррупции был ещё выше. Проблема в том, что Россия за десять лет практически не снизила общий уровень коррумпированности в структурах органов государственной власти.

Подводя итоги настоящей научной работы, отметим, что наступление уголовной ответственности за такое преступление как злоупотребление должностными полномочиями имеет свои особенности. Современное уголовное законодательство содержит в себе некоторые правовые пробелы, суть которых заключается в том, что признаки, характеризующие злоупотребление должностными полномочиями являются весьма схожими, а иной раз практически идентичными с такими преступлениями как превышения должностных полномочий

и халатность. Ввиду этого возникают ситуации, при которых сотрудники правоохранительных органов, а также работники следственного комитета допускают ошибки в квалификации данных преступлений. Для разрешения данной проблематики законодателю необходимо сформулировать какие-либо дополнительные признаки объективной стороны данных преступлений. По нашему мнению, это позволит повысить уровень правильной квалификации преступных деяний.

Список литературы:

1. Волженкин Б. В. Служебные преступления / Б. В. Волженкин. — М.: Юристъ, 2000. — 368 с.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 года №885-О-О. URL.: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 10.05.2020).
3. Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. - М.: Спарк, 2007. - С. 850.
4. Индекс восприятия коррупции за 2012 г. [Электронный ресурс]: новая точка отсчёта для России Трансперенси Интернешнл-Россия. — 1012. — 5 дек. // Режим доступа: <http://transparency.org.ru> (Дата обращения: 22.10.2020).
5. Франция. Законы святы, да законники супостаты [Электронный ресурс] // Euronews. — 2017. — 7 февр. // Режим доступа: <http://ru.euronews.com> (Дата обращения: 22.10.2020).
6. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ от 29 декабря 2008 г. № 52 (часть I) ст. 6228.

Petrov A.D. Galkin A.G. Abuse of Official Powers in Russia and France (Comparative Legal Analysis) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2021. — Т. 7 (73). № 2. — Р. 13-17.

The presented scientific article examines the topical issues of today, devoted to the comparative legal analysis of legislation regulating the responsibility of public authorities and their officials. The author examines the main regulatory legal acts that govern legal relations in this area. This study also examines the statistical data that are the result of the effectiveness of the examples of legal acts.

Key words: Legal family, abuse of power, corruption, regulation, crime, economic activity, analysis, system, harm, qualification.

Spisok literaturey:

1. Volzhenkin B. V. Sluzhebnye prestupleniya / B. V. Volzhenkin. — М.: YUrist", 2000. — 368 s.
2. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 01.06.2010 goda №885-O-O. URL.: <http://www.consultant.ru> (Data obrashche-niya: 10.05.2020).
3. Kurs rossijskogo ugolovnogogo prava. Osobennaya chast' / Pod red. V.N. Kudryavceva i A.V. Naumova. - М.: Spark, 2007. - S. 850.
4. Indeks vospriyatiya korrupcii za 2012 g. [Elektronnyĭ resurs]: novaya tochka otschëta dlya Rossii Transperensi Interne-shenl-Rossiya. — 1012. — 5 dek. // Rezhim dostupa: <http://transparency.org.ru> (Data obrashcheniya: 22.10.2020).
5. Franciya. Zakony svyaty, da zakonniki supostaty [Elektronnyĭ resurs] // Euronews. — 2017. — 7 fevr. // Rezhim dostupa: <http://ru.euronews.com> (Data obrashcheniya: 22.10.2020).
6. Federal'nyj zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ «O protivodejstvii korrupcii» // Sobranie zakonodatel'stva RF ot 29 dekabrya 2008 g. № 52 (chast' I) st. 6228.

УДК 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-18-25

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫКУПА ЗЕМЕЛЬ ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ

Гаук А. М.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрены особенности правового регулирования изъятия (выкупа) земель и расположенных на них строений в Великом Княжестве Финляндском с целью использования под общественные нужды (городов, поселений), устранения скученности строений для улучшения пожарной безопасности, а также для строительства судоходных каналов, путей и иных строений железных дорог. Указано, что в Финляндии в указанный период подобные процесс происходили с опорой на специальное постановление от 12 декабря 1864 г. Данный документ гарантировал владельцам изымаемого имущества выплату полной его ценности, а сам процесс происходил достаточно демократично, с приглашением соответствующих специалистов. При возникновении тяжёлых дел они решались местными судами.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, изъятие земель и имущества, постановление, владелец, общественные нужды.

Вопросы регуляции изъятия (выкупа) земель и строений для государственных нужд как в Российской империи и СССР достаточно хорошо и подробно изучены в отечественной правовой литературе [1-8]. В тоже время, в отдельных регионах Российской империи в этом вопросе действовало обособленное от имперского право, которое еще в недостаточной степени изучено. Одним из таких регионов является Великое Княжество Финляндское.

Как известно, в состав Российской империи Финляндия вошла со своей правовой системой, во многом доставшейся от шведского владычества, и своеобразной системой землевладения и землепользования.

Низкий уровень вмешательства во внутренние дела княжества со стороны имперской власти, высокий уровень местного самоуправления, слабое присутствие российской власти, армии и флота долгое время способствовали сохранению устоявшихся форм и традиций практически во всех областях жизни финнов. Однако с началом развития промышленности, увеличением внутренней и внешней торговли, появилась необходимость существенного развития имеющейся транспортной сети (каналов, железных дорог). Это, кроме прочего, потребовало модернизации имеющейся правовой базы, в том числе норм, регулирующих вопросы отчуждения или выкупа земель частных собственников под необходимые нужды.

С учетом всех местных факторов было разработано, а 12 декабря 1864 г. опубликовано, специальное постановление, ставшее правовым базисом такого процесса вплоть до обретения Финляндией независимости [9].

Данный документ обязывал владельца или содержателя земли, когда того требовала общественная польза, уступать свое право на эту землю за полное вознаграждение (п. 1).

Вознаграждение за уступаемое на общую пользу имущество определялось по местным ценам, при чем в соображение следовало принимать доходы и другие выгоды, которые владелец мог бы иметь с того имущества в том положении, в каком оно находилось во время уступки. Если же требовалось вознаграждение на других основаниях, то следовало обращать внимание и на такое требование. В случае, когда на подлежащей отчуждению земли находились строения или другие учреждения, и владелец желал уступить их вместе с землей, то его следовало вознаградить и за них; если же он желал удержать те строения и учреждения за собой, то разрешалось и это, с вознаграждением за разборку их и возведение вновь в другом месте. Во всех тех случаях, когда подлежащее сносу строение или другое учреждение принадлежало не владельцу или законному держателю земель, следовало руководствоваться этой же нормой (п. 2) [9, с. 5].

В случае, когда имение, в следствие уступки земли на общественные потребности, оказывалось так раздроблено, что обработка оставшегося участка становилась в значительной мере затруднительной, а прежний владелец не был удовлетворен определенным вознаграждением за увеличенные расходы на обработку, то новый владелец обязан был выкупить и указанный участок. Когда же подлежащий уступке участок был столь велик, что остающаяся владельцу земля была недостаточна для оседлости, то новый владелец обязан был купить все имение. Землевладелец, через земли которого проводились телеграфные провода, вознаградился за убытки, происходящие от установки столбов и от содержания телеграфного имущества в исправности.

В случае, когда по возбужденному вопросу об учреждении канала, железной дороги и телеграфа, площади или улицы или же другого общественного заведения, было проведено предварительно исследование, то землевладелец или держатель его земли или имения, в праве был получить должное вознаграждение за убытки, причиненные следованием лесу, полям и строениям, и, прежде чем начать исследование, всех причастных к делу лица следовало о том известить соответствующим образом, для доставления им возможности, в случае надобности, следить за тем, будут ли им причинены убытки от исследования и в какой мере (п. 3).

В тех случаях, когда предприятие, для которого уступалась земля, могло приносить пользу прежнему владельцу, то за это, однако, не следовало делать вычета из причитающегося ему вознаграждения. Если же он, по возбуждении вопроса об отчуждении земли и по уведомлении его о том формальным образом, сделает по своему имению дополнительные расходы с явной целью увеличить тем выкупную сумму, то такие расходы в счет вознаграждения не включались (п. 4).

В случае, когда кто-либо посредством аренды, найма, обязательства пожизненного содержания или иным образом приобрел законное право пользоваться имением, подлежащим отчуждению, то вознаграждение его за ущерб также следовало оценивать в денежном эквиваленте. Держатель казенного геймата также должен был уступить все имение или часть его для общей пользы, получив вознаграждение за все понесенные им расходы по возделыванию земли и на постройки, а также за свое право на пользование отчуждаемой землей [9, с. 6].

Содержателей казенной бостели¹ также следовало вознаграждать за их право пользования, в той мере, в какой они должны были уступить его (п. 5).

Когда земля, которая принадлежала частному лицу, обществу или учреждению, или же составляла собственность казны, но содержалась частным лицом на правах пользования, оказывалась нужной для устройства оборонительного укрепления, города, канала, железной дороги, телеграфа, телеграфа или для другой важной государственной цели, зависящий от царской воли, то губернатор должен был распорядиться о заслушании землевладельца, содержателей имений и других причастных лиц, о собрании нужных справок и о производстве на месте необходимого, по обстоятельствам, исследования, и за тем уже Сенат входил с представлением о том к царю.

В случае его согласия на такое представление, по распоряжению губернатора и в присутствии владельца, содержателя земли и других причастных лиц, уступаемую землю по точном обозначении ее границ, следовало на вышеизложенных основаниях и вместе с находящимися на ней строениями и другими учреждениями оценить беспристрастным и сведущим лицам, которые поровну избирались губернатором и лицом, уступающим землю, при этом следовало определено и любое другое вознаграждение за такую землю.

Однако, если прежний владелец в определенный губернатором срок не воспользовался этим своим правом, то назначал оценщиков лишь губернатор. За тем, по созданной таким образом оценке, губернатор вводил кого следует во владение уступленной землей и находящимися на ней строениями и учреждениями по уплате вознаграждения прежнему владельцу, не беря во внимание могущую возникнуть в последствии тяжбу о количестве вознаграждения. Если же прежний владелец не пожелал принять денег или если его имение состояло в залоге по судебной закладной записи и между владельцем и другим лицом возникнет тяжба о преимущественном праве на выкупную сумму, то ее следовало вносить в казначейство или другое благонадежное, дающее проценты учреждение, для хранения там до решения тяжбы или до представления прежним владельцам достаточного обеспечения для получения внесенной суммы (п. 6) [9, с. 7].

Если земля, принадлежащая частному лицу или состоящая в его пользовании оказывалась необходима для города, прихода или другой общины, под устройство площади, улицы, дороги, гавани, складочного места, церкви, кладбища и т.п. или если тесно застроенное дворовое место в городе или большой деревне, подвергшейся общему размежеванию, оказывалось огнеопасным, или «препятствующим надлежащему охранению здоровья», и в связи с этим его необходимо было регуляции или перестройке, то вопрос о том, если не состоялось добровольного соглашения, следовало письменно заявить начальнику губернии. При этом следовало указать цель предприятия и план его осуществления, с представлением сведений о необходимом пространстве земли, ее владельце или пользователе, а также и о том, состоит ли она в залоге по судебной закладной записи (п. 7).

Начальник губернии, в свою очередь, должен был выслушать владельца или содержателя имения и иных к делу причастных лиц, распоряжаясь, при

¹ Форма землевладения мелких дворян или государственных служащих в Швеции и Финляндии.

необходимости, о производстве, на месте и за счет просителя, освидетельствовании судьей, окружным инженером землемером или другим чиновником, при содействии в городе двух членов магистрата, а в уезде двух немдеманов²; к участию в данном действии следовало также приглашать «сведущие лица», в равном количестве предлагаемые от каждой из обеих сторон (п. 8).

Свидетельствующие же должны были сойтись на месте в известный назначенный день, который оглашался в церкви по крайней мере за две недели ранее, и, соображаясь с показаниями сторон и прочими разъясняющими дело обстоятельствами принять заключение о полезности и возможности предприятия по проекту просителя о пространстве необходимой для того земли, которую следовало отобразить в плане, если этого прежде не было сделано, а также и о цене уступаемого для этой цели недвижимого имущества (п. 9).

По получении заключения свидетествовавших и по истребовании отзывов от сторон, губернатор должен был издать решение об отчуждении имущества [9, с. 8], которое, однако, представлялось на окончательное рассмотрение хозяйствующего департамента финляндского сената.

При этом заинтересованным лицам, в установленный законом срок, позволялось подавать, при необходимости, в этот же департамент апелляционную жалобу (п. 10).

В случае, если хозяйственным департаментом сената принималось решение о том, что владелец или содержатель имущества обязан уступить землю какой-либо общине, то губернатор, как уже указывалось в п. 6., должен был распоряжаться о вводе кого следует во владение уступленной землей; в случае же если возникала тяжба о праве его на получение денег или же если имущество было заложено по судебной записи, то средства следовало внести для надлежащего хранения (п. 11).

В тех случаях, когда владелец имущества (собственности), которая должна отойти государству или в какую-либо общину, требовал выкупа большей части или всего имущества, и соглашения об этом не состоялось, то дело следовало отправлять в местный Герадский или Ратгаузский суд, который рассматривал его на основании правил, изложенных в пар. 3. При этом, недовольная решением суда сторона могла обжаловать его порядком, установленным для тяжбных дел (п. 12).

Когда же не возникало спора о пространстве уступаемой земли, но если прежний, или будущий владелец оказывался недоволен ее предварительной оценкой, то недовольный прежний владелец – о своей претензии, а новый – предлагаемой им за землю сумме должны были формально известить противную сторону. Если же стороны не соглашались предоставить решение спора выбранным посредником, то и такого рода дела подлежали законному разбирательству в соответствующем Герадском или Ратгаузском суде (п. 13).

В случае, когда обе стороны пожелали, чтобы оценка была произведена посредниками, то они должны были известить о своем желании местный Герадский или Ратгаузский суд [9, с. 9]. Суды эти вызывали причастных к делу лиц, в известный день, в здание для выбора посредников, о чем также следовало огласить по крайней мере за 14 дней впредь в местной и в общих газетах для сведения в отношении лиц, к которым дело могло касаться, но которые были не известны суду.

² Немдеман – заседатель уездного или лагманского суда.

При общем согласии сторон в выборе посредников, такой выбор признавался действительным, если число их нечетное и они не были отведены судом. Если же подобное соглашение не состоялось, то каждая сторона предлагала по шести, а суд троих местных обывателей. По признании их судом подлежащими отводу, какая-либо сторона процесса без объявления причин, могла отстранить троих из выбранных противною и одного – из назначенных судом (п. 14).

Если с какой-либо стороны в деле принимали участие несколько человек, и они не соглашались относительно предлагаемых посредников, то каждый мог предложить от себя одно или несколько лиц, но всегда по равному числу, пока оно не составит шести. Если же число было более шести, то его следовало уменьшить до указанной цифры посредством жребия. При несогласии участников процесса между собой в том, кого из избранных противной стороной или судом следует исключить, этот вопрос также решался жребием (п. 15).

При неявке какой-либо стороны к выбору, без законной причины и не смотря на вызов, суд вместо нее избирал посредников, при чем по жребию назначалось, кто должен быть исключен из выбранных противной стороной. Это же правило следовало применять и в том случае, когда сторона отказывалась от выбора. Если причастные к делу не явились на выборы или отказывались от них, то выбор, сделанный его соучастниками, считался действительным для него (п. 16).

Выбираемый в оценщики мог быть отводим, если он не достиг установленного возраста; если, являясь должностным лицом, состоял в подчинении одной из сторон, и вообще по всем прочим причинам, установленным законом для отвода судей и свидетелей. Председатель того суда, где производился выбор также не мог быть избираем в оценщики (п. 17) [9, с. 10].

В случае, если выбранные посредники не оказывались на лицо, то суд должен был вызвать их к известному дню. При этом, без законной причины никто не мог уклоняться от явки, за исключением людей, достигших 60-летнего возраста. Неявившиеся, кроме того, понуждались судом к явке наложением денежных штрафов и отвечали за все расходы, причиняемые проволочкой времени суду, сторонам или прочим оценщикам. Если выбранный посредник имел законные препятствия к явке, то он должен был известить о том суд. Если же он был выбран одним из тяжущихся, то выбравший его должен был избрать на его место других двоих, из которых обратная сторона исключала одного; если же он был назначен судом, то суд на его место назначал других, из которых обе тяжущиеся стороны исключали по одному, как указано в п. 14. (п. 18).

Когда все выбранные собирались, то они в суде давали присягу в том, что будут производить оценку без пристрастия и лицемерия, только по совести. После чего председатель суда объявлял посредникам, что они должны оценивать, и передавал им представленные сторонами документы, после чего посредники избирали из своей среды председательствующего (п. 19).

До утверждения судом или посредниками суммы вознаграждения за уступаемое имущество, тяжущимся следовало представить возможность выступить против предлагаемой оценки вознаграждения, с представлением доказательства в подтверждение указанных возражений. В случае необходимости предусматривался осмотр на месте с приглашением к нему опытных лиц, для доставления необходимых сведений (п. 20).

Закон предписывал вознаграждение определять не ниже суммы, на которую соглашался плательщик, но и не выше той, какую требовал получающий вознаграждение; но если имущество, подлежащее отчуждению, состояло в залоге по судебной закладной записи свыше требуемой суммы, то вознаграждение, не смотря на требование владельца, определялось в том количестве, какое признавалось справедливым (п. 21) [9, с. 11].

Если же оценка была сделана судом, то он и принимал решение, с объяснением причин, на которых он основывался; суд принимал также решение и о прочих расходах. Недовольный таким решением мог просить об отмене его установленным порядком законами для тяжбных дел (п. 22).

Когда дело рассматривалось посредниками, то в качестве решения признавалось мнение большинства. Председательствующий в присутствии прочих лиц объявлял это определение сторонам, не приводя его причин. При этом, определение следовало составить непременно, подписать посредникам и, после чего оно служило к руководству, как уже не подлежащее обжалованию. Посредники также постановляли, следовало ли вознаграждение за утрату времени, путевые расходы и прочие по делу издержки уплатить одной стороне или же обеими сторонами совместно; в последнем случае в решении указывается и распределение вознаграждения между сторонами, а если обязанный таким образом уплатить вознаграждение считал его сколько-будь преувеличенным, то мог просить об изменении его в местном суде по надлежащем вызове в суд – в городе в течение месячного срока, а в уезде к следующему заседанию суда, тех лиц, претензии которых он отклонял, которое за тем производилось наравне с прочими тяжбными делами (п. 23).

Намеревающийся принести жалобу на то обстоятельство, что выбору посредников не предшествовали соответствующий вызов или соглашение, или что выборы проходили вопреки постановленным правилам, мог, по объявлении определения посредников согласно пар. 23, подать апелляцию в Гофгерихт в срок, назначенный в пар. 5 гл. 25 отд. о судопроизводстве. В случае если жалоба признавалась основательной, то определение посредников теряло силу, в чем оно касалось права просителя, и Гофгерихт предписывал о выборе новых посредников. Гофгерихт не должен был принимать к рассмотрению отвода, не предъявленного при выборе в низшем суде. Апелляционная жалоба на решение Гофгерихта также могла быть подаваема, как постановлено в п. 18 гл. 30 указанного отдела о судопроизводстве (п. 24) [9, с. 12].

Если кто из участвующих к делу лиц не присутствовал в суде при выборе оценщиков, а в последствии захотел доказать, что он имел к тому законное препятствие, но не мог известить суд, то он имел право, в течение одного месяца, пригласить обратную сторону в тот же суд, и он тогда мог представить полное доказательство справедливости своего отзыва, то определение посредников, в чем оно касалось права просителя, оставалось без действия, а суд распоряжался о выборе новых посредников (п. 25).

Когда землевладелец, заимодавец по закладной записи или другие лица объявляли притязание на преимущественное право получить вознаграждение за уступленное имущество, то они должны были ведаться о том особо законным

порядком. Если же возникал вопрос о получении денег, то суд должен был постановлять и об этом, как признавал справедливо (п. 26).

В случае, когда имение раздроблялось отчуждением земли для общественной потребности и возникал вопрос о том, как поступать с поземельным оброком или другими общественными повинностями, с него отбываемыми, то дело о том следовало рассматривать, как постановлено об оброкоположении и сбавлении оброка вообще. Лицо же, что приобрело участок земли, отчужденный от самостоятельного имения, обязано было объявлять о том губернской межевой конторе, для изменений на карте (п. 27).

При упразднении заведения, для которого отделена земля от геймата, владелец его был вправе, если пожелает, снова присоединить эту землю к геймату, выкупив отдельный участок по его тогдашней цене; однако такое свое желание, чтобы оно было принято во внимание, он должен был объявить кому следует в течение трех месяцев по формальному извещении его об упразднении заведения (п. 28).

И, наконец, в постановлении указывалось, что как поступать с вододействующим заведением [9, с. 13], препятствующим спуску озер или постройки канала «о том постановлено особо». Гельсингфорс 12 декабря 1864 г.

Реализация данного постановления на практике, очевидно, производилась довольно часто, в том числе и с целью изъятия (выкупа) земель для проведения различных транспортных сооружений (каналов, железных дорог и т.п.). Очевидно, что оно оказалось достаточно приспособленным к финским реалиям, т.к. специальных, особых постановлений об отчуждении той или иной собственности при государственном строительстве, как это было в Российской империи, в Великом Княжестве Финляндском не принималось.

Способствовало этому и то, что в Финляндии отсутствовали сколько-нибудь крупные дворянские, помещичьи владения, а подавляющее большинство землевладельцев представляло крестьянство, или пользующиеся казенными землями различные служащие. Этот тезис подтверждается и иными учеными. Так, например, Р. Н. Ахметшина указывает, что «На большей же части Швеции, прежде всего в Норланде, как и на большей части Финляндии, дворянское землевладение отсутствовало даже в пору его наибольшего распространения» [10, с. 136].

Производство же основных дел по выкупу для общественной или государственной надобности земель и иной собственности на местах, с привлечением оценщиков от заинтересованных сторон в местных же судах, дело этот процесс прозрачным и практически исключало возможность различных злоупотреблений и коррупции.

Таким образом рассмотренное нами постановление, «о вменении владельцам или содержателям земель в обязанность, за вознаграждение уступать землю на общественные потребности», оказалось весьма своевременным и действенным актом, направленным на безболезненное, обычно удовлетворяющее все стороны, разрешение возникающих вопросов, возникающих при выкупе собственности у ее владельцев для общественных или казенных нужд.

Список литературы:

1. Брауде И. Л. Переход права собственности на строение / И. Л. Брауд // Советское государство и право. – 1946. - №7.
2. Воронцова Ю. С. Становление категории земель специального назначения и их составной части – земель обороны и безопасности в советский период // Аграрное и земельное право. 2013. URL: naukarus.com/kategoriya-zemel-spetsialnogo-naznacheniya-v-sovremennom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii (дата обращения 17.05.2017).

3. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б.В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – С. 294-295.
4. Кассо Л. А. Русское поземельное право /Л. А. Кассо. – М., 1906.
5. Любинецкий, А. Н. Регулирование статуса и вопросов эксплуатации территорий морских торговых портов во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. [Текст] / А. Н. Любинецкий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. Т. 4 (67). – №1. – С. 34–46.
6. Любинецкий, А. Н. Регулирование вопросов аренды и эксплуатации территорий морских портов в 1930-х гг. в СССР [Текст] / А. Н. Любинецкий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. Т. 4 (67). – №2. – С. 63–72.
7. Любинецкий, А. Н. Регулирование вопросов отчуждения, изъятия и передачи государственного имущества в СССР в 1920-х гг. // Сборник научных статей по итогам первого Севастопольского юридического форума, прошедшего 27-28 сентября 2018 г. на базе Юридического института Севастопольского государственного университета. – С. 117-121.
8. Любинецкий, А. Н. Становление правового урегулирования вопросов аренды и эксплуатации территорий морских портов в СССР [Текст] / А. Н. Любинецкий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. Т. 3 (69). – №3. – С. 78–85.
9. №28. 12 Декабря 1864 г. Высочайшее Его Императорского Величества Постановление, о вменении владельцам или содержателям земель в обязанность, за вознаграждение уступать землю на общественные потребности. №28, 2 листа, печатан в Гельсингфорсе 3 июня 1865 г. Гельсингфорс, в Сенатской типографии 1865 г.
10. Р. Н. Ахметшина. Дворянско-помещичья экспансия в Швеции первой половины XVII в. // Вестник Ленинградского государственного университет им. А. С. Пушкина. 2014. URL: [Дворянско-помещичья экспансия в Швеции первой половины XVII в. \(cyberleninka.ru\)](http://cyberleninka.ru).

Gauk A. M. Legal regulation of land purchase for public needs in the Grand Duchy of Finland // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 18-25.

The article deals with the features of the legal regulation of the seizure (redemption) of land and buildings located on it in the Grand Duchy of Finland for the purpose of using it for public needs (cities, settlements), eliminating crowding of buildings to improve fire safety, as well as for the construction of navigable channels, tracks and other railway structures. It is indicated that in Finland during this period, such processes took place based on a special decree of December 12, 1864. This document guaranteed the owners of the seized property the payment of its full value, and the process itself was quite democratic, with the invitation of appropriate specialists. In cases of litigation, they were decided by local courts.

Keywords: Grand Duchy of Finland, seizure of land and property, resolution, owner, public needs.

Spisok literatury:

1. Braude I. L. Perekhod prava sobstvennosti na stroenie / I. L. Braud // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1946. - №7.
2. Voroncova YU. S. Stanovlenie kategorii zemel' special'nogo naznacheniya i ih sostavnoj chasti – zemel' oborony i bezopasnosti v sovetskij period // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2013. URL: naukarus.com/kategoriya-zemel-spetsialnogo-naznacheniya-v-sovremennom-zakonodatelstve-rossijskoy-federatsii (data obrashcheniya 17.05.2017).
3. Zmerzlyj B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale HKH v. / B.V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «Predpriyatye Feniks», 2014. – S. 294-295.
4. Kasso L. A. Russkoe pozemel'noe pravo /L. A. Kasso. – M., 1906.
5. Lyubineckij, A. N. Regulirovanie statusa i voprosov ekspluatcii territorij morskikh torgovykh portov vo vtoroj polovine 1920-h – nachale 1930-h gg. [Tekst] / A. N. Lyubineckij // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2018. T. 4 (67). – №1. – S. 34–46.
6. Lyubineckij, A. N. Regulirovanie voprosov arendy i ekspluatcii territorij morskikh portov v 1930-h gg. v SSSR [Tekst] / A. N. Lyubineckij // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2018. T. 4 (67). – №2. – S. 63–72.
7. Lyubineckij, A. N. Regulirovanie voprosov otchuzhdeniya, iz'yatiya i peredachi gosudarstvennogo imushchestva v SSSR v 1920-h gg. // Sbornik nauchnykh statej po itogam pervogo sevastopol'skogo yuridicheskogo foruma, proshedshego 27-28 sentyabrya 2018 g. na baze YUridicheskogo instituta Sevastopol'skogo gosudarstvennogo universiteta. – S. 117-121.
8. Lyubineckij, A. N. Stanovlenie pravovogo uregulirovaniya voprosov arendy i ekspluatcii territorij morskikh portov v SSSR [Tekst] / A. N. Lyubineckij // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2017. T. 3 (69). – №3. – S. 78–85.

9. №28. 12 Dekabrya 1864 g. Vysochajshee Ego Imperatorskogo Velichestva Postanovlenie, o vmenenii vladel'cam ili soderzhatel'nyam zemel' v obyazannost', za voznagrazhdenie ustupat' zemlyu na obshchestvennyye potrebnosti. №28, 2 lista, pechatan v Gel'singfors 3 iyunya 1865 g. Gel'singfors, v Senatskoj tipografii 1865 g.
10. R. N. Ahmetshina. Dvoryansko-pomeshchich'ya ekspansiya v SHvecii pervoj poloviny XVII v. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universitet im. A. S. Pushkina. 2014. URL: Dvoryansko-pomeshchich'ya ekspansiya v SHvecii pervoj poloviny XVII V. (cyberleninka.ru).

УДК 34.01

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-26-30

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА И ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Дорофеев А. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье осмысляется инструментальная природа правового стимулирования; анализируется понятийный аппарат категории «правовое стимулирование»; сравниваются различные точки зрения на проблему соотношения понятий «правовые средства» и «правовые стимулы».

Ключевые слова: правовое стимулирование, правовые средства, правовые стимулы, понятие, категория, мотивация, правовое воздействие, классификация.

Важнейшее значение в формировании и активизации полезного правомерного поведения играет его стимулирование. При этом от стимулирования, как процесса воздействия на мотивацию поведения субъектов права, следует отличать категорию правового стимула – как средства такого воздействия.

В самом общем виде правовые стимулы являются видом правовых средств. Попытки осмыслить инструментальную природу правового стимулирования предпринимались и на отраслевом уровне [2, 5, 12, 13, 20, 23 и др.] и с общетеоретических позиций [1, 8, 9, 10, 15, 19, 22 и др.]. Вместе с тем, понятийно-категориальный аппарат учения о правом стимулировании вызывает немало дискуссий. Так, в научных исследованиях в качестве синонимов нередко упоминаются «правовые средства», «юридические средства», «правовые инструменты» [6, 11, 18]. Анализ источников позволяет утверждать, что вопрос о понятии правовых средств в общетеоретической науке и сейчас остается дискуссионным; в юридической литературе по этому поводу высказаны три основные точки зрения.

Так, С.С. Алексеев писал, что с общетеоретических позиций правовые средства – это институциональные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, которым принадлежит роль ее активных центров [1, с. 15]. То есть ученым устанавливается знак равенства между правовыми средствами и правовыми установлениями (предписаниями). Полагаем, что здесь присутствует некоторая идеализация закона, правового предписания; общеизвестно, что качество законов хотя и облегчает их применение, но не гарантирует качества такового.

В свою очередь, Б.И. Пугинский указывал, что правовые средства представляют собой сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества [13, с. 87]. То есть здесь акцентируется деятельностный аспект исследуемого феномена и игнорируется смысл, «дух» закона в угоду его «букве». Ведь, исходя из предложенного определения, воздействующему субъекту достаточно соблюсти формальные рамки закона (см. авторское «с дозволенной степенью усмотрения») и

интересы общества (интересы личности, особенно стимулируемой, ученым проигнорированы; интересы государства – тоже), чтобы произвести любое «стимулирующее воздействие», лишь бы оно служило достижению собственных целей.

Возможно поэтому в последние годы наблюдается тенденция формализации в индивидуальном стимулировании госслужащих и работников, а взвешенность и личностный подход заменяется нормированием заслуг (как пример можно привести годовые, квартальные, ежемесячные премии, премии к профессиональному празднику, юбилею, которые даются всем сотрудникам вне зависимости от заслуг и личного вклада). В этом плане очень показательны массовое введение в российскую практику разнообразных критериев, нормативов, показателей «оценки качества» работ, услуг, труда, квалифицированности, активности, креативности и т.п. Безусловно, стимулируемый субъект должен знать и понимать последствия того или иного варианта поведения; определенность и гарантированность в процессе стимулирования должны присутствовать и на этапе формулирования правовых предписаний, и в процессе их реализации. Однако чрезмерная регламентированность и нормированность превращает стимулирование мотивации поведения в собственно стимулирование поведения, т.е. в работу «постфактум», что вызывает лишь раздражение и осознание принципиальной невыполнимости требуемого. Можно обещать орден за совершение подвига, но нельзя требовать его совершения каждый день.

Кроме того, подобное понимание стимула нивелирует, если не уничтожает свободу стимулируемого лица – свободу выбора варианта поведения, свободу выбора цели и средств ее достижения, свободу определения последовательности своих действий, их скорости. Так альтернатива и свобода заменяется «обязаловкой», а «не стремление» к награде расценивается как не квалифицированность, несоответствие должности. Считаем, что в рамках стимулирования допустимо определять только конечный результат (выгоду) и пределы поведения субъекта в ходе его достижения. При сохранении принципов справедливости, свободы и альтернативности этого будет достаточно для обеспечения эффективности института стимулирования в целом и стимулирования труда госслужащих, в частности.

Относительно понимания содержания термина «правовой стимул» более современный подход прослеживается в работах профессора А.В. Малько и плеяды их учеников. Так, он пишет, что «правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей» [7, с. 69].

Полагаем, что такой подход можно назвать интегративным, сочетающим вышеназванные точки зрения. Согласно ему, признаками правовых средств следует признать следующее:

а) они выступают обобщающими юридическими способами обеспечения интересов субъектов права и достижения ими поставленных целей;

б) отражают информационно-энергетические качества и ресурсы права, что придает им особую юридическую силу, направленную на преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов участников правоотношений;

в) представляя собой систему, они выступают основными действующими элементами механизма действия права, механизма правового регулирования, правовых режимов (то есть функциональной стороны права);

г) влекут юридические последствия, приводят к конкретным результатам, той или иной степени эффективности правового регулирования;

д) обеспечиваются государством [7, с. 69-70].

Исходя из этого, в качестве разновидностей правовых средств называются две группы: средства права (инструменты – установления, акты-документы) и средства правореализации (деяния, деятельность) [3, с. 10-11; 10, с. 74 и др.]. Причем по информационно-психологической направленности и те, и другие могут выступать в качестве стимулирующих либо ограничивающих [10, с. 92, 139-182].

Интересно, что средства реализации правовых установлений в последние годы приобретают все большее значение: «акцент должен быть смещен с законодательного процесса, с создания декларативных актов в области прав человека на разработку механизма реализации этих прав» [16, с. 139].

В литературе справедливо указывается, что проблема правовых средств, их своевременного и качественного совершенствования становится все более актуальной, научно и практически значимой, а значит, без ее должного разрешения невозможно оптимизировать весь механизм правового регулирования, настроить российскую правовую систему на социально плодотворную работу [9, с. 82 и др.].

Следует отметить, что при изучении механизма правового регулирования (как системы правовых средств, с помощью которых осуществляется перевод нормативных предписаний в упорядоченность общественных отношений [4, с. 3] в качестве его структурных компонентов обычно называют правовые нормы (нормативные предписания), правоотношения, акты реализации прав и обязанностей, юридические факты (составы), правоприменительные акты. И далее авторы без конкретизации упоминают «и другие правовые средства» [14, с. 491]. Аналитическим путем можно выяснить, что к ним причисляют правовые режимы, правовые статусы, правовые механизмы, субъективные права и юридические обязанности, законные интересы, процессуальные акты и действия, меры наказания, ограничения, поощрения, стимулирования и т.д.

Отнесение правовых стимулов к правовым средствам научно обосновал в своем диссертационном исследовании К.В. Шундилов [21], а затем развил свое видение проблемы в совместной монографии с профессором А.В. Малько. Он же классифицировал правовые средства на первичные (простые) и комплексные, основные и вспомогательные, регулятивные и охранительные, отраслевые и межотраслевые, материально-правовые и процессуальные, нормативные и индивидуальные, однократные и многократные, обычные и исключительные, стимулирующие и ограничивающие [10, с. 84, 90-93].

Итак, правовые стимулы выступают видом правовых средств, обеспечивающих реализацию права, связь между целями правового регулирования и его социально-полезными результатами.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификации // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 61-72.
2. Баринов Н.А. Имущественные потребности и гражданское право. – Саратов, 1987. – 120 с.
3. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Свердловск, 1969. – 32 с.
4. Горшенев В.М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. – М.: Госюриздат, 1963. – 167 с.
5. Калмыков Ю.Х., Баринов Н.А. Правовые средства обеспечения имущественных потребностей граждан // Гражданское право в сфере обслуживания. – Свердловск, 1984. – 168 с.
6. Коробова А.П. О формах и средствах реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2001. – № 4. – С. 6-12.
7. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66-77.
8. Малько А.В. Правовые средства: понятие и виды // Теория государства и права. Курс лекций. – М., 2001. – С. 722-723.
9. Малько А.В. Политическая и правовая жизнь России. Актуальные проблемы. – М.: Юрист, 2000. – 255 с.
10. Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. – Саратов, 2003. – 294 с.
11. Мазуренко А.П. Юридическая (законодательная) техника как инструмент правотворческой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2006. – № 4. – С. 162-170.
12. Огибалов Ю.А. Средства и способы обеспечения индивидуальной свободы личности в гражданском материальном и процессуальном праве. – Тверь, 1991. – 132 с.
13. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. лит., 1984. – 224 с.
14. Радько Т.Н. Теория государства и права. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2009. – 617 с.
15. Сапун В.А. Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права // Проблемы реализации права. Межвуз. сб. научн. трудов. – Свердловск, 1990. – С. 25-31.
16. Социология права / Под ред. В.М. Сырых. – М.: «Юстицинформ», 2001. – 446 с.
17. Струнов С. К. Цели и средства в праве: понятие и признаки // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 27. – Тольятти, 2003. – С. 68-73.
18. Субочев В.В. Законные интересы как средство судебно-правовой политики // Актуальные проблемы судебно-правовой политики. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2007. – С. 388-391.
19. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. – М., 1988. – 125 с.
20. Штефан М.И. Процессуальные средства, обеспечивающие защиту прав в гражданском судопроизводстве. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Киев, 1973. – 479 с.
21. Шундилов К.В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – 150 с.
22. Шундилов К.В. Юридические средства реализации правовой политики // Правоведение. – 1997. – № 11. – С. 14-19.
23. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л., 1976. – 265 с.
24. Эффективность правовых средств обеспечения качества продукции / Под ред. В.П. Грибанова. – М., 1987. – 110 с.

Dorofeev A.V., Legal remedies and legal incentives: on the question of the relation of concepts // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. P. 26-30.

The article comprehends the instrumental nature of legal incentives; analyzes the conceptual apparatus of the category "legal incentives"; compares different points of view on the problem of the relationship between the concepts of "legal means" and "legal incentives".

Keywords: legal incentives, legal means, legal incentives, concept, category, motivation, legal impact, classification.

Spisok literaturey

1. Alekseev S.S. Pravovye sredstva: postanovka problemy, ponyatie, klassifikatsii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1987. – № 6. – С. 61-72.
2. Barinov N.A. Imushchestvennye potrebnosti i grazhdanskoe pravo. – Saratov, 1987. – 120 s.
3. Gorshenev V.M. Sposoby i organizatsionnye formy pravovogo regulirovaniya v sovremennyy period kommunisticheskogo stroitel'stva. Avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. – Sverdlovsk, 1969. – 32 s.

4. Gorshenev V.M. Uchastie obshchestvennyh organizacij v pravovom regulirovanii. – M.: Gosyurizdat, 1963. – 167 s.
5. Kalmykov YU.H., Barinov N.A. Pravovye sredstva obespecheniya imushchestvennyh potrebnoej grazhdan // Grazhdanskoe pravo v sfere obsluzhivaniya. – Sverdlovsk, 1984. – 168 s.
6. Korobova A.P. O formah i sredstvah realizacii pravovoj politiki // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2001. – № 4. – S. 6-12.
7. Mal'ko A.V. Pravovye sredstva: voprosy teorii i praktiki // ZHurnal rossijskogo prava. – 1998. – № 8. – S. 66-77.
8. Mal'ko A.V. Pravovye sredstva: ponyatie i vidy // Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lekcij. – M., 2001. – S. 722-723.
9. Mal'ko A.V. Politicheskaya i pravovaya zhizn' Rossii. Aktual'nye problemy. – M.: YUrist, 2000. – 255 s.
10. Mal'ko A.V., SHundikov K.V. Celi i sredstva v prave i pravovoj politike. – Saratov, 2003. – 294 s.
11. Mazurenko A.P. YUridicheskaya (zakonodatel'naya) tekhnika kak instrument pravotvorcheskoj politiki // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2006. – № 4. – S. 162-170.
12. Ogibalin YU.A. Sredstva i sposoby obespecheniya individual'noj svobody lichnosti v grazhdanskom material'nom i processual'nom prave. – Tver', 1991. – 132 s.
13. Puginskij B.I. Grazhdansko-pravovye sredstva v hozyajstvennyh otnosheniyah. – M.: YUrid. lit., 1984. – 224 s.
14. Rad'ko T.N. Teoriya gosudarstva i prava. – 2-e izd. – M.: Prospekt, 2009. – 617 s.
15. Sapun V.A. Deyatel'nost' po ispol'zovaniyu pravovyh sredstv v realizacii sovetskogo prava // Problemy realizacii prava. Mezhevuz. sb. nauchn. trudov. – Sverdlovsk, 1990. – S. 25-31.
16. Sociologiya prava / Pod red. V.M. Syryh. – M. : «YUsticinform», 2001. – 446 s.
17. Strunkov S. K. Celi i sredstva v prave: ponyatie i priznaki // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. Vyp. 27. – Tol'yatti, 2003. – S. 68-73.
18. Subochev V.V. Zakonnye interesy kak sredstvo sudebno-pravovoj politiki // Aktual'nye problemy sudebno-pravovoj politiki. Sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Penza, 2007. – S. 388-391.
19. Halfina R.O. Pravo kak sredstvo social'nogo upravleniya. – M., 1988. – 125 s.
20. SHtefan M.I. Processual'nye sredstva, obespechivayushchie zashchitu prav v grazhdanskom sudoproduktse. Avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk.- Kiev, 1973.- 479 s.
21. SHundikov K.V. Celi i sredstva v prave (obshcheteoreticheskij aspekt). Dis. ... kand. yurid. nauk. – Saratov, 1999. – 150 s.
22. SHundikov K.V. YUridicheskie sredstva realizacii pravovoj politiki // Pravovedenie. – 1997. – № 11. – S. 14-19.
23. El'kind P.S. Celi i sredstva ih dostizheniya v sovetskom ugovno-processual'nom prave. – L., 1976. – 265 s.
24. Effektivnost' pravovyh sredstv obespecheniya kachestva produkcii / Pod red. V.P. Gribova. – M., 1987. – 110 s.

УДК 342.734

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-31-38

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В РОССИИ В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ.

Старостин В. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье изучаются нормативные акты о продолжительности рабочего времени в России в преддверии первой русской революции 1905-1907 гг. Увеличение количества работников на производствах крупной промышленности, тяжелые условия труда, нежелание предпринимателей исполнять законы о рабочем времени явилось ключевой социально-политической и правовой проблемой исследуемого периода. Цель: изучение нормативных актов о труде и рабочем времени и их влияние на массовое недовольство и революционные события 1905-1907 гг. Методологическая основа: диалектический метод познания, системный, формально-юридический, сравнительный методы исследования. Результаты: с учетом проведенного исследования установлено, что нормы о труде и рабочем времени, принятые в конце XIX начале XX вв. носили антирабочий характер. Поэтому требования рабочих заключались в необходимости улучшения положения путем ограничения рабочего времени, регулирование для отдельных категорий работников: женщин, детей. Массовые волнения работников, создали социально-политические предпосылки для революционных событий 1905-1907 гг. Выводы: Наличие конфронтации между рабочим классом и буржуазией не давало позитивных изменений в политическом и социальном положении в государстве. Крайнее сопротивление крупных предпринимателей решению вопросов фабричного законодательства и рабочего времени способствовали нарастанию недовольства среди рабочих масс, что приводило к открытым вооруженным столкновениям и социально-политической нестабильности в государстве. Указанные причины привели к первой русской революции 1905-1907 гг.

Ключевые слова: рабочее время, трудовые отношения, эксплуатация труда, условия труда, правовой статус работников.

Требования об изменении и принятии законодательных актов по вопросам регулирования трудовых отношений и рабочего времени в начале XX века в России приобрели массовый характер со стороны рабочих, что оказало ключевое влияние на социально-политическую ситуацию в государстве. В связи с этим, причиной массовых беспорядков, забастовок, митингов и революционных событий 1905-1907 гг. можно без преувеличения назвать «рабочий вопрос». Законодательные акты о труде и рабочем времени, которые были приняты в конце XIX века не отражали в полной мере права работников [1]. Продолжительность рабочего времени составляла 12 и более часов в сутки. Труд женщин и детей не ограничивался и приравнивался к труду мужчин [2]. Вопросы охраны труда и быт работников не были регламентированы. В борьбу за права рабочих включались вновь созданные политические партии. Правительство не спешило принимать законодательные решения о труде и рабочем времени.

В связи с этим намечалось два способа решения указанной правовой проблемы: законодательное урегулирование и революционное переустройство власти. В первом случае, необходимо было согласовать между правительством, крупным капиталом и работниками продолжительность рабочего времени и другие условия

труда. И принять их в законном порядке. При невозможности согласования и принятия актов о труде, которые бы удовлетворили все заинтересованные стороны, включался революционный механизм. На законодательном уровне основная борьба по решению классовых противоречий, регулированию трудовых отношений и рабочего времени должна была проводиться в Государственной Думе. Однако по целому ряду причин в Государственных думах I и II созывов регламентация трудовых отношений не рассматривалась. Что также влияло на дестабилизацию социально-политической обстановки.

Вместе с этим к началу 1890 года индустриальная промышленность в России вышла на более высокий уровень развития. По отдельным экономическим показателям произведенной продукции Россия не уступала крупным промышленным странам мира: Франции, Германии и США. Однако, с одной стороны, расширение производственной деятельности приводило к экономическому росту, с другой – нерешенность ключевых вопросов трудовых отношений и рабочего времени, которые затрагивали интересы каждого трудящегося, приводили к массовому недовольству.

Поэтому, поводом к следующей реформе продолжительности рабочего времени и трудовых отношений был подъем стачечной борьбы фабрично-заводского пролетариата в промышленных городах России. Главным требованием было сокращение продолжительности рабочего дня с 12-14 до 10,5 часов, своевременная выплата заработной платы, улучшение условий труда.

После вступления в силу закона «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» от 2 июня 1897 г. [3] положение рабочих относительно улучшилось. Однако, в целом, нормы закона отражали интересы владельцев предприятий. В нем устанавливалась продолжительность рабочего времени – 11,5 часов в сутки. Такая продолжительность рабочего времени изматывала работников физически и психологически. Вместе с этим, до принятия указанного закона ежедневный труд рабочих составлял 12 и более часов. Владельцы предприятий не считались с физическими возможностями работников и увеличивали рабочее время по своему усмотрению. Они требовали законодательно утвердить возможность самим устанавливать нормы рабочего времени на предприятиях. Поэтому законодательное ограничение продолжительности рабочего времени не могло полностью устраивать промышленников.

Работа в предпраздничные и субботные дни по принятому закону составляла – 10 часов в сутки. Ночные работы не запрещались, а ограничивались 10 часами. Ночное время устанавливалось при односменной работе между 9 часами вечера и 5 часами утра, а при двух и более сменах – между 10 часами вечера и 4 часами утра. В непрерывных производствах в течение двух последовательных суток рабочий день мог достигать не более 24 часов, а в течение двух суток, на которые приходился переход рабочих смен – 30 часов [3]. Такие нормы рабочего времени были достаточно тяжелыми.

При анализе положения рабочих в европейских странах и России можно сделать следующие выводы. Продолжительность труда женщин в дневное время в России, согласно закону 1897 г., не должна была превышать 11,5 часов, между тем в Германии, Австрии и Швейцарии она составляла 11 часов, во Франции 10, в Англии

на текстильных фабриках – 10, а в остальных производствах – 10,5 часов [4]. Если указанные показатели продолжительности рабочего времени в сутки распределить в течение шестидневной рабочей недели, то этот показатель в России составлял 69 часов, а в странах Европы 60-63 часа. При расчете месячной или годовой нормы рабочего времени этот показатель становился большим на порядок.

Что касается рабочего времени женщин в ночное время суток, то в России она составляла 10 часов, во Франции – 7 часов, в Англии, Австрии, Швейцарии и Италии ночной труд женщин был запрещен [4]. Такая законодательная регламентация ночного труда оставалась, например, в России до 1917 года. Поэтому продолжительность женского труда в России была наиболее высокой.

Рабочее время в дневное время суток несовершеннолетних лиц в возрасте 15-17 лет в России ограничивалась 11,5 часами, в Голландии, Швейцарии и Австрии составляла 11 часов, в остальных странах 10 часов. Дневная работа детей возрастом 12-15 лет в России по закону не должна была превышать 8 часов, а при двухсменной работе – 9 часов. Ночной труд детей разрешался в стекольном производстве. В Италии дневная работа детей была ограничена 11 часами, в Австрии – 8, во Франции – 10, в Англии – 6,5, в Германии, Швеции, Норвегии – 6 часами. В большинстве названных стран ночные работы детей в эти годы были запрещены [5].

Право работников на ежегодный отдых (отпуск) в нормах закона не было прописано. С одной стороны, право на ежегодный отдых не применялось, с другой – в календарном году в России имелось большое количество нерабочих дней, в связи с церковными праздниками. Вместе с этим, право на отдых должно было быть прописанным в качестве составной части законодательства о труде. В настоящее время, право на отдых закреплено в Конституции РФ [6]. Новый закон определил число рабочих дней в году (295,5) и ограничил число обязательных нерабочих дней в году, установив их общую норму в 66 дней (52 воскресных и 14 праздничных, церковных и царских) [7], что открывало предпринимателям возможности для увеличения рабочего времени. Для сравнения, в настоящее время, согласно производственному календарю на 2018 г. количество рабочих дней составляет 247 дней, нерабочих и праздничных 118 [8]. Увеличить общую продолжительность рабочего времени предприниматели могли, используя сверхурочные часы работы и за счет увеличения рабочих дней в году. В законе указывалась возможность привлечения к сверхурочным работам необходимым по техническим условиям производства и с согласия рабочих. Количество часов сверхурочной работы не должно было превышать 120 часов в году.

Слабой стороной закона был целый ряд спорных положений, которые можно было толковать в пользу предпринимателей, прогрессивная сторона принятия закона от 2 июня 1897 г., заключалось в том, что он впервые устанавливал правовые нормы, регламентирующие продолжительность рабочего времени, значительно ниже существовавших ранее на российских фабриках. До 1897 г. рабочий день на промышленных производствах в России регламентировался в большей степени локальными актами, поэтому его продолжительность всецело зависела от воли владельца предприятия. Исключение составлял труд несовершеннолетних лиц [2]. В связи с этим личные права на труд и отдых работников, связанные с законодательным закреплением продолжительности рабочего времени

относительно улучшились. Ссылаясь на закон, работники любого предприятия могли отстаивать свои права и требовать исполнения установленной продолжительности рабочего времени.

Из проблемных положений закона можно отметить наличие ночных смен, они не были отменены. В правилах Министерства финансов признавалось, что «ночные работы, бесспорно, более утомительны, вредны для здоровья и вообще менее естественны, нежели работы при дневном свете; вред этой работы тем больше, чем она продолжительнее и постояннее» [4].

Далее было указано, что ночной труд менее продолжителен, чем дневной, и якобы не так вреден: «Казалось бы, что ввиду вредности ночных работ лучше всего запретить их и взрослым рабочим (как это воспрещается женщинам и подросткам в некоторых производствах, малолетним безусловно), но для этого нет никаких оснований, даже с точки зрения общего благосостояния рабочего; умеренный ночной труд безвреднее для него, нежели слишком продолжительная, но одинаково оплачиваемая дневная работа» [9, с. 83]. При невысокой оплате труда работники вынуждены были работать сверх нормы в дневное и ночное время.

Ночной труд, безусловно, вреден для здоровья человека. Особенно если работниками являются малолетние дети или женщины. Однако существуют производства с непрерывным циклом и другими техническими особенностями. Поэтому даже в настоящее время работа в ночное время суток законодательно не запрещена.

В связи с принятием закона наметилась тенденция к изменению графика организации труда. Например, введение двухсменного режима рабочего времени с продолжительностью рабочего дня 9 часов. В первую очередь в тех отраслях промышленности, где ночной труд был запрещен. И.М. Козьминых-Ланин по этому поводу отмечал, что даже после первой русской революции 17% рабочих Московской губернии, занятых в две смены, работали более 9 часов в сутки, выше норм, предусмотренных законом 1897 г. [10, с. 31].

Что касается сверхурочных работ, то они практиковались на всех предприятиях. И положения закона 1897 г. не могли их отменить. Также в Циркуляре министра финансов [11] от 14 марта 1898 г., указывалось о возможности сверхурочных работ на предприятиях без регламентации. Поэтому, закон 1897 г. владельцы предприятий исполняли по своему усмотрению, а в сфере регулирования рабочего времени часто игнорировали. Как правило, применение сверхурочных работ указывалось в договоре найма в связи с наличием технических условий производства. На практике на предприятиях продолжительность сверхурочной работы значительно превышала нормы закона. По закону норма составляла 294 часа в год, или 24,5 часа в месяц [3]. Сверхурочные часы рабочего времени оплачивались выше. При этом заработная плата повышалась примерно на 12% (или на 25 рублей в год). Это поощряло работников на сверхурочный труд.

Что касается работы в праздничные дни, то она не была запрещена. Ее регулирование осуществлялось локальными нормативными актами на основе соглашения владельца предприятия и работника. Однако обязанностью работодателя была необходимость замены рабочего дня в праздник – выходным днем в течение недели и сообщить в фабричную инспекцию.

Тяжелые условия труда, продолжительность рабочего времени, эксплуатация детского и женского труда, небольшие доходы заставляли рабочих организовываться и бороться за свои трудовые права. Промышленники не хотели терять прибыли, и не уступали рабочим в их требованиях, поэтому возник острый социальный конфликт между рабочими и буржуазией. В связи с массовым недовольством, нарастала стачечная борьба, проводились митинги, демонстрации с политическими и экономическими требованиями. Основное требование забастовочного движения касалось регулирования трудовых отношений и вопросов рабочего времени. Правительство, которое состояло в большей степени из крупных предпринимателей, поддерживало буржуазию и не спешило решать «рабочий вопрос».

Вышеуказанные острые противоречия между рабочими и представителями буржуазии, заставили рабочих выйти на мирное шествие с прошением к царю Николаю II 9 января 1905 года. Впоследствии эта дата стала известна как «Кровавое воскресенье» и начало русской революции 1905-1907 гг.

В Петиции рабочих и жителей Петербурга [4] в пункте III были указаны предложения по улучшению трудовых прав работников:

- 1) Отмена института фабричных инспекторов.
- 2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных от рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.
- 3) Свобода потребительно-производственных и профессиональных рабочих союзов – немедленно.
- 4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.
- 5) Свобода борьбы труда с капиталом – немедленно.
- 6) Нормальная заработная плата – немедленно.

Мирное шествие закончилось трагедией. Пострадало множество людей. Это событие способствовало началу революционных событий 1905-1907 гг. Органы власти начали быстро предпринимать действия по смягчению острых вопросов трудовых отношений и регулирования рабочего времени. Массовые народные выступления показали в России наличие угнетенного класса рабочих, который был готов бороться за свои права. До революционных событий считалось, что в России отсутствует рабочий класс, как слой общества. Бытовало мнение, что все работники предприятий – жители сельской местности, в случае необходимости могли бы возвратиться в свои деревни и продолжить заниматься сельским трудом. В связи с этим, острых, нерешенных вопросов трудового законодательства и рабочего времени не могло быть.

Массовые митинги и забастовки заставили правительство более тщательно изучить проблемы работников. Вместе с этим, с началом рабочего движения были усилены репрессии. Однако, массовые забастовки охватили целые промышленные районы страны и от карательных мер пришлось отказаться. В начале января Николай II в беседе с петербургским генерал-губернатором Д.Ф. Треневым признал, что «крайне необходимым теперь же, рядом с мерами строгости, дать почувствовать доброй и спокойной массе рабочего люда справедливое и заботливое отношение правительства» [7]. Таким образом, даже царь пришел к выводу, что необходимо

срочно урегулировать нерешенные вопросы трудовых отношений, которые привели к массовым недовольствам и кровопролитию. Ранее применяемую политику власти в отношении рабочих, необходимо было скорректировать.

С учетом изложенного можно сделать выводы, что нормы законов о труде и рабочем времени не отражали законных прав работников, что явилось одной из ключевых предпосылок к первой русской революции 1905-1907 гг. Поэтому власть была вынуждена пересмотреть ряд положений фабричного законодательства в Российской империи и принять решение о создании законодательного органа – Государственной думы.

Конфронтация между рабочим классом и буржуазией в «рабочем вопросе» оказывала дестабилизирующее влияние на социально-политическое положение в государстве и не давало позитивных изменений. Нежелание крупных предпринимателей идти на уступки рабочим в сфере уменьшения продолжительности рабочего времени способствовало нарастанию недовольства среди рабочих масс, что часто приводило к открытым вооруженным столкновениям.

С появлением нелегальных политических партий и групп увеличилось количество террористических актов, которые подрывали основы самодержавия. Покушение и убийство чиновников, служащих, полицейских происходило регулярно. Это еще более осложняло ситуацию и способствовало напряжению общественно-политической жизни в стране.

Принятые законодательные акты лишь частично исполнялись на предприятиях, в той части, которая устраивала владельцев. Предприниматели всячески обходили законы и толковали их в свою пользу. Увеличение продолжительности рабочего времени, сверхурочные работы, необоснованное увеличение штрафов для рабочих было повсеместным явлением. Небольшой штат фабричной инспекции не позволял контролировать положение дел на каждом предприятии [5].

Ответственность владельцев предприятий за неисполнение законов о труде, нарушение прав рабочих, была символической и часто не отвечала характеру нарушений.

Целый ряд норм о рабочем времени фабричного законодательства, в связи с их широким толкованием, имели двоякое значение, что позволяло предпринимателям легко обойти закон. Также нередко применялись законы в урезанном виде по решению различных инстанций, в тех случаях, когда это «оказывалось нужным». Мотивировочным фактором в таких случаях являлось наличие технических особенностей предприятий, замкнутый производственный цикл и другие. Чаще всего это касалось сверхурочных работ, ночного труда, привлечения труда малолетних и женщин.

Вопросы охраны труда игнорировались. Об этом свидетельствовала статистика несчастных случаев на производствах. Фабричное законодательство с учетом территориальной ограниченности распространялось только на рабочих частных и акционерных фабрик и заводов. Под определение фабрик и заводов попадали промышленные заведения, на которых работало не менее определенного количества людей или использовались двигатели. Поэтому условия труда на множестве мелких, «ремесленных» и «кустарных» предприятий оставались вне фабричных законов. Тем более фабричные законы того периода не могли рассматриваться в качестве общего трудового законодательства. Например, труд строительных рабочих и

наемных сельскохозяйственных рабочих не регулировался актами о труде, лишь частично затрагивался им труд транспортных рабочих. В определенной части фабричным законам подчинялась горная и горнозаводская промышленность – закон 3 июня 1886 г. был распространен на частные горные заводы и промыслы в 1892 г., а закон 2 июня 1903 г. вводился в горнозаводской промышленности одновременно с фабрично-заводской [12].

Все казенные фабрики и заводы находились вне действия большинства фабричных законов, а труд на них регулировался постановлениями тех ведомств, в которых они числились. В большинстве случаев государственные ведомства опережали фабричное законодательство. Так, значительно опередили практику в частной и акционерной промышленности «Высочайше утвержденные временные Правила о найме рабочих» для исполнения казенных, общественных или государственных работ, принятые вскоре после отмены крепостного права, 31 марта 1861 г. [4]. Правила на отдельных ведомственных заводах также существенно опережали общее законодательство.

В связи с этим нормы об ограничении рабочего времени принимались крайне неохотно. Массовое недовольство рабочих и необходимость решения ключевых вопросов встречало упорное сопротивление буржуазии, представителей правительства. Поэтому рекомендованные комиссиями законопроекты откладывались на годы.

Несовершенство принятых законов фабричного законодательства и трудности в утверждении нормативных актов все же имели свое позитивное значение, поскольку формировали законодательную базу и выступали в роли ограничителя своеволия владельцев предприятий, что не позволяло окончательно превратить трудовые отношения в рабовладельческие.

Список литературы

1. Громан В.В. Устав о промышленном труде с правилами и разъяснениями. Свод законов Российской империи / В.В. Громан. – СПб., 1999. – 630 с.
2. Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» // ПСЗ РИ (1881–1913). Т. II (1882). № 931
3. Закон от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» // ПСЗ РИ. Собр. 3-е. 1900. Т. XVII, № 14231.
4. Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М.: Наука, 1997. – 735 с.
5. Казанцев Б.Н. Рабочий вопрос и фабрично-заводское законодательство в крепостной России. Дис. ... канд. истор. наук. – М., 1955. – 211 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). // Российская газета. 1993. – 19 с.
7. П.П. Безобразов Наблюдения и соображения относительно действия новых фабричных узаконений. URL: <http://elibrary.ru/nodes/44993-bezobrazov-v-p-nablyudeniya-i-soobrazheniya-v-p-bezobrazova-otnositelno-deystviya-novyh-fabrichnyhuzakoneniy-i-fabrichnoy-inspektzii-spb-1888> (Дата обращения: 27.05.2019).
8. Производственный календарь на 2018 г. URL: <http://www.garant.ru/calendar/buhpravo/#prazdniki> (Дата обращения: 25.05.2019).
9. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900-1914 гг. / Э.Э. Крузе. – Л.: Наука, 1976. – 300 с.
10. Козьминых-Ланин, И.М. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии – М. : Типо-лит. Рус. т-ва печ. и издательск. дела, 1914. – 52 с.

11. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX вв.) / Ю.И. Кирьянов. – М.: Наука, 1979. – 288 с.

Starostin V. A. Legislative acts on the length of working time in Russia in the run-up to the first Russian revolution of 1905-1907 // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 31-38.

In the article normative acts about duration of working time in Russia in the beginning of XX century are studied. On the one hand, the relative regularity of working time caused dissatisfaction of workers, on the other hand, the unwillingness of entrepreneurs to comply with even the existing laws was a key socio-political and legal problem of the period under study. **Purpose:** Study of normative acts on labor and working time and their influence on mass discontent and revolutionary events of 1905-1907. **Objective:** Study of normative acts on labor and working time and their influence on mass discontent and revolutionary events of 1905-1907. **Methodology:** dialectical method of cognition, systematic, formal-legal, comparative methods of research. **Results:** Taking into account the conducted research it was established that Labour and working time norms adopted at the end of XIX early XX centuries. The workers' requirements were therefore to improve the situation by limiting working hours, regulating the individual categories of workers: women, children. Mass riots of workers, created socio-political prerequisites for the revolutionary events of 1905-1907. **Conclusion:** The existence of a confrontation between the working class and the bourgeoisie did not give a positive change in the political and social situation in the state. The extreme resistance of large businessmen to solving the issues of factory legislation and working time contributed to the increasing of discontent among the working masses, which led to open armed clashes and socio-political instability in the state. This created the preconditions for the beginning of the revolutionary events of 1905-1907.

Key words: working time, labor relations, the labour exploitation, working conditions, the legal status of workers.

Spisok literatury

1. Groman V.V. Ustav o promyshlennom trude s pravilami i raz'yasneniyami. Svod zakonov Rossijskoj imperii / V.V. Groman. – SPb., 1999. – 630 s.
2. Zakon ot 1 iyunya 1882 g. «O maloletnih, rabotayushchih na zavodah, fabrikah i manufakturah» // PSZ RI (1881–1913). Т. II (1882). № 931
3. Zakon ot 2 iyunya 1897 g. «O prodolzhitel'nosti i raspredelenii rabocheho vremeni v zavedeniyah fabrichno-zavodskoj promyshlennosti» // PSZ RI. Sobr. 3-e. 1900. Т. XVII, № 14231.
4. Tugan-Baranovskij M. I. Izbrannoe. Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskoe razvitiye russkoj fabriki v XIX veke. M.: Nauka, 1997. – 735 s.
5. Kazancev B.N. Rabochij vopros i fabrichno-zavodskoe zakonodatel'stvo v krepostnoj Rossii. Dis. ... kand. istor. nauk. – M., 1955. – 211 s.
6. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.). // Rossijskaya gazeta. 1993. – 19 s.
7. P.P. Bezobrazov Nablyudeniya i soobrazheniya otnositel'no dejstviya novyh fabrichnyh zakonov. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/44993-bezobrazov-v-p-nablyudeniya-i-soobrazheniya-v-p-bezobrazova-otnositelno-deystviya-novyh-fabrichnyh-zakonov-i-fabrichnoy-inspektii-spb-1888> (Data obrashcheniya: 27.05.2019).
8. Proizvodstvennyj kalendar' na 2018 g. URL: <http://www.garant.ru/calendar/buhpravo/#prazdniki> (Data obrashcheniya: 25.05.2019).
9. Kruze E.E. Polozhenie rabocheho klassa v Rossii v 1900-1914 gg. / E.E. Kruze. – L.: Nauka, 1976. – 300 s.
10. Koz'minyh-Lanin, I.M. Semejnyj sostav fabrichno-zavodskih rabochih Moskovskoj gubernii – M.: Tipolit. Rus. t-va pech. i izdatel'sk. dela, 1914. – 52 s.
11. Kir'yanov YU.I. Zhiznennyj uroven rabochih Rossii (konec XIX – nachalo XX vv.) / YU.I. Kir'yanov. – M.: Nauka, 1979. – 288 s.

УДК 343(47)“14/16”

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-39-46

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И МИРОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XV–XVII ВЕКАХ

Струнский А. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается вопрос о возможности заключения мирового соглашения по уголовным делам в Московском государстве в XV–XVII веках. В первую очередь анализируются нормативно-правовые акты XIV–XVII века, содержащие положения о возможности заключения мирового соглашения по уголовным делам. На основании использования формально-юридического метода делается вывод о возможности заключения мирового соглашения в отношении преступлений частного характера. Исключение составляли лишь разбой и кража, которые законодатель начал относить к преступлениям публичного характера. В то же время в отношении возможности заключения мирового соглашения по делам, связанным с кражей, законодатель смягчил свою позицию в XVII веке. Данные выводы подтверждаются микроисторическим исследованием мировых соглашений XVII века. Автор делает вывод о том, что практика заключения мировых соглашений по уголовным делам частного обвинения была широко распространена, не противоречила закону, соответствовала правовым обычаям и социальному контексту.

Ключевые слова: уголовное право, мировое соглашение, Московское государство, Русское централизованное государство, правовой обычай, социальный контекст.

Разрешение споров и конфликтов путем мирового соглашения, как утверждает целый ряд авторов, являлось древнейшим правовым обычаем у многих народов, в том числе и у восточных славян [1, с. 74; 2. с. 14, 18–19]. Дореволюционный российский историк права Дювернуа Л. Н. так писал об истории мирового соглашения и третейского разбирательства в России: «Несомненно, что *в течении всей эпохи господства обычного права* наиболее распространенной формой суда была форма третейская и другие родственные формы договорного разрешения споров... Более или менее ясные следы договорного начала сохраняются и в том порядке суда, где судьей является лицо, облеченное публичной властью» [3, с. 332].

Тем не менее в законодательстве периода образования и укрепления Русского централизованного государства прослеживается тенденция постепенного запрещения заключения мировых соглашений в судебных делах, которые мы можем отнести к категории уголовных. Так, уже в конце XIV века в статье 6 Двинской уставной грамоты мы встречаем запрет на заключение соглашения между вором и потерпевшим, поймавшим первого с поличным: «...а самосуд то: кто, изымав татя с поличным, да отпустит, а себе посул возмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд» [4, с. 181]. Достаточно интересно, что статья 3 Двинской уставной грамоты допускала заключение мирового соглашения между сторонами, подравшимся на пиру, хотя и требовала уплаты пошлины в пользу представителей московского великого князя, если такое соглашение было заключено уже после пира [Там же]. Аналогичные правовые нормы можно найти и на уровне законодательства удельных князей. Так, Уставная грамота дмитровского князя

Юрия Ивановича от 29 июля 1509 года, пожалованная деревням Каменского стана, содержала следующее положение: «А самосуд у нихъ емлетъ ловчей мой два рубля Московские; а самосуд то: кто поймаетъ татя съ поличнымъ да отпустить его прочь, а ловчему и его тиуну не явя, а въ том его уличать, ино то самосуд; а опричь того самосуда нетъ. А въ пиру или въ братчине посварятся или побьются, а не вышодь изъ пиру помирятся, и ловчему и его тиуну въ томъ нетъ ничего; а вышодь изъ пиру помирятся за приставомъ, и ловчему и его тиуну въ томъ нетъ ничего, опричь хоженного» [5, с. 121–122].

Правовая норма, закрепленная в статье 6 Двинской уставной грамоты, также воспроизводится в статье 13 Белозерской уставной грамоты [6, с. 194]. В свою очередь статья 9 указанного нормативно-правового акта допускает заключение мирового соглашения на любой стадии процесса: «А будет суд перед наместники и перед тиуны о рубле, а восходятъ ся помирить, и они дадут наместником гривну, и с тиуны и с доводчики, за все пошлины; а досудят наместники и тиуны о рубле до поля, а восхотятъ ся помирить, и они дадут наместником гривну, и с тиуны и с доводчики, за все пошлины; а будет выше рубля или ниже, и наместники на них емлют по тому же росчоту» [Там же]. Как указывает Л. В. Черепнин, данная норма, с одной стороны, была направлена на ликвидацию практики разрешения споров посредством «поля», а с другой – поощряла мирное разрешение конфликтов [7, с. 212–213]. Однако из содержания нормативно-правового акта не ясно по каким категориям судебных дел разрешалось заключение мирового соглашения.

В большей степени этот вопрос конкретизирован в Судебниках 1497 и 1550 годов. Например, статья 53 Судебника 1497 года и статья 31 Судебника 1550 года предусматривали возможность заключения мирового соглашения до начала непосредственного судебного разбирательства по делам, связанным с обвинением в побоях, в оскорблении словом или по делу о займе. Санкция со стороны судьи для оформления мирового соглашения была обязательной [8, с. 61; 9, с. 102].

Статьи 4 и 5 Судебника 1497 года и статьи 9 и 10 Судебника 1550 года допускали примирение сторон до судебного поединка или уже во время него [8, с. 55; 9, с. 98]. Хотя в этих статьях не указано возможно ли проведение поля и примирение в случае разбирательства уголовных дел, однако статья 7 Судебника 1497 года и статья 12 Судебника 1550 года допускали проведение поля в делах, связанных с поджогом, убийством, разбоем или воровством – то есть по тяжким уголовным делам [8, с. 55; 9, с. 99]. Можно предположить, с учетом системного толкования Судебников, что в подобных делах допускалось и примирение сторон, хотя нельзя утверждать это достоверно. Кроме того, как указывает О. И. Чистяков, комментируя статью 7 Судебника 1497 года, «на практике поле как доказательство, не способное охранять интересы господствующего класса, допускалось только в исключительных случаях, когда не было возможности разобрать дело при помощи других доказательств» [10, с. 67–68]. Схожего мнения держится и Л. В. Черепнин, который на основании судных списков XV – начала XVI века делает вывод, что судьи чаще всего пытались воспрепятствовать проведению судебного поединка и разрешить дело на основании других видов доказательств [11, с. 378]. Тем не менее иностранцы, посещавшие Россию в XVI веке, например З. Герберштейн и Р. Ченслор, упоминают судебный поединок как вид доказательства, применявшегося в судебном процессе [12, с. 119–120; 13, с. 63].

В дальнейшем, со все большим развитием роли инквизиционного процесса в судопроизводстве и возрастающим стремлением центральной власти к контролю за правопорядком, законодатель стал более ясно выражать запрет на заключение мирового соглашения в уголовных делах. Так, статья 17 Приговора о губных делах от 22 августа 1556 года содержала прямой запрет на заключение мирового соглашения по ряду уголовных дел: «А которые люди перед старостами ищут на розбойниках и на татех на ведомых, а учнут в тех своих исках с теми людьми, на ком ищут, старостам мир являти, – и старостам тем исцом в тех исках миритца не велети, а про тех людей, на ком ищут, доводить по суду и по обыску по наказному списку для земских дел, чтоб лихих вывести» [14, с. 367].

Схожее положение повторяет и статья 42 Уставной книги Разбойного Приказа 1616–1617 годов, хотя стоит обратить особое внимание, что в ней речь идет лишь о разбое: «А которые исцы с разбойники или с приводными людьми с поличным, в разбойных делах, не дожидаясь указа, учнут миритца и мировые челобитные в приказ учнут приносить, – и тот их мир не в мир ставити и разбойником указ чинити по государеву указу, хто чего доведется; а исцом за то пеня чинить, смотря по делу; не мирись с разбойники» [15, с. 197]. Эта же правовая норма снова воспроизводится в Указе о запрещении мировых по разбойным делам от 9 июня 1646 года [16], затем в статье 31 главы 21 Соборного уложения 1649 года [17, с. 234], а в последующем и в статье 71 Новоуказных статей о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 года, в которой лишь конкретизируется размер пени за заключение мирового соглашения с преступником [18, с. 421]. При этом стоит отметить, что статья 121 главы 10 Соборного уложения 1649 года содержала общую норму, допускающую заключение мирового соглашения в ходе судебного процесса [17, с. 117].

Исходя из анализа вышеизложенных нормативно-правовых актов, можно сделать вывод, что уже начиная со второй половины XVI века в Московском государстве существовал безусловный запрет на заключение мировых соглашений с ворами и разбойниками, что указывает на отнесение данных преступлений к публичным, нарушающим непосредственно интересы государства. В то же время следует подчеркнуть, что несмотря на то, что запрет на заключение мирового соглашения по делам о татьбе (краже), встречается раньше всего в нормативно-правовых актах Московского государства, после 1556 года мы в законодательстве его уже не встречаем, возможно, законодатель пошел на смягчение в данном вопросе.

Если говорить о других видах преступлений, то мы не находим в законодательстве непосредственного запрета на заключение мирового соглашения. Безусловно, мировое соглашение не могло быть заключено по делам, где непосредственно затрагивались интересы государства, например, измена или богохульство. Однако вопрос о возможности заключения мирового соглашения по делам, которые были связаны с преступлениями, направленными против частных лиц, например, убийство, побои или оскорбление чести, остается до конца неясным. Системное толкование нормативно-правовых актов XVI–XVII веков, с учетом достижений современной юриспруденции, указывает на возможность заключения таких мировых соглашений, однако стоит учитывать, что напрямую применять методы толкования, используемые современной юридической наукой, в данном случае было бы некорректно. Необходимо дополнительное материальное

подтверждение данных выводов, которые можно отыскать лишь в актах юридического быта.

Непосредственное изучение юридических документов XVII века приводит нас к интересным выводам.

Во-первых, несмотря на существование, начиная со второй половины XVI века, безусловного запрета на заключение мирового соглашения по делам о краже и разбое, мы все же можем найти несколько примеров мировых соглашений, связанных с такой категорией дел.

Например, 6 апреля 1642 года в Казани было заключено мировое соглашение между Яковым Люткиным и сыном боярским Василием Писемским, крестьянин которого Максимка Васильев был уличен в «подговоре людей своих и въ сводныхъ лошедахъ въ тритчети рублехъ съ полтиною» [19]. Еще две мировых челобитных XVII века по делам о краже в Яблоновском уезде (современная Белгородская область) мы можем найти в коллекции документов XVI–XIX веков Общества истории и древностей России [20; 21].

Мировые соглашения по разбойным делам представляют большую редкость, по всей видимости законодательный запрет на такого рода соглашения по общему правилу соблюдался. Однако в коллекции документов XVI–XIX веков Общества истории и древностей России мы также можем найти один пример мировой записи по делу о «взятии разбоем» воровскими людьми крестьян, разбиравшееся в Переяславле-Рязанском (современная Рязань) [22].

Во-вторых, можно с уверенностью сказать, что заключение мировых соглашений по другим категориям уголовных дел частного характера было широко распространено еще в XVII веке.

Достаточно много мировых соглашений касаются дел, связанных с таким преступлением как грабеж, которое законодатель уже в XV–XVI веках начал отличать от кражи, хотя и не всегда последовательно. Большой интерес представляет мировая Данила Маслова с Василием Мартьяновым и монастырским стряпчим Иваном Спиридоновым от 7 апреля 1697 года. Данило Михайлов со своим товарищем «воромъ и разбойникомъ» Ивашком по прозвищу Сытик, а также своим отцом Михаилом Масловым осуществил грабеж крестьян Василия Мартьянова и Тихвина монастыря. Однако впоследствии был вынужден пойти на мировую, по-видимому, чтобы избежать наказания (по Соборному уложению 1649 года за грабеж, как и за кражу, предусматривалось суровое наказание, вплоть до смертной казни [17, с. 231–232]). По мировой Данило Михайлов уступал часть своего жалованья, а также значительные земельные участки «съ пашнею, и съ сенными покосы, и съ лесомъ, и съ рыбными ловли, и со всякими угоды, и съ засеянным хлебомъ» [23]. Другая мировая, связанная с грабежом и заключенная в 1625 году между братьями Долматом и Василием Корзина и троецким стряпчим Иваном Бедаревым, интересна тем, что обе стороны (или их крестьяне) были замешаны в преступлениях против друг-друга [24].

Еще более часто мировые были связаны с убийствами, которые нередко сопутствовали другим преступлениям. Для примера можно привести мировую от 1693 года, данную Яковом Спечовым, чьи крестьяне убили чужого крестьянина Ивашка Федорова и учинили грабеж в волоколамском уезде. Взамен Яков Спечов предоставил целую семью своих крестьян со всем их имуществом [25]. Еще одна

мировая запись была заключена в 1656 году между Коверей, Осипом и Семеном Бердяевыми с одной стороны, и Осипом и Артемием Лихаревыми с другой стороны. Последние обратились к царю с челобитной, в которой обвинили первых в «убойстве крестьянина своево Ивашка Аникеева і в бесчесте матери своей і в своем в бою і в бесчестье ж жены своей Осиповой і в бою людей своих и крестьянь і в грабеже во сте въ двадцети рублех». Первые не дожидаясь приговора заключили мировую, которая, что достаточно примечательно, содержала «отступные» в виде физического наказания: «принести на себя батоги и ослопье» [26].

На основании вышеизложенного можно сделать несколько существенных выводов:

1. Заключение мировых соглашений в уголовных делах частного обвинения являлось древним правовым обычаем, который все еще сохранял свое действие в Московском государстве в XVII веке, доказательством чего являются мировые, дошедшие до нашего времени.

2. Центральная власть, начиная уже с конца XIV века, предпринимает попытки на законодательном уровне запретить заключение мировых соглашений: сначала в делах о воровстве, а затем и разбое. Однако, исходя из содержания нормативно-правовых актов XVI–XVII веков, мы можем прийти к выводу, что Москва отказалась от попыток отнести воровство к преступлениям публичного характера и прекратила включать в нормативно-правовые акты запрет на заключение мировых соглашений по татебным делам, оставив такой запрет только для разбоя, как преступления, явно нарушающего не только частный, но и общественный интерес. Кроме того, по общему правилу законодатель допускал заключение мировых соглашений и, отчасти, даже способствовал такой практике.

3. Заключение мировых соглашений, безусловно, имело прагматичный характер и отражало интересы не только сторон, но и общества, обеспечивая определенную стабильность в небольших общинах. В то же время мы не можем утверждать, что практика заключения мировых соглашений вступала в противоречие с законодательством. Такая практика соответствовала закону, правовому обычаю и социальному контексту.

Список литературы:

1. Давыденко, Д. Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. Л. Давыденко. – М., 2004. – 257 с.
2. Хищенко, А. С. Примирительные процедуры в процессе правового регулирования: историко-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.01 / А. С. Хищенко. – М., 2014. – 27 с.
3. Дювернуа, Н. Л. Источники права и суд в древней России / Н. Л. Дювернуа. – М.: Унив. тип., 1869. – 413, [2], 4 с.
4. Двинская уставная грамота : [Текст] // Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – С. 181–182.
5. Уставная грамота дмитровского князя Юрия Ивановича Каменского стана Бобровникам от 29 июля 1509 года : [Текст] // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук / доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссиею. – СПб. : в Тип. 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. – Т. 1: 1294–1598. – №150. – С. 120–122.
6. Белозерская уставная грамота : [Текст] // Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1984. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – С. 192–195.

7. Белозерская уставная грамота : [Историко-правовой обзор] // Памятники русского права : в 8-ми т. – М. : Госюриздат, 1952–1961. – Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. – 1955. – С. 208–219.
8. Судебник 1497 года : [Текст] // Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – С. 54–62.
9. Судебник 1550 года : [Текст] // Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – С. 97–129.
10. Судебник 1497 года : [Комментарий] // Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – С. 62–97.
11. Судебник 1497 года : [Историко-правовой обзор] // Памятники русского права : в 8-ми т. – М. : Госюриздат, 1952–1961. – Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. – 1955. – С. 374–413.
12. Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко ; вступительная статья А. Л. Хорошкевич ; под ред. В. Л. Янина. – М.: Изд-во МГК, 1988. – 430 с.
13. Ченслор Р. Путь из Англии в Москву // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Отв. ред. Н. Л. Рубинштейн, пер. с англ. Ю. В. Готье. – Л., 1937. – С. 48–66.
14. Приговор о губных делах от 22 августа 1556 года // Памятники русского права : в 8-ми т. – М. : Госюриздат, 1952–1961. – Вып. 4: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XIV–XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. – 1956. – С. 363–370.
15. Уставная книга Разбойного Приказа 1616–1617 годов : [Текст] // Памятники русского права : в 8-ми т.. – М. : Госюриздат, 1952–1961. – Вып. 5: Памятники права периода сословно-представительной монархии : Первая половина XVII века / Под ред. Л. В. Черепнина. – 1959. – С. 188–201.
16. Указ о запрещении мировых по разбойным делам от 9 июня 1646 года // Памятники русского права : в 8-ми т.. – М. : Госюриздат, 1952–1961. – Вып. 5: Памятники периода сословно-представительной монархии : Первая половина XVII века / Под ред. Л. В. Черепнина. – 1959. – С. 237.
17. Соборное уложение 1649 года : [Текст] // Российское законодательство X–XX веков : в 9-ти т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984. – Т. 3: Акты Земских соборов. – С. 83–257.
18. Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 года : [Текст] // Памятники русского права : в 8-ми т. – М. : Госюриздат, 1952–1961. – Вып. 7: Памятники права периода создания абсолютной монархии : Вторая половина XVII века / Под ред. Л. В. Черепнина. – 1963. – С. 396–434.
19. [Мировая запись между Василием Писемским и Яковом Люткиным от 6 апреля 1642 года] // Акты, относящиеся до юридического быта древней России : в 3-х т. / изд. Археографического комис. под ред. Николая Калачова. – СПб., Тип. Императорской академии наук, 1864. – Т. 2. – №155, V. – Стб. 462–463.
20. Мировая челобитная Яблоновского сына боярского А. Заболоцкого и казака Н. Теплякова с осколовским сыном боярским Левонг. Тютеревым, укравшим у них крымское седло, август 1648 года // ОР РГБ. Ф. 204. К. 2. №14.
21. Мировая челобитная перед яблоновским воеводой Никитой Ивановичем Пещуровым рейтера Кузмы Гущина и солдата Никона Соломатина об украденных сошниках. 23 ноября 1679 года // ОР РГБ. Ф. 204. К. 2. №27.
22. Мировая запись Никиты Иванова Киселева и Емельяна Гаврилова Кошколесева с Иваном Ивановым Марковым по делу о «взятыи разбоем» воровскими людьми их крестьянина Сергея и Семена Кобузовых, разбиравшемся в Переяславле-Рязанском, 18 июня 1690 года // ОР РГБ. Ф. 204. К. 25. №41.
23. Мировая Данила Маслова с Василием Мартьяновым и монастырским стряпчим Иваном Спиридоновым, по делу о грабеже разных крестьян, 7 апреля 1697 года // Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. – Санкт-Петербург : издание Археографической комиссии, 1838. – №277 – С. 285–286.
24. Мировая по делу о грабеже, 1625 год // Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. – Санкт-Петербург : издание Археографической комиссии, 1838. – №274 – С. 284.
25. [Мировая Якова Спечова, 20 апреля 1693 года] // Обзор «Грамот коллегии экономии» : [в 4-х т.] / Сергей Шумаков. – Москва : Синодальная тип., 1899–1917. – Вып. 3 : Верея, Волоколамск, Дмитров и Звенигород. – 1912. – №643. – С. 182–183.
26. Список с мировой записи, 1656 год // Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина : [в 10-ти ч.] / Изд. П. И. Щукина. – М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. – Ч. 3. – С. 63.

Strunskiy A. D. Criminal Law and Conciliation Agreements in the Muscovy of the XVth–XVIIth century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 39-46.

The issue of possibility of concluding a conciliation agreement on criminal cases in the Muscovy of the XVth–XVIIth centuries is discussed in the article. The regulations of the XIVth–XVIIth century containing provisions on the possibility of concluding a conciliation agreement as to the criminal cases are analyzed. The conclusion about the possibility of concluding a conciliation agreement in relation to crimes of private matter is made by the author on the basis of the use of the formal legal method. Robbery and theft, which the legislator began to classify as crimes of a public matter is the only exception. At the same time, with regard to the possibility of concluding a conciliation agreement on cases related to theft, the legislator mitigated the position in the XVIIth century. These conclusions are supported by a microhistorical research of conciliation agreements of the XVIIth century. The author concludes that practice of concluding conciliation agreements in criminal cases of private prosecution was widespread, did not contradict the law, corresponded to legal customs and social context.

Keywords: criminal law, settlement agreement, Moscow state, Russian centralized state, legal custom, social context.

Spisok literatury:

1. Davydenko, D. L. Mirovye soglasenie kak sredstvo vnesudebnogo uregulirovaniya chastnopravovykh sporov (po pravu Rossii i nekotorykh zarubezhnykh stran) : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.03 / D. L. Davydenko. – M., 2004. – 257 s.
2. Hishhenko, A. S. Primiritel'nye procedury v processe pravovogo regulirovaniya: istoriko-pravovoj analiz : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. : 12.00.01 / A. S. Hishhenko. – M., 2014. – 27 s.
3. Djuvernua, N. L. Istochniki prava i sud v drevnej Rossii / N. L. Djuvernua. – M.: Univ. tip., 1869. – 413, [2], 4 s.
4. Dvinskaja ustavnaja gramota : [Tekst] // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9-ti t. / Pod obshh. red. O. I. Chistjakova. – Moskva : Juridicheskaja literatura, 1984. – T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. – S. 181–182.
5. Ustavnaja gramota dmitrovskogo knjazja Jurija Ivanovicha Kamenskogo stana Bobrovnikom ot 29 ijulja 1509 goda : [Tekst] // Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj Imperii Arheograficheskoju jekspediciju Imperatorskoj akademii nauk / dop. i izd. Vyschajshe uchrezhdennoju komissieju. – SPb. : v Tip. 2 otd-nija Sobstvennoj E. I. V. kanceljarii, 1836. – T. 1: 1294–1598. – №150. – S. 120–122.
6. Belozerskaja ustavnaja gramota : [Tekst] // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9-ti t. / Pod obshh. red. O. I. Chistjakova. – M. : Juridicheskaja literatura, 1984. – T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. – S. 192–195.
7. Belozerskaja ustavnaja gramota : [Istoriko-pravovoj obzor] // Pamjatniki russkogo prava : v 8-mi t.. – M. : Gosjurizdat, 1952–1961. – Vyp. 3: Pamjatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. / Pod red. L. V. Cherepnina. – 1955. – S. 208–219.
8. Sudebnik 1497 goda : [Tekst] // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9-ti t. / Pod obshh. red. O. I. Chistjakova. – Moskva : Juridicheskaja literatura, 1984. – T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. – S. 54–62.
9. Sudebnik 1550 goda : [Tekst] // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9-ti t. / Pod obshh. red. O. I. Chistjakova. – Moskva : Juridicheskaja literatura, 1984. – T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. – S. 97–129.
10. Sudebnik 1497 goda : [Kommentarij] // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9-ti t. / Pod obshh. red. O. I. Chistjakova. – Moskva : Juridicheskaja literatura, 1984. – T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. – S. 62–97.
11. Sudebnik 1497 goda : [Istoriko-pravovoj obzor] // Pamjatniki russkogo prava : v 8-mi t.. – M. : Gosjurizdat, 1952–1961. – Vyp. 3: Pamjatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. / Pod red. L. V. Cherepnina. – 1955. – S. 374–413.
12. Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii / Per. s nem. A. I. Maleina i A. V. Nazarenko ; vstupitel'naja stat'ja A. L. Horoshkevich ; pod red. V. L. Janina. – M.: Izd-vo MGK, 1988. – 430 s.
13. Chenslor R. Put' iz Anglii v Moskvu // Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke / Otv. red. N. L. Rubinshtejn, per. s angl. Ju. V. Gor'e. – L., 1937. – S. 48–66.
14. Prigovor o gubnyh delah ot 22 avgusta 1556 goda // Pamjatniki russkogo prava : v 8-mi t.. – M. : Gosjurizdat, 1952–1961. – Vyp. 4: Pamjatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. / Pod red. L. V. Cherepnina. – 1956. – S. 363–370.
15. Ustavnaja kniga Razbojnogo Prikaza 1616–1617 godov : [Tekst] // Pamjatniki russkogo prava : v 8-mi t.. – M. : Gosjurizdat, 1952–1961. – Vyp. 5: Pamjatniki prava perioda soslovno-predstavitel'noj monarii : Pervaja polovina XVII veka / Pod red. L. V. Cherepnina. – 1959. – S. 188–201.
16. Ukaz o zapreshhenii mirovyh po razbojnym delam ot 9 ijunja 1646 goda // Pamjatniki russkogo prava : v 8-mi t.. – M. : Gosjurizdat, 1952–1961. – Vyp. 5: Pamjatniki perioda soslovno-predstavitel'noj monarii : Pervaja polovina XVII veka / Pod red. L. V. Cherepnina. – 1959. – S. 237.

17. Sobornoe ulozhenie 1649 goda : [Tekst] // Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9-ti t. / Pod obshh. red. O. I. Chistjakova. – Moskva : Juridicheskaja literatura, 1984. – T. 3: Akty Zemskih soborov. – S. 83–257.
 18. Novoukaznye stat'i o tatebnyh, razbojnyh i ubijstvennyh delah ot 22 janvarja 1669 goda : [Tekst] // Pamjatniki russkogo prava : v 8-mi t. – M. : Gosjurizdat, 1952–1961. – Vyp. 7: Pamjatniki prava perioda sozdanija absoljutnoj monarii : Vtoraja polovina XVII veka / Pod red. L. V. Cherepnina. – 1963. – S. 396–434.
 19. [Mirovaja zapis' mezhdru Vasiliem Pisemskim i Jakovom Ljutkinym ot 6 aprelja 1642 goda] // Akty, odnosjashhiesja do juridicheskogo byta drevnej Rossii : v 3-h t. / izd. Arheograficheskiju komis. pod red. Nikolaja Kalachova. – SPb., Tip. Imperatorskoj akademii nauk, 1864. – T. 2. – №155, V. – Stb. 462–463.
 20. Mirovaja chelobitnaja Jablonovskogo syna bojarskogo A. Zabolockogo i kazaka N. Tepljakova s oskolovskim synom bojarskim Levont. Tjuterevym, ukravshim u nih krymskoe sedlo, avgust 1648 goda // OR RGB. F. 204. K. 2. №14.
 21. Mirovaja chelobitnaja pered jablonovskim voevodoj Nikitoj Ivanovichem Peshhurovym rejtera Kuz'my Gushhina i soldata Nikona Solomatina ob ukradenij soshnikah. 23 nojabrja 1679 goda // OR RGB. F. 204. K. 2. №27.
 22. Mirovaja zapis' Nikity Ivanova Kiseleva i Emel'jana Gavrilova Koshkoleeva s Ivanom Ivanovym Markovym po delu o «vzjat'i razboem» vorovskimi ljud'mi ih krest'janina Sergeja i Semena Kobuzevyh, razbiravshemsja v Perejaslavle-Rjazanskom, 18 ijunja 1690 goda // OR RGB. F. 204. K. 25. №41.
 23. Mirovaja Danila Maslova s Vasiliem Mart'janovym i monastryskim strjapchim Ivanom Spiridonovym, po delu o grabezhe raznyh krest'jah, 7 aprelja 1697 goda // Akty juridicheskije ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva. – Sankt-Peterburg : izdanie Arheograficheskij komissii, 1838. – №277 – S. 285–286.
 24. Mirovaja po delu o grabezhe, 1625 god // Akty juridicheskije ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva. – Sankt-Peterburg : izdanie Arheograficheskij komissii, 1838. – №274 – S. 284.
 25. [Mirovaja Jakova Spechova, 20 aprelja 1693 goda] // Obzor «Gramot kollegii jekonomii» : [v 4-h t.] / Sergej Shumakov. – Moskva : Sinodal'naja tip, 1899–1917. – Vyp. 3 : Vereja, Volokolamsk, Dmitrov i Zvenigorod. – 1912. – №643. – S. 182–183.
 26. Spisok s mirovoj zapisi, 1656 god // Sbornik starinnyh bumag, hranjashhihsja v Muzee P. I. Shhukina : [v 10-ti ch.] / Izd. P. I. Shhukina. – M. : T-vo tip. A. I. Mamontova, 1897. – Ch. 3. – S. 63.
- .

УДК 321.011

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-47-50

УЧЕНИЕ М. А. РЕЙСНЕРА О ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Квасова О. А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируются взгляды Михаила Андреевича Рейснера на институт верховной власти (1868–1928 гг.) – видного российского правоведа раннего советского периода, идеи которого использовались в социалистическом государственном строительстве. Взгляды М.А. Рейснера отличались большой оригинальностью. Среди признаков государства ключевое значение придавал государственной власти как «организационной идеи политического поведения людей», определяя государство посредством «фантазмов» (идей) верховной власти.

Ключевые слова: правовая мысль, государство, власть, взгляды.

М.А. Рейснер (1868–1928 гг.) – один из самых ярких представителей российской правовой мысли начала XX вв., идеи которого вызывали острые и вызывают научные дискуссии. Сегодня он известен как интерпретатор психологической концепции права Л.И. Петражицкого, опирающийся на идеи марксизма. В последние годы интерес к творчеству М. А. Рейснера возрос [1, 5, 6]. В 2016 г. была защищена даже диссертация, посвященная анализу его государственно-правовых воззрений [6]. Целью данной статьи выступает реконструкция взглядов М.А. Рейснера на институт верховной власти.

Исследуя понятие «государство», Рейснер отмечал его историческую многозначность. Так, у древних греков для обозначения государства пользовались названием «полис» или «город», у римлян государство обозначали именем «civitas» (гражданство или городская община), «respublica» (публичное или общее дело), «imperiū» (властвование) или «regnum» (царство). Все эти названия, отмечал он, характеризуют различные виды и формы государства, но не его сущность. Наиболее близкое определение государства, как полагал М.А. Рейснер, связано с Италией с появлением «città» (город) и «república» (республика), «state», заимствованное из латинского слова «status», обозначавшего состояние вообще, под которым подразумевалось организация государства. У поляков употреблялось понятие господство (панства), у болгар – держава (држава), у русских – властвование или государство. Объединяя воедино представленные позиции, государство определяется как институт властвования [3, с. 7].

Понятие власти правовед определял «как общее всем союзам» [3, с. 10]. Уточняя при этом, что это общее содержит в себе представление о некоей вине человека находящейся воле, с определёнными требованиями и обязательствами их исполнения. В учении М.А. Рейснера власть подразделяется на виды – правовая и безправная [3, с. 10]. Давая характеристику безправной власти, мыслитель говорит о способах ее проявления, т.е. это власть, возникавшая в процессе взаимоотношения между людьми без участия правовой нормы. Способ обеспечения такой власти – насилие. В качестве примера, М.А. Рейснер приводит взаимоотношение хозяина и

раба. Под правовой властью понимал власть, имеющую «правовую оболочку» [3, с. 11].

Верховная суверенная власть – это основополагающая структура государства, имеющая ряд признаков. Во-первых, принудительно-властный характер, не зависящий от воли человека, обязывающий его соблюдение. Во-вторых, наличие носителей верховной власти, т.е. граждан. В понятие верховной власти, по мнению Рейхснера, входили три основных элемента: воля, право и сила. Идея государственной воли отличается от реальной воли, или общегосударственных волей, которые являются выражением государственной силы. Воля государства является основополагающей, т.к. каждое государство претендует на вечное существование, имеет свою историю, традиции и культурные ценности. Воля человека является вместе с тем весьма изменчивой и двойкой, основанной на противоречиях. Воля государства является не только сознательной, лишенной индивидуально-эмоционального характера, но и постоянной в пространстве и времени, неизменной по существу, единой во всех проявлениях. Ей присуще только одно содержание, и оно заключается в преследовании чисто государственных целей, самосохранении, самозащиты, роста и благосостояния государства. В частности, воля государства, несмотря на ее конкретное совпадение с волей отдельных частных лиц, тем не менее, приобретает некоторый нечеловеческий, сверхъестественный характер. И если, даже «приписывая государству волю, пользуются образным выражением употребляют аналогию», то здесь лежит, прежде всего, мотив, в силу которого «на государство<...> смотрят не как на машину, а как на некоторое живое существо, которое приходит в действие благодаря своему собственному стремлению к деятельности» [2, с. 24].

Без такой «воли» невозможно выполнение ряда поставленных перед государством целей в качестве юридического лица. Кроме того, без воли правовые отношения не могут существовать, поскольку государство действует в качестве самостоятельного носителя воли, как компетентный субъект, создающий правовые предписания. Государственная воля не только независима в высочайшей степени, но и свободна в такой мере, как это не может представить себе ни один человек. Правами власти, число которых не ограничено ничем, соответствует столь же абсолютные обязанности подданных, которые по принципу не имеют ни права восстания, ни права суда или наказания по отношению к государственной воле, как таковой. Так М.А. Рейхснер определял внутренний суверенитет, который юридически, отмечал он, формулируется как право свободного определения своей собственной компетенции. Население подчиняются этой власти беспрекословно. Это понятие суверенитета, как особого «правового характера» государственной власти выработалось преимущественно в эпоху абсолютизма.

Изучая взгляды как отечественных, так и западных исследователей, М.А. Рейхснер критически относится к сложившей системе ценностей предшествующих ученых относительно отождествления суверенитета в качестве признака государства или наделения его самостоятельностью. Такого рода понятия, по мнению ученого, стремятся определить место жизненного центра в государственном организме.

Еще одним признаком верховной государственной воли является принадлежащая ей сила. Этой силе он приписывал особые свойства, ставящие ее далеко за пределы

обычной человеческой, даже коллективной силы. В этом отношении государственная сила идет вполне на одном уровне с государственной волей и властью. Предполагается, что сила государства обладает способностью превозмочь не только какие-нибудь удары и противодействия со стороны подданных или их объединений, даже со стороны каких бы то ни было внешних, вражеских сил. Любое государство никогда не станет развить свою армию в ожидании войны с безмерно более сильным, чем она сама. Эта сила представляется вездесущей, так как ей подлежит вся территория страны без исключения, и общество твердо убеждено, что эта сила будет проявлена везде, где она, нужна. Эта сила не ограничивается в своем применении одним воздействием на внешнее поведение и физическую природу человека, она хочет воздействовать при помощи системы наказания и поощрения воздействовать на внутренние мотивы человеческих поступков, она желает не только знать, но и видоизменять согласно желаниям представителей верховной воли человеческие мысли, чувства и желания.

М.А. Рейснер является одним из сторонников идеи народного суверенитета, основанного на демократических началах как основе властвования народа. Народ в понимании ученого – это источник власти, как указывает правовед «в демократии сам народ – власть» [1, с. 232]. М.А. Рейснер связывает разработку и распространение понятия народного суверенитета с широким внедрением в практику государственных отношений представительных органов власти. Более того, по его мнению, благодаря этой идее стало возможным принципиально по другому посмотреть на природу государственной власти, поскольку было четко осознано, что «в государстве не только власть существует для народа, а сам народ становится государством; народное благо совершается не только для народа, а через народ<...> сам народ становится властью» [2, с. 122].

Таким образом, М.А. Рейснер, также как и большинство его современников, признаками государства считал государственную власть, население и территорию. Однако, рассуждая об их иерархии, однозначный приоритет отдавал верховной власти как «организационной идеи политического поведения людей». Факультативными признаками государства он считал: а) государственную идеологию, б) нормирующий характер, в) компромиссность, определяя государство посредством «фантазмов» (идей) государственной власти.

Список литературы:

1. Працко Г. С., Болдырев О. Н. Развитие психологической теории права в работах М. А. Рейснера // *Философия права*. - 2015.- №1 (68). - С. 16-20.
2. Рейснер М.А. Государство. Часть I: Идеология и метод / М.А. Рейснер. – М., 1918. – 222с.
3. Рейснер М.А. Государство. Часть I. Культурно-исторические основы/ М.А. Рейснер. – М., 1911. – 221 с.
4. Рейснер, М.А. Основные черты представительства /М.А. Рейснер // *Конституционное государство: Сборник статей*. – СПб., 1905. – С. 121-178.
5. Сафронова Е. В., Скибина О. А. М. А. Рейснер: жизненный и научный путь // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. - 2013.- № 10 (41).- С. 103-110.
6. Скибина О.А. Государственно-правовые взгляды М.А. Рейснера: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. - Белгород, 2016. - 222 с.

О.А. Kvasova. M. A. Reisner's doctrine of Supreme power // *Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science*. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 47-50.

The article analyzes the views of Mikhail Andreevich Reisner on the institution of Supreme power (1868-1928) - a prominent Russian jurist of the early Soviet period, whose ideas were used in socialist state-building. M. A. Reisner's views were very original. Among the features of the state, he attached key importance to state power as an "organizational idea of people's political behavior", defining the state through "phantasms" (ideas) of Supreme power.

Key words: M. A. Reisner, state, Supreme power, doctrine, sovereignty, Marxism, psychological school of law, democracy, signs of Supreme power.

Spisok literatury:

1. Pracko G. S., Boldyrev O. N. Razvitie psihologicheskoy teorii prava v rabotah M. A. Rejsnera // *Filosofiya prava*. - 2015.- №1 (68).- S. 16-20.
 2. Rejsner M.A. Gosudarstvo. CHast' I: Ideologiya i metod / M.A. Rejsner. – M., 1918. – 222s.
 3. Rejsner M.A. Gosudarstvo. CHast' I. Kul'turno-istoricheskie osnovy/ M.A. Rejsner. – M., 1911. – 221 s.
 4. Rejsner, M.A. Osnovnye cherty predstavitel'stva /M.A. Rejsner // *Konstitucionnoe gosudarstvo: Sbornik statej*. – SPb.,1905. – S. 121-178.
 5. Safronova E. V., Skibina O. A. M. A. Rejsner: zhiznennyj i nauchnyj put' // *Nauka i obrazovanie: hozhaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*.- 2013.- № 10 (41).- S. 103-110.
 6. Skibina O.A. Gosudarstvenno-pravovye vzglyady M.A. Rejsnera: dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.01. - Belgorod, 2016. - 222 s.
- .

УДК 343

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-51-66

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИЖСКОГО ЛОЦМАНСКОГО ЦЕХА

Киров А. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье излагается собранный автором материал, относящийся к исследованию правовой организации деятельности Рижского лоцманского цеха с XIII до второй половины XIX вв. Указано, что лоцманский цех, обслуживавший порт Риги был образован в XVII веке, вскоре после учреждения должности Водного капитана и появления таможни на правом берегу Даугавы, напротив Даугавгривской крепости. По регламенту, Болдерая была определена в качестве места жительства лоцманов, которое могли поменять его лишь в исключительных случаях. После заключения Ништадтского мира (1721 г.) и вхождения Риги в состав Российской империи, деятельность лоцманов ее порта регулировали такие нормативные акты как «Устав о Рижской коммерции» 1765 г., указ от 4 марта 1840 г. «Об увеличении в Рижском порте лоцманского сбора», устав Рижских лоцманов от 1854 г., который действовал до 1904 г., т.е. до принятия нового устава. Устав 1854 г. был намного подробнее ранее изданных положений и уставов и сыграл значительную роль в развитии нормирования деятельности лоцманов во всей Российской империи.

Ключевые слова: цех, Рига, лоцманы, порт, нормативно-правовые акты, устав, магистрат, лоцманская проводка.

Порт Риги практически со своего основания всегда имел особое значение для заграничной торговли Руси и активно использовался для экспорта различных товаров русскими купцами. Основными путями были сухопутный и водный, по Западной Двине (на латышском языке – Даугава). Именно по этой реке купцы из Полоцка и Витебска привозили ценные товары на своих судах [1].

Важность этих торговых взаимоотношений Руси с Прибалтикой подчеркивает договор Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готландией начала XIII в., известный также как «Мстиславова правда» [2, с. 155].

В связи с активным торговым судоходством профессия лоцмана в Риге была востребована практически с началом ее торговли, в том числе из-за переменчивости фарватеров. Так, к примеру, в «Хронике Ливонии» Генриха Латыша упоминаются лоцманы, которые в том же XIII веке проводили корабли в Рижский порт [3].

По результатам русско-шведской войны и последовавшего за ней Ништадтского мира от 30 августа (10 сентября) 1721 г. России [4, с. 432], кроме прочего, отошла и Рига. С этого момента активность Рижского порта, ориентированного в первую очередь на экспорт, значительно возрастает.

Известно, что первые лоцманы, которые следили за движением по реке и знали обо всех опасных местах в устье, были из числа рыбаков, проживавших у места впадения Даугавы в море. Профессиональное же объединение (цех) лоцманов было образовано уже в XVII веке, вскоре после учреждения должности Водного капитана и появления таможни на правом берегу Даугавы, напротив Даугавгривской крепости. По регламенту, Болдерая была определена в качестве места жительства

лоцманов, которое могли поменять его лишь в исключительных случаях. Лоцманы привозили с собой семьи, именно поэтому поселок стал формироваться и как обжитое место, а не только как место, где лишь выполняли служебные обязанности.

Лоцманский дом в Болдерае можно осмотреть и в наши дни, он расположен на ул. Миглас, напротив Лоцманского канала (канала Лочу) и острова Милестибас (острова Любви). Здание построили в 1845 г., однако и сейчас оно сохранилось в своем первоначальном облике [5].

Как указывает болдерайский краевед Владимир Якушонка, «лоцманский дом» отмечен на всех старинных картах, гравюрах. Когда-то там работали 20 человек. Канал, возле которого построили дом, специально прорыли для лоцманской службы» [6].

В другом источнике находим, что «Всем, кто прибывал в Ригу по Даугаве, требовались якорщики и лоцманы, поскольку у реки было изменчивое русло, об особенностях которого знали только местные» [7].

7 декабря 1765 г. был принят «Устав о Рижской коммерции». Этим документом предписывалось, кроме прочего, «102. Лоцманские деньги, установленные по Шведскому учреждению за проводы корабля в гавань и выпроводы из сей в море, с каждого фута по $\frac{1}{2}$ ефимка, сколько корабль глубиною бывает, брать впредь с шкиперов или различных кораблей, а не с товаров, как-то прежде бывало, и три части из сих денег отдавать лоцманам, а четвертую городу» [8, с. 430-431].

Этот документ для важен тем, что он подчеркивает использование привычного лоцманам региона до российских, т.е. еще шведских норм права, а также наличие лоцманской организации. Дело в том, что в первом Полном Собрании Законов Российской империи не упоминается какая-либо лоцманская организация в Риге, ее устав. Однако вся логика событий показывает, что таковая была, просто действовала по прежним, установленным еще до завоевания Россией правилам. Так, к примеру, о наличии специальной инструкции для лоцманов Риги упоминает в своем труде известный русский исследователь М. Чулков [8, с. 488]. Однако даже в 1-й книге 5 тома своего произведения, посвященного портам Риги, Перново и Аренсбуга он о ней не упоминает.

Впрочем, так происходило на других, завоеванных Россией территориях, имеющих собственную, достаточно совершенную нормативно-правовую базу и получивших определенную долю автономии.

Это подтверждает и последующее развитие нормирования деятельности лоцманов Рижского порта. Так, 4 марта 1840 г. был принят указ «Об увеличении в Рижском порте лоцманского сбора». Его, условно, можно разделить на две основных части: 1) установление новых ставок сборов, и 2) изменение порядка распределения лоцманского сбора.

В первой части устанавливалось: «С корабля в 10 футов глубины и менее 10 р. сереб. С корабля в $10 \frac{1}{2}$ футов глубины и менее 10 р. 50 к. сереб. С корабля в 11 футов глубины и менее 11 р. сереб. С корабля в $11 \frac{1}{2}$ футов глубины и менее 11 р. 50 к. сереб. С корабля в 12 футов глубины и менее 12 р. сереб. С корабля в $12 \frac{1}{2}$ футов глубины и менее 13 р. сереб. С корабля в 13 футов глубины и менее 14 р. сереб. С корабля в 14 футов глубины и менее 17 р. сереб. С корабля в $15 \frac{1}{2}$ футов глубины и менее 21 р. сереб. С корабля в 17 футов глубины и более 27 р. сереб...».

Во-второй части указа предписывалось «четвертую часть лоцманского сбора обращать по-прежнему в пользу города на содержание дома Капитана над портом, подзорной башни и караульни в Болдераа, караульни на форко-шет-дамбе, плавучих бочек, баков, знаков на море и на берегу и тому подобного; но с тем, чтобы деньги, кои за удовлетворение сих расходов могут ежегодно оставаться, были обращаемы в пользу лоцманского цеха и причисляемы к трем четвертям лоцманского сбора, следующих лоцманам...» [9, с. 108].

Это подтверждает наше предположение о деятельности при порте Риги организованной лоцманской службы, созданной и действующей по нормам, установленным в период правления этой территорией Швеции.

Первый имперский специальный устав Рижские лоцманы получили в 1854 г. Издан он был 24 ноября этого года, т.е. в конце навигации, так, чтобы к следующей навигации лоцманский цех смог вполне заработать согласно данного нормативного акта. Следует указать, что данный документ был намного подробнее ранее изданных положений и уставов, в частности положения о лоцманской команде С.-Петербургского порта 1836 г. и «Учреждение Общества лоцманов при Сулинском порте на Дунае» 1851 г. и, очевидно, в определенной степени повлиял на форму и содержание всех последующих уставов лоцманских обществ. Данный документ состоит из 12 разделов, в которых объединены 191 статья. Учитывая важность данного документа для настоящего исследования, укажем, что Устав содержит следующие разделы: I. Об учреждении лоцманского цеха вообще; II. Об исключительном праве лоцманского цеха на провод кораблей; III. О вступлении в лоцманский цех; IV. О внутреннем устройстве цеха; V. О Цеховой Управе; VI. О Лоц-Командире; VII. О надзоре капитана над портом за лоцманским цехом; VIII. О подведомственности лоцманского цеха Ланфохтейскому Суду; IX. О правах и обязанностях лоцманов, 1) Положения общие, 2) инструкция для лоцманов; Об обязанностях морских лоцманов; Об обязанностях внешней вахты; Об обязанностях внутренней вахты; Об обязанностях речных лоцманов; Об обязанностях обер-лоцманов; Особые правила, которыми корабельщики обязаны руководствоваться; X. О правах и обязанностях лоц-командира; XI. О правах и обязанности Цеховой Управы и об управлении общественными делами цеха; XII. О лоцманских сборах, или плате, производимой лоцманам за провод судов [10, с. 32-48].

Как видно уже из названий разделов, именно в данном документе появились законодательно закрепленные положения о цеховой управе; широко и подробно изложены права и обязанности лоцманов, как морских, так и речных; управление общественными делами цеха; внутреннее устройство цеха; разделение лоцманов по званиям; внутренняя и внешняя вахта, и, наконец, именно в этом уставе впервые появляется должность лоц-командира, которому подчинялся лоцманский цех.

Обратимся к уставу подробнее. Им устанавливалось, что данный лоцманский цех «есть замкнутый, т.е. состоящий из определенного числа членов, именно: шестидесяти» (п. 1). При этом предусматривалось, что при потребности в дополнительных лоцманах, по ходатайству Биржевого комитета, их количество может быть временно увеличено по распоряжению главного начальника края (п. 2).

Пунктом 3 предусмотрено, что ближайшее заведование цехом вверено Цеховой Управе, составленной из членов цеха: одного Эльтермана¹ и трех заседателей (пп. 23-29). Лоцманский цех подчинялся, кроме того, непосредственному ведению особого начальника, называемого лоц-командиром (пп. 30-34) и состоял под главным надзором капитана над Рижским портом и под ведением Ландфохтейского суда.

Уставом предусматривалось, что лоцманский цех состоит в ведении Ландфохтейского суда в общем порядке гражданской подчиненности. Также ведению этого суда подлежали дела по управлению цехом; дела по жалобам на лоц-командира и членов цеховой управы; производство расследований и постановление определений по делам о нарушении указанными лицами их должностных обязанностей, в той мере, когда производство таких дел не подлежало уголовному суду (п. 37). Дополнительно подтверждалось это положение и п. 29, в котором особо подчеркивалось, что «За преступления по должности члены Цеховой Управы подлежат ведомству Ландфохтейского суда...».

Несколько отвлекаясь от основной проблемы нашего исследования, очевидно, необходимо указать, что Ландфохтейский суд это один из нижних городских судов в Риге [11].

Так, в указе от 12 октября 1787 г. «О введении Городового Положения в Рижском Наместничестве» находим: «...Положению городовому Магистрату надзирание над Ремесленными Управами и разбор касательно до оных дел, препоручен особенному Фохтейскому суду городского Магистрата; а потому Рижский городской Магистрат и состоит из следующих Департаментов, а именно: 1, Фохтейский Суд производит все случающиеся внутри города, как уголовные, так и Гражданские дела. 2. Ландфохтейский Суд производит те же дела, случающиеся вне города, в предместьях и в городских владениях» [12, с. 924-236].

Данный судебный орган состоял из двух ратманов под председательством 2-го бургомистра магистрата, которые выбирались сроком на 1 год. Предусматривалось до все нижние суды магистрата могли решать дела только маловажные, с иском до 25 руб., апелляции на которых не предусматривались. В остальных случаях Ландфохтейский и иные близкие ему суды должны были рассматриваться ими, однако вынесение решения возлагались на магистрат. Если уже кто не был удовлетворен решением магистрата, то, апелляцию следовало подавать в губернский магистрат [12, с. 936-937].

Как видим это не был специальный суд для лоцманов, или же для дел, возникающих из правоотношений в области морского права. В тоже время, его юрисдикция в отношении лоцманов была вполне достаточной для разрешения основной части возникающих незначительных дел.

Развивая политику замкнутого цеха, устав устанавливал, что право провожать корабли на реке Двине, ее устье или на Рижском рейде, принадлежит исключительно членам Рижского лоцманского цеха. Любому иному, кто, не являясь лоцманом решался взять в этих местах «без явной необходимости или разрешения

¹ В переводе с немецкого языка означает «пожилой человек». В отношении к настоящему исследованию подойдет трактовка «старшина» и «староста», как наиболее употребляемое в прочих лоцманских уставах по отношению к данной должности.

местного начальства» производить лоцманскую проводку подвергался наказаниям, установленным в ст. 1690 уложения о наказаниях (п. 4).

Что касается вступления в лоцманский цех (III), то в Уставе устанавливались такие требования к ним. Кандидат должен был предъявить в Ландфохтейский суд «надлежащие доказательства», очевидно, подтвержденные документально, в том, что он: 1) состоит в Российском подданстве и «свободного состояния»; 2) не моложе 20 и не старше 35 лет; 3) «крепкого телосложения и не одержим никакой хронической болезнью»; и 4) не менее 5 лет находился на службе на мореходных судах, оказался к ней способным, «и при том был хорошего поведения» (п. 5). Особо оговаривались равные права кандидатов всех вероисповеданий (п. 6).

Здесь следует указать, что данные требования к кандидатам в лоцманы впоследствии стали практически стандартными во всей Российской империи, за исключением требования опыта службы на мореходных судах, которое вводилось в иные лоцманские уставы постепенно. К требованию в подпункте «3» позже добавлялись условие хорошего зрения и правильно различать цвета. Впрочем, это можно назвать лишь его последующей детализацией.

Проверка всех требований, выдвигаемых к кандидатам, возлагалась на Ландфохтейский суд, после чего они подлежали экзамену, который принимала комиссия «в присутствии лоц-командира, цехового Эльтермана и одного из цеховых заседателей». При успешном результате экзамена экзаменуемый получал специальное свидетельство о том на гербовой бумаге, оплачивая лишь ее стоимость (п. 7). Однако, получение такого свидетельства еще не означало автоматическое зачисление в лоцманский цех. Оказавшийся годным к службе вносился лишь в общий список лоцманских кандидатов (п. 8).

Уставом предусматривалось, что Ландфохтейский суд замещает открывающиеся вакансии внесенными в список кандидатами, отдавая предпочтение тем из них, которые при испытании получили наиболее удовлетворительные свидетельства (п. 9).

В случае если свидетельства кандидатов в лоцманы были равны по своему уровню, то предпочтение получали старшие кандидаты, по времени внесения каждого из них в кандидатский список. Не забывая принцип «закрытого цеха», устав предоставлял преимущественное же право на прием в цех, независимо от старшинства по списку кандидатов, сыновьям лоцманов перед всеми прочими кандидатами, а затем – членам Рижского матросского цеха (п. 11). Подобные привилегии в отношении детей лоцманов имели и другие общества лоцманов. Что же касается членов матросских цехов, то данное положение вполне соотносилось с установленными требованиями к кандидатам в отношении стажа плавания.

Принцип закрытости цеха усиливался положением устава, согласно которому Ландфохтейский суд объявлял о произведенном выборе Эльтерману и заседателям лоцманского цеха [10, с. 33], чтобы они могли, если сочли необходимым, сообщить о причинах, по которым не желают принять избранного кандидата в число цеха. В случае если Ландфохтейский суд признавал уважительными причины, изложенные представителями цеха, то кандидату отказывалось в приеме (п. 12).

И даже попав в число лоцманов кандидат не мог быть окончательно уверен в своем трудоустройстве, так как он не становился автоматически членом цеха, а лишь принимался на испытательный срок, длительностью в 1 год. И только в

случае, когда по истечении этого срока, лоц-командир выдавал вновь определенному лоцману одобрительное свидетельство о его поведении, то он принимался в число членов цеха и приводился к присяге на лоцманскую должность (п. 13).

Оригинальным было положение устава, согласно которому каждый лоцман, при вступлении в цех, был обязан внести единовременно 7 руб. на издержки по лоцманской части; 1 руб. 40 коп. в пользу церкви того вероисповедания, к которому он принадлежал, и 17 руб. в цеховую казну, всего 25 руб. 40 коп. серебром. При этом сыновья лоцманов, при вступлении в цех, вносили только половину вышеозначенных сборов (п. 14). Примечанием к данному пункту накладывался запрет на «Все производившиеся в прежнее время угощения и другие расходы, под каким бы то ни было наименованием...». Как видим, взнос при вступлении был не обременительным для поступающих, а древние цеховые традиции застолья, как и подарков старшине цеха запрещались.

Следует, очевидно упомянуть и о том, поступивший в цех лоцман обязан был обзавестись и соответствующей форменной одеждой, которая устанавливалась п. 61 устава: «синяя куртка, такого же цвета исподнее белье, кожаная круглая шляпа с знаками различия».

Что касается внутреннего устройства цеха, то предусматривалось, что он состоит из 40 лоцманов 1-го и двадцати 2-го разряда (п. 15). При необходимости Ландфотейский суд замещал вакансии, открывающиеся между лоцманами 1-го и 2-го разрядов, по представлению лоц-командира и предварительном запросе о том мнения цеховой управы. При этом устав предписывал учитывать не только старшинство по службе, а преимущественно хорошее поведение, особые заслуги и способности лоцманов, удостоиваемых перевода из низшего разряда в высший (п. 16). Одновременно с этим предусматривалось, что лоцманы 1-го разряда могут быть переведены обратно во 2-й разряд, в виде наказания, но не иначе, как по решению Ландфотейского суда (п. 17).

Одной из особенностей Рижского цеха лоцманов, как уже указывалось, было то, что они разделяются по роду их обязанностей, на морских и речных (п. 18). На морских лоцманов возлагалась обязанность провожать суда с моря в Болдераа и обратно из Болдераа в море (п. 19).

Интересным является факт того, что разделение на морских речных лоцманов цеха не было для них постоянным определением рода деятельности. Морские лоцманы избирались ежегодно, при открытии судоходства. Устав предписывал выбирать в них 30 человек «из числа сих самых благонадежных, способных и сильных лоцманов» как 1-го так и 2-го разрядов. Выбор производится лоц-командиром, по совещанию с цеховой управой. Результаты выбора сообщались лоц-командиром, для утверждения, Ландфотейскому суду (п. 20).

Количество речных лоцманов также определялось в 30 человек. На них возлагалась обязанность провожать суда из Болдераа до Риги и обратно от Риги до Болдераа (п. 21).

Непосредственное наблюдение за исполнением служебных обязанностей лоцманов поручалось 4-м обер-лоцманам. Должности обер-лоцманов устав предписывал всегда возлагать на цехового Эльтермана и 3-х заседателей, составляющих Цеховую управу (п. 22).

Что касается Цеховой управы, то она, будучи важнейшим центром самоуправления лоцманов, как уже указывалось, состояла из Эльтермана и 3-х заседателей. Все они непосредственно подчинялись лоц-командиру (п. 23).

Эльтерман и 3 заседателя избирались из лоцманов 1-го разряда, в общем собрании цеха, созываемого ежегодно на Сырной неделе перед Великим Постом. Выборы производились всеми присутствующими членами цеха на 2 года, но по прошествии этого срока они могли избираться вновь (п. 24).

Не позже как в течение 8 дней после выборов лоц-командир обязан был лично представить новоизбранных членов Цеховой управы, в присутствии 4 старших членов цеха [10, с. 34], Ландфохтейскому суду на утверждение. При этом данный суд не имел права отказаться без законного основания от утверждения выборов (п. 25).

Законным образом созданная Цеховая управа заведовала всеми делами цеха, подлежащими непосредственно ведению общих цеховых собраний, или исключительному ведению лоц-командира (п. 26).

В ее ведении цеховой управы состояли лоцманские конторы в Риге и Болдераа. В этих конторах имелось по 1 писарю для заведывания письмоводством и бухгалтерской частью, особенно для ведения записей о служебной очереди, командировок и возвращения лоцманов (п. 27). Эти писари непосредственно подчинялись лоц-командиру и цеховой управе, избирались лоц-командиром и членами цеха, с общего согласия, и представлялись Ландфохтейскому суду на испытание и утверждение (п. 28).

Особая роль отводилась уставом лоц-командиру. Для назначения на эту должность устанавливалась особая процедура. Так, при открытии вакансии, Рижский Биржевой комитет, по требованию Ландфохтейского суда, избирал на эту должность из числа лоцманов, или иных «сведущих о опытных мореходцев», двух кандидатов. После чего Ландфохтейский суд отправлял этих кандидатов к капитану над портом, для испытания их способностей, после чего производился доклад о результатах «главному начальнику края», который и утверждал одного из указанных кандидатов, по своему усмотрению. Избранный и утвержденный, таким образом, лоц-командир, по распоряжению Ландфохтейского суда приводился к присяге на эту должность, после чего он являлся к капитану над портом и вступал в должность (п. 30).

Столь многоступенчатый выбор лоц-командира обосновывался тем, что он не представлял гидрографическое управление и получал содержание из средств лоцманского цеха. Согласно уставу, лоц-командир получал содержание от купечества, на основании особого соглашения с Биржевым комитетом, из средств, состоящих в его распоряжении. На таком же основании определялось производство пенсии лоц-командиру, или его вдове (п. 31).

Устанавливалось, что лоц-командир управляет всей лоцманской частью и принимает непосредственное участие в заведывании общественными делами лоцманского цеха (п. 32). Жалобы на него следовало приносить, по принадлежности, или капитану над портом или Ландфохтейскому суду, которые и распоряжались, при необходимости, проведением следствия по делу (п. 33).

Учитывая специфику назначения лоц-командира, он мог уволен от службы по собственной просьбе или же за нарушение своих обязанностей, но не иначе как ведома и разрешения главного начальника края (п. 34).

Несмотря на наличие лоц-командира, главный надзор за лоцманами «по части портовой полиции и вообще по части отправления лоцманских служебных обязанностей» возлагался капитану над портом (п. 35). В последствии такое распределение функций между этими должностными лицами станет стандартным во многих портах Российской империи. Особо следует отметить тот факт, что на капитана над Рижским портом возлагались функции полицейского надзора, что произошло в большинстве портов страны лишь в конце XIX – начале XX вв. [13, с. 380-417].

Именно капитан над портом отдавал приказы лоц-командиру и получал от него донесения по всем вопросам, относящимся к портовой полиции и в отношении в порту надлежащего порядка. Кроме того, он должен был получать от лоц-командира, во время судоходства, ежедневные донесения о всех происшествиях по лоцманской части (п. 36) [10, с. 35].

Отдельная часть устава посвящалась правам, обязанностям и порядка действия всех регулируемых в его положениях должностных лиц и учреждений: лоцманов морских и речных, внешней и внутренней вахт, обер-лоцманов, лоц-командира, капитанов судов, цеховой управы.

Обратимся к рассмотрению прав и обязанностей лоцманов, ставших в последствии, за исключением специфики их деятельности в Рижском порту и прилегающих к нему водах, образцом для подражания при составлении уставов иных обществ.

Классической становилась норма, согласно которой лоцман, при входе на судно, обязан был вручить капитану бланкет, который тот возвращал с отметкой о профессиональном поведении лоцмана (п. 38). Особо следует указать, что при проводке судов лоцманы наличных денег не получали, т.к. уставом устанавливалось, что проводная плата взимается и выдается лоцманскому цеху через контору добровольных складок (п. 59). По завершении проводки судна лоцманы обязывались донести о приходе судна в лоцманскую контору (п. 39).

Ряд норм устава устанавливал ответственность лоцманов за результаты своей работы. В частности, предусматривалось, что:

- лоцманы отвечали за всякий вред судну с момента принятия его и до постановки на якорь (п. 43).
- если судно, принятое лоцманом, набежит на камень или берег, то лоцман лишался платы за проводку и подвергался взысканиям, указанным в ст. 1684 в уложении о Наказаниях (п. 42);
- при причинении вреда пристани или судну лоцман обязан сам доложить о том лоц-командиру (п. 43);
- при отказе лоцмана вести судно его ожидало увольнение из цеха (п. 44);
- лоцман не имел права приказывать готовому к отплытию из Риги суду разгрузить часть товара, или весь товар (п. 45);
- цех отвечал круговой порукой за все убытки своих лоцманов [10, с. 36].

Несколько норм устава определяли порядок действия лоцманов в чрезвычайных условиях. Так, предусматривалось, что во время сильной бури лоцманы обязаны

были на своих лодках выходить к приближающимся судам без промедления. Окончательное определение возможности такого выхода принадлежало лоц-командиру (п. 47).

В случае, когда судно садилось на мель, то были лоцманы обязаны принять все усилия по его спасению (п. 48). При этом, за действия в чрезвычайных ситуациях лоцманам полагалось от Биржевого комитета особое вознаграждение (п. 49).

Расстановку проведенных судов лоцманы обязаны были осуществлять по приказу лоц-командира, который, очевидно, действовал в этом вопросе по согласованию с капитаном порта (п. 51).

Кроме того, лоцманы не имели права оставлять судно до конца проводки (п. 53); обязаны были контролировать соблюдение мер выгрузки балласта (п. 54); бесплатно каждую весну промерять фарватер в Двине, на взморье и рейде; выставять и снимать по сезону бакены и морские знаки (п. 55); использовать лоцманские лодки только для служебных целей; очищать их зимой от льда и пр. (п. 56) [10, с. 37]. При этом, за дополнительные услуги, затребованные судами от лоцманов, последние получали дополнительную с них же плату (п. 60).

К мерам социальных гарантий предусмотренным в отношении лоцманов, можно отнести, а) отдельные льготы; б) право на пенсию и пособие по болезни.

Так, в частности, рижские лоцманы были освобождены от платы за пользование Двинского моста и за перевоз через саму реку (п. 62); на них распространялась льгота от податей и повинностей, рекрутства, применяемая к вольным матросам цехов Новороссийского края, Бессарабии и Рижского (п. 63); пользовались правом рыбной ловли в особо определенных местах (п. 64).

Имели лоцманы и право на пенсию по увечью на работе (п. 65), которое после смерти лоцмана переходило его вдове (п. 66). Кроме того, вдовам лоцманом, кроме установленной пенсии полагалось особое пособие «закрывающимся в одной половине той части лоцманских сборов, которые, при ближайшем за тем разделе оных, причитались бы на долю умершего». Остальная часть этих средств поступала новому лоцману, занявшему его место (п. 67).

Если в случае болезни лоцмана оказывалось, что он, по бедности, или одиночеству, нуждается в призрении и помощи, то Цеховая Управа должна была озаботиться об оказании ему надлежащего попечения и денежного пособия из цеховой казны (п. 68).

Содержится в данном уставе и особая «Инструкция для лоцманов», несмотря на то, что значительная часть норм в отношении их деятельности размещена в иных разделах документа.

В ней еще раз подчеркивалось, что ежегодно, перед открытием судоходства, лоц-командир разделяет морских лоцманов на две вахты и речных лоцманов тоже на две вахты (п. 69), каждая из которых состояла в ведении одного обер-лоцмана (п. 70). Распределение обер-лоцманов зависело от усмотрения лоц-командира (п. 71).

Ежедневная служба лоцманов продолжалась от восхода до заката солнца. При этом провод судов до восхода запрещался, но исключения могли производиться по приказу лоц-командира [10, с. 38] (п. 72).

Остальные нормы инструкции устанавливали для лоцманов ряд запретов:

1) отлучаться от вахты без разрешения обер-лоцмана или лоц-командира. За нарушение этого правила лоцманом грозило первые 2 раза штраф в 5 руб., в третий – увольнение (п. 73);

2) даже и по закрытии судоходства, удаляться из Болдераа, без разрешения лоц-командира, или, в его отсутствие, цеховой управы, или без получения от лоц-командира формального отпуска. Виновные в самовольной отлучке подвергались взысканиям, установленным в п. 73 (п. 74);

– требовать самовольно дополнительную плату с судов (п. 75);

– находиться в пьяном состоянии лоцмана во время проводки или грубить корабельщику (п. 76).

Обязанности морских лоцманов устанавливались уставом такие. Одна из морских лоцманских вахт несла службу при маяке. Она называлась внешней и провожает суда с моря в Болдераа (п. 77). Другая вахта находилась в Болдераа, в Лоцманской конторе. Эта вахта называлась внутренней и провожала суда из Болдераа в море (п. 78).

Очевидно, с целью исключения возможных недоразумений и злоупотреблений, предусматривалось, что обе морские лоцманские вахты отправляют как внешнюю, так и внутреннюю вахтенную службу, по очереди, сменяясь через каждые 8 дней, не исключая воскресных и праздничных (п. 79).

Связь между обоими вахтами производилась с помощью сигнальных флагов, сигналы которых определялись лоц-командиром (п. 80). Сами флаги поднимались на флагштоках, устроенных для этого при маяке и при лоцманском доме в Болдераа (п. 81). При этом сигнал, поднятый в одном из указанных мест, мог быть спущен не ранее, как после поднятия того же самого сигнала на пункте, с которым происходила связь (п. 82).

Что касается обязанностей внешней вахты, то на ее обер-лоцмана в первую очередь возлагалась обязанность вести лоцманский бот и встречать на нем приближающиеся суда в море, по крайней мере за пол морской мили от крайнего морского знака. Далее обер-лоцман передавал управление теми судами избранным для этого лоцманам и снабжал их соответствующими наставлениями (п. 83).

В особо сложных условиях, т.е. при сложных погодных условиях или при других затруднительных обстоятельствах, обер-лоцман сам был обязан вести встреченное судно, однако же не иначе, как по особому приказанию о том лоц-командира (п. 84).

Предусматривалось, что если из-за значительного прихода судов при внешней вахте будет ощущаться недостаток в лоцманах, то он пополняется лоцманами внутренней вахты, по усмотрению лоц-командира (п. 85).

Во время бури, когда у лоцманов отсутствовала возможность выйти в море, и когда вход в порт был сопряжен с особенной опасностью для судов, предписывалось вывешивать на маяке черный шар, с целью таким образом дать знать судам, что они должны бросить якорь на рейде, или удалиться в открытое море (п. 86).

Как уже указывалось, внешняя вахта, находящаяся на маяке, обязывалась содержать там сторожевой пост (п. 87), лоцман которого должен был через каждые 10 мин., с помощью подзорной трубы осматривать горизонт стороны моря и наблюдать за сигналами с лоцманской башни в Болдераа (п. 88).

В случае если буря или сила течения не позволяли лоцманским лодкам выходить, то приходящим судам следовало указывать сигналами, то направление, которого они должны держаться. Эти сигналы следовало выставить внешней вахте под руководством обер-лоцмана (п. 89).

Лоцман, взойдя на судно, которое ему поручено провожать, обязан был немедленно узнать глубину его хода в воде и затем обсудить, может ли оно быть проведено в порт с полным грузом или нет. В первом случае лоцману следовало вести судно в порт и поставить его на якорь в назначенном лоц-командиром месте. Во-втором же случае – поставить судно на рейде и затем, вместе с корабельщиком, явиться к лоц-командиру, для предоставления ему надлежащего донесения (п. 90).

Лоцман, приблизившись со вверенным ему судном к первому морскому бакену, должен был немедленно поднять на гафеле национальный флаг данного судна, которые далее мог быть спущен не ранее, как после осмотра судна служащими таможни (п. 91).

Что касается обязанностей внутренней вахты, то ее лоцманы должны были провожать суда из Болераа в море, только особому каждый раз приказу, объявляемому через вручение лоцманского ярлыка. В ином случае, кроме ответственности за могущий от того произойти убыток, лоцман подвергался денежному взысканию в 10 руб. серебром в пользу цеховой кассы (п. 92).

Прежде разрешения судну сниматься с якоря, лоцман обязывался удостовериться, может ли это судно выйти из порта с полным грузом; в ином случае он должен был лично донести о том лоц-командиру (п. 93).

В случае, если лоцман признавал, что выход судна сопряжен с опасностью, а капитан его тем не менее настаивал о выводе судна, то их спор подлежал разрешению лоц-командира (п. 94).

Лоцману, взойдя на вверенное ему судно, для вывода его в море, следовало поднять национальный флаг этого судна и не разрешать спускать его до тех пор, пока, по прибытии судна на рейд, сам не остановит его (п. 95).

Внутренней морской вахте предписывалось содержать, вместе с речными лоцманами, сторожевой пост на лоцманской башне в Болдераа. Сторожевой лоцман должен был назначаться по очереди, определяемой обер-лоцманом и сменяться каждый час (п. 96).

В обязанности сторожевого лоцмана, на лоцманской башне, входило наблюдение за сигналами внешней вахты, при маяке, и вообще за всем, что происходило в порту; доносить о сигналах, поданных внешней вахтой и передавать ей, на основании полученных на то приказаний, ответные сигналы (п. 97).

В обязанности речных лоцманов входило следующее: одна из речных вахт несла службу при лоцманской конторе в г. Рига, а другая – при лоцманской конторе в Болдераа (п. 98). Эти вахты несли службу в Риге и в Болдераа поочередно, сменяясь через каждые 8 дней, не исключая воскресных и праздничных (п. 99).

Наряд лоцманов в Болдераа, для проведения судов до Риги, производится лоц-командиром [10, с. 40]; а в Риге, для проводки судов до Болдераа, очередным обер-лоцманом (п. 100).

Речным лоцманам вменялось вести вверенные им суда со всевозможной осторожностью, тщательно избегая мелей, и если необходимо было частичное облегчение груза на пути между Ригой и Болдераа, то они должны были наблюдать,

чтобы разгрузка не производилась в самом фарватере, чтобы этим не стеснить его и не затруднить следования других судов (п. 101).

Это положение усиливалось требованием, чтобы речные лоцманы не допускали перетаскивания судов через отмели. Более того, устав требовал, чтобы лоцманы в таких случаях настаивали на том, чтобы корабельщики распорядились облегчением груза по мере надобности (п. 102). Безусловно, что это требование не только было прописано с целью обеспечения свободы передвижения по фарватеру, но и диктовалось судостроительной техникой того времени, когда можно было «перетащить» парусные суда и колесные пароходы, в отличие от винтовых судов.

Что касается времени работы речных лоцманов, то устав категорически запрещал проводить им суда в темное время суток. Однако, в светлые месячные ночи лоцману дозволялось, по соглашению с корабельщиком, продолжать плавание; но в этих случаях цех не подвергался никакой ответственности за могущие произойти от того неблагоприятные последствия (п. 104).

Особое внимание в рассматриваемом нами документе уделялось обязанностям обер-лоцманов. Так, им предписывалось доносить о всех важных происшествиях, случающихся в пределах ведомства вверенной ему вахты, лоц-командиру, на его усмотрение. При этом обер-лоцман отвечал непосредственно за всякое упущение по исполнению своих обязанностей (п. 105).

Очередной обер-лоцман внешней морской вахты в первую очередь должен был сообщать лоц-командиру, с помощью сигналов, о количестве пришедших судов; о том, нет ли между ними военных, и вообще о всем случившемся на пространстве горизонта со стороны моря (п. 106).

Обер-лоцманы обязывались беспрекословно сами провожать суда по приказу лоц-командира (п. 107).

Обер-лоцманы должны были наблюдать, чтобы бакены и другие знаки в порте и по речному фарватеру оставались всегда на предназначенных местах. Если же оказывалось, что эти знаки сдвинуты, или снесены с своих мест, то обер-лоцманы должны были немедленно донести о том лоц-командиру (п. 108).

Кроме того, в случае если обер-лоцманы выявляли какую-либо новую перемену в состоянии фарватера, то они были обязаны немедленно довести о том лоц-командиру и сообщить о такой перемене отходящим с судами лоцманам (п. 109).

На обер-лоцманов также возлагалась обязанность наблюдать, чтобы всегда находилось в исправности положенное число лодок и надлежащее количество снарядов и материалов по лоцманской части, и чтобы лодки содержались «со всевозможной опрятностью»; доносить лоц-командиру о необходимом ремонте и исполнять все полученные от него приказы по этому вопросу (п. 110).

Обер-лоцманы должны были использовать самих лоцманов для производства тех работ по содержанию в исправности лоцманской части, которые не требовали привлечения специалистов. Однако из этого правила исключались случаи, когда отправление лоцманской службы препятствовало производству таких работ самими лоцманами (п. 111).

Если во время ледохода, или, когда фарватер уже покрылся льдом, выявлялись суда, приближающиеся к порту и старающиеся в него войти, то обер-лоцманам вменялось в обязанность исполнять с особенным старанием и решительностью приказы лоц-командира для оказания таким судам надлежащей помощи. В этих

случаях обер-лоцманы должны были «пренебрегая опасностью подавать личный пример подчиненным им лоцманам» (п. 112) [10, с. 41].

Также обер-лоцманы должны были строго наблюдать, чтобы лоцманы подчиненных им вахт не отлучались от вахты без специального разрешения (п. 113); доносить лоц-командиру о любом нерадении по службе, неосмотрительности или нетрезвости лоцманов (п. 114).

И, наконец, уставом предусматривалось, что в лоцманских конторах, в Болдераа и Риге всегда должны находиться именные списки очередного обер-лоцманам и всей подчиненной ему команды (п. 115).

«Особые правила, которыми корабельщики обязаны руководствоваться» достаточно лаконичны. Ими, в частности, устанавливался запрет на проводку судна в лоцманских водах без лоцмана (п. 117) и на самовольную перестановку судна без ведома речной полиции и лоцмана (п. 118). Вводился штраф за неверно указанную осадку судна (п. 121) [10, с. 42].

Особо, как уже указывалось, устанавливались права и обязанности лоц-командира. Он, в частности, распределял лоцманов и обер-лоцманов по вахтам, сам руководит работой лоцманов в порту (п. 129); назначает место стоянки судов и место их зимовки (п. 135); обязан был оказывать помощь севшим на мель и тонущим судам (п. 137); осуществлять контроль за фарватером и еженедельно лично его измерять (п. 144); ежедневно после заката докладывать капитану над портом и числе проведенных судов, глубине воды в фарватерах и т.д. (п. 149); вести журналы и личные дела лоцманов (п. 154).

Весьма интересным было положение Устава, согласно которому, если обер-лоцман считал, что из-за плохой погоды невозможно отправить лоцмана на требующее его судно, а лоц-командир считает иначе, то он обязан был сам вести бот к судну (п. 138).

Лоц-командир должен находится на службе в Лоцманской конторе, в Болдераа, во все время судоходства, от 5 часов утра до 12 и 14 до 18 часов вечера, за исключением отлучек по иным служебным обязанностям (п. 147). Во время отлучки лоц-командира из Болдераа его заменял цеховой Эльтерман или обер-лоцман (п. 157).

В арсенале лоц-командира были меры административного воздействия не подчиненных. Так, устанавливалось, что он мог налагать на лоцманов взыскания: арест не более 2-х суток, или штраф не свыше 3-х руб.; по согласию Цеховой управы лоц-командиру позволялось наложить арест до 6 суток на хлеб и воде или штраф до 5 руб. серебром (п. 151).

Особая роль в деятельности Рижского лоцманского цеха было уставом 1854 г. уделялась его управе (XI). Устанавливалось, что ежегодно на Сырной неделе созывается общее собрание цеха для совещаний по делам общественным, выборов, проверки счетов (п. 161). Кроме того, на нем, во главе с лоц-командиром и старшими выборными лицами разбирались все споры между членами цеха (п. 162).

Второе собрание полагалось созывать осенью, в основном с целью раздела лоцманских сборов (п. 163). Предусматривалась возможность созыва и чрезвычайных собрания, но лишь с разрешения Ландфохтейского суда.

После очередного общего собрания Ландфохтейскому суду следовало представлять список действующих лоцманов с данными на каждого и список отставных лоцманов и лоцманских вдов, получающих пенсию (п. 167).

Кассу предписывалось храниться в лоцманской конторе в железном сундуке с 4 замками, ключ от каждого отдельного замка находился у лоц-командира, Эльтермана и двух старших заседателей, которые несли круговую ответственность за эти средства (п. 168).

Кроме того, в сундуке следовало хранить ящик с штрафными деньгами, которые использовались для помощи бедным и больным лоцманам (п. 171-172).

Детально в уставе излагался процесс распределения средств общества. Так, предусматривалось, что из всей суммы лоцманских сборов $\frac{1}{4}$ следовало выделять на заготовку и поддержание необходимых принадлежностей; оплату квартиры капитана над портом, канцелярские потребности (п. 175). Остальные средства поступали в распоряжение цеха [10, с. 46].

Из этой суммы следовало выделить 10% на выплату пенсий (п. 177), размер которых определялся индивидуально общим решением цеха, но не менее 25 и не выше 100 руб. в год (п. 176).

Из оставшихся $\frac{9}{10}$ средств от 1 до 3% ежегодно полагалось отчислять в запасной капитал. Из оставшейся суммы выделялось: а) 400 руб. серебром на содержание писарей лоцманских контор; б) 200 руб. на содержание 4-х гребцов лоц-командира; в) суммы, на покрытие прочих расходов цеха, за исключением лоцманской части (п. 179).

Оставшиеся за этим средства разделялись на число паев, для последующего распределения между членами цеха. Паи были не равны между собой, т.к. дополнительные средства получали члены Цеховой управы и лоцманы 1 разряда (п. 180).

Указанные раздел предписывалось производить так: 1) общая делимая сумма сборов разделялась на 64 равных пая, из которых получали: а) сорок лоцманов 1 разряда, каждый по 1 паю, всего сорок; б) 20 лоцманов 2 разряда, каждый по $\frac{3}{4}$ пая, всего 15 паев, в) 20 морских лоцманов, каждый по $\frac{1}{4}$ пая, всего 7,5 паев, г) 3 заседателя, каждый по $\frac{1}{3}$ пая, всего 1 пай; д) Эльтерман – половину пая; и 2) все при разделе оказавшиеся дроби копеек не выдавались по принадлежности, а причислялись к запасному капиталу (п. 181).

Подобный раздел следовало проводить 2 раза в год на заседаниях цеха (п. 183).

Запасный капитал, в последующем чаще называемый «аварийный» предназначался для пополнения убытков цеха и отдавался в ведение Биржевого Комитета для сохранения и прироста процентов (п. 184). При этом проценты к нему следовало начислять до того, как он достигнет суммы в 10000 руб., после чего все сборы передавались в цех [10, с. 47].

Не смотря на наличие запасного капитала, уставом предусматривалось, что каждый лоцман лично отвечал по суду за весь причиненный ущерб своим имуществом, и только при его нехватке долг падал на цех. В этом случае с цеха могло быть взыскано до половины запасного капитала. Если же этого оказывалось недостаточно, то с доли каждого цеховика делался вычет до полной выплаты долга. Однако такой вычет не мог быть выше $\frac{1}{5}$ доли каждого лоцмана (п. 186).

И, наконец, последний раздел Устава 1854 г. посвящался лоцманским сборам (XII), которые производились в Риге конторой добровольных складок (п. 187) и

взимались со всех судов без исключения, по таксе, соответственно осадке проводимых судов (п. 188).

Предусматривалось, что размер лоцманского сбора с каждого судна также различался в зависимости от местности, до которой или от которой судно проводилось лоцманом, а именно: за провод судна с моря до города Риги и обратно от Рига в море – полная сумма сбора, причитающаяся с судна по таксе; б) за провод с моря до рейда и обратно – $\frac{2}{3}$ полной суммы сбора; в) за провод с моря до Болдераа и обратно – $\frac{3}{4}$ той же суммы; г) за провод от Болдераа до Риги и обратно – $\frac{1}{4}$ часть сбора (п. 189).

Суда, непосредственно принадлежащие казне, лоцманам следовало проводить бесплатно, однако суда только зафрахтованные для нужд казны оплачивали полную стоимость услуг [10, с. 48] (п. 191). Это положение было вызвано обязательным страхованием принадлежащего государству перевозимого товара.

Список литературы:

1. Александр Филей. Все начиналось с русской торговли: почему Рижский порт переживает кризис. – URL: - <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/19022020-vse-nachinalos-s-russkoy-torgovli-pochemu-rizhskiy-port-perezhiwaet-krizis/>
2. Николай Калганов. Исследования о Русской Правде. Часть I. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской правды. – М.: в типографии Августа Семена, 1846. – С. 155.
3. Маяки Латвии: путешествие для суровых романтиков. Sputnik Latvija. – URL: - <https://lv.sputniknews.ru/lifestyle/20170606/4964369/puteshestvie-mayaki-latvija.html>
4. «Ратификация на обнадеживание, данное на конгрессе в Нейштате Шведскими Министрами Графом Лилиенштетом и Бароном Штремфельдом Российским Министрам Графу Брюсу и Остерману о том: - что Король Шведский уступленными Российскому Государству Провинциями писаться не будет; а предоставляет Государю Петру именами тех Провинций титуловать Себя» от 30 августа 1721 г. // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. VI (1720-1722), №3821. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 432.
5. Болдерая. Рижские маршруты. – URL: <https://rus.delfi.lv/turgid/rigaroutes/istoriya-bolderai-glavnoj-okrainy-rigi.d?id=50303801&all=true>
6. Неизвестное о Болдерае: черный рынок, предприимчивые шведы и необычные постройки. – URL: - <https://www.riga.lv/ru/news/neizvestnoe-o-bolderae-chernyi-rynok-predpriimchivye-shvedy-i-neobychnye-postroiki?8804>
6. Кенгарас. Рижские маршруты. – URL: <https://rus.delfi.lv/turgid/rigaroutes/istoriya-kengaragsa-ot-livskogo-kurpya-ragam-do-damanchika.d?id=50582607&all=true>
7. «Устав о Рижской коммерции» от 7 декабря 1765 г. // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. XVII (1720-1722), №3821. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 430-431.
8. Михаил Чулков. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. Т. IV. – М.: В Университетской Типографии, у. Н. Новикова, 1785. – С. 448.
9. Об увеличении в Рижском порте лоцманского сбора от 4 марта 1840 г. // ПСЗ, Собрание (1825-1881): Т. XV (1840), №13232. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 108.
10. Устав Рижского лоцманского цеха от 24 ноября 1854 г. // ПСЗ, Собрание (1825-1881): Т. XXIX (1854), №28760. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1855. – С. 32-48.
11. Александр Борисов. Александр Малыгин. Роланд Мулукаев. Три века Российской полиции. Служение обществу. Защита отечеству! – М.: РИПОЛ Классик, 2016. – С. 486.
12. «О введении Городового Положения в Рижском Наместничестве» от 12 октября 1787 г. // ПСЗ, Собрание (1649-1825): Т. XXII (1784-1788), №16584. – СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. С. 924-936/
13. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б.В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – С. 380-417.

Kirov A. A. Formation of the organization of the Riga pilot shop // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 51-66.

The article presents the material collected by the author related to the study of the legal organization of the Riga Pilot Shop from the XIII to the second half of the XIX centuries. It is indicated that the pilot shop that served the port of Riga was formed in the XVII century, shortly after the establishment of the post of Water Captain and the appearance of customs on the right bank of the Daugava River, opposite the Daugavgrivskaya fortress. According to the regulations, Bolderaya was defined as the place of residence of the pilots, who could change it only in exceptional cases. After the conclusion of the Peace of Nishtat (1721) and the entry of Riga into the Russian Empire, the activities of pilots of its port were regulated by such normative acts as the "Charter on Riga Commerce" of 1765, the decree of March 4, 1840 "On increasing the pilotage Fee in the Port of Riga", the charter of Riga pilots of 1854, which was valid until 1904, i.e. before the adoption of the new charter. The Charter of 1854 was much more detailed than previously issued regulations and charters and played a significant role in the development of rationing of pilots' activities throughout the Russian Empire.

Keywords: workshop, Riga, pilots, port, regulations, charter, magistrate, pilotage.

Spisok literatury:

1. Aleksandr Filej. Vse nachinalos' s russkoj trgovli: pochemu Rizhskij port perezhivaet krizis. – URL: - <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/19022020-vse-nachinalos-s-russkoj-torgovli-pochemu-rizhskij-port-perezhivaet-krizis/>
2. Nikolaj Kalganov. Izsledovaniya o Russkoj Pravde. CHast' I. Predvaritel'nye yuridicheskie svedeniya dlya polnogo ob'yasneniya Russkoj pravdy. – M.: v tipografii Avgusta Semena, 1846. – S. 155.
3. Mayaki Latvii: puteshestvie dlya surovyyh romantikov. Sputnik Latvija. – URL: - <https://lv.sputniknews.ru/lifestyle/20170606/4964369/puteshestvie-mayaki-latvija.html>
4. «Ratifikaciya na obnadezhivanie, dannoe na kongresse v Nejshtate SHvedskimi Ministrami Grafom Li-lienshtetom i Baronom SHtremfel'dom Rossijskim Ministram Grafu Bryusu i Ostermanu o tom: - chto Korol' SHvedskij ustuplennymi Rossijskomu Gosudarstvu Provinciyami pisat'sya ne budet; a predostavlyayet Gosudaryu Petru imenami tekh Provincij titulovat' Sebya» ot 30 avgusta 1721 g. // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. VI (1720-1722), №3821. – SPb.: Pечатano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. C. 432.
5. Bolderaya. Rizhskie marshruty. – URL: <https://rus.delfi.lv/turgid/rigaroutes/istoriya-bolderai-glavnoj-okrainy-rigi.d?id=50303801&all=true>
6. Neizvestnoe o Bolderae: chernyj rynek, predprimchivye shvedy i neobychnye postrojki. – URL: - <https://www.riga.lv/ru/news/neizvestnoe-o-bolderae-chernyi-rynek-predpriimchivye-shvedy-i-neobychnye-postrojki?8804>
6. Kengarags. Rizhskie marshruty. – URL: <https://rus.delfi.lv/turgid/rigaroutes/istoriya-kengaragsa-ot-livskogo-kurpya-ragam-do-damanchika.d?id=50582607&all=true>
7. «Ustav o Rizhskoj kommercii» ot 7 dekabrya 1765 g. // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. HVII (1720-1722), №3821. – SPb.: Pечатano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. C. 430-431.
8. Mihail CHulkov. Istoricheskoe opisaniye Rossijskoj kommercii pri vsekh portah i granicah ot drevnih vremen do nyne nastoyashchego, i vsekh preimushchestvennyh uzakonenij po onoj Gosudarya Imperatora Petra Velikogo i nyne blagopoluchno carstvuyushchej Gosudaryni Imperatricy Ekateriny Velikoj. T. IV. – M.: V Universitetskoj Tipografii, u. N. Novikova, 1785. – S. 448.
9. Ob uvelichenii v Rizhskom porte locmanskogo sbora ot 4 marta 1840 g. // PSZ, Sobranie (1825-1881): T. HV (1840), №13232. – SPb.: Pечатano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. C. 108.
10. Ustav Rizhskogo locmanskogo cekha ot 24 noyabrya 1854 g. // PSZ, Sobranie (1825-1881): T. XHII (1854), №28760. – SPb.: Pечатano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1855. – S. 32-48.
11. Aleksandr Borisov. Aleksandr Malygin. Roland Mulukaev. Tri veka Rossijskoj policii. Sluzhenie obshchestvu. Zashchita otechestvu! – M.: RIPOL Klassik, 2016. – S. 486.
12. «O vvedenii Gorodovogo Polozheniya v Rizhskom Namestnichestve» ot 12 oktyabrya 1787 g. // PSZ, Sobranie (1649-1825): T. XHII (1784-1788), №16584. – SPb.: Pечатano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1830. S. 924-936/
13. Zmerzlyj B.V. Pravovoe regulirovaniye torgovogo sudohodstva v CHernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale HKH v. / B.V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «Predpriyatie Feniks», 2014. – S. 380-417.

УДК 346.6

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-67-73

УСТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНЫХ НОРМ ВЫРАБОТКИ И ОПЛАТЫ ТРУДА ГРУЗЧИКОВ В СССР В 1940 Г.

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрены вопросы установления единых норм выработки и оплаты труда грузчиков в СССР в 1940 г. Указано, что до 1940 г., из-за ведомственной разобщенности в стране отсутствовали единые нормы выработки, т.к. как их устанавливало самостоятельно каждое ведомство, организация. Случалось, что в одном порту на одни и те же работы действовали разные нормы выработки и оплаты труда, что приводило к текучести кадров. Начало стандартизации в масштабах страны было положено с принятием в 1939 г. технического минимума для производителей работ и бригадиров грузчиков. 2 июня 1940 г. Экономический совет при СНК Союза СССР принял постановление №762 «О единых нормах выработки и оплате труда на погрузочно-разгрузочных работах». Во исполнения данного распоряжения высших органов власти, уже 16 июня 1940 г. был опубликован приказ № 612 по народному комиссариату заготовок СССР «О единых нормах выработки и оплате труда на погрузочно-разгрузочных работах» ставший базисным для регулирования подобных видов работ по всей стране.

Изменения в данный документ вносились уже входе Великой Отечественной Войны, под влиянием условий военного времени.

Ключевые слова: погрузочно-разгрузочные работы; приказ, положение, выработка, оплата труда, грузчики.

Одной из мало исследованных проблем при изучении правового регулирования погрузочно-разгрузочных операций в торговых портах СССР в довоенный период, как и погрузочно-разгрузочных операций на различных видах транспорта (речном, железнодорожном, автомобильном, гужевом), как и специфика возникающих в ходе их реализации трудовых отношений все еще остаются мало исследованы в отечественной историко-правовой литературе, истории трудового права.

В тоже время, можно отметить следующий известный факт. Длительное время подобного рода отношения регулировались внутриведомственными нормативно-правовыми актами, возможно за исключением основных направлений трудовых отношений, для регуляции которых действовал КЗОТ 1918 г. [1], который заложил основы советского трудового права периода гражданской войны и военного коммунизма, а с внедрением с 1921 г. новой экономической политики (НЭП), в 1922 г. был принят новый трудовой кодекс [2].

Однако именно из-за того, что погрузочно-разгрузочные работы производились в рамках правового регулирования того или иного наркомата, ведомства, а также в различных климатических условиях, при использовании (или без использования) средств механизации, единых норм выработки на погрузочно-разгрузочных работах не существовало.

Основной причиной такой ситуации, очевидно, служили достаточно частые преобразования (слияние и разделение ведомств), изменения их структуры и т.п. в 1920-1930-х гг. В тоже время, достаточно часто возникала ситуация, когда в одном и тоже городе, а иногда и в рамках одного и того же порта, за аналогичную работу

грузчики получали совершенно различные зарплаты, что вызывало не только непонимание и удивление, но и значительную текучесть рабочей силы. Подобные факты никак не способствовали установлению как стабильной работы самих предприятий, так и успешной организации погрузочно-разгрузочных работ.

Отдельные ведомства производили попытки ввести единые нормы. В частности, нам удалось найти соответствующие инструкции, расценки и правила Экспортлеса [3]. Данный документ содержит: «Правила премирования грузчиков и стивидоров бирж круглого леса» [3, с. 15]; «Инструкция для бригад грузчиков на лесоэкспортных биржах Экспортлеса» [3, с. 6-10]; «Нормы расценки для бригад грузчиков пилотоваров» [3, с. 11]; «Правила премирования грузчиков и стивидоров пилотоваров» [3, с. 12-14].

Следует указать, что подобная ситуация продолжалась вплоть до конца 1930-х гг. Однако уже в 1939 г. был сделан важный шаг в деле унификации отдельных норм при производстве погрузочно-разгрузочных работ – издан «Технический минимум для производителей работ и бригадиров грузчиков» [4], который, однако, не сумел решить всех стоящих в данной отрасли труда проблем, а 2 июня 1940 г. Экономический совет при СНК Союза СССР принял постановление №762 «О единых нормах выработки и оплате труда на погрузочно-разгрузочных работах».

Данным документом:

1) утверждались единые нормы выработки, тарифные ставки заработной платы и положение об оплате труда на погрузо-разгрузочные работы, разработанные ВЦСПС с участием наркоматов и организаций, производящих погрузочно-разгрузочные работы;

2) устанавливалось, что единые нормы выработки, тарифные ставки и система оплаты труда на погрузочно-разгрузочных работах обязательны для народных комиссариатов путей сообщения, речного флота, морского флота, народного комиссариата заготовок; организаций, входящих в систему Всекомпромсовета, и всех других организаций, выполнявших погрузо-разгрузочные работы на договорных началах независимо от того, выполнялись ли эти работы на станциях железных дорог, в морских портах и на речных пристанях;

3) все остальные народные комиссариаты, производящие погрузо-разгрузочные операции своими средствами, обязывались привести действующие на их предприятиях нормы выработки, тарифные ставки и системы оплаты труда в соответствие с утвержденными с данным постановлением едиными нормами, тарифными ставками и системой оплаты труда и ввести их по согласованию с ВЦСПС в действие не позднее 1 августа 1940 г.;

4) единые нормы выработки, тарифные ставки и положение об оплате труда на погрузо-разгрузочные работы вводились в действие с 15 июня 1940 г.;

5) в то же время, при применении на погрузо-разгрузочных работах новых приспособлений, механизмов, повышающих производительность труда, пользоваться едиными нормами запрещалось, а в этих случаях предписывалось устанавливать местные повышенные нормы выработки и подсчитанные на их основе сделанные расценки по соглашению с соответствующим ЦК профсоюза.

Пересмотр единых норм выработки в сторону их понижения запрещался;

б) в тех случаях, когда действующие в отдельных организациях и предприятиях местные нормы выработки на погрузочно-разгрузочные работы превышали единые нормы и выполняются, следовало сохранить действующие нормы.

Однако, сдельные расценки на эти нормы полагалось определять по новым тарифным ставкам;

7) НКПС, Наркомречфлот, Гаркомморфлот и Всекопросвет, по согласованию с соответствующими ЦК профсоюзов, обязывались, применительно к единым нормам выработки пересмотреть местные нормы выработки на переработку грузов, не предусмотренных в единых нормах выработки.

Новые тарифные ставки для указанных выше работ следовало ввести одновременно с введением пересмотренных норм выработки;

8) Прокурору СССР и Наркомюсту СССР предлагалось дать указания соответствующим органам о привлечении к уголовной ответственности руководителей организаций, уклоняющихся от применения единых норм выработки, тарифных ставок и системы оплаты труда на погрузо-разгрузочных работах, а также всех допускающих отклонения от них;

9) Кроме того, постановление обязывало издать в месячный срок единые нормы выработки и положение об оплате труда тиражом, обеспечивающим потребность всех наркоматов и организаций, производящих погрузо-разгрузочные работы:

а) Народный комиссариат путей сообщения на погрузо-разгрузочные работы;

б) Народный комиссариат речного флота по работам на речном флоте;

в) Народный комиссариат морского флота по работам на морском флоте;

10) все наркоматы, производящие погрузо-разгрузочные работы, обязывались разработать и ввести с 25 июня 1940 г. технические правила переработки грузов, обеспечивающих сохранность грузов и предотвращение их от порчи;

11) комиссариаты путей сообщения, речного флота, морского флота, заготовок и Всекопромсвет совместно с ВЦПСС обязывались организовать на местах изучение результатов, утвержденных этим постановлением норм выработки на погрузо-разгрузочные работы и предоставить в Экономсовет при СНК СССР отчет к 1 января 1941 г. [5, с. 3].

Во исполнения данного распоряжения высших органов власти, уже 16 июня 1940 г. был опубликован приказ № 612 по народному комиссариату заготовок СССР «О единых нормах выработки и оплате труда на погрузо-разгрузочных работах».

В нем, кроме прочего, указывалось, что установленные еще в 1936 г. и действовавшие до данного приказа на предприятиях системы Наркомзага нормы выработки и сдельные расценки на погрузо-разгрузочные работы уже не соответствовали возросшему уровню освоения техники и организации работ и нередко тормозили дальнейший рост производительности труда.

Все возрастающий объем механизированных работ на погрузке-выгрузке и наиболее эффективное использование увеличивающегося парка механизмов не стимулировалось действующими нормами выработки и расценками.

Кроме того, множество расчетных ставок и наличие в других организациях различных норм выработки и расценок на одни и те же виды погрузо-разгрузочных работ вызывали, как уже указывалось, текучесть рабочих-грузчиков, искусственное повышение расценок за счет всевозможных незаконных доплат и приписок, что в

результате приводило к систематическому перерасходу фондов зарплаты и не стимулировало роста производительности труда.

Исходя из этих установок, с целью «решительного устранения имеющихся недостатков в организации труда и зарплаты на погрузо-разгрузочных работах, коренного улучшения в организации и проведении этих работ, а также ликвидации текучести рабочих-грузчиков, в соответствии с постановлением Экономического Совета при СНК СССР от 2 июня 1940 г. №762 «О единых нормах выработки и оплате труда на погрузо-разгрузочных работах», в своем приказе, заместитель народного комиссара заготовок СССР Клавдий Петрович Субботин предписал ввести в действие с 1 июля 1940 г. положение об оплате труда рабочих на погрузо-разгрузочных работах единые нормы выработки и расценки на основные погрузо-разгрузочные работы на всех предприятиях, элеваторах, пунктах и базах Наркомзага (п. 1).

Согласно постановлению Экономсовета, установленные нормы и расценки стали обязательными и не могли меняться в сторону снижения норм; при применении на погрузо-разгрузочных работах новых механизмов или приспособлений, повышающих производительность труда, пользование едиными нормами выработки запрещалось, а новые повышенные нормы выработки следовало устанавливать на месте методом технического нормирования и вводить в действие по утверждению начальников главков (объединений) и согласованию с ЦК профсоюзов (п. 2); действующие же на момент издания приказа местные нормы выработки на погрузо-разгрузочные работы, которые превышали единые нормы и выполнялись рабочими следовало сохранить. Сдельные расценки на такие работы определялись исходя из новых тарифных ставок (п. 3).

Начальникам главных управлений и объединений в 2-месячный срок, по согласованию с ЦК профсоюзов, предлагалось установить нормы выработки и расценки на прочие погрузо-разгрузочные работы, не предусмотренные едиными нормами и расценками.

Новые тарифные ставки для рабочих, занятых на указанных работах, предписывалось применять одновременно с введением новых норм выработки (п. 4), в то же время, единые нормы выработки и расценки вводились в пределах утвержденных фондов зарплаты на 1940 г. (п. 5), вряд ли на них рассчитанных.

В связи с этим управляющим конторами, директорам трестов, предприятий, элеваторов, пунктов и баз предлагалось «провести борьбу за полную ликвидацию всех непроизводительных работ и операций, особенно на внутрискладских (внутрипунктовых) перемещениях, за недопущение нарушений единых норм, расценок и производства различных незаконных доплат и приписок» (п. 6); а также следовало установить порядок, по которому оплата за произведенные погрузо-разгрузочные работы могла производиться только после утверждения нарядов (рабочих листов) директором или его заместителем (п. 7).

Начальникам главных управлений, объединений, управляющими конторами и директорам трестов предписывалось установить систематический контроль за правильным применением единых норм и расценок на погрузо-разгрузочные работы, обязав ревизорско-бухгалтерский и диспетчерский аппарат выявлять случаи нарушений, а конкретных виновников привлекать к ответственности (п. 8).

Бухгалтерам предприятий, элеваторов, пунктов и баз, ревизорам и диспетчерам контор и трестов о всех обнаруженных ими случаях нарушения норм и расценок следовало докладывать лично Субботину, через отдел рабочих кадров и зарплаты Наркомзага для привлечения виновных к соответствующим видам ответственности (п. 9).

Начальнику отдела рабочих кадров и зарплаты Гольштейну и начальнику сектора учета и отчетности Петрову предписывалось в двухдекадный срок ввести формы по учету выполнения норм выработки на погрузо-разгрузочных работах (п. 10).

В свою очередь, начальникам главных управлений и объединений, управляющими конторами и директорам трестов следовало: а) организовать инструктаж работников по организации труда и расчетам зарплаты по применению единых норм и расценок; б) полностью укомплектовать штат нормировщиков и экономистов по труду, считая их основной задачей правильное применение единых норм и расценок, а также полное нормирование всех работ на предприятии (п. 11) [5, с. 4].

Естественно, что все действующие до этого приказа нормы выработки на погрузо-разгрузочные работы, за исключением норм, оговоренных в пп. 3 и 4 данного приказа, с введением единых норм и расценок отменялись (п. 12).

Начальнику главных управлений и объединений следовало к 20 августа 1940 г. представить отчет о введении единых норм и расценок (п. 13), а уже упоминаемому выше начальнику отдела рабочих кадров и зарплаты Гольштейну совместно с главными управлениями, объединениями и центральными комитетами профсоюза мукомолов следовало организовать изучение результатов применения единых норм выработки на погрузо-разгрузочные работы, представив программу работ Субботину на утверждение в двухдекадный срок (п. 14); ему же предписывалось к 1 июля представить на утверждение программу работ и смету по разработке единых норм и расценок на подвозку зерна на зерноочистительных машинах и внутрискладские операции с хлебными грузами (п. 16).

Для проведения инструктажа и оказания практической помощи по внедрению единых норм и расценок, было принято решение командировать на места 10 работников наркомата, главков и объединений сроком на 15 дней (п. 15).

В завершение своего распоряжения К. П. Субботин предупредил управляющих конторами, директоров трестов, предприятий, элеваторов и баз, что за нарушение единых норм и расценок, а также перерасход фондов заработной платы он будет привлекать виновных «к строжайшей ответственности» (п. 17).

С введением во всех отраслях народного хозяйства единых норм и расценок на погрузо-разгрузочные работы устраняется основная причина текучести кадров грузчиков – различные условия и уровень оплат труда.

Одновременно с выше рассмотренными приказами было издано «Положение об оплате труда на погрузо-разгрузочных работах» [5, с. 6]; «Общая (инструктивная) часть к нормам выработки и расценкам» [5, с. 9]; таблица приведения уклонов к горизонтальному пути [5, с. 12], а также «Таблицы норм выработки и расценок».

Последний документ состоял из следующих разделов:

Раздел 1. Вагонные работы;

Раздел 2. Речные судовые работы.

Раздел 3. Морские судовые работы.

Раздел 4. Работы на автогужтранспорте.

Формы наряда на производство работ.

В завершение настоящего исследования следует также указать, что аналогичные приказы, с соответствующими изменениями, были опубликованы для всех климатическо-часовых поясов [6-9]. Кроме того, опираясь на произведенные уже реформы, в этом же, 1940 г. было введено в действие «Типовое положение о диспетчерском руководстве погрузо-разгрузочными работами морского порта» [10].

Указанные нормы действовали вплоть до активизации боевых действий Великой отечественной войны, когда были дополнены и изменены [11-13].

Список литературы:

1. Кодекс законов о труде. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918; № 87-88. Ст. 905.
2. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922; № 70. Ст. 903.; Постановление ВЦИК от 09.11.1922 "О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г." (вместе с "Кодексом Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р.").
3. Инструкция для бригад. Расценки и правила премирования грузчиков Экспортлеса. Архангельск, 1931. 15 с.
4. Л. А. Коган, И. С. Мордерер. Технический минимум для производителей работ и бригадиров грузчиков. М.: 1939. 179 с.
5. Единые нормы выработки и расценки на погрузо-разгрузочные работы. Первый тарифный пояс. М.: Заготиздат, 1940. 36 с.
6. Единые нормы выработки и расценки на погрузо-разгрузочные работы. Второй тарифный пояс. М.: Заготиздат, 1940. – 36 с.
7. Единые нормы выработки и расценки на погрузо-разгрузочные работы. Третий тарифный пояс. М.: Заготиздат, 1940. – 36 с.
8. Единые нормы выработки и расценки на погрузо-разгрузочные работы. Четвертый тарифный пояс. М.: Заготиздат, 1940. – 36 с.
9. Единые нормы выработки и расценки на погрузо-разгрузочные работы. Пятый тарифный пояс. М.: Заготиздат, 1940. – 36 с.
10. Типовое положение о диспетчерском руководстве погрузо-разгрузочными работами морского порта. М.: Госмориздат, 1940. 17 с.
11. Изменения к единым нормам и расценкам на погрузо-разгрузочные работы. М.: Заготиздат, 1943. 102 с.
12. Единые унифицированные нормы выработки и расценки основного и вспомогательного производства предприятий Главазчеррыбпрома на погрузочно-разгрузочной обработке и уборке рыботоров работ. Керчь, 1941 г. 71 с.
13. Н. В. Шанкаренко. Техминимум бригадира грузчиков хлебных грузов. М.: Заготиздат, 1942. 46 с.

Klimenko E. P. the establishment of uniform standards for the production and remuneration of movers in the USSR in 1940. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 67-73.

The article deals with the establishment of uniform standards for the production and remuneration of movers in the USSR in 1940. It is indicated that until 1940, due to departmental disunity, there were no uniform production standards in the country, since they were set independently by each department, organization. It happened that in one port for the same work there were different standards of production and remuneration, which led to staff turnover. The beginning of standardization on a national scale was laid with the adoption in 1939 of the technical minimum for work producers and foremen of movers. June 2, 1940 The Economic Council of the Council of People's Commissars of the USSR adopted Resolution No. 762 "On uniform standards of production and remuneration for loading and unloading operations". In the execution of this order of the highest authorities, on June 16, 1940, Order No. 612 was published by the People's Commissariat of Procurement of the USSR "On uniform standards of production and remuneration for loading and unloading operations", which became the basis for regulating such types of work throughout the country.

Changes to this document were made after the Great Patriotic War, under the influence of wartime conditions.

Keywords: loading and unloading operations; order, position, production, remuneration, loaders.

Spisok literaturey:

1. Kodeks zakonov o trude. Sobranie Uzakonenij i Rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1918; № 87-88. St. 905.
 2. Sobranie Uzakonenij i Rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1922; № 70. St. 903.; Postanovlenie VCIK ot 09.11.1922 "O vvedenii v dejstvie Kodeksa Zakonov o Trude R.S.F.S.R. izd. 1922 g." (vmeste s "Kodeksom Zakonov o Trude R.S.F.S.R.").
 3. Instrukciya dlya brigad. Raschenki i pravila premirovaniya gruzchikov Eksportlesa. Arhangel'sk, 1931. 15 s.
 4. L. A. Kogan, I. S. Morderer. Tekhnicheskij minimum dlya proizvoditelej rabot i brigadirov gruzchikov. M.: 1939. 179 s.
 5. Edinye normy vyrabotki i raschenki na pogruzo-razgruzochnye raboty. Pervyj tarifnyj poyas. M.: Zagotizdat, 1940. 36 s.
 6. Edinye normy vyrabotki i raschenki na pogruzo-razgruzochnye raboty. Vtoroj tarifnyj poyas. M.: Zagotizdat, 1940. – 36 s.
 7. Edinye normy vyrabotki i raschenki na pogruzo-razgruzochnye raboty. Tretij tarifnyj poyas. M.: Zagotizdat, 1940. – 36 s.
 8. Edinye normy vyrabotki i raschenki na pogruzo-razgruzochnye raboty. CHetvertyj tarifnyj poyas. M.: Zagotizdat, 1940. – 36 s.
 9. Edinye normy vyrabotki i raschenki na pogruzo-razgruzochnye raboty. Pyatyj tarifnyj poyas. M.: Zagotizdat, 1940. – 36 s.
 10. Tipovoe polozhenie o dispetcherskom rukovodstve pogruzo-razgruzochnymi rabotami morskogo porta. M.: Gosmorizdat, 1940. 17 s.
 11. Izmeneniya k edinyim normam i raschenkam na pogruzo-razgruzochnye raboty. M.: Zagotizdat, 1943. 102 s.
 12. Edinye unificirovannye normy vyrabotki i raschenki osnovnogo i vspomogatel'nogo proizvodstva predpriyatij Glavazhcherrybproma na pogruzochno-razgruzochnoj obrabotke i uborke rybotovarov rabotah. Kerch', 1941 g. 71 s.
 13. N. V. SHankarenko. Tekhminimum brigadira gruzchikov hlebnih gruzov. M.: Zagotizdat, 1942. 46 s.
- .

УДК 347

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-74-79

ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Черечук К.В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируется право на судебную защиту как одно из основных проявлений социальной безопасности населения, анализируются основополагающие принципы правосудия, гарантирующие защиту нарушенных прав и оспариваемых интересов посредством обращения в суд. Указываются конкретные нормативно-правовые акты (национальные и международные), гарантирующие реализацию права граждан на обращение в суд с целью защиты права. Также сделан акцент и на дистанционном механизме обращения в суд, позволяющем направить иск через общегосударственный портал «Госуслуги», что непосредственно указывает на государственную поддержку граждан в реализации указанного права. Особое внимание уделяется рассмотрению случаев злоупотребления правом на обращение в суд, нарушая тем самым духовно-нравственные принципы общества, что негативно сказывается на эффективности осуществления правосудия. Приведены конкретные примеры подобных злоупотреблений, которые получили название «нелепые ситуации», которые не имеют в материальном праве закрепленных норм регулирования, а в судебном процессе дестабилизируют правосознание общества.

Ключевые слова: правосудие, иск, судебная защита, злоупотребление правом, правосознание, социальная защита, духовно-нравственные принципы.

Одним из главных принципов осуществления правосудия является возможность реализации права на судебную защиту. Защита и восстановление нарушенных прав посредством обращения в суд занимает главенствующее место в государственном механизме гарантии защиты прав. Нарушенных. Исходя из этого, можно сказать о том, что Россия – государство, обеспечивающее социальную безопасность, под которой следует понимать состояние защищенности личности и всего общества в целом от различных угроз, которые нарушают их нормальный установленный порядок жизнедеятельности.

Судебная защита может выступать абсолютным гарантом защиты прав только в том случае, если будет обеспечено не только независимое правосудие, которое заключается в том, что судья соблюдает правила профессиональной этики, исполняет добросовестно свои обязанности, проявляет должную внимательность и бдительность, чем самым повышает авторитет судебной ветви власти, но и право на обращение в суд с учетом современных реалий (например, в период пандемии) и непосредственное участие в процессе дистанционным способом. Такой процесс возможен в социальном государстве, то есть государство, которое своей главной задачей видит реализацию разными способами основных прав и свобод гражданина, стремится обеспечить нормальную жизнедеятельность личности, социальную защищенность.

Существуют разные гарантии, которые обеспечивают должный уровень судебной защиты, такие, например, как несменяемость, независимость судей,

должный уровень социального и материального обеспечения их деятельности, вынесение законного и справедливого судебного решения. Несмотря на то, что Россия является социально-ориентированным государством, все же часто остается дискуссионный вопрос о возможности реализации права на судебную защиту не непосредственно в суде, а на моменте установления нарушения права и потребности в его защите через суд. Каждый гражданин, иностранец, лицо без гражданства, либо организация имеют не могут быть лишены права обратиться в суд. Однако второй стороной медали является существующий механизм в государстве, способный осуществить реализацию этого права в полном объеме. В статьях 131, 132 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации не указывается, что гражданин, обращающийся в суд, обязан иметь паспорт. Это требование указано в Типовых правилах внутреннего распорядка суда, утвержденных Постановлением Совета судей Российской Федерации от 18 апреля 2003 года № 101. Исходя из изложенного можно сделать вывод, что если у человека отсутствует паспорт либо документ, идентифицирующий его личность, то суд имеет право применить аналогию нормы, в которых указано, что судья выносит решение, а также оценивает доказательства и предоставленные документы, по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом. И, не смотря на то, что действующая школа права исключает прецедент, остается понимание того, что каждая ситуация все же индивидуальна. Российская Федерация, определяющая себя социальным государством, усовершенствует механизм обеспечения граждан гарантией судебной защиты их прав и законных механизмов. Условия современного мира требуют уже создавать возможности преодолевать территориальные и пространственные препятствия с помощью электронного документооборота и компьютерных программ, позволяющих обратиться в любую инстанцию не выходя из дома и не передвигаясь от места жительства к государственному учреждению. В том числе приобретает современный подход и реализация права на обращение в суд. Государством создана единая система учета и оборота документов – портал «Госуслуги», позволяющий обратиться в любую инстанцию (насколько это возможно) через электронную базу. Достаточно всего лишь зарегистрироваться. И тут то возникают сложности. Во-первых, граждане более старшего возраста не владеют достаточными знаниями и навыками работы с компьютерной техникой и тем более программами. Таким образом, можно прийти к выводу, что легкая доступность обращения в суд – это всего лишь создание эффекта гарантии обеспечения права на обращение в суд. Так как чтобы использовать портал «Госуслуги», необходимо создать, прежде всего, условия, при которых можно на портале работать: наличие техники и интернета. Кроме того, регистрация на портале «Госуслуги» невозможна без наличия паспорта гражданина. И в указанном случае стоит понимать, что обеспечение условиями, которые позволяют реализовывать права посредством дистанционного обращения в уполномоченные органы, возложено на самих граждан и является их персональной ответственностью. Однако нельзя наличие описываемых обстоятельств принимать за необеспечение граждан правом на обращение в суд со стороны государства.

Право на судебную защиту законодательно отражено в главном законе Российской Федерации – в статье 46 Конституции РФ. В отличие от других прав судебная защита является гарантией всех других прав и свобод человека и

гражданина. Судебная защита – одно из условий возможности реализовать в полной мере свои права, которые были нарушены, а также это процесс восстановления их с помощью правосудия. Понятие реализации права предполагает собой воплощение норм права через общественные отношения с помощью правомерного поведения.

Право на судебную защиту отражено в нормах как национального (ст. 46 Конституция РФ), так и международного законодательства (ст. 8 Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.) [1]. Если говорить о гражданском судопроизводстве, то данное право закреплено в статье 3 ГПК РФ, где указано, что лица могут защитить свои нарушенные или оспариваемые права. Данное право по своему содержанию является довольно широким. И это объясняется тем, что объем прав у граждан не ограничен до тех пор, пока не затрагивает право конкретного лица либо группы лиц. Так, лицо имеет право обращаться в суд, предъявляя иск, имеет право на справедливое рассмотрение и разрешение дела, имеет право обжаловать действия лиц, которые нарушают его законные интересы, а также обязать лицо совершить действие, если оно бездействует, что приводит к неисполнению права лица, либо нарушению его прав. Суд обязан своевременно реагировать на заявления истца, обеспечивать полное и эффективное рассмотрение дела [3]. Также стоит отметить, что право на судебную защиту у лица устанавливается в любом случае, не зависимо от того, желает ли лицо использовать его или нет, оно является неотчуждаемым. И имеет отражение в законе, а именно Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации – в пункте 2 статьи 3 указанного кодекса отражено, что отказ от права на обращение в суд является недействительным [2]. Это значит, что даже если лицо, неважно по какой причине, вдруг вступило в сделку, где в договоре вдруг прописан отказ от права на судебную защиту, либо вообще не указано, что в случае нарушения, спор решается посредством обращения в суд, то однозначно всегда действует норма Конституции России, гарантирующая защиту прав и оспариваемых интересов с помощью обращения в суд. Здесь проявляется принцип доступности социальной защиты, который предполагает, что любое лицо имеет право защищать свои интересы, обжаловать в суде действия лиц, которые нарушают, ущемляют его законные права, вправе обращаться в международные органы по защите прав в том случае, если на территории Российской Федерации это является не возможным, также имеет право на бесплатную юридическую помощь, когда это предоставляется на основании закона.

Значение защиты в рассмотрении и разрешении дела по существу является существенным. Вместе с тем, стоит отметить, что некоторые лица, участвующие в гражданском судопроизводстве, нередко могут злоупотреблять данным правом, использовать его не по назначению. Бывают случаи, когда лицо осознает, что его право нарушено в малой степени, но все равно желает подать иск на его восстановление, так называемые «нелепые ситуации». Например, в 2016 году в Хамовнический суд Москвы был подан иск гражданина Масленникова о том, что последний предъявляет требование транснациональной компании «Яндекс» возместить ему ущерб, так как из-за плохих новостей, которые публиковались на данном сайте, Масленников облысел. В указанном случае имеет место проявление диспозитивности норм Гражданского процессуального кодекса Российской

Федерации, определяющих положение ответчика, а именно того, что ответчиком выступает лицо, на которое указывает истец или заявитель. И только в судебном процессе выясняется, надлежащий или ненадлежащий ответчик то лицо, на которого указано как на нарушителя права. Также не менее странный иск был подан в Заводской районный суд Кемерово пенсионеркой, которая жаловалась на соседей по коммунальной квартире за то, что они слишком долго принимают ванну. Этот иск демонстрирует то, что одно лицо не то, чтобы пыталась защитить свои права, а наоборот, посягало на права иного лица, пытаясь ограничить его волю (свободу самостоятельно распоряжаться своим временем и использовать его на ту либо иную процедуру). Данные примеры являются показателями того, как многие люди злоупотребляют правом на защиту, используют свои гражданские права не по назначению, ввиду чего замедляется работа суда, так как он уделяет время тем искам, которые не являются противоправными, не являются важными исходя из социальных убеждений общества. Также суду нужно индивидуально определять объем прав, которые, как указывают заявители, затронуты иными лицами. Таким образом, суд не только сориентирован на рассмотрение дела, которое не имеет социальной значимости, то есть когда суд рассматривает определённую ситуацию, то разбирает ее через призму понимания того, что подобная ситуация возможна и с другими гражданами. Таким образом суд не только становится на защиту нарушенного права, но и заполняет пробелы, которые имеются в законе, для последующего нормотворчества. Но на примере рассмотренных ситуаций видно, что эти индивидуальные случаи относятся к редким исключениям и не имеют никакого отношения к законодательному регулированию правоотношений. Таким образом было бы разумно дополнить гражданское законодательство нормой, которая бы предусматривала обстоятельства, подлежащие судебной защите, как например участие физических лиц и юридических лиц в играх и пари, в соответствии со статьёй 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Здесь необходимо сказать о том, что лица, которые подают иск в суд с требованием о восстановлении их прав, предмет которого не является следствием нарушения закона, не понимают в полной мере значение института судебной защиты, у них не сформирована система взглядов и представлений о правовых явлениях [4]. Указанная категория лиц, переоценив свободу права на обращение в суд, неправомерно затрагивает права иных граждан и организаций. Так как судья принимает решение исходя из своих внутренних побуждений, которые должны основываться на законе. Это значит, что судья не имеет права дать субъективную оценку исходя, например, из побуждений личного вероисповедания, или из побуждений своей совести, или из побуждений, основанных на личном жизненном опыте. Например, при рассмотрении гражданского дела в суде об определении проживания детей с одним из родителей, отец всегда остерегается личного мнения судьи – женщины, опасаясь того, что она может применить «женскую солидарность». Судья уполномочен устанавливать нарушение или отсутствие нарушения права только в том случае, когда право закреплено нормой. В случае отсутствия нормы, судья должен ссылаться на иные источники регулирования правоотношений, например общепринятые правила поведения, либо нормы традиций или общепринятые нормы морали в обществе. В данном случае важную роль может сыграть менталитет общества, а также происхождение судьи. Ведь даже

понятие толерантности в мире разъясняется по-разному, в зависимости от особенностей нации и общества. Так, в России толерантность принято понимать как терпимость к иному образу жизни, поведению, обычаям, традициям, верованию, чувствам, мнению, идеям. В то время, как во многих европейских странах – это приятие иного, уважение существования фатов различия в чем-либо, сформированная на гуманности ко всему отличающемуся друг от друга. Поэтому суд не может быть гуманным исходя только из личных внутренних побуждений. Его гуманность должна быть закреплена нормой закона. В законе не закреплены даже самые распространенные, так сказать, мерила гуманности: понятия добра и зла. Закреплены только квалификации, а также допустимые границы поведения. Считаю самым наглядным примером подвиги Робин Гуда. С одной стороны, он вроде бы и добрые дела делал – забирал у богатых и раздавал бедным. Но в то же время он совершал имущественные преступления, совершая неправомерные действия относительно имущества богатых. И если бы судья, рассматривая подобное дело, вдруг стал на сторону гуманности, основываясь на своих внутренних убеждениях, которые у него сформировались, например, в результате того, что он вырос и был воспитан в семье с очень маленьким достатком, то он тогда бы породил незаконное решение, противоправное, то есть такое, которое не имеет нормативного закрепления.

Лицо, которое злоупотребляет своим правом, вносит безнравственный аспект в осуществление правосудия. Духовно-нравственные правила, нормы этики оказывают благоприятное воздействие на ход работы всего гражданского судопроизводства в целом, наполняют его гуманистическим содержанием. Современный мир прогрессирует как в социальной, политической, духовной, так и в правовой сфере [4]. Это необходимо для того, чтобы облегчить весь ход деятельности рассмотрения споров, требований, устранить проблемы в нормативно-правовом регулировании, облегчить установления мирных соглашений между сторонами. Правовая культура постоянно развивается, является динамичной, но все же, иногда, встречаются лица, которые пренебрегают духовно-нравственными принципами, тем самым нарушая уклад взаимоотношений в правовой системе. Такой процесс можно искоренить, меняя правосознание граждан. Эта роль возложена на государственные структуры, которые пытаются донести гражданам информацию о том, что права и гарантии необходимы для того, чтобы защитить свои нарушенные права, а не для того, чтобы злоупотреблять данными институтами. Это действительно важно понимать как государственным органам, так и гражданам. Если у человека развиты духовно-нравственные качества, то он своим поведением и своими поступками помогает более эффективно осуществлять судопроизводство.

Таким образом, можно сказать о том, что одним из главных направлений правовой системы государства является способность в целом обеспечить право на судебную защиту законных интересов граждан, которое является основной возможностью отстоять свою позицию в споре. Но вместе с тем, следует отметить тот факт, что данный институт подвержен искажению в понимании некоторыми лицами, которые участвуют в гражданском судопроизводстве, а именно – злоупотребляют данным правом в личных, нередко корыстных целях. Для того, чтобы таких случаев стало гораздо меньше, необходимо повышать правовую

культуру граждан, поднимать их уровень правосознания, а также устанавливать духовно-нравственные стандарты, на которые можно будет опираться в процессе осуществления гражданского судопроизводства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС «Гарант».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
3. Соловых С.Ж. Роль субъективных процессуальных прав в механизме реализации права на судебную защиту // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 4. – С. 8–13.
4. Пилипенко Е.А. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству // Судья. – 2014. – № 11. – С. 10–14.
5. Сенгляева В.В. Реализация права на судебную защиту в гражданском судопроизводстве. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 24 (262). – С. 265–267.

Chereuchuk K.V. Guarantees for the implementation of civil procedural rights of foreign citizens and stateless persons in the modern state // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 6 (73). № 2. – P. 74-79.

The article analyzes the right to judicial protection as one of the main manifestations of social security of the population, analyzes the fundamental principles of justice that guarantee the protection of violated rights and contested interests by applying to the court. Specific legal acts (national and international) that guarantee the implementation of the right of citizens to appeal to the court in order to protect the right are specified. The emphasis is also placed on the remote mechanism of applying to the court, which allows you to send a claim through the national portal "State Services", which directly indicates the state support of citizens in the implementation of this right. Special attention is paid to the consideration of cases of abuse of the right to appeal to the court, thereby violating the spiritual and moral principles of society, which negatively affects the effectiveness of the administration of justice. Specific examples of such abuses are given, which are called "ridiculous situations", which do not have fixed norms of regulation in the substantive law, and in the judicial process destabilize the legal consciousness of society.

Keywords: justice, lawsuit, judicial protection, abuse of law, legal awareness, social protection, spiritual and moral principles.

Spisok-literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. // SPS «Garant».
2. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
3. Solovyh S.Zh. Rol' sub"ektivnyh processual'nyh prav v mekhanizme realizacii prava na sudebnuyu zashchitu // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2013. – № 4. – S. 8–13.
4. Pilipenko E.A. Podgotovka grazhdanskih del k sudebnomu razbiratel'stvu // Sud'ya. – 2014. – № 11. – S. 10–14.
5. Senglyaeva V.V. Realizaciya prava na sudebnuyu zashchitu v grazhdanskom sudoproizvodstve. – Tekst: neposredstvennyj // Molodoj uchenyj. – 2019. – № 24 (262). – S. 265–267.

УДК 342.7

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-80-86

**ПРОЕКТ «ОСНОВНОГО ЗАКОНА О ЗЕМЛЕ» ДЕПУТАТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ВТОРОГО СОЗЫВА МУСУЛЬМАНСКОЙ
ФРАКЦИИ РЕШИДА МЕДИЕВА И ПРОЕКТ «ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНА» («Проект 104-х») ФРАКЦИИ ТРУДОВИКОВ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Хаяли Б. Р.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье на основе сравнительного метода анализируется проект «Основного закона о земле» депутата Государственной Думы второго созыва фракции националов Решид Медиев и проект «Основных положений земельного закона» («Проект 104-х») фракции трудовиков. Сделан вывод, что политико-правовые взгляды Р. Медиева по аграрному вопросу в значительной степени совпадали с программными документами социалистов революционеров и социалистов народников. Вместе с тем «проект» Р. Медиева учитывает национальные особенности окраин Российского государства, где столетиями действовали поземельные отношения, построенные на мусульманском праве.

Ключевые слова: аграрный вопрос, депутат Государственной Думы Решид Медиев, фракция националов, фракция трудовиков, проект «Основного закона о земле», проект «Основных положений земельного закона» («Проект 104-х»).

Постановка проблемы. Общественно-политическое развитие России начала XX в. характеризуется кризисными явлениями в сельском хозяйстве и обострением аграрного вопроса. В целях решения аграрного вопроса принимается указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» от 9 ноября 1906 г. [1, с. 969 – 974]. В 1907 г. Государственная Дума второго созыва приступила к активному обсуждению аграрного законопроекта, направленного на разрушение крестьянской общины, создание хуторского хозяйства и переселение крестьян на окраины.

В исследуемый период правительством и политическими партиями принимались меры к законодательному регулированию земельных правоотношений. Такие попытки были предприняты по характеристике В. И. Ленина членами фракции националов, под которыми подразумевается и деятельность мусульманской фракции.

Основная часть. В личном архиве депутата Государственной Думы второго созыва Решид Медиев хранится проект «Основного закона о земле». Проект закона состоит из 10 пунктов и содержит основные нормы, регулирующие аграрные правоотношения. Помимо земельных норм, проект включал специальные меры. При этом внутри пунктов законопроекта отсутствует последовательная нумерация структурных единиц.

Очевидно, что за основу Р. Медиевым был взят «Проект 104-х» [2. с. 203 – 207] фракции трудовиков, подготовленный партией социалистов-революционеров, в который были внесены правки [3. Д -9974].

«Проект 104-х» был утвержден на собрании фракции 27 февраля 1907 г. и являлись аграрными требованиями трудовиков [4. с. 235].

Изменения и дополнения были внесены в отдельные параграфы, пункты и подпункты законопроекта и отражали точку зрения Р. Медиева на решение аграрного вопроса на национальных окраинах. В частности, в § 2, закрепившим норму «вся земля с её водами и недрами объявляется достоянием Российского государства» в проекте Р. Медиева уточняется *«всего населения»* (выделено - авт.) Российского государства.

Правки внесены в § 4. «Верховным распорядителем всей земли, с её водами и недрами в пределах устанавливаемых настоящими основными законами является собрание народных представителей».

По мнению Р. Медиева, «Верховным распорядителем всей земли *«в Российском государстве»*, с её водами и недрами в пределах устанавливаемых настоящими основными законами является не собрание народных представителей, а *«государственная власть»*.

Изменений претерпел заголовок § 6 «Проекта 104-х» «Допускаются следующие виды пользования землей, её водами и недрами», изложенный как *«Пользование землею, её водами и недрами допускается следующее:»*.

Правкам подвергся § 7. Так, пункт 1) «охранение естественных богатств земли от истощения и принятия мер к их увеличению вместо (оросительные, осушительные и обводнительные сооружения, защитные лесонасаждения, укрепление песков и т.п.)» проект Р. Медиева предполагает *(лесоохранение, орошение, осушение болот и т.п.)*.

Редакции подвергся пункт 3) § 7. *Устройство опытных и образцовых хозяйств и предприятий, а равно для целей санитарных, благотворительных, образовательных и т.п.* взамен «Устройство опытных и показательных полей, а также для санитарных, благотворительных, образовательных и других общепользовных целей» «Проекта 104-х».

4) Установление более целесообразных форм хозяйств.

В подпункте б) пункта 4) § 7 «Проекта 104-х» «Особым законом устанавливаются правила об отпуске (на льготных условиях по заготовительной цене или бесплатно) добываемых государством и органами местного самоуправления продуктов трудовому населению в размере личного потребления наряду с продажей их на коммерческих основаниях положение *всем желающим* зачеркнуто Р. Медиевым.

Правки внесены в подпункт в) пункта 4) § 7 «Особым законом устанавливаются правила об отпуске (на льготных условиях, по заготовленной цене или бесплатно), добываемых государством и органами местного самоуправления продуктов трудовому населению в размере личного потребления, наряду с продажей их на коммерческих основаниях *всем желающим*. В частности, данное положение изложено в следующем порядке: *«Особым законом устанавливаются правила о работающих (и служащих зачеркнуто) в государственных и общественных предприятиях на следующих основаниях»*.

И далее в подпункте в) Р. Медиев обосновывает право 1) *«Применение всех мер для безопасности и безвредности труда, страхования и пенсии старым и нетрудоспособным, установление максимума рабочего дня и минимума заработной платы и т.п. в формах, которые бы ставили труд рабочих (и*

служащих зачёркнуто) общественных предприятий в более благоприятные условия по сравнению с частными предприятиями.

2. Участие представителей рабочих (и служащих зачёркнуто) работающих в советах ведущих (промыслы зачеркнуто) предприятия.

3. Участие (рабочих и служащих зачеркнуто) работающих в прибылях производства.

§ 8 «Проекта 104-х» существенно подвергся редактированию Р. Медиевым. Так, название параграфа «Нормы частнотрудового землепользования» изменено Р. Медиевым на «Основные правила частного трудового пользования», а содержание параграфа подверглось существенному редактированию. Подпункт а) «Максимальною нормою наделения является трудовая норма, выше которой никому не может быть отведено земли; отступления от этого правила допускаются лишь в случае особо неблагоприятного семейного состава (перевес едоков над работниками) или временной убыли рабочей силы» изменен на а) «Никто не имеет права пользоваться землей в размере большем, чем может при средних в данной местности условиях хозяйства, обработать сам или рабочими силами своей семьи, те есть не выше трудовой нормы».

Подпункты б) и в) § 9 «Проекта 104-х» без изменений перенесены в § 8 проекта Р. Медиева.

«б) земля может быть отводима в пользование;

1. отдельным лицам и семьям подворными участками.

2. земельным товариществам уравнительно между собой ее распределяющим.

3) артелям, совместно ведущим промыслы и уравнительно делящим продукт его.

Примечание: ни один из органов самоуправления не может ставить препятствий образованию артелей и земельных товариществ или устанавливать преимущества для подворных пользователей.

в) уравнительность землепользования между отдельными общинами или другими территориальными самоуправляющимися единицами устанавливают по принадлежности соответствующие органы местного самоуправления и высшая государственная власть».

Пункт 1) «Путем обложения излишков земли сверх принятой нормы в размерах чистого дохода с них при обязательном употреблении собранных таким образом средств на землеустройство малоземельных семей или общин (§ 9 «Проекта 104-х») перенесен Р. Медиевым в § 8 и изложен в следующем порядке «путем прогрессивного обложения излишков земли сверх принятой нормы».

Из § 9 «Проекта 104-х» в § 8 проекта Р. Медиева перенесены с небольшой правкой следующие положения:

«2) путем расселения и переселения.

3) в случае недостаточности этих мер путем изменения земельных границ.

г) особыми законами устанавливаются основные положения для пределов земли. Высшим органам самоуправления на основе этих положений и в применении их издавать обязательные постановления и правила, обеспечивающие:

1) необходимую по местным условиям культуры, длительность пользования участком;

2) вознаграждение пользователей при переходах из рук в руки наделов или частей наделов за неиспользованные улучшения, произведенные затратами их труда и капитала;

д) Общим уравнительным распределением земли между лицами, семьями и группами их заведует низшая инстанция местного самоуправления под контролем высших инстанций и при соблюдении общих норм земельного закона.

е) Каждый гражданин желающий приложить свой труд к земле и не достигший этого путем соглашения с отдельными общинами, земельным товариществами или артелями имеет право обращаться в землеустроительные учреждения местных самоуправлений и государства, которые обязаны:

1) или поместить на землях одной из многоземельных общин в порядке указанном в особом законе;

2) или отвести ему надел из запасного земельного фонда той или другой более крупной территориальной самоуправляющейся единицы;

3) или устроить его в одном из общественных предприятий по обработке земли.

Примечание: особым законом устанавливается порядок отобрания наделов или отказ в их отведении в случаях того требующих, а равно и порядок юридической защиты своих прав лицами, считающими эти права нарушенными.

ж) Сроки и способы уравнительных переделов земли или ее продуктов внутри земельных товариществ и артелей устанавливаются или самими при соблюдении общих норм земельного надела».

В подпункте 3) «Всякая частная передача земли (между отдельными пользователями - удалено Р. Медиевым) (лицами, семьями, земельными товариществами и артелями) допускается не иначе, как с согласия общины и при соблюдении общих норм земельного закона. Частнотрудовые пользователи при оставлении занятия земледелием сдают используемые участки в распоряжение общины, причем в течение сроков особым законом для разных местностей и промыслов, устанавливаемых сохраняют за собой право на пользование землей в данной общине, по истечении таковых сроков сохраняют лишь общее право на наделение землей каждого гражданина».

и) особым законом устанавливаются правила кредита трудовым пользователям землей для приобретения ими необходимых средств производства и улучшения промыслов.

к) на основании особого закона в виде всеобщего обязательного страхования или в какой-либо иной форме возмещаются потери трудовых пользователей землей от всякого рода хозяйственных бедствий: пожаров, неурожая, падежей скота, потери трудоспособности и т. п.

Пункты § 9 «Проекта 104-х» «Правила частнотрудового землепользования».

а) за отвод общественной земли в частнотрудовое пользование не может быть взимаемо никакой платы, ни в виде поземельного налога, ни в виде аренды. Обложению могут быть подлежать лишь излишки земли сверх принятой нормы или чрезвычайные доходы, обусловленные особыми качествами почвы или иными преимуществами данного участка (дифференциальная рента).

б) Земля может быть отводима в пользование:

1) отдельным лицам и семьям подворными участками,

2) земельным товариществам, уравнительно между собою её распределяющим.

3) артелям, совместно ведущими промысел и уравнительно делящим продукт его, изложены в законопроекте Р. Медиева лаконично: *«На основаниях однородных с изложенными в статье 8 устанавливаются правила частнотрудового пользования недрами, водами лесными и другими промысловыми угодьями».*

§ 9 законопроекта Р. Медиева более краток и не закрепляет такие нормы «Проекта 104-х» как решение земельного вопроса путем переселения и расселения, передела земли, изменения земельных границ, наделения полномочиями органов местного самоуправления в решении земельных вопросов. Также опущен порядок кредитования трудовых пользователей.

§ 10. «Проекта 104-х» «На основания, однородных, изложенных в § 8, устанавливаются правила частнотрудового пользования недрами, водами, лесами и другими промышленными угодьями» изложен в законопроекте Р. Медиева как *«Основные правила пользования землей для поселения, построек и сооружений»:*

а) усадебными участками под всякого рода постройки и сооружения отводятся согласно с правилами, устанавливаемыми государством и органами местного самоуправления.

б) всякие постройки и сооружения в случаях, когда это требуется общественными нуждами государственные и органами местного самоуправления могут быть отчуждаемы на основаниях особого закона.

В проекте Р. Медиева отсутствуют § 11 «Проекта 104-х», закрепивший статус земельных комитетов в вопросах охраны земли и пользования недрами, регулирования отношений между владельцами земли и трудовыми пользователями и § 12, закрепивший земли городов, земств, общественных, правительственных и благотворительных учреждений.

В.И. Ульянов (Ленин) обратил внимание на то, что Р. Медиев поддерживает принудительное отчуждение на началах справедливой оценки земли, которая должна составить не общегосударственный земельный фонд, а областной земельный фонд в пределах каждой области [5, с. 389].

На это был направлен проект «Правил об управлении вакуфным имуществом и капиталом в Крыму», разработанный Р. Медиевым в целях решения аграрного вопроса в Таврической губернии и предполагавший реформирование Таврического магометанского духовного правления в свете обеспечения безземельных крестьян землей. «Проект» состоит из 7 пунктов. Последний включает в себя пять подпунктов. Пункт 1. предполагает, что «Высочайше учрежденная 28-го февраля 1885 г. Комиссия о вакуфных имуществах в Крыму (*уничтожается* зачеркнуто) упраздняется». Следующий этап изложен в пункте 2. «Все функции упраздненной Комиссии о вакуфных имуществах временно впредь до выработки особых правил управления вакуфным имуществом и до утверждения этих правил Государственной Думой передается Совету о вакуфных имуществах и капиталов в Крыму, составленному председателем Таврического муфтията и пятнадцати избранных мусульманским населением членов». Для исполнения своих постановлений «Совет о вакуфных имуществах» выбирает из своей среды Комитет из четырех членов, двух членов как под председательством Таврического муфтия образуют исполнительный комитет Совета и трех членов Коллегии, если при отсутствии случайно одного члена в составе» (п. 3). «Все дела имущества и капиталы, имеющиеся в распоряжении Комиссии о вакуфах передаются Совету,

коим составляется опись и протокол за подписями председателя и членов Комиссии о вакуфах так и комитета и членов Совета» (п. 4).

«Члены комитета постоянно пребывают в г. Симферополе, а члены Совета каждый месяц собираются для решения текущих дел» (п. 5). «Заседания, как Совета, так и Комитета считаются состоявшимися, если присутствует половина или более членов. При голосовании во внимание принимается абсолютное большинство, при равном количестве голосов, голос председательствующего дает перевес. Решения определяются абсолютным большинством голосов» (п. 6).

Пункт 7 проекта предполагал, что члены комитета будут получать по 1500 рублей содержания в год из вакуфных сумм. Из тех же сумм членам совета во время заседаний Совета и во время разъездов их по поручению Совета суточное довольствие в размере 6 рублей и по 10 коп с версты». Всё мусульманское население Крымского полуострова выбирает 15 членов в Совет по управлению вакуфными имуществами из коих население г. Симферополя и уезда выбирает трех членов; г. Феодосии уезда (включая и г. Керчь) трех членов; г. Евпатории и уезда двух членов; г. Ялты и уезда (включая г. Алушту) трех членов и г. Армянского базара и Перекопского уезда двух. Города Бахчисарай и Карасубазар выбирают отдельно от населения Симферопольского уезда по одному члену. Примечание: Западный край исключается.

Выборы производятся следующим порядком: а) мусульманское население каждой волости (волостной сход) выбирает одного выборщика; б) Городские Думы из лиц мусульман, жительствоющих в данном городе. В Симферополе избираются три выборщика, Феодосии два, Керчи два, Старого Крыма один, Ялты два, Евпатории три, Перекопа (из жителей Армянского базара два). Волостные и городские выборщики уезда в назначенный день съезжаются в уездный город и под председательством уездного предводителя дворянства выбирают установленное количество членов в Совет. Городские Думы Бахчисарая и Карасубазара выбирают непосредственно по одному члену в совет из лиц мусульман, жительствоющих в данном городе. Членами могут быть избираемы только лица, входящие в состав выборщиков. Для обжалования результатов выборов Совет избирает исполнительные комитет, куда входит председателем Таврический муфтий и два члена по выбору совета. Исполнительный комитет имеет постоянное местопребывание в Симферополе, а члены совета собираются в установленные дни для решения поступающих дел. Совету предоставляются функции высочайшей комиссии [6. Д -9973].

Выводы. Сравнительный анализ проекта «Основного закона о земле» депутата Государственной Думы второго созыва фракции националов Решида Медиева и проект «Основных положений земельного закона («Проект 104-х») фракции трудовиков были направлены на урегулирование поземельных отношений в ходе проведения аграрной реформы и регламентировали правовые аспекты землепользования. В данном случае наблюдается стремление разработать законопроект, который должен был ликвидировать все существующие пробелы в законодательстве и удовлетворять бы значительной части крестьянского населения. Отличительными особенностями законопроекта Р. Медиева является принцип муниципализации земли, предложенный фракцией трудовиков [7. с. 176]. Политико-правовые взгляды Р. Медиева по аграрному вопросу в значительной

степени совпадали с программными документами социалистов революционеров и социалистов народников. Можно предположить, что, будучи депутатом Государственной Думы второго созыва Р. Медиев выступал против указов, изданных правительством после роспуска Государственной Думы первого созыва 1906 г., направленных на распродажу казенных и удельных земель в личную собственность и сохранение помещичьего землевладения. Проекты Р. Медиева предполагали решение аграрного вопроса путем осуществления радикальных реформ, учитывал национальные особенности окраин Российского государства, где столетиями действовали поземельные отношения, построенные на мусульманском праве.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 26. отд. 1. № 28528. СПб, 1909.
2. Государственная Дума. Второй созыв. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 5 Положения Государственной Думы. СПб., 1907.
3. Центральный музей Тавриды. Фонд Решид Медиева. КП 26992.
4. Колесниченко Д. А. Трудовики в первой российской революции / Д. А. Колесниченко. – М.: Наука, 1985. – 319 с.
5. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 – 1907 годов // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1979. Т. 16.
6. Центральный музей Тавриды. Фонд Решид Медиева. КП 26991.
7. Ерофеев Н. Д. народные социалисты в первой русской революции. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 192 с.

Khayali B. R. Draft "Basic law on land" of the deputy of the state duma of the second convocation of the muslim faction of residue medieva and the draft "basic provisions of the land law" ("project 104") fractions of employees // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 6 (73). № 2. – P. 80-86.

On the basis of a comparative method, the article analyzes the draft "Basic Law on Land of the Deputy of the State Duma of the second convocation of the Nationals faction Reshid Mediev and the draft "Basic Provisions of the Land Law" ("Draft 104") of the Trudovik faction. It is concluded that the political and legal views of R. Mediev on the agrarian issue largely coincided with the program documents of the socialist revolutionaries and socialist populists. At the same time, R. Mediev's "project" takes into account the national characteristics of the outskirts of the Russian state, where land relations based on Muslim law have been operating for centuries.

Key words: agrarian issue, State Duma deputy Reshid Mediev, faction of nationals, faction of Trudoviks, draft "Basic Law on Land", draft "Basic Provisions of Land Law" ("Draft 104").

Spisok literatury:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3. T. 26. otd. 1. № 28528. SPb, 1909.
2. Gosudarstvennaya Duma. Vtoroj sozyv. Zakonodatel'nye zavavleniya, vnesennye na osnovanii st. 5 Polozheniya Gosudarstvennoj Dumy. SPb., 1907.
3. Central'nyj muzej Tavridy. Fond Reshida Medieva. KP 26992.
4. Kolesnichenko D. A. Trudoviki v pervoj rossijskoj revolyucii / D. A. Kolesnichenko. – M.: Nauka, 1985. – 319 s.
5. Lenin V. I. Agrarnaya programma social-demokratii v pervoj russkoj revolyucii 1905 – 1907 godov // Polnoe sobranie sochinenij. – 5-e izd. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1979. T. 16.
6. Central'nyj muzej Tavridy. Fond Reshida Medieva. KP 26991.
7. Erofeev N. D. narodnye socialisty v pervoj russkoj revolyucii. – M.: Izd-vo MGU, 1979. – 192 s.

УДК 342.5

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-87-94

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА, ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И ОТЧЕТНОСТИ В ОРГАНАХ СОВЕТСКОЙ ПРОКУРАТУРЫ (1920 – 1930-е гг.)

Хаяли Р. И.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье анализируется научная организация труда в органах советской прокуратуры. Показан процесс формирования делопроизводства в прокуратуре районного, городского и областного уровня, формы и методы работы с документами. Сделан вывод: организационное руководство по внедрению и использованию научной организации труда было направлено на совершенствование организации делопроизводства в органах прокуратуры, повышение производительности и рационализацию труда.

Ключевые слова: прокуратура, научная организация труда, делопроизводство, документ, отчетность.

Создание советской прокуратуры в 1922 г. выдвинуло на повестку дня решение комплекса задач, в том числе организацию делопроизводства и отчетности на основе научной организации труда (НОТ).

В соответствии с требованиями декрета СНК РСФСР от 2 марта 1918 г. «О форме бланков государственных учреждений» бланки всех официальных учреждений, изготовленные печатным, литографским или другим множительным способом, имели: вверху бланка слева слова: «Российская Федеративная Советская Республика», непосредственно под этими словами – название ведомства, в ведении которого состояло данное учреждение, ниже названия комиссариатов – полное название учреждения или должностного лица, еще ниже название учреждения – административные подразделения частей последнего (отдел, отделение, стол, делопроизводство, еще ниже – дата по новому стилю, номер исходящего документа и адрес учреждения или должностного лица. Бланки, воспроизводимые полностью или частью от руки, на пишущей машине или не множительным способом, сведений, таких реквизитов не содержали [1. Ст. 389].

Делопроизводство в органах прокуратуры было возложено на секретарей. В подавляющей части окружных и городских прокуратурах подготовка документов осуществлялась от руки, с использованием чернил иногда карандашом. На пишущей машине с использованием требований декрета СНК РСФСР от 2 марта 1918 г. печатались наиболее важные документы в вышестоящие прокуратуры. Бланки документов не имели единых размеров. В прокуратурах союзных и автономных республик документы как правило печатались на бланках с использованием пишущих машин. Документы печатались на пишущей машине с использованием очень тонкой бумаги. При подготовке нескольких экземпляров документов широко применялась копировальная бумага с односторонним красящим слоем черного или фиолетового цвета. При этом все экземпляры документа

считались оригинальными. На копиях проставлялась печать «копия» или экземпляр заверялся от руки.

В работе советской прокуратуры использовались организационно-распорядительные документы – циркуляры, постановления, решения, протоколы, информационно-справочные документы – информационные письма, служебные записки, сводки, справки, акты, письма.

При подготовке документов определенные требования предъявлялись к отчетам губернских прокуроров прокурору РСФСР. Так, документы необходимо было предоставлять по установленной форме, в которой указывались наиболее «выдающиеся моменты политического состояния губернии», общее состояние института прокуратуры, изменения в личном составе прокуратуры, связь и руководство деятельностью помощников прокурора. Также в отчете важно было указать причины, противодействующие правильному применению прокурорского надзора. В вопросах взаимоотношения с партийными и советскими органами необходимо было учитывать наличие конфликтов и их разрешение, случаи нарушения норм права.

В сжатом очерке политической работы прокуратуры необходимо было отразить наиболее существенные моменты работы общего надзора, выдвинутых главным образом по инициативе прокурора и в частности результаты работы общего надзора с ОГПУ, уголовным розыском и Рабоче-крестьянской инспекцией.

В отчетах в части дознания прокурорам необходимо было показать мероприятия по улучшению состояния органов дознания, дать сравнительную оценку органов дознания с предыдущим периодом. В отношении ОГПУ прокуроры отчитывались о мероприятиях по улучшению работы, имеющихся конфликтах и путях их разрешения, с учетом сравнительной оценки их деятельности и состояние работы по сравнению с предыдущим периодом.

Одним из направлений отчетности были мероприятия прокуратуры в области улучшения личного состава следственного аппарата по губерниям и проведенные мероприятия в деле улучшения постановки работы вообще, а также сравнительная оценка работы с предыдущим периодом.

Работа прокуратуры по улучшению надзора за органами суда, отдельно по Губернским судам и народным судам каждого уезда в отчетных документах должны были отражать общую характеристику работы по отделам Губернских судов с указанием статистических данных, а также имеющиеся конфликты и их разрешение.

В отчетах также необходимо было показать достижения прокуратуры в области улучшения состояния мест заключения за отчетный период, работу «Распредкомиссии», классовый состав заключенных, деятельность совещания по борьбе с преступностью.

В итоге отчета нужно было сделать общие выводы и замечания.

Научная организация труда предполагала строжайшую экономию бумаги канцелярских принадлежностей на основе развертывания социалистического соревнования между техническими работниками прокуратур окружного и городского звена. Документы как правило печатались или заполнялись от руки с использованием всей площади бумаги.

Особое внимание было обращено на организацию статистической отчетности в низовых прокуратурах, где еще имелись случаи, когда ответственные работники

возлагали данную работу на технических работников, ограничиваясь механическим подписыванием статистических таблиц, не проверяя этих таблиц и не замечая их недостатков. В связи с этим НКЮ РСФСР была установлена личная ответственность помощников прокуроров за точность предоставляемых статистических сведений. Одновременно был введен порядок, в соответствии с которым предоставление неверных сведений нижестоящими органами прокуратуры в вышестоящие, рассматривалось как служебный проступок с применением мер дисциплинарного воздействия.

В исследуемый период сложилась практика, когда окружные прокуроры должны были ежеквартально предоставлять отчеты в вышестоящие отделы прокуратур по форме, отражавшей мероприятия по улучшению работы органами дознания, наблюдательное производство за ОГПУ, прокурорский надзор за следствием, органами суда, местами заключений, общая характеристика прокурорского надзора по отношению ко всем государственным органам, а также учет классового состава лиц в местах заключения.

В работе советской прокуратуры пристальное внимание уделяется секретному делопроизводству. Так, в соответствии с циркуляром «2с» «В развитии и дополнении циркулярного распоряжения от 1 мая 1923 г. за №7с», к руководству были приняты прилагаемый перечень вопросов, переписка по которым являлась секретной. Разбивка переписки по степени секретности на «секретно» и «совершенно секретно» производилась под персональной ответственностью соответствующих лиц. За нарушение в делопроизводстве перечня в смысле указания «секретно» на документах, не содержащих в себе секрета и наоборот, принимались строгие меры взыскания.

Общие вопросы переписка о шифрах, шифшобработке, заключения по проектам законодательных органов, касающихся вопросов гособороны, госбюджета и других мероприятий военведа и другие вопросы [2, л. 3–6].

В целях повышения качества работы в органах прокуратуры была осуществлена реформа делопроизводства. Циркуляром НКЮ РСФСР от 13 октября 1924 г. № 169 вместо журнальной системы учета информации вводилась карточная система делопроизводства [3, с. 995]. Взамен существующих книг и журналов учета, а также разнородных реестров устанавливалась более упрощенная и эффективная система учета информации на основе карточек, позволявшая оперативно создавать документы, вести их учет и осуществлять поиск.

Повышению качества отчетности способствовали решения совещания областных прокуроров РСФСР, состоявшееся в июне 1925 г. и рекомендовавшее всем губернским прокурорам совместно с помощниками разработать и принять годовые календарные планы со строгим контролем исполнения и отчетности.

В практику вводятся такие формы работы как ревизия городской и районной прокуратуры и вызов «на камерное совещание» с отчетами отдельных прокуроров. На основании ревизий, отчетов районных и городских прокуратур вышестоящими прокуратурами подготавливались сводные письма с замечаниями, слабыми сторонами работы и мерах по устранению их в последующей работе.

Повышению качества прокурорского надзора должна была способствовать организация грамотной и своевременной отчетности. Отчетность городских и районных прокуратур строилась на тщательной проработке и фиксации всех

материалов, подробно освещая хозяйственно-политические кампании, например, организация и проведение выборов в советы всех уровней, анализ классового состава избирателей и советов, развитие кооперативного движения на селе, хлебозаготовительные мероприятия. Информационные сводки рекомендовалось представлять подекадно 1-го, 11-го, 21-го числа каждого месяца. Прокурорская сводка должна была отражать работу всех органов юстиции города и района [4, л. 28].

Циркуляром № 39 были внесены поправки в циркуляры № 23 и № 90 1927 г. устанавливавших форму статистической отчетности по личному составу. В качестве приложения к циркуляру была составлена инструкция.

В 1930-е гг. в органах прокуратуры продолжили работу по совершенствованию делопроизводства. Создание единой централизованной прокуратуры СССР в 1933 г. выдвинуло на повестку дня повышение качества НОТ в целом и делопроизводства в частности. Значительно улучшилось техническое обеспечение районных и городских прокуратур. В органах прокуратуры устанавливалась единая статистическая отчетность, состоявшая из краткого месячного отчета и полугодового развернутого отчета. Статистическая отчетность отражала работу всех звеньев и всех участков работы органов прокуратуры, качественный учет результатов работы по соблюдению законности. В это время прокуроры союзных республик издают приказы, направленные на строгий учет и хранение районными и городскими прокуратурами законодательного материала, правительственных постановлений и распоряжений, приказов и инструкций прокуроров Союза ССР и РСФСР. Также вводятся правила строго учета, контроля и хранения нормативно-правовых актов, с обязательным ознакомлением оперативных работников с ними под личную роспись, с последующим хранением в хронологическом порядке в подшитом виде и сдачей к концу года в архив.

Распоряжением Прокурора Союза ССР № 37/20 от 25 апреля 1935 г. прокурорам союзных республик рекомендовалось ввести в практику оперативной работы предоставление специальных донесений о наиболее крупных преступлениях и нарушениях законности. Спецдонесения направлялись в адрес сектора учета и информации Прокуратуры Союза ССР в двух экземплярах и заголовком или непосредственно на имя Прокурора Союза ССР. В спецдонесении необходимо было отразить суть преступления и нарушения законности, кем совершено, каким образом обнаружено, какие меры предприняты прокуратурой и дополнительные сведения [5, с. 66].

В целях повышения качества контроля в органах прокуратуры Прокурор Союза ССР 22 апреля 1937 г. принимает приказ № 272, направленный на улучшение качества контроля за исполнением приказов Прокурора Союза ССР.

Важным этапом в организации делопроизводства в органах прокуратуры стал приказ Прокурора Союза ССР от 1 июня 1938 г., направленный на решительную перестройку работы всей прокурорской системы. Через год выполнение приказа было проверено в 38 прокуратурах республик, краев и областей. Также в прокуратуре СССР были обследованы отделы общего надзора, следственный, уголовно-судебный, гражданско-судебный. По результатам проверки были заслушаны доклады большинства проверенных прокуратур на оперативных совещаниях при прокуратуре СССР [6, с. 8].

Практика показывала, что в отдельных прокуратурах наблюдалась волокита, контроль осуществлялся бессистемно, а направленные жалобы в районные прокуратуры из вышестоящих прокуратур не рассматривались в течение года. При этом на неоднократные обращения вышестоящих прокуратур районные прокуроры своевременно ответ не предоставляли. Прокуратуры Челябинской и Чкаловской областей (Оренбургской) не только не организовали контроль за исполнением приказов Прокуратора Союза ССР, но и не вели учет приказов и ознакомление с ними оперативных работников [6, с. 10].

На качество прокурорского надзора и делопроизводство негативное влияние оказали политические репрессии, в результате которых в органах прокуратуры пришли кадры, не имевшие опыта работы. В связи с этим 31 октября 1938 г. был издан приказ Прокурора Союза ССР № 1630 «О новых прокурорских кадрах», где отмечалось, что за последнее время на работу в качестве районных прокуроров по стране выдвинуто несколько тысяч новых работников, громадное большинство которых не имеют опыта прокурорской работы. Одной из основных задач, стоящих перед Прокуратурой Союза, прокуратурами союзных и автономных республик, прокурорами краев и областей является воспитание из вновь пришедших на работу райпрокуроров высококвалифицированных прокурорских работников.

В соответствии с приказом Прокурора СССР предполагалось:

а) в месячный срок издать библиотечку для начинающих райпрокуроров, содержащую изложение задач, стоящих перед райпрокурорами, методы разрешения этих задач, требования, предъявляемые к райпрокурору по вопросам прокурорской, следственной работы, а также работы районного прокурора в суде;

б) систематически издавать приказы и инструкции по основным и наиболее важным вопросам прокурорской деятельности, рассчитанные на райпрокуроров и освещающие эти вопросы с исчерпывающей полнотой;

в) организовать вызов новых районных прокуроров в Прокуратуру Союза ССР для заслушивания их отчетов о работе, а также для ознакомления райпрокуроров с работой центрального аппарата и теми требованиями, которые предъявляются к прокурорским органам;

г) выделить в журнале «За социалистическую законность» специальный раздел: «В помощь райпрокурору»;

2. Прокурорам областей, краев, автономных республик, а также союзных республик, не имеющих областного деления:

а) систематически, изо дня в день, наблюдать за работой райпрокуроров, с этой целью в ближайшие 3-5 месяцев обязать вновь назначенных райпрокуроров представлять проекты всех основных, составляемых ими документов (постановлений, протестов, обвинительных заключений, писем в райорганизации по принципиальным вопросам) в краевые, областные прокуратуры и прокуратуры автономных республик.

Рассмотрение этих документов должно производиться лично областным, краевым или республиканским прокурором в суточный срок с тем, чтобы по каждому проекту постановления, протеста, обвинительного заключения или какому-либо другому документу, представляемому райпрокурором, последнему направлялись развернутые и исчерпывающие указания.

Используя это мероприятие в учебно-воспитательных целях, прокуроры областей, краев и республик обязаны на основе изучения этих материалов выявлять наиболее слабые стороны работы каждого нового райпрокурора и соответственно дифференцировать руководство работой райпрокуроров;

б) в течение месячного срока пересмотреть состав помощников райпрокуроров, следователей и секретарей. В те районы, куда назначены новые районные прокуроры, в целях оказания им помощи и создания необходимых условий для работы, перевести наиболее опытных, квалифицированных помощников райпрокуроров, следователей и секретарей. Менее опытных помощников прокуроров, следователей и секретарей перевести на работу в районы, где работают опытные прокуроры.

В тех случаях, когда по каким-либо причинам переброску секретарей на постоянную работу из одного района в другой произвести не представится возможным, опытные помощники прокурора и секретари должны быть прикомандированы к вновь назначенным прокурорам на 2–3 месяца в целях оказания им помощи в организации работы районной прокуратуры и работы канцелярии районного прокурора;

в) в декадный срок разработать календарный план выездов работников краевых, областных и республиканских прокуратур в район и вызова в аппарат краевой, областной, республиканской прокуратуры районных прокуроров с таким расчетом, чтобы каждый вновь назначенный районный прокурор в течение 1938–1939 гг. был не менее одного раза в 2–3 месяца в аппарате областной, краевой или республиканской прокуратуры и чтобы в тот же срок не менее одного раза работники этих прокуратур посетили районного прокурора.

Руководство и инструктаж вновь назначенных райпрокуроров должен производиться вышестоящими прокурорами дифференцированно, с учетом наиболее слабых сторон работы каждого райпрокурора, квалификации помощника и следователя, вместе с ним работающих. Так, например, районному прокурору, у которого работает опытный и квалифицированный следователь и помощник прокурора, хорошо работающий в области общего надзора, но у которого слабо поставлена работа в суде, прежде всего должна быть оказана помощь в организации этой работы. Прокурору, у которого хорошо поставлена работа в суде, но неудовлетворительно идет работа по общему надзору, необходимо прежде всего помочь в освоении работы по общему надзору, и т. д.;

г) в течение ноября-декабря 1938 г. первого квартала 1939 г. в краевых, областных прокуратурах, прокуратурах автономных республик и союзных республик, не имеющих областного деления, созвать совещание всех вновь назначенных райпрокуроров, используя эти совещания для инструктирования их по основным вопросам прокурорской работы;

д) разработать план прохождения новыми райпрокурорами стажировки в отделах прокуратуры. Прохождение стажировки организовать таким образом, чтобы каждый райпрокурор работал в тех отделах прокуратуры, работа которых им наиболее слабо освоена;

е) проверить обеспеченность всех вновь назначенных райпрокуроров кодексами, руководящими материалами и методическими руководствами и организовать

изучение этих материалов и проверку усвоения их райпрокурорами, используя для этого выезды на места и вызовы райпрокуроров;

ж) всемерно отмечать и поощрять достижения в работе районных прокуроров [8, с. 115 – 116].

Прокурор при ознакомлении с протоколом допроса был обязан сделать на документе надпись об ознакомлении с обозначением часа, дня, месяца и года. Органы прокуратуры были обязаны в точности соблюдать требования уголовно-процессуальных кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД.

Приказом Прокурора Союза ССР от 7 марта 1940 г. № 41-5 всем прокурорам союзных республик, краев и областей было рекомендовано завести специальные книги для учета и регистрации приказов. В частности, в приказе отмечалось: «Имеющиеся в Прокуратуре Союза ССР материалы свидетельствуют о том, что целый ряд прокуроров республик, краев и областей до настоящего времени не организовали в своих аппаратах контроль за своевременным выполнением приказов Прокурора Союза ССР».

Ни на теоретическом, ни на практическом уровнях не были разработаны вопросы планирования работы органов прокуратуры. При подготовке документов имелись недостатки, а именно неполнота изложения материалов, ошибочность при обобщении выводов, построенных на основе малого числа типичных фактов, неточность изложения фактов, загромождение документа незначительными фактами [9, с. 37 – 38].

Повышению качества НОТ в органах прокуратуры должны были способствовать различные формы соревнования между прокуратурами, направленные на рационализацию и улучшение делопроизводства, уплотнение рабочего дня каждого работника и коллектива, укрепление трудовой дисциплины, проведение мероприятий, направленных на повышение общеобразовательного и специального теоретического уровня, повышение деловой квалификации и политической грамотности [10, с. 54].

Подводя итоги необходимо отметить, что в исследуемый период отсутствовали единые государственные стандарты, устанавливающие единые требования делопроизводства в органах государственной власти. Также отсутствовал единый союзный нормативно-правовой акт, регулирующий делопроизводственное обеспечение в прокуратурах союзных и автономных республик, прокуратурах краевого, областного, городского и районного звена. Организация делопроизводства в органах прокуратуры осуществлялось на основе декретов СНК РСФСР, циркуляров наркома юстиции РСФСР, приказов Прокурора Союза СССР. Организационное руководство по внедрению и использованию НОТ было направлено на совершенствование организации в работе всех звеньев органов прокуратуры, повышение производительности и рационализацию труда. Первостепенное значение придавалось созданию оптимальных условий труда, нормированию труда, изучению затрат рабочего времени на выполнение определенного объема работ, распределению должностных обязанностей. На особом учете находилась организация делопроизводства, особенно в прокуратуре городского и районного звена. Ответственность за данное направление возлагалась непосредственно на прокурора, который был обязан осуществлять планирование

рабочего времени, проводить грамотную работу по подбору кадрового состава и повышении ими квалификации, систематически следить за состоянием делопроизводственной работы. В свою очередь ответственный за делопроизводство секретарь руководил работой канцелярии, осуществлял контроль за исполнением обязанностей подчиненными, умением работать с документами и деловыми бумагами, за своевременным и правильным составлением статистических отчетов, учетом и регистрацией поступающих в прокуратуру жалоб и заявлений граждан, знанием архивного дела. В прокуратурах осуществлялся строгий учет количества израсходованной бумаги в месяц, квартал, за год. Составной частью НОТ была организация соревнования между прокуратурами республики, края, области по оптимизации рабочего времени, за экономию канцелярских принадлежностей и бумаги.

Список литературы:

1. Декрет СНК РСФСР от 2 марта 1918 г. «О форме бланков государственных учреждений» // Свод Узаконов. 1922. – № 29.
2. ГАРК. Ф. Р 1110. Оп. 1. Д. 18.
3. Циркуляр НКЮ РСФСР от 13 октября 1924 г. № 169 // Еженедельник советской юстиции. 1924. – № 41.
4. ГАРК. Ф. Р 703. Оп. 1. Д. 1.
5. Распоряжение Прокурора Союза ССР № 37/20 «О специальных донесениях» от 25 апреля 1935 г. // Социалистическая законность. 1935. – № 10.
6. Лебединский В. Годовщина принятия приказа Прокурора Союза от 1 июня 1938 года // Социалистическая законность. 1939. – № 7.
7. Приказ Прокурора Союза СССР № 1630 «О новых прокурорских кадрах» // Социалистическая законность. 1938. – № 12.
8. Беляев И. О некоторых организационных вопросах в органах прокуратуры // Социалистическая законность. 1941. – № 3.
9. В. Бочков, Шершаков Г. Социалистическое соревнование в органах прокуратуры // Социалистическая законность. 1941.

Khayali R. I. Regulatory and legal support of the scientific organization of labor, office work and reporting in the bodies of the soviet prosecutor's office (1920s - 1930s) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 87-94.

The article analyzes the scientific organization of labor in the bodies of the Soviet prosecutor's office. The process of forming office work in the prosecutor's office of the district, city and regional level, forms and methods of working with documents is shown. The conclusion is made: the organizational guidance for the implementation and use of the scientific organization of labor was aimed at improving the organization of office work in the prosecutor's office, increasing productivity and rationalizing labor.

Key words: prosecutor's office, scientific organization of labor, office work, document, reporting.

Spisok literatury:

1. Dekret SNK RSFSR ot 2 marta 1918 g. «O forme blankov gosudarstvennyh uchrezhdenij» // Svod Uzakonenij. 1922. – № 29.
2. GARK. F. R 1110. Op. 1. D. 18.
3. Cirkulyar NKYU RSFSR ot 13 oktyabrya 1924 g. № 169 // Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii. 1924. – № 41.
4. GARK. F. R 703. Op. 1. D. 1.
5. Rasporyazhenie Prokurora Soyuz SSR № 37/20 «O special'nyh donesenyah» ot 25 aprelya 1935 g. // Socialisticheskaya zakonnost'. 1935. – № 10.
6. Lebedinskij V. Godovshchina prinyatiya prikaza Prokurora Soyuz ot 1 iyunya 1938 goda // Socialisticheskaya zakonnost'. 1939. – № 7.
7. Prikaz Prokurora Soyuz SSSR № 1630 «O novyh prokurorskih kadrah» // Socialisticheskaya zakonnost'. 1938. – № 12.

8. Belyaev I. O nekotoryh organizacionnyh voprosah v organah prokuratury // Socialisticheskaya zakonnost'. 1941. – № 3.
9. V. Bochkov, SHershakov G. Socialisticheskoe sorevnovanie v organah prokuratury // Socialisticheskaya zakonnost'. 1941.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.7

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-95-102

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ: СТАТУС И ПРАКТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Залевская С. А., Трифонов С. Г.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В настоящей статье автором рассматриваются особенности конституционно-правового статуса уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг и его место среди функционирующих уполномоченных в различных сферах деятельности а также вопросы, возникающие у судов при применении положений Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», устанавливающих порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и страховыми организациями по договорам обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), добровольного страхования транспортных средств (КАСКО), добровольного страхования гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств (ДСАГО).

Ключевые слова: финансовый уполномоченный, взыскание страхового возмещения по договорам ОСАГО, КАСКО, ДСАГО, порядок досудебного урегулирования споров финансовым уполномоченным, потребители финансовых услуг.

Защита законных прав и интересов граждан это одна из важнейших обязанностей государства и защита потребителей финансовых услуг в свете событий начала и середины 90-х годов XX в. также представляет собой важный аспект. Действенная система защиты прав потребителей финансовых услуг обязательно должна включать механизм рассмотрения жалоб и предоставление возможностей — как судебных, так и внесудебных — для обжалования действий поставщиков финансовых услуг, финансовых организаций. Естественно, организация защиты прав потребителей финансовых услуг не может быть ограничена только существованием органов, в функции которых входят рассмотрение жалоб и обращений граждан, разрешение правовых споров и содействие урегулированию экономических конфликтов (к примеру, содействие заключению соглашений о рассрочке платежа и т.д.), но указанное направление является чрезвычайно важным.

Идея финансового уполномоченного (или финансового омбудсмена) не нова. Смысл создания такого института заключается в возможности рассматривать в досудебном порядке небольшие по сумме споры между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями. Такой институт действует и неплохо себя зарекомендовал в Великобритании, Ирландии, Польше, Армении и Казахстане. Функционирование такого института экономит издержки и время потребителя, разгружает судебную систему, позволяя ей сосредоточиться на более сложных делах, оптимизирует работу финансовых организаций. Однако следует отметить,

что главное в деятельности финансового омбудсмана — обеспечение более высокого уровня правовой защиты граждан при получении ими финансовых услуг, и, как следствие, снижение социальных конфликтов в обществе.

Институт уполномоченных по защите прав не новелла для нашего законодательства, существует ряд уполномоченных как на уровне федерации, так и в субъектах. Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», разработанный по поручению президента РФ имеет целью защиту прав и законных интересов потребителей финансовых услуг. Ранее до принятия закона институт подобный указанному в нем существовал как общественный финансовый уполномоченный при Ассоциации российских банков.

Гарантированная Конституцией РФ, ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 55, государственная защита прав потребителей финансовых услуг как общепризнанных прав человека и гражданина реализуется посредством учреждения должности финансового уполномоченного, которому Федеральным законом от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» предоставлены определенные властные полномочия [1].

Федеральным законом от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» определен порядок досудебного урегулирования финансовым уполномоченным споров между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями [2].

Установленная законодателем в целях защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг процедура обязательного досудебного урегулирования спора представляет собой альтернативу рассмотрения потребительских споров в судах, не подменяя при этом судебный порядок их разрешения.

В соответствии с частью 4 статьи 2 Закона финансовый уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, Центрального банка Российской Федерации и иных организаций, должностных лиц, на основании статьи 20 Закона финансовый уполномоченный вправе запрашивать у финансовой организации разъяснения, документы, сведения, связанные с рассмотрением обращения потребителя финансовых услуг, в том числе информацию, составляющую коммерческую, служебную, банковскую тайну, тайну страхования или иную охраняемую законом тайну, организовывать проведение независимой экспертизы (оценки) по предмету спора для решения вопросов, связанных с рассмотрением обращения [2].

Решение финансового уполномоченного в силу ст. 23 Федерального закона от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» является обязательным и подлежит исполнению финансовой организацией, и в случае его неисполнения финансовой организацией добровольно подлежит принудительному исполнению судебными приставами-исполнителями Федеральной службы судебных приставов России на основании удостоверения, выданного финансовым уполномоченным, являющимся исполнительным документом [2].

Правовой статус финансового омбудсмана, связанный с осуществлением им публичных полномочий, обуславливает предъявление к кандидатам на должность

финансового уполномоченного особых требований, установленных статьей 3 Федерального закона от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»: возрастной ценз – не моложе 35 лет, наличие гражданства РФ, высшего юридического или экономического образования, опыта работы в сфере финансового рынка, регулирования, контроля и надзора на финансовом рынке или защиты прав потребителей финансовых услуг в совокупности не менее пяти лет или опыта работы судьей не менее 10 лет, отсутствие неснятой или непогашенной судимости за совершение умышленного преступления, решения о его дисквалификации, безупречная деловая репутация и иные требования, запреты и ограничения, связанные с его профессиональной деятельностью, установленные также Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. N 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», Федеральным законом от 10 июля 2002 г. N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». [2].

Не будучи органом государственной власти, должность финансового уполномоченного, учреждаемая в соответствии с Федеральным законом от 4 июня 2018 года №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» для рассмотрения обращений потребителей финансовых услуг об удовлетворении требований имущественного характера, предъявляемых к финансовым организациям, оказавшим им финансовые услуги, представляет собой специализированный институт российского гражданского общества, назначение которого состоит в урегулировании потребительского спора при наименьших затратах для всех его участников, учитывая интересы каждой из его сторон [2].

Тогда как судебное разбирательство основывается на процессуальном принципе состязательности сторон – по сути их противостоянии, и разрешение спора в судебном порядке не равноценно действительному разрешению конфликта, и предполагает возмещение, наряду с имущественным, морального ущерба, взыскание потребительского штрафа, судебных расходов и компенсации в случае неисполнения судебного постановления.

Одна из самых многочисленных в судах категорий потребительских споров, подпадающих под сферу действия Федерального закона о финансовом уполномоченном, – это споры о взыскании страхового возмещения и ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.

Данный Закон с 1 июня 2019 г. вступил в силу в отношении страховых организаций, осуществляющих деятельность по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, предусмотренному Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. №40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», по добровольному страхованию гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств и по страхованию средств наземного транспорта (за исключением средств железнодорожного транспорта), к которому, в частности, относится добровольное страхование автотранспортных средств (пункт 1 части 1 статьи 28, часть 5 статьи 32 Закона) [3].

Потребители финансовых услуг - страхователи вправе заявлять в судебном порядке требования к страховым организациям по договорам обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО), добровольного страхования транспортных средств (КАСКО), добровольного страхования гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств (ДСАГО) только после соблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования спора – направления заявления страховщику, после его рассмотрения, при наличии разногласий, – обращения к финансовому уполномоченному.

В качестве подтверждения соблюдения досудебного порядка урегулирования спора потребители должны приложить к исковому заявлению в суд либо решение финансового уполномоченного, либо соглашение с финансовой организацией (в случае, если финансовая организация не исполняет его условия), либо уведомление о принятии обращения к рассмотрению или об отказе в принятии обращения к рассмотрению (часть 4 статьи 25 Федерального закона от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг») [2].

Если потребителем установленная законом процедура досудебного урегулирования спора не соблюдена, исковое заявление возвращается судьей на основании п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ либо подлежит оставлению судом без рассмотрения на основании абзаца второго статьи 222 ГПК РФ.

Одним из вопросов, с которым столкнулись в своей практике судьи, рассматривающие гражданские дела о взыскании невыплаченного страхового возмещения по ДТП, произошедшим до 1 июня 2019 года, был – можно ли расценить в качестве подтверждения соблюдения обязательного порядка досудебного урегулирования спора наличие обращения истца с претензией в страховую компанию до указанной даты и уведомления Финансового уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в сфере страхования об отказе в принятии обращения к рассмотрению в связи с необходимостью потерпевшему обратиться к страховщику с заявлением о выплате страхового возмещения после 1 июня 2019 г., и затем – повторно с обращением к финансовому уполномоченному?

Президиум Верховного Суда РФ, разъясняя, при каких условиях обязательный досудебный порядок в виде обращения потребителя к финансовому уполномоченному считается соблюденным, указал, что при отказе в рассмотрении финансовым уполномоченным обращения потребителя в связи с ненадлежащим обращением потребителя к финансовому уполномоченному, в частности, если потребитель финансовых услуг предварительно не обратился в финансовую организацию в порядке, установленном статьей 16 данного закона, обязательный досудебный порядок является несоблюденным [3].

В большинстве своем суды связывают возникновение обязанности потребителя представить доказательства соблюдения обязательного досудебного порядка урегулирования споров со страховыми организациями по договорам обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, добровольного страхования транспортных средств, добровольного страхования гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств с датой обращения в суд с иском – после 1 июня 2019 г.

Интересна правовая позиция Московского городского суда, изложенная в апелляционном определении от 8 июня 2020 г. по делу №33-20694/2020. Московский городской суд приходит к выводу о том, что в силу частей 5 и 8 статьи 32 Федерального закона №123-ФЗ от 04 июня 2018 г. обращение к финансовому омбудсмену до обращения в суд по договорам обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств является обязательным, если договор страхования был заключен или услуги по нему были оказаны или должны были быть оказаны после 01 июня 2019 г. Основывается суд при этом на положениях статьи 4 ГК РФ, согласно которой акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие, и статьи 422 ГК РФ, согласно п. 2 которой, если после заключения договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров [10].

Аналогичная позиция изложена Санкт-Петербургским городским судом в апелляционном определении от 18 февраля 2020 г. по делу №33-3570/2020 [9] и Верховным Судом Республики Ингушетия в апелляционном определении от 26 декабря 2019 г. по делу №33-1133/2019 [8].

Однако на стадии рассмотрения проекта комментируемого федерального закона Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства указывал на то, что законопроект может быть квалифицирован как противоречащий частям 1 и 2 статьи 46 и части 1 статьи 47 Конституции РФ, гарантирующим каждому судебную защиту его прав и свобод и доступность правосудия [11].

Критически встретила Закон и юридическая общественность. Воронов А.Ф. выразил свою обеспокоенность тем, «будет ли у финансового уполномоченного возможность сохранять абсолютную независимость при разрешении споров, если фонд финансирования деятельности финансового уполномоченного формируется за счет имущественных взносов Банка России и взносов финансовых организаций, будет ли по-настоящему реальна для граждан одна из основных гарантий: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» (ст.8 Всеобщей декларации прав человека)?» [12].

Кондратович А.Г. полагает, что «новый институт досудебного урегулирования споров с участием финансового уполномоченного не только затягивает время рассмотрения требований потребителя финансовых услуг и реального получения денежных средств с финансовой организации, но и вынуждает к несению дополнительных издержек, не определяя порядок их возмещения во внесудебном порядке» [14].

По мнению Кудрявцевой В.П., «открывает» дорогу в суд не только решение, вынесенное финансовым омбудсменом по существу заявленного требования, но и решение о прекращении рассмотрения обращения потребителя и уведомление об отказе в принятии обращения к рассмотрению. Однако указанное правило превращает процедуру рассмотрения спора финансовым омбудсменом в пустую и

просто затрудняющую доступ к суду формальность, поскольку рассмотрение обращения может быть прекращено, если потребитель воспользуется правом отзыва своего обращения (п.7 ст.16) или составит свое заявление таким образом, при котором финансовый омбудсмен не будет обладать правом разрешения спора и откажет в принятии этого обращения к рассмотрению» [15].

Точку в этой дискуссии поставил КС РФ в своих решениях по заявлениям о несоответствии положений ФЗ от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» Конституции РФ, поскольку создают дополнительный барьер для защиты прав потребителя финансовых услуг и ограничивают возможность обратиться за судебной защитой на протяжении длительного (неопределенного) времени. Конституционный Суд РФ разъяснил, что взаимосвязанные положения ст. 15, 16, и 25 ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», устанавливающие обязанность потребителя финансовых услуг – до предъявления к финансовой организации требований в судебном порядке – обратиться к данной финансовой организации с соответствующим заявлением и после получения ее ответа, либо в случае неполучения ответа по истечении установленных сроков рассмотрения заявления, направить обращение к финансовому уполномоченному, не лишают заинтересованных лиц возможности отстаивать свои права и законные интересы в рамках разрешения судом возникшего спора по существу. Указанные нормы не могут расцениваться как ограничивающие возможность обратиться за судебной защитой на протяжении длительного (неопределенного) времени с учетом установленных данным Федеральным законом конкретных сроков рассмотрения соответствующих обращений потребителя финансовых услуг финансовой организацией (часть 8 статьи 16), а также финансовым уполномоченным (ч. 8 ст. 20) (определения Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. №698-О, от 26 марта 2020 г. №699-О, от 28 мая 2020 г. №1243-О, от 30 июня 2020 г. №1570-О) [4, 5, 6, 7].

Как отмечает финансовый уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг в сфере страхования Климов В.В., «статистика первого года работы позволяет говорить о соответствии нового правового института той социально значимой задаче, которая перед ним поставлена, - повышение доступности правосудия для граждан - потребителей финансовых услуг» [13].

Вместе с тем, как разъяснил Президиум Верховного Суда РФ, возможность обращения потребителя в суд в случае прекращения рассмотрения обращения потребителя финансовым уполномоченным или его отказа в принятии к рассмотрению обращения потребителя зависит от основания прекращения рассмотрения или отказа в рассмотрении обращения потребителя [3].

Ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 4.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» предусмотрена возможность мотивированного отказа в принятии к рассмотрению финансовым уполномоченным обращения потребителя финансовых услуг, статьей 27 – прекращения рассмотрения обращения финансовым уполномоченным [2]. Обязательный досудебный порядок урегулирования спора согласно разъяснениям Президиума ВС РФ считается не соблюденным, если основанием прекращения рассмотрения финансовым уполномоченным требования потребителя является отзыв потребителем финансовых услуг своего обращения, отказ потребителя от заявленных к

финансовой организации требований по мотиву их добровольного удовлетворения либо отсутствие требования наследников потребителя финансовых услуг о продолжении рассмотрения спора финансовым уполномоченным (пп. 3, 4, 5 ч. 1 ст. 27 Зак.), а также нахождение спора в процедуре урегулирования с помощью медиации (п. 1 ч. 1 ст. 27, п. 4 ч. 1 ст. 19 Зак.), при отказе в рассмотрении или прекращении рассмотрения финансовым уполномоченным обращения потребителя на основании п. 2 ч. 1 ст. 27 Зак., в случае непредставления потребителем финансовых услуг документов, разъяснений и (или) сведений в соответствии с данным законом, если это влечет невозможность рассмотрения обращения по существу, если потребитель финансовых услуг предварительно не обратился в финансовую организацию в порядке, установленном статьей 16 данного Закона, если обращение потребителя содержит нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу финансового уполномоченного или иных лиц или его текст не поддается прочтению (п. 2, 11, 12 ч. 1 ст. 19) [3].

Однако из указанных положений данного закона не усматривается, является ли соблюденным досудебный порядок урегулирования спора в случае уклонения потребителя финансовых услуг от предоставления транспортного средства на осмотр для проведения экспертизы, назначенной финансовым уполномоченным, и прекращения, в связи с этим, рассмотрения финансовым уполномоченным обращения потребителя.

Представляется необходимым конкретизировать основания прекращения рассмотрения обращения потребителя финансовых услуг, при наличии которых обязательный досудебный порядок считается соблюденным, что требует соответствующих разъяснений Верховным Судом РФ данного вопроса.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Разъяснения по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 марта 2020 года) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 698-О // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2020 г. № 699-О // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2020 г. № 1243-О // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Конституционного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 1570-О // СПС «КонсультантПлюс».
8. Апелляционное определение Верховного суда Республики Ингушетия от 26 декабря 2019 г. № 33-1133/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 18 февраля 2020 г. № 33-3570/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 8 июня 2020 г. по делу № 33-20694/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Экспертное заключение по проектам поправок Правительства Российской Федерации к проектам федеральных законов № 517191-6 «О финансовом уполномоченном по правам потребителей услуг финансовых организаций» и № 517203-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О финансовом уполномоченном по правам потребителей услуг финансовых организаций» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 16.10.2017 № 169-1/2017) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Воронов А.Ф. Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг и доступность правосудия: это только начало? // Закон. 2018. № 12.
13. Климов В.В. Институт финансового уполномоченного - новый механизм обеспечения баланса

частных и публичных интересов в финансовой сфере // Актуальные проблемы российского права. 2020. N 5.

14. Кондратович А.Г. Новый Закон о финансовом уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: на страже прав страхователей или страховщиков? (подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2019) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Кудрявцева В.П. Подведомственность дел финансовому омбудсмену: встраивание законодательных новелл в научную базу гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. N 12.

Zalevskaya S. A., Trifonov S. G. Commissioner for the rights of consumers of financial services: the status and practice of activity at the present stage // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 2. – P. 95-102.

In this article, the author examines the features of the constitutional and legal status of the Commissioner for the rights of consumers of financial services and its place among the functioning commissioners in various fields of activity, as well as issues that arise in the courts when applying the provisions of the Federal Law "On the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services", establishing the procedure for the pre-trial settlement by the financial commissioner of disputes between consumers of financial services and insurance organizations under contracts of compulsory insurance of civil liability of vehicle owners (CTP), voluntary insurance of vehicles (CASCO), voluntary insurance of civil liability of motor vehicle owners (DSAGO).

Keywords: financial commissioner, recovery of insurance compensation under CTP, CASCO, DSAGO contracts, the procedure for pre-trial settlement of disputes by the financial commissioner, consumers of financial services.

Spisok literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Federal'nyj zakon ot 04.06.2018 № 123-FZ «Ob upolnomochennom po pravam potrebitelej finansovykh uslug» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Raz'yasneniya po voprosam, svyazannym s primeneniem Federal'nogo zakona ot 4 iyunya 2018 g. N 123-FZ «Ob upolnomochennom po pravam potrebitelej finansovykh uslug» (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 18 marta 2020 goda) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26 marta 2020 g. N 698-O // СПС «КонсультантПлюс».

5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26 marta 2020 g. N 699-O // СПС «КонсультантПлюс».

6. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28 maya 2020 g. N 1243-O // СПС «КонсультантПлюс».

7. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 30 iyunya 2020 g. N 1570-O // СПС «КонсультантПлюс».

8. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo suda Respubliki Ingushetiya ot 26 dekabrya 2019 g. N 33-1133/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Apellyacionnoe opredelenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 18 fevralya 2020 g. N 33-3570/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 8 iyunya 2020 g. po delu N 33-20694/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Ekspertnoe zaklyuchenie po proektam popravok Pravitel'stva Rossijskoj Federacii k proektam federal'nykh zakonov N 517191-6 «O finansovom upolnomochennom po pravam potrebitelej uslug finansovykh organizacij» i N 517203-6 «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O finansovom upolnomochennom po pravam potrebitelej uslug finansovykh organizacij» (prinyato na zasedanii Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva 16.10.2017 N 169-1/2017) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Voronov A.F. Upolnomochennyj po pravam potrebitelej finansovykh uslug i dostupnost' pravosudiya: eto tol'ko nachalo? // Zakon. 2018. N 12.

13. Klimov V.V. Institut finansovogo upolnomochennogo - novyj mekhanizm obespecheniya balansa chastnykh i publicnykh interesov v finansovoj sfere // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2020. N 5.

14. Kondratovich A.G. Novyj Zakon o finansovom upolnomochennom po pravam potrebitelej finansovykh uslug: na strazhe prav strahovatelej ili strahovshchikov? (podgotovlen dlya sistemy Konsul'tantPlyus, 2019) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Kudryavceva V.P. Podvedomstvennost' del finansovomu ombudsmenu: vstraivanie zakonodatel'nykh novell v nauchnyu bazu grazhdanskogo processual'nogo prava // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2018. N 12.

УДК 343.54

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-103-111

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОГО

Донская (Кавелина) О. Г.

***Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
ФГБОУВО «Южно – Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»***

В статье представлен авторский анализ объекта преступлений против семьи и несовершеннолетних, сделана попытка определения их места в рамках единой классификационной системы уголовного закона. Социальная политика Российской Федерации ориентирована на охрану семьи, материнства и детства, при этом в общественной среде остаются предпосылки для преступлений против семьи и несовершеннолетних. Социализация личности начинается с семьи, однако данный общественный институт претерпевает сейчас существенные трудности. Нестабильность современного института семьи напрямую связана с экономическим кризисом, повышением уровня безработицы, наркоманией, алкоголизмом, экстремизмом и иными негативными явлениями.

Автором представлены дискуссионные аспекты соотношения преступлений против семьи и несовершеннолетних, содержащихся в главе 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, с преступлениями, в которых институт семьи, в целом, а также несовершеннолетние лица, в частности, терпят ущерб. В содержании статьи аргументируется авторская позиция о необходимости законодательного пересмотра перечня преступлений против семьи и несовершеннолетних. Кроме того, автор настаивает на определенных коррективах в наименовании данной главы.

Ключевые слова: виктимность, генофонд, глава, детство, защита государства, интересы, квалификация, криминогенные факторы, лицо пенсионного возраста, материнство, несовершеннолетние, общественная опасность, противоправность действий, применение, раздел, регламентация, семья, социальные последствия, уголовная политика, формирование личности несовершеннолетнего.

В XX в. проблема охраны семьи и детства серьезно обеспокоила мировое сообщество [1, с. 115]. Результатом долгих дискуссий по данной проблеме является провозглашение Всеобщей Декларацией прав человека, права семьи на защиту со стороны общества и государства (ч. 3 ст. 16) и права на особое попечение и помощь, которое имеют материнство и младенчество (ч. 2 ст. 25) [2].

На национальном уровне данной проблеме также придается приоритетное значение. Статья 38 Конституции РФ провозглашает, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Охрана института семьи является важнейшим направлением современной социальной политики России.

Государством предпринимаются различные меры по обеспечению благоприятных условий для существования семей, особое внимание при этом уделяется семьям, в которых воспитываются несовершеннолетние (меры по социальной поддержке многодетных и молодых семей; содействие в обеспечении жилыми помещениями; правовые меры, направленные на охрану здоровья матери и ребенка; различные программы по сокращению детской беспризорности и заботе о детях, оставшихся без родительского попечения).

Специальная глава о преступлениях против семьи и несовершеннолетних (гл. 20), впервые появившаяся в УК РФ 1996 г., обеспечивает реализацию принципов, указанных в ст. 38 Конституции РФ. Данная глава обоснованно включена в раз. 7 Особенной части уголовного закона «Преступления против личности». Своеобразие норм, содержащихся в главе 20 УК РФ, заключается в том, что с одной стороны осуществляется посягательство на определенные права и интересы личности, с другой стороны данная личность не может рассматриваться как изолированный элемент общества в силу того, что ее основная среда обитания – это семья, которая рассматривается как отдельная (в определенном смысле изолированная) ячейка общества.

Регламентация преступлений против семьи и несовершеннолетних бесспорно обоснована современными реалиями. Семейное неблагополучие выступает в качестве главного фактора, обуславливающего рост данных преступлений. Люмпенизация многих социальных групп, рост преступности (в том числе подростковой), проституции, алкоголизма, наркомании, усиление социальной напряженности, агрессивности, экстремизма – все это из общества пришло в семью, вызвав деформацию традиционных семейных ценностей, увеличение количества разводов и неполных семей, конфликты семейных поколений, отказы от детей и помещение их в детские социальные учреждения.

Оценивая современное состояние преступности в отношении ребенка, можно с уверенностью констатировать, что за прошедшее десятилетие количество совершенных преступлений в отношении детей значительно возросло, а ее структура характеризуется негативными тенденциями [3, с. 4]. Общественная опасность преступлений против семьи и несовершеннолетних обусловлена и снижением уровня генофонда нации. Несовершеннолетних лиц в стране становится все меньше.

«Коэффициент рождаемости, который зафиксирован в прошлом году, оказался самым минимальным, начиная с 2008 г. Еще глубже этот показатель падал только в 1999 г., после чего с восстановлением экономики возрос до 1,7. С 2014 г. этот показатель снова начал снижаться. Сейчас ухудшение ситуации обусловлено экономическим кризисом этого года. За полгода в России родилось 681 тысяча малышей, что на 38,7 тысячи (или 5,2%) меньше, чем годом ранее. В 40 российских регионах ситуация близка к катастрофической: показатели рождаемости в 1,5-2,5 раза ниже показателей смертности. По итогам прошлого года, когда в целом по стране родилось на 300 тысяч человек меньше, чем умерло, естественная убыль населения ускорилась на 47%, что стало антирекордом за последние 11 лет» [4].

В современном обществе остро стоят проблемы криминализации подростков, вовлечения их в иные антиобщественные действия [5]. Иногда подростки используются в качестве «живого инструмента» совершения преступлений. Ужас современности заключается в том, что существенная часть из всех посягательств на несовершеннолетних совершается близкими родственниками, в том числе родителями. Такие ситуации терминологически сложно соотнести с посягательствами на интересы семьи и несовершеннолетних одновременно, т.к. субъектом выступает сам родитель ребенка, т.е. субъект, входящий в семью, являющийся самым близким для несовершеннолетнего человеком по крови.

Уголовная политика России ориентирована на защиту несовершеннолетних, поэтому регламентация преступлений против несовершеннолетних не ограничена главой 20 УК РФ. Законодательная дифференциация преступлений против несовершеннолетних вызывает дискуссии в юридической литературе.

В зависимости от объекта посягательства в самом широком смысле систему преступлений против несовершеннолетних можно представить следующим образом: Преступления против жизни и здоровья (ст. 105, 106, 111, 112, 117, 120, 121, 122); Преступления против свободы, чести и достоинства личности (ст. 126, 127, 127.1, 127.2); Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст. 131, 132, 133, 134, 135); Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 144, 145); Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 150, 151, 151.1, 153, 154, 155, 156, 157); Преступления против собственности (ст. 163); Преступления в сфере экономической деятельности (ст. 179 УК РФ; Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. 202); Преступления против общественной безопасности (ст. 206); Преступления против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 228.1, 230, 238, 240, 241, 242, 242.1, 242.2, 245); Преступления против правосудия (ст. 295, 296, 309, 311); Преступления против порядка управления (ст. 317, 318, 320, 321); Преступления против мира и безопасности человечества (ст. 357, 359 УК РФ) [6, с. 23].

Кроме того, в уголовном законе определен ряд преступлений, в которых несовершеннолетие потерпевшего выступает криминообразующим основанием квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений: п. «г» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 121, ч. 3 ст. 122, п. «д» ч. 2 ст. 126, п. «д» ч. 2 ст. 127, п. «б» ч. 2 ст. 127.1, п. «б» ч. 2 ст. 127.2, п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132, ч. 3 ст. 137, ч. 2 ст. 202, п. «д» ч. 2 ст. 206, п. «а» ч. 3 ст. 230, ч. 3 ст. 240, п. «в» ч. 2 ст. 241, ч. 2 ст. 359). При этом в некоторых преступлениях законодатель усиливает уголовную ответственность за совершение преступлений в отношении малолетнего лица (п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132, ч. 3 ст. 241, п. «а» ч. 2 ст. 242.1, п. «в» ч. 2 ст. 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Логика законодателя очевидна – несовершеннолетние и малолетние не имеют достаточного социального опыта, в силу чего им свойственна доверчивость и беззащитность. Чем ниже возраст несовершеннолетнего, тем он беззащитнее. Однако такими же беззащитными становятся и люди, достигшие определенного возрастного предела.

Начиная с пенсионного возраста многие граждане испытывают трудности, связанные с обострением хронических заболеваний, не достаточным материальным обеспечением и др. В силу этого, их можно рассматривать как отдельную внутрисемейную категорию граждан, нуждающуюся в особой защите и внимательности со стороны близких родственников. Сегодня лица пенсионного возраста часто становятся жертвами посягательств (среди которых преобладает, мошенничество, но встречаются и агрессивно-насильственные преступления). Большинство данных граждан оказались «оторванными» от современных реалий. Мир цифровизации, искусственного интеллекта и совершенно новых нравов для них чужд и не понятен. К сожалению, их излишняя доверчивость и наивность могут приводить к самым негативным результатам. Еще хуже, когда эти негативные

последствия наступают в результате криминальной деятельности их взрослых детей и иных близких родственников. Все это идет вразрез с нашими традиционными семейными ценностями.

В рамках главы 20 уголовного закона содержится норма, предусматривающая ответственность за неуплату средств на содержание нетрудоспособных родителей. Субъектами данного преступления выступают совершеннолетние трудоспособные дети. Данная статья в России практически не востребована, возможно в силу своеобразной ментальности, сложившейся на протяжении многих столетий. Родители несут свой «крест» до конца, безропотно воспринимая поведение детей как данность. При этом нет сомнений, что осуществляется посягательство на интересы семьи. Согласно ст. 87 Семейного кодекса Российской Федерации трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них. Это обязанность, а не добрая воля!

При совершении многих преступлений жертвой посягательства является семья. Так, например, при нарушении неприкосновенности частной жизни (ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации) объектом посягательства является право человека на личную и семейную тайну. Преступными признаются собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, осуществляемое без его согласия при отсутствии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами оснований для получения, использования, предоставления сведений о частной жизни граждан без их согласия [7]. Представляется, что такое преступление, как разглашение тайны усыновления (ст. 155), содержащееся в главе 20 УК РФ, является частным случаем нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ). По замыслу законодателя разглашение тайны усыновления является преступлением независимо от возраста потерпевшего, что не отражает всей степени общественной опасности данного деяния. В подростковом возрасте данная информация может привести к самым тяжким последствиям, как для ребенка, так и для супругов его усыновивших (удочеривших). В связи с чем, представляется целесообразным переместить ст. 155 в главу 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», предусмотрев в ней квалифицирующий признак – «совершение преступления в отношении несовершеннолетнего».

В результате нарушения неприкосновенности жилища (ст. 139) преступник посягает не только на гарантии, провозглашенные ст. 25 Конституции РФ, под угрозой также здоровье и свобода человека (ч. 2 ст. 139 УК РФ). Во многих случаях жертвами данного посягательства являются члены семьи, совместно проживающие в жилище. Поэтому незаконное проникновение в жилище конкретной семьи воспринимается, в первую очередь как посягательство на ее интересы, благополучие, жизнь и здоровье членов семьи, их совместную собственность, нормальное развитие детей. В таких случаях в обществе говорят «напали на семью», «ворвались на территорию семьи» и т.д.

В уголовном законе содержатся и посягательства на жизнь, при совершении которых высоким уровнем виктимности обладают родственники и иные лица, жизнь и здоровье которых не безразличны для потерпевшего, обладающего

определенным статусом в связи с осуществлением служебной деятельности и выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105, ст. 295, ст. 277, ст. 317 УК РФ) [8]. Члены семьи, в том числе и несовершеннолетние, могут становиться потерпевшими от данных преступлений. В таких случаях родственники являются инструментом воспрепятствования определенному роду деятельности лица или объектом возмездия за совершение им конкретных социально-активных действий. Доктринальный подход к квалификации таких деяний (ст. 295, ст. 277, ст. 317 УК РФ) заключается в том, что доминирующим объектом данных преступлений является та сфера деятельности, в которой выполняет свои функции конкретный индивид, а дополнительным, т.е. второстепенным, является жизнь данного лица и его близких. Использование метода социального моделирования позволяет выделить недостатки в данном подходе. Что может быть важнее человеческой жизни? Разве можно ее ставить на второй план? Именно эти вопросы не дают покоя гражданскому обществу. Для семьи, потерявшей своего близкого и родного человека в связи с выполнением им служебной деятельности или общественного долга, утрата не восполнима! Особую боль у родственников вызывает то обстоятельство, что погибший трудился на благо общества, а в ответ получил акт агрессии. Еще сложнее ситуация, когда в связи с деятельностью члена семьи погибают его близкие (дети, жена, родители). Данная утрата изменит жизнь всех членов семьи, больше она никогда не станет прежней. При понимании события такого преступления с социальных позиций, оно рассматривается как посягательство на интересы и благополучие семьи.

Социальные последствия от любого преступления, совершенного в отношении конкретного индивида, всегда испытывают все члены его семьи. Данные последствия для семьи всегда масштабны и часто необратимы (особенно в результате агрессивных насильственных преступлений). Материальный и моральный вред от преступлений возмещается чаще всего силами семьи. Поэтому можно согласиться с криминологами в том, что понятие жертвы преступления наиболее правильно рассматривать в широком смысле, включая в него и близких для потерпевшего лиц [9, с. 69].

Любые преступления, совершенные в отношении личности, могут посягать одновременно на интересы семьи и несовершеннолетних. Следовательно, при квалификации необходимо отграничивать преступления против семьи и несовершеннолетних от преступлений, в которых члены семьи, в том числе и несовершеннолетние, являются потерпевшими. Соотношение данных категорий целесообразно рассматривать как соотношение части и целого. В определении понятия преступлений против семьи и несовершеннолетних важно правильно выбрать критерий, который позволит ограничивать анализируемые преступления от иных деяний. В качестве такового должен выступать объект, общий для данной группы преступлений и зафиксированный законодателем в наименовании главы Особенной части УК РФ. Именно однородность, однокачественность содержания объектов позволяет разместить их в рамках единой классификационной системы уголовного закона.

К формулировке родового объекта преступлений главы 20 УК РФ ученые подходят по-разному: одни трактуют его в широком смысле, другие стремятся конкретизировать общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие

несовершеннолетнего. Так, Ю.Е. Пудовочкин сформулировал следующее определение: «общественные отношения, обеспечивающие физическое, духовное и социальное развитие несовершеннолетнего» [10, с. 69]. Данная позиция может быть обоснована тем, что любые посягательства на интересы семьи, автоматически нарушают и нормальное развитие несовершеннолетнего, проходящего первичные этапы социализации в семье.

Более детально представлен родовый объект анализируемой группы преступлений в следующем виде: «общественные отношения по обеспечению нормального физического, интеллектуального и нравственного развития и воспитания несовершеннолетних, надлежащего функционирования семьи и ее охране» [11, с. 96] или «общественные отношения, складывающиеся по поводу охраны семьи, законных прав родителей (усыновителей), нормального физического, интеллектуального и нравственного развития несовершеннолетних» [12, с. 34].

Дискуссионным является законодательный подход к формулировке наименования главы 20 УКРФ. Ю.Е. Пудовочкин настаивает на необходимости исключения слова «семья» из названия данной главы, и предлагает назвать ее «Преступления против развития несовершеннолетних» [10, с. 69]. С.В. Бородин, характеризуя объект преступлений, сосредоточенных законодателем в разделе VII уголовного закона, писал: «Преступления против личности – это группа, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации общественно опасных деяний, направленных против основных личных прав граждан. При совершении этих преступлений родовым объектом посягательства является личность» [12, с. 34]. Следует заметить, что группа преступлений против личных прав и свобод содержится в главе 19 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (ст. 137—139, 148). При этом мнение С.В. Бородина достаточно обосновало, ведь исходя из наименования раздела в нем не должны содержаться посягательства на определенные общественные институты, каковым является семья.

В свою очередь, А.В. Наумов пишет, что «все преступления, предусмотренные гл. 20 УКРФ, в принципе посягают одновременно и на интересы несовершеннолетнего, и на интересы семьи, которые и являются объектом этих преступлений» [13, с. 156]. По мнению В.Ф. Белова, «преступления, в которых объектом посягательства является семья и существующие в ней отношения между родителями и детьми, являются по своей сути преступлениями против общественного порядка, под которым понимается деятельность комплекса устойчиво существующих основных общественных институтов, в число которых входит и семья» [14, с. 52].

В юридической науке также встречается мнение о необходимости «признать охрану указанных общественных отношений в качестве приоритетного объекта и отразить его в перечне задач в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации» [15, с. 55]. Полагаем, что данное предложение не является целесообразным. Статья 2 уголовного закона признает в соответствии с Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина первостепенным объектом охраны. Следовательно, права ребенка уже зафиксированы в уголовном законе в качестве составной части более общего понятия (включающего, в том числе и защиту прав нетрудоспособных престарелых лиц).

Современные авторы подразделяют преступления, содержащиеся в гл. 20 УК РФ на две группы: 1) преступления против несовершеннолетних (ст. 150, 151, 151.1, 151.2, 156); 2) преступления против семьи (ст. 153—155, 157) [11, с. 96]. Данная классификация достаточно условна в силу неразрывной связи между вопросами достойного воспитания несовершеннолетних и обеспечением основ функционирования института семьи.

Можно согласиться с целесообразностью коррекции наименования гл. 20 УК РФ, при этом представляется, что наиболее полно отражать ее содержание будет следующее название: «Преступления против несовершеннолетних лиц и семейных отношений». Как правило, в УК РФ главы расположены внутри разделов в зависимости от значимости того или иного объекта уголовно-правовой охраны. Высокая степень общественной опасности и масштабы социальных последствий преступлений против семьи и несовершеннолетних, свидетельствуют о нецелесообразности расположения главы 20 на последнем месте в разделе «Преступления против личности». Представляется, что вредоносность преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина гораздо меньше, чем преступлений против семьи и несовершеннолетних, о чем свидетельствуют (в том числе) санкции соответствующих статей.

Итак, социально-экономическая и демографическая обстановка в стране требует обеспечения полноценного развития несовершеннолетних, а также охраны семейных ценностей. Данное направление является одним из приоритетных в современной политике России. Анализ показывает, что нарушаемые преступлениями гл. 20 УК РФ права несовершеннолетних, так или иначе связаны с процессом формирования их личности, при этом не в каждом преступлении данной главы нормальное развитие несовершеннолетнего выступает основным непосредственным объектом. Условно данные преступления можно разделить на две группы: преступления против несовершеннолетних (ст. 150, 151, 151.1, 151.2, 156) и преступления против семьи (ст. 153—155, 157).

Комплексное исследование преступлений, содержащихся в уголовном законе Российской Федерации, позволяет сделать вывод, что в результате многих преступных деяний причиняется ущерб интересам и благополучию семьи. Законодательное распределение преступлений по разделам и главам осуществляется по объекту, однако современные реалии общественной жизнедеятельности (изменения в культурно-нравственных и иных социальных аспектах) требуют пересмотра перечня преступлений против семьи и несовершеннолетних. Расположение гл. 20 УК РФ на последнем месте в разделе не в полной мере позволяет отразить общественную опасность входящих в нее деяний. По данной причине мы пришли к выводу, что стоит поменять главы 19 и 20 уголовного закона местами. Содержание гл. 20 УК РФ наиболее полно будет отражать следующее наименование «Преступления против несовершеннолетних лиц и семейных отношений».

Список литературы:

1. Гета М.Р. Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России: Монография / Гета М.Р. – М.: Юр. Норма, 2016. - С.115.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС КонсультантПлюс.
3. Волков К.А. Преступления против несовершеннолетних: вопросы, требующие решения // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3. С. 4.
4. Россия в «демографической яме»: рождаемость в стране рухнула до минимума за 12 лет - опубликовано 24.09.2020г. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/24-09-2020/rossiya-v-demograficheskoy-yame-rozhdaemost-v-strane-ruhnula-do-minimuma-za-12-let> (дата обращения: 26.09.2020).

5. Конец воровскому ходу. Что такое движение АУЕ и почему его запретили в России – опубликовано 17.08.2020г. [электронный ресурс]. Режим доступа: https://yandex.ru/turbo/s/life.ru/p/1340436?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffromzen%3Dsearchapp (дата обращения: 26.09.2020).
6. Косевич Н. Система защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в нормах УК РФ в контексте национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг. // Уголовное право. 2014. № 1. С. 23.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N (ред. от 03.03.2015) «О судебной практики по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. П. 6.
9. Серегина Е.В., Москалева Е.Н. Криминология: учебное пособие. – М.: РГУП, 2018. С. 69.
10. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб., 2002. С. 69.
11. Уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Том 1: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улесько. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2020. — 373 с. — Серия : Бакалавр. Академический курс. С. 96.
12. Энциклопедия уголовного права. Т. 17. Преступления против семьи и несовершеннолетних. Издание профессора Малинина – СПб ГКА, СПб., 2011. С. 34.
13. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т.2 Особенная часть (главы 1-10) / А.В. Наумов. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2007. С. 156.
14. Белов В.Ф. Преступления против семьи и несовершеннолетних в аспектах de lege lata и de lege ferenda. М., Изд-во «РУСАКИ», 2002. С. 52.
15. Белов В.Ф. Преступления против семьи и несовершеннолетних в аспектах de lege lata и de lege ferenda. М., Изд-во «РУСАКИ», 2002. С. 55.

Olga Donskaya (Kavelina). Crimes against family and minors: a contemporary's view // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 103-111.

The article presents the author's analysis of the object of crimes against the family and minors, an attempt is made to determine their place within the framework of a unified classification system of criminal law. The social policy of the Russian Federation is focused on the protection of the family, motherhood and childhood, while in the public environment there are prerequisites for crimes against the family and minors. The socialization of the individual begins with the family, but this social institution is now undergoing significant difficulties. The instability of the modern institution of the family is directly related to the economic crisis, rising unemployment, drug addiction, alcoholism, extremism and other negative phenomena.

The author presents controversial aspects of the correlation between crimes against the family and minors, contained in Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, with crimes in which the institution of the family, in general, and minors in particular, suffer damage. The content of the article substantiates the author's position on the need for legislative revision of the list of crimes against family and minors. In addition, the author insists on certain adjustments in the title of this chapter.

Keyword: victimization, gene pool, head, childhood, state protection, interests, qualifications, criminogenic factors, a person of retirement age, motherhood, minors, social danger, unlawfulness of actions, application, section, regulation, family, social consequences, criminal policy, formation of a minor's personality.

Spisok literatury:

1. Geta M.R. Uголовное право: predely, ob"ekty i sredstva vozdejstviya v bor'be s prestupnost'yu v sovremennoj Rossii: Monografiya / Geta M.R. – М.: YUr. Norma, 2016. - S.115.
2. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej ООН 10.12.1948) // СПС КонсультантПлюс.
3. Volkov K.A. Prestupleniya protiv nesovershennoletnih: voprosy, trebuyushchie resheniya // Voprosy yuvenal'noj yusticii. 2014. № 3. S. 4.
4. Rossiya v «demograficheskoy yame»: rozhdaemost' v strane ruhnulla do minimuma za 12 let - opublikovano 24.09.2020g. [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://newizv.ru/news/society/24-09-2020/rossiya-v-demograficheskoy-yame-rozhdaemost-v-strane-ruhnulla-do-minimuma-za-12-let> (data obrashcheniya: 26.09.2020).
5. Konec vorovskomu ходу. CHto takoe dvizhenie АУЕ i pochemu ego zapretili v Rossii – opublikovano 17.08.2020g. [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://yandex.ru/turbo/s/life.ru/p/1340436?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffromzen%3Dsearchapp (data obrashcheniya: 26.09.2020).

6. Kosevich N. Sistema zashchity prav i zakonnyh interesov nesovershennoletnih v normah UK RF v kontekste nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012-2017 gg. // Uголовное право. 2014. № 1. S. 23.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25.12.2018 N 46 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po delam o prestupleniyah protiv konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina (stat'i 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Uголовного kodeksa Rossijskoj Federacii)» // SPS Konsul'tantPlyus.
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.01.1999 N (red. ot 03.03.2015) «O sudebnoj praktike po delam ob ubijstve (st. 105 UK RF)» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 1999. № 3. P. 6.
9. Seregina E.V., Moskaleva E.N. Kriminologiya: uchebnoe posobie. – M.: RGUP, 2018. S. 69.
10. Pudovochkin YU.E. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv nesovershennoletnih po rossijskomu uголовnomu pravu. SPb., 2002. S. 69.
11. Uголовное право. Osobennaya chast'. V 2 t. Tom 1: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / otv. red. I. A. Podrojkina, E. V. Seregina, S. I. Ulez'ko. — 5-e izd., pererab. i dop. — M. : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. — 373 s. — Seriya : Bakalavr. Akademicheskij kurs. S. 96.
12. Enciklopediya uголовного prava. T. 17. Prestupleniya protiv sem'i i nesovershennoletnih. Izdanie profes-sora Malinina – SPb GKA, SPb., 2011. S. 34.
13. Rossijskoe uголовное право. Kurs lekcij: v 3 t. T.2 Osobennaya chast' (glavy 1-10) / A.V. Naumov. 4-e izd. pererab. i dop. M., 2007. S. 156.
14. Belov V.F. Prestupleniya protiv sem'i i nesovershennoletnih v aspektah de lege lata i de lege ferenda. M., Izd-vo «RUSAKI», 2002. S. 52.
15. Belov V.F. Prestupleniya protiv sem'i i nesovershennoletnih v aspektah de lege lata i de lege ferenda. M., Izd-vo «RUSAKI», 2002. S. 55.

УДК 343.3/.7

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-112-118

ЖИЗНЬ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Донская О. Г., Москалева Е. Н.

Ростовский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Статья посвящена вопросам уголовно-правовой охраны жизни новорожденного ребенка. В содержании статьи аргументируется вывод о том, что новорожденные дети являются беспомощными жертвами. Авторы придерживаются мнения, что в рамках реализации общегосударственной политики, направленной на повышение уровня рождаемости, не целесообразно квалифицировать осознанное истребление младенцев в соответствии с привилегированным составом. Предлагается исключить из альтернативных признаков объективной стороны ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации вариации детоубийства, которые не связаны с особым психическим состоянием женщины вследствие родов или психотравмирующей ситуации.

Ключевые слова: демография, жизнь, женщина, мать, новорожденный, объект уголовно-правовой охраны, ответственность, ребенок, регламентация, социальная политика.

Самое ценное, что есть у человека это жизнь. В статье 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1973 года сказано: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Никто не может быть произвольно лишен жизни» [1]. Статья 20 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый имеет право на жизнь!». Тем не менее в уголовном законе России регламентированы отдельные посягательства на жизнь, которые отличаются пониженной степенью общественной опасности в силу тех или иных обстоятельств (ст. 105-108 Уголовного кодекса Российской Федерации). Привилегированные убийства отличаются от простого и квалифицированных видов убийства специфическими признаками, на основании которых законодателем регламентированы менее строгие наказания. При этом наличие общих признаков, относящихся ко всем видам убийства, свидетельствует о смежности данных деяний. Поэтому для обоснованного привлечения к уголовной ответственности и правильной квалификации посягательства на жизнь требуется тщательное исследование каждого признака убийства с учетом всех обстоятельств содеянного.

Вопрос о снижении степени общественной опасности определенных посягательств на жизнь изначально является противоречивым именно в силу значимости охраняемого объекта. Смерть – необратимое явление, которое влечет за собой череду социальных последствий для близких жертвы [2, с. 41].

Среди привилегированных убийств наиболее дискуссионным представляется убийство матерью новорожденного ребенка. Объектом данного преступления является жизнь новорожденного ребенка, начальный момент охраны которой определен признаком, содержащимся в диспозиции ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, «во время родов». Именно с этого момента охраняется жизнь отдельного индивида – полноценного члена общества! Данный подход давно

главенствует в уголовном праве [3, с. 37]. Его поддерживают и современные правоведы, утверждающие, что этот момент свидетельствует о том, что «плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни, о чем и говорят объективные данные (начало родов)» [4, с. 365].

Данный подход нельзя назвать однозначным, ведь жизнь человека зарождается с момента зачатия. Эмбрион, развивающийся в утробе матери, проходит первые этапы своего становления и развития, в процессе которых формируются его индивидуальные признаки. Процесс внутриутробного развития является основным этапом в становлении любой личности. На качество этого процесса существенно влияет как генетический потенциал родителей, так и внешняя социальная среда. Государство с большой заботой относится к беременным женщинам, это выражается в обеспечении бесплатного медицинского сопровождения данного процесса, предоставлении декретного отпуска для матери и др. Несмотря на это проблема снижения уровня генофонда нации стоит сейчас достаточно остро! «Коэффициент рождаемости, который зафиксирован в прошлом году, оказался самым минимальным, начиная с 2008 года. Еще глубже этот показатель падал только в 1999 году, после чего с восстановлением экономики возрос до 1,7. С 2014 года этот показатель снова начал снижаться. Сейчас ухудшение ситуации обусловлено экономическим кризисом этого года. За полгода в России родилось 681 тысяча малышей, что на 38,7 тысячи (или 5,2%) меньше, чем годом ранее. В 40 российских регионах ситуация близка к катастрофической: показатели рождаемости в 1,5-2,5 раза ниже показателей смертности. По итогам прошлого года, когда в целом по стране родилось на 300 тысяч человек меньше, чем умерло, естественная убыль населения ускорилась на 47%, что стало антирекордом за последние 11 лет» [5].

В современной действительности посягательства на зародившуюся и развивающуюся жизнь в утробе матери осуществляются и до ее появления на свет. И, что самое парадоксальное в этой проблеме, субъектом таких деяний чаще всего выступает родная мать, вынашивающая ребенка! Достаточно распространенным и при этом характеризующимся высокой степенью латентности, является такое деяние как незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123 Уголовного кодекса Российской Федерации). Бесспорно, данный вид деяния характерный для женской преступности имеет свои социальные предпосылки. В качестве их главного фактора выступает семейное неблагополучие. Люмпенизация многих социальных групп, рост криминализации, проституции, алкоголизма, наркомании, усиление социальной напряженности, агрессивности, экстремизма – все это из внешней среды приходит в семью. Как результат происходит деформация традиционных семейных ценностей, увеличение количества разводов и неполных семей, отказы от детей. Все чаще трепетное отношение к новой жизни поглощается вопросами о материальном содержании будущего ребенка. Над материнским инстинктом преобладает социальный инстинкт, свойственный современному гражданину – стремление соответствовать той материальной шкале в обеспечении социальных благ, которая продиктована обществом. В ситуации повышения уровня безработицы и экономической нестабильности, материальное обеспечение даже минимальных потребностей семьи становится сложной задачей. По данным Росстата, доходы россиян падали пять лет подряд – с 2014 по 2018 г. и до сих пор

остаются ниже уровня докризисного 2013 года. Их динамика давно разошлась и с реальными зарплатами, и с оборотом розничной торговли, растущим с мая 2017 г. Даже электоральный цикл 2018 г., когда реальные зарплаты выросли на 6,8%, не изменил ситуацию [6]. Сейчас прогнозируется, что к концу текущего года 7-10 миллионов граждан потеряют свои места (по оценкам «независимых» экономистов – 10-15 миллионов) [7]. В сложившейся ситуации многие семьи будут еще более серьезно относиться к вопросу планирования семьи.

Возвращаясь к вопросу охраны жизни новорожденных, следует заметить, что на качество жизнедеятельности любого человека огромное влияние оказывает процесс вынашивания младенца матерью. Для женской природы в данный период свойственно обострение чувств, стремление к обеспечению сбалансированного рациона питания, витаминного комплекса и т.д. Все это можно назвать проявлениями материнского инстинкта, ведь заботясь о себе, будущая мама обеспечивает нормальное развитие малыша. Однако в некоторых случаях мать пренебрежительно относится к своему здоровью во время беременности и тем самым причиняет вред здоровью вынашиваемого ребенка. Так, благодаря последним достижениям современной медицины ВИЧ-инфицированные лица могут иметь здоровых детей. Обычно информация о положительном ВИЧ-статусе поступает женщине именно в период беременности, в результате медицинского исследования ее здоровья. Существует целый комплекс профилактических мер для беременных ВИЧ-инфицированных женщин, позволяющий снизить риск инфицирования будущего ребенка до 2% и менее» [8]. К сожалению, отдельные матери пренебрегают достижениями медицины и не используют данные препараты. Такое безразличие к здоровью малыша приводит к его заражению. В результате сложившейся правоприменительной практики такие женщины не подлежат уголовной ответственности по ст. 122 Уголовного кодекса Российской Федерации за заражение ребенка ВИЧ-инфекцией. При этом данное заболевание не только негативно влияет на качество жизни новорожденного, но и в результате подавления иммунитета приводит к его смерти. Заражение матерью ребенка происходит в утробе матери, что не может расцениваться как посягательство на жизнь и здоровье человека, т.к. ее охрана осуществляется с момента начала физиологических родов. Данная законодательная условность, является существенным препятствием для охраны жизни новорожденного ребенка. Только в 2019 году зарегистрировано 80118 зараженных ВИЧ-инфекцией, за все время – более 1350000 человек [9]. Эти цифры дают лишь небольшие ориентиры в оценке масштабности данного явления, оценить реально данную проблему не представляется возможным, т.к. в России не проводится обязательное исследование на антитела к ВИЧ. Этот факт является серьезным основанием для поиска оптимальной модели защиты новорожденных от криминального заражения данной инфекцией. Следует констатировать, что данная проблема напрямую связана с начальным моментом охраны человеческой жизни.

На практике новорожденным признается ребенок с момента констатации живорожденности до месячного возраста [10, с. 53]. Убийство младенца более старшего возраста должно квалифицироваться в соответствии с п. «в» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, как «убийство малолетнего». Такой контраст между привилегированным и квалифицированным составами выглядит

как минимум не логичным как с точки зрения уголовно-правовой регламентации норм, обеспечивающих защиту детей, так и с точки зрения правоприменительной практики. Подходы правоприменителя в пограничных ситуациях ставятся в прямую зависимость от возраста младенца. Кардинально разные основания для квалификации типового механизма преступления вызывают определенный диссонанс. Тем более данный подход слабо соотносится с приоритетами социальной политики Российской Федерации, направленной на повышения уровня рождаемости. Президент России В. Путин в послании Федеральному собранию перечислил меры, необходимые для преодоления демографического кризиса. Глава государства отметил, что проблемы в демографии – один из главных вызовов, который стоит перед нынешней властью [11].

Уголовное право является одним из инструментов демонстрации приоритетов государства [12, с. 53]. Однако в охране новорожденных детей содержание уголовного закона отличается не логичностью, не последовательностью и отсутствием связи с общегосударственной политикой. Гуманизм, проявленный в отношении матери, родившей и убившей ребенка, имеет другую «сторону медали», которая характеризуется минимальным уровнем защиты ребенка во время и сразу же после родов. Тенденции детоубийства в последние годы выглядят следующим образом: в 2016 г. в соответствии со ст. 106 УК РФ было осуждено – 59 женщин, в 2017 – 42, в 2018 – 33, в 2019 г. - 26 [13]. Сокращение показателей детоубийства свидетельствует лишь о высоком уровне латентности данных деяний. Женщина, планирующая «избавиться» от ребенка не оформляет необходимые медицинские документы, скрывает факт беременности от общества. Преступник (мать) и жертва (ребенок) изначально находятся наедине, что обеспечивает неизбежность причинения смерти новорожденному и секретность данного преступления. Социальные предпосылки, указанные выше, являются основаниями для прогнозирования негативных тенденций в распространенности детоубийств, в связи с чем требуется срочная смена ориентиров уголовного закона, приоритет которого должен быть направлен на обеспечение защиты жизни новорожденных детей!

В п. 7 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам об убийстве» разъясняется, что по признаку «убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии» надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство [14]. К категории беспомощных потерпевших при убийстве относятся малолетние. Представляется, что в первую очередь в нее должны быть включены новорожденные, ведь именно они в силу своего развития не способны оценивать ситуацию, опасаться угрозы, а тем более защищаться. Младенец может лишь смотреть в глаза матери, решившей лишить его самого дорогого, при этом он продолжает ее любить, ведь мама – это самый близкий и родной для него человек! Однако сейчас именно эта группа потерпевших находится вне ювенальных технологий в уголовной политике.

В соответствии с диспозицией статьи 106 УК РФ убийство новорожденного осуществляется как путем действия, так и путем бездействия. Выборочные исследования показывают, что наиболее распространенными способами данного

преступления являются следующие изощрения матерей-убийц: «завернула новорожденного в пакет и выбросила в туалет, оставила на мусорке, в лесу, и др. В большинстве случаев женщины продумывают механизм детоубийства заранее, еще в период вынашивания ребенка [15, с. 385]. Подобная практика приводит к существенным сомнениям в целесообразности привилегий для детоубийц.

Анализ диспозиции статьи позволяет выделить четыре вида детоубийства: 1) во время родов; 2) сразу же после родов; 3) в условиях психотравмирующей ситуации; 4) состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Последние два вида убийства обоснованы особым состоянием женщины (социальная обстановка, послеродовой синдром), первые два регламентированы без специальных условностей для применения. Нет никаких оснований считать, что признак психического расстройства, не исключающего вменяемости, присущ всем случаям убийства матерью новорожденного ребенка. В законе употреблено понятие «а равно». Это означает, что признак «состояние психического расстройства, не исключающее вменяемости» употребляется в законе наряду с другими признаками. Поэтому уголовно-правовая оценка убийства матерью новорожденного ребенка во время родов или сразу же после них по привилегированной норме, представляется не справедливой. В современном обществе существуют и развиваются различные механизмы оказания помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Препятствием для их использования является правовой нигилизм, падение уровня нравственности и сниженный уровень ценностных ориентиров. Это касается и мужской части населения, ведь во многих ситуациях именно отсутствие поддержки со стороны отца ребенка, толкает женщину на такое жестокое преступление как убийство собственного ребенка.

При этом законодательная регламентация ст. 106 УК РФ обуславливает совершенно необоснованное применение привилегированного состава при отсутствии каких-либо реальных смягчающих факторов. Можно согласиться с мнением, высказанным в юридической литературе, что «убийство матерью ребенка спустя продолжительное время после родов (при отсутствии других признаков, закрепленных в ст. 106 УК РФ), необходимо квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [16, с. 32]. Если детоубийство не связано с особым психофизиологическим состоянием, вызванным родами или психотравмирующей ситуацией, применять привилегированную норму не следует. Так, например, действия матери, перерезавшей горло своему новорожденному ребенку и выбросившей труп в мусорный контейнер, должны быть квалифицированы по п. «в» ст. 105 УК РФ как убийство малолетнего, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Одной из проблем квалификации данного деяния, является наличие или отсутствие заранее возникшего умысла на совершение данного деяния. Связано это с тем, что на практике определить наличие заранее обдуманного умысла достаточно сложно, за исключением случаев приготовления орудий совершения преступления.

Таким образом, с одной стороны, определенной аргументацией для выделения привилегированного состава является аномальное психическое состояние матери, наступающее в результате родового акта или кризисных социальных условий, а с другой – закон не обязывает, чтобы в момент убийства было какое-либо исключительное состояние психики. Представляется, что преднамеренные убийства новорожденных не должны «автоматически» квалифицироваться по ст. 106 УК РФ.

Современная социальная политика ориентирована на повышение уровня рождаемости! В такой ситуации наличие в уголовном законе нормы с облегченной ответственностью за детоубийство является не целесообразным. Умышленное убийство матерью новорожденного ребенка во время, или сразу же после родов необходимо исключить из числа привилегированных убийств и квалифицировать по п. «в», ч. 2 ст. 105 УК РФ (по признаку беспомощности потерпевшего).

Список литературы

1. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.
2. Серегина Е.В., Москалева Е.Н. Криминология: учебное пособие. – М.: РГУП, 2018. С. 41.
3. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 2000. С. 37.
4. Актуальные проблемы уголовного права: учебник для магистрантов / отв. ред. И.А. Подройкина. – М.: Проспект, 2015. С. 365.
5. Россия в «демографической яме»: рождаемость в стране рухнула до минимума за 12 лет - опубликовано 24.09.2020г. [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://newizv.ru/news/society/24-09-2020/rossiya-v-demograficheskoy-yame-rozhdaemost-v-strane-ruhnula-do-minimuma-za-12-let> (дата обращения: 26.09.2020).
6. Росстат может пересмотреть методику расчета реальных доходов россиян [электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/03/12/796242-rosstat-mozhet-peresmotret-metodiku-rascheta-dohodov-rossiyan?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (дата обращения: 10.10.2020).
7. Профессор Соловей: Нас ждут самые темные времена! Но они - перед рассветом! [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e8f4d3da095c13d82ff74e8/professor-solovei-nas-jdut-samye-temnye-vremena-no-oni-pered-rassvetom-5f722fce4fade30a2a339059> (дата обращения: 05.10.2020).
8. Официальный сайт Роспотребнадзора [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rospotrebnadzor.ru/region/210fz/index.php> (дата обращения: 04.09.2020).
9. Статистика инфицированных ВИЧ в России [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/vich/#i-2> (дата обращения: 12.09.2020).
10. Артеменко Н. В., Кейдунова Е. Р., Тищенко Е. В. Вопросы уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья человека по уголовному законодательству РФ : учеб. пособие. Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального университета, 2011. С. 53.
11. Путин предложил меры для роста рождаемости - дата публикации: 15 января 2020 г. [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/15/820640-putin-predlozhi-meri> (дата обращения: 11.10.2020).
12. Титов С.Н. О гуманизме в уголовном праве // Российская юстиция. 2018. N 3. С. 53.
13. Судебная статистика [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 12.10.2020).
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
15. Москалева Е.Н. Уголовно-правовые критерии оценки беспомощного состояния потерпевшего // Правоприменительная деятельность: история и современность: сборник научных статей Международной научно-практической конференции 3 апреля 2019 года. – Ростов-на-Дону: ИП Беспмятников С.В., 2019. С. 380-386.
16. Уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Том 1 : учебник для академического бакалавриата / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. - 5-е изд., перераб. и доп. - М. : Издательство Юрайт, 2020. С. 32.

Donskaya O. G., Moskaleva E. N. The life of a newborn child as an object of criminal law protection
// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 112-118.

The article is devoted to the issues of criminal law protection of the life of a newborn child. The article argues that newborn children are helpless victims. The authors are of the opinion that in the framework of the

implementation of a national policy aimed at increasing the birth rate, it is not advisable to qualify the deliberate extermination of infants in accordance with the privileged composition. It is proposed to exclude from the alternative features of the objective side of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation variations of infanticide that are not associated with a special mental state of a woman due to childbirth or a psychotraumatic situation.

Keywords: demography, life, woman, mother, newborn, object of criminal legal protection, responsibility, child, regulation, social policy.

Spisok literatury

1. Mezhdunarodnyj Pakt ot 16.12.1966 «O grazhdanskikh i politicheskikh pravah» // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 1994. № 12.
2. Seregina E. V., Moskaleva E. N. Kriminologiya: uchebnoe posobie. – M.: RGUP, 2018. S. 41.
3. Uголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М.: Издательская группа NORMA-INFRA-M, 2000. S. 37.
4. Aktual'nye problemy uголовного prava: uchebnik dlya magistrantov / отв. ред. И. А. Подрождкина. – М.: Просpekt, 2015. S. 365.
5. Rossiya v «demograficheskoy yame»: rozhdaemost' v strane ruhнула do minimuma za 12 let - opublikovano 24.09.2020g. [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://newizv.ru/news/society/24-09-2020/rossiya-v-demograficheskoy-yame-rozhdaemost-v-strane-ruhнула-do-minimuma-za-12-let> (data obrashcheniya: 26.09.2020).
6. Rosstat mozhet peresmotret' metodiku rascheta real'nyh dohodov rossiiyan [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/03/12/796242-rosstat-mozhet-peresmotret-metodiku-rascheta-dohodov-rossiiyan?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile (data obrashcheniya: 10.10.2020).
7. Professor Solovej: Nas zhдут samye tyomnye vremena! No oni - pered rassvetom! [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e8f4d3da095c13d82ff74e8/professor-solovei-nas-jдут-samye-temnye-vremena-no-oni-pered-rassvetom-5f722fce4fade30a2a339059> (data obrashcheniya: 05.10.2020).
8. Oficial'nyj sayt Rospotrebnadzora [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://rospotrebnadzor.ru/region/210fz/index.php> (data obrashcheniya: 04.09.2020).
9. Statistika inficirovannyh VICH v Rossii [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://rosinfostat.ru/vich/#i-2> (data obrashcheniya: 12.09.2020).
10. Artemenko N. V., Kejdunova E. R., Tishchenko E. V. Voprosy uголовной otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya cheloveka po uголовnomu zakonodatel'stvu RF : ucheb. posobie. Rostov n/D : Izd-vo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2011. S. 53.
11. Putin predlozhl mery dlya rosta rozhdaemosti - data publikacii: 15 yanvarya 2020 g. [elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/15/820640-putin-predlozhl-meri> (data obrashcheniya: 11.10.2020).
12. Titov S. N. O gumanizme v uголовnom prave // Rossijskaya yusticiya. 2018. N 3. S. 53.
13. Sudebnaya statistika [elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (data obrashcheniya: 12.10.2020).
14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27 yanvarya 1999 g. № 1 «O sudebnoj praktike po delam ob ubijstve (st. 105 UK RF)» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 1999. № 3.
15. Moskaleva E. N. Uголовно-pravovye kriterii ocenki bespomoshchnogo sostoyaniya poterpevshego // Pravoprimeritel'naya deyatel'nost': istoriya i sovremennost': sbornik nauchnyh statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 3 aprelya 2019 goda. – Rostov-na-Donu: IP Bespamyatnov S. V., 2019. S. 380-386.
16. Uголовное право. Особенная часть. V 2 t. Tom 1 : uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / отв. ред. И. А. Подрождкина, Е. В. Seregina, S. I. Ulez'ko. - 5-e izd., pererab. i dop. - M. : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. S. 32.

УДК 343.85

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-119-125

**ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НА ПРЕВЕНЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В
СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОДЛЕЖАЩЕЙ
ЛИЦЕНЗИРОВАНИЮ**

Карчевский К. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье предлагается ретроспектива формирования современного института лицензирования предпринимательской деятельности, определение его роли и целеполагания в правовых механизмах, которые призваны предупреждать наступление негативных последствий для общества и государства. Представлена взаимосвязь между положениями гражданского и уголовного законодательства, которые влияют на превенцию ведения предпринимательской деятельности без продленной в установленном законом порядке обязательной лицензии. Дан анализ тенденций правоприменительной практики и их влияния на предупреждение преступлений в сфере предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию. Отмечена возросшая роль противоречивого судебного толкования положений отечественного законодательства, которое не способствует формированию единообразного применения положений уголовного закона. Противоречивая судебная практика оценки однородных по своей природе общественных отношений, которая имеется в настоящее время, порождает путаницу и неразбериху в правоприменительной практике. Обращено внимание на возможные риски причинения вреда другим общественным отношениям, связанным с охраной жизни и здоровья, имущественных прав, при сохранении выявленных противоречий.

Ключевые слова: предпринимательство, лицензия, превенция, преступление, лицензирование.

Преступления в сфере предпринимательской деятельности в последнее время заслуженно находятся в центре внимания законодателя и правоприменителей, так как декриминализация экономических правоотношений существенным образом должна повысить привлекательность предпринимательского климата России. В последнее время наблюдается стойкая тенденция к снижению мер уголовно-правового воздействия на в сферу предпринимательства, в том числе связанного с лицензированием. По оценке инициаторов данного послабления, оно существенным образом может улучшить условия для ведения бизнеса, устранить ряд административных барьеров и препятствий для благоприятного ведения предпринимательской деятельности [1].

Однако для объективного рассмотрения состояния уголовной политики в сфере предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию, необходимо рассмотреть современное состояние, цели и задачи самого института лицензирования, который на протяжении продолжительного периода времени претерпевал изменения, подвергался существенному изменению и реформированию, прямо скажем, не всегда последовательному и однозначному. Одним из последних крупных шагов по реформированию института лицензирования стало принятие в новой редакции Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (Далее – Закон). Принятый Закон закрепил легальный понятийный аппарат, на который необходимо обратить внимание при раскрытии темы настоящей публикации. Так

Законом дана дефиниция понятию лицензии как специальному разрешению на право осуществления субъектами гражданских правоотношений конкретных видов деятельности, исчерпывающий перечень которых предусмотрен Законом. В новой редакции Законом дано понятие лицензированию, которое включает в себя деятельность уполномоченных органов по выдаче и пролонгации лицензии, а также по ограничению и возобновлению её действия [2]. Как известно получение необходимой лицензии для ведения предпринимательской деятельности сопряжено с бременем дополнительных расходов для соискателя и обладателя лицензии, связанных с необходимостью соответствия лицензионным требованиям, а также оплатой проведения экспертиз и получения различного рода заключений [3]. Казалось бы, дополнительные расходы предпринимателей, связанные с лицензированием, не имеют смысла и замедляют темпы экономического роста, что, в конечном счете, негативно сказывается на благосостоянии нашей страны. Однако для разъяснения причин сохранения института лицензирования в представленном виде необходимо обратиться к ст. 2 Закона, которая устанавливает цели самого лицензирования, которое по своей сути осуществляется для предотвращения ущерба правам широкой категории общественных отношений и недопущению причинения вреда здоровью и смерти населения в результате ведения деятельности, подлежащей лицензированию [1]. Изложенное целеполагание существования института лицензирования в отечественном законодательстве имеет, по нашему мнению, прежде всего задачей предупреждение возможных негативных и опасных последствий, которые могут возникать в случае несоблюдения установленных лицензионных требований, в которые могут включаться наличие системы производственного контроля, трудоустройство квалифицированных работников и наличие технических средств, оборудования и т.д. Ослабленный контроль со стороны государства в данной сфере имеет потенциальную опасность возникновения негативных и опасных последствий, которые находятся под уголовно-правовой охраной.

Рассматривая вопросы профилактических задач законодательства, регламентирующего вопросы лицензирования, нельзя не отметить роль уголовного законодательства, одной из задач которого является предупреждение преступлений. Упоминание о данной задаче содержится в ч.1 ст. 2 УК РФ, а также опосредовано – в ч.2 ст. 43 УК РФ, согласно которой наказание за совершение преступлений преследует цель превенции новых нарушений уголовного закона. В теории уголовного права доминирует следующий подход к разделению превенции по кругу лиц на общую и частную (специальную). Именно сила и потенциал общей превенции удерживает значительные слои населения (исходя из темы публикации – предпринимателей) от нарушений уголовного законодательства, информирует о деяниях, которые запрещены уголовным законом под угрозой наказания. Страх подвергнуться негативному воздействию уголовно-правовых институтов, а также ощутить их влияние, во многом определяет законопослушное поведение членов гражданского общества и предпринимателей. Не меньшую роль в деле предупреждения новых преступлений играет частная превенция, которая удерживает от совершения новых преступлений лиц, которые уже нарушили уголовных закон, путем применения в отношении преступников наказания или мер уголовно-правового характера.

Анализ положений уголовного закона справедливо приводит к мысли о том, что задача превенции закреплена не только в упомянутых нормах Общей части, но и содержится в статьях, которые устанавливают уголовную ответственность, за совершение конкретных преступлений. К таким преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, связанной с лицензированием, следует отнести ст.ст. 171, 171.2, 171.3, 172, 235, 235.1, 255 УК РФ. В настоящей публикации более подробно рассмотрим трансформацию правоприменительной практики и её неоднозначность при квалификации деяний по ст. 171 УК РФ в случаях осуществления предпринимательской деятельности с обязательной лицензией, срок которой истек.

Рассматривая вопрос срока действия лицензии нельзя не упомянуть, что Закон в ч.4 ст. 9 устанавливает бессрочность действия лицензии с исключениями, установленными другими федеральными законами, которые могут ограничивать срок действия лицензии [1]. Ограничение срока действия выданной лицензии подразумевает необходимость совершения субъектом предпринимательской деятельности действий, направленных на пролонгацию срока действия лицензии, для сохранения легального характера своей деятельности. Приведенное утверждение согласуется с положениями ст. 49 Гражданского кодекса РФ, которой установлено начало легальной деятельности юридического лица по осуществлению предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию – с момента получения разрешения (лицензии) по прекращению действия разрешения (лицензии) [4]. Аналогичная позиция изложена в п.4 разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» [5]. Исходя из приведенных положений предполагается, что при наступлении материальных последствий, таких как например извлечение дохода в крупном размере, законодатель запрещает под угрозой уголовного наказания ведение предпринимательской деятельности определенного вида с обязательной для этого лицензией, срок которой истек.

Приведенные положения законодательства нашли своё отражение при постановлении приговора Нурлатского районного суда Республики Татарстан от 18 сентября 2017 года по делу №1-104/2017, которым Валеев М.Г. осужден за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ. Согласно приведенного приговора суда Валеев М.Г., являясь директором ООО «Управляющая компания жилищно-коммунального хозяйства» от имени данного общества руководил добычей из артезианских скважин подземных вод, которые в последующем реализовывались на коммерческой основе населению. При этом Валееву М.Г. было достоверно известно, что сроки действия ранее выданных лицензий на ведение данного вида деятельности истекли и мер по продлению срока их действия последний не предпринимал. Таким образом, при постановлении приговора судом отмечено, что ведение предпринимательской деятельности без обязательной для данного вида лицензии, продленной в установленном Законом порядке, является нелегальным и образует состав преступления, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ [6]. Аналогичные позиции изложены в приговоре Ухтинского городского суда Республики Коми от 29 марта 2017 года по делу № 1-23/17 [7] и Балахнинского городского суда Нижегородской области от 31 августа 2012 года по делу № 1-136/12 [8].

Тем не менее судебная практика по вопросу привлечения к уголовной ответственности за ведение предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию не является однородной.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ 02.04.2008 года в порядке надзора пересмотрено уголовное дело № 4-Д08-4 в отношении Поручикова П.В., осужденного нижестоящими инстанциями за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ. Из обвинительного приговора суда первой инстанции следует, что Поручиков П.В. осужден за то, что, работая директором общества с ограниченной ответственностью, в период нескольких лет незаконно, без соответствующей лицензии, извлекал доход в особо крупном размере за оказание медицинских услуг. Определением судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 17 января 2007 года приговор оставлен без изменения, а постановлением президиума Московского областного суда от 26 декабря 2007 года приговор и кассационное определение в отношении Поручикова П.В. оставлены без изменения. В ходе надзорного пересмотра обвинительного приговора было установлено, что у общества, которым руководил Поручиков П.В. имелась лицензия на ведение медицинской деятельности, срок которой истекал. За несколько дней до начала инкриминируемого периода незаконного предпринимательства Поручиков П.В. обратился в лицензирующий орган от имени указанного общества за продлением срока действия лицензии. Однако данное заявление не было рассмотрено по вине лицензирующего органа, что было установлено в ходе судебного разбирательства и отражено в постановлении Арбитражного суда Московской области от 26 сентября 2006 года, которое имелось в материалах уголовного дела при постановлении обвинительного приговора судом первой инстанции.

При пересмотре ранее вынесенных судебных решений в надзорном порядке Верховный Суд РФ указал, что принятые решения нельзя признать обоснованными, поскольку нижестоящими инстанциями не были учтены обстоятельства, которые могли существенно повлиять на постановление приговора. Преюдиция, закрепленная в постановлении Арбитражного суда Московской области от 26 сентября 2006 года, установила, что продление лицензии на очередной срок было задержано не по вине Поручикова П.В., о чём имелись соответствующие сведения в материалах уголовного дела.

Поскольку осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда лицензия обязательна, является умышленным преступлением на основании приведенных доводов Верховный Суд РФ пришел к мнению, что в действиях Поручикова П.В. отсутствует инкриминируемый ему состав преступления, приговор в отношении его и все последующие судебные решения подлежат отмене [9].

В приведенном судебном решении правомерно дана оценка влияния волокиты со стороны лицензирующего органа на продление ранее выданной лицензии, что справедливо привело к прекращению уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. Таким образом, как указал Верховный Суд РФ, при решении вопроса о наличии состава преступления незаконного предпринимательства, учитывается и имеет значение не только факт ведения предпринимательской деятельности с

лицензией, срок которой истек, но и неправомерное бездействие лицензирующего органа по продлению срока действия лицензии.

Кроме того, на формирование следственно-судебной практики существенным образом влияет судебное толкование положений уголовного закона, которое нашло своё отражение во внесении изменений 11.06.2020 года в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (Далее – Постановление). Так согласно внесенных изменений указанное постановление дополнено п.п. 18.1-18.3, которыми Верховный Суд РФ произвел определенную революцию в судебной практике в оценке ведения предпринимательской деятельности без обязательной лицензии: не влечет уголовной ответственности временное осуществление предпринимательской деятельности без лицензии (лицензия не продлена в установленные сроки), если прекращение указанной деятельности может привести к дезорганизации работы объектов жизнеобеспечения (прекращение водозабора, водоочистки, теплоснабжения жилья и социальных объектов населенного пункта, угроза техногенной аварии и т.д.) [10]. Верховным Судом РФ при ведении предпринимательской деятельности без продлённой в установленном порядке лицензии предложено использовать обстоятельства, исключающие преступность деяния, как крайняя необходимость и обоснованный риск. При обсуждении Пленумом принятой редакции докладчиком судьей ВС РФ Абрамовым С.Н. констатирована возможность применения указанных обстоятельств освобождения от уголовной ответственности. В выступлениях, представителя Министерства юстиции РФ и Генеральной прокуратуры РФ, которые поддержали представленные изменения, не нашли своё отражение мотивы и основания принимаемых изменений [11]. Таким образом остаются неясными предпосылки и основания принимаемых изменений.

Анализируя приведенные изменения, следует отметить, что в своем толковании от 11.06.2020 года Верховный Суд Российской Федерации отошел от предложенной в постановлении СК по уголовным делам Верховного Суда РФ 02.04.2008 года по делу № 4-Д08-4 позиции, согласно которой при выяснении наличия признаков незаконного предпринимательства, подлежащего лицензированию, необходимо выяснения бездействия лицензирующего органа при продлении срока действия лицензии. По нашему мнению, новый подход, предложенный Верховным Судом РФ в новой редакции Постановления, имеет как ряд недостатков, так как не содержит указаний на обязанность инициативы субъекта предпринимательской деятельности, направленной на пролонгацию действия лицензии. Отсутствие данного указания вступает в противоречие с упомянутой ст. 49 ГК РФ и позицией того же Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п.4 постановления Пленума от 18 ноября 2004 г. № 23, которыми установлен запрет на ведение предпринимательской деятельности без продленной в установленном законом порядке лицензии.

До внесения указанных изменений, как показывает приведенная в настоящей публикации судебная практика, ведение предпринимательской деятельности с лицензией, срок которой истек, при наступлении материальных последствий, предусмотренных уголовным законом, было бы признано нарушением уголовного

закона и повлекло бы за собой применение мер уголовно-правового воздействия. Новая редакция Постановления заложила в себе потенциал злоупотребления со стороны субъектов предпринимательской деятельности, виды деятельности которых подлежат лицензированию, и возможность вести свою деятельность, как минимум некоторое время, без совершения каких-либо действий, направленных на продление или получение обязательной лицензии.

Но где же баланс и граница между крайней необходимостью, обоснованным риском, которые предлагает использовать Верховный Суд РФ при ведении предпринимательской деятельности без продлённой в установленном порядке лицензии, и общественными интересами безопасности опасных производственных объектов и других объектов экономического интереса, охраняемыми законодательством о лицензировании, а также возможными тяжкими материальными последствиями, которыми могут грозить техногенные аварии? По нашему мнению, внесённые изменения в указанное постановление Пленума Верховного Суда РФ, не дают ответов на эти вопросы. Данная неопределённость с высокой долей вероятности породит неоднозначную судебную практику, которая в значительной степени снизит предупредительные возможности уголовного закона, противоречит целям существования института лицензирования и порождает правовой нигилизм в гражданском обществе, неверие в способность выполнить охранительную функцию со стороны уголовного закона. Государство, ослабив контроль за лицензированием, допустив ведение предпринимательской деятельности с лицензией, срок действия которой истек, или без таковой, рискует создать условия для совершения других преступлений, которые могут нести более тяжкие материальные последствия, выражающиеся не только в причинении значительного имущественного вреда, но и в нанесении вреда здоровью граждан и причинении им смерти.

Список литературы:

1. Законопроект № 1112019-7 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 19.01.2021)
2. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 29.01.2021)
3. Пояснительная записка к законопроекту № 414451-5 О лицензировании отдельных видов деятельности – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/414451-5> (дата обращения: 10.02.2021)
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 21.02.2021)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» (ред. от 7 июля 2015 г.) – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1253895/> (дата обращения: 10.03.2021)
6. Приговор Нурлатского районного суда Республики Татарстан от 18 сентября 2017 года по делу №1-104/2017– URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qFD3TzHZqOmQ/> (дата обращения: 15.03.2021)
7. Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 29 марта 2017 года по делу № 1- 23/17 – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0dGhhmpXBmJ/> (дата обращения: 15.03.2021)
8. Приговор Балахнинского городского суда Нижегородской области от 31 августа 2012 года по делу № 1-136/12 – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OkxjWefZaumK/> (дата обращения: 15.03.2021)
9. Надзорное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 апреля 2008 г. N 4-Д08-4 – URL: <https://base.garant.ru/55719399/> (дата обращения: 30.03.2021)

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (ред. от 11 июня 2020 г.) – URL: <http://garant.ru/document/71539904/> (дата обращения: 05.04.2021)
11. Заседание Пленума Верховного Суда Российской Федерации посредством веб-конференции от 11.06.2020 года – URL: https://vsrf.ru/press_center/news/29000/ (дата обращения: 14.04.2021).

Karchevskiy K.A. The influence of judicial practice on the prevention of crimes in the sphere of business connected with licensing // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 119-125.

The article offers a retrospective of the formation of modern institute in the business licensing, it's place and aim in the legal mechanisms witch called to prevent negative consequences for society and the state. The author presents the relationship between civil and criminal laws which has influence on the prevention of conducting business without a mandatory extended license. The article analyzes the trends in law enforcement practice and their impact on the prevention of crimes in the sphere of business connected with licensing. Also the increased role of contradictory judicial interpretation of national legislation is noted, which don't help to implement criminal law uniform. The contradictory judicial practice in criminal cases, which is currently available, creates confusion in law enforcement practice. The author pied attention about if contradictions in judicial interpretation don't be solve, it will be possible have risks of harming other public relations called to protect life, health and property.

Key words: entrepreneurship, license, prevention, crime, licensing.

Spisok literary:

1. Zakonoproekt № 1112019-7 O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v svyazi s vvedeniem ponyatiya ugovalnogo prostupka – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (data obrashcheniya: 19.01.2021)
2. Federal'nyj zakon «O licenzirovanii otдел'nyh видов deyatelnosti» ot 04.05.2011 № 99-FZ (red. ot 31 iyulya 2020 g.) – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (data obrashcheniya: 29.01.2021)
3. Poyasnitel'naya zapiska k zakonoproektu № 414451-5 O licenzirovanii otдел'nyh видов deyatelnosti – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/414451-5> (data obrashcheniya: 10.02.2021)
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (data obrashcheniya: 21.02.2021)
5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 18 noyabrya 2004 g. № 23 «O sudebnoj praktike po delam o nezakonnom predprinimatel'stve» (red. ot 7 iyulya 2015 g.) – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1253895/> (data obrashcheniya: 10.03.2021)
6. Prigovor Nurlatskogo rajonnogo suda Respubliki Tatarstan ot 18 sentyabrya 2017 goda po delu №1-104/2017– URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qFD3TzHZqOmQ/> (data obrashcheniya: 15.03.2021)
7. Prigovor Uhtinskogo gorodskogo suda Respubliki Komi ot 29 marta 2017 goda po delu № 1- 23/17 – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0dGhhmpXBmJ/> (data obrashcheniya: 15.03.2021)
8. Prigovor Balahninskogo gorodskogo suda Nizhegorodskoj oblasti ot 31 avgusta 2012 goda po delu № 1-136/12 – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OkxjWefZaumK/> (data obrashcheniya: 15.03.2021)
9. Nadzornoe opredelenie SK po ugovnym delam Verhovnogo Suda RF ot 2 aprelya 2008 g. N 4-D08-4 – URL: <https://base.garant.ru/55719399/> (data obrashcheniya: 30.03.2021)
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15 noyabrya 2016 g. № 48 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugovolnoj otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatel'skoj i inoj ekonomicheskoy deyatelnosti» (red. ot 11 iyunya 2020 g.) – URL: <http://garant.ru/document/71539904/> (data obrashcheniya: 05.04.2021)
11. Zasedanie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii posredstvom veb-konferencii ot 11.06.2020 goda – URL: https://vsrf.ru/press_center/news/29000/ (data obrashcheniya: 14.04.2021).

УДК 343.56

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-126-140

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР

Новикова Т. Ю., Евсикова Е. В., Щелконогова Е. В.

В статье проводится раскрывается и обосновывается необходимость введения уголовной ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр. Авторы изучают правовые основы государственного регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр на территории Российской Федерации и установил ограничения осуществления данной деятельности в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан, предусмотренные Федеральным законом «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ. На основе статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации проводят анализ административно-деликтной и криминогенной ситуации в сфере незаконной организации и проведении азартных игр, которая, на сегодняшний день, отличается стабильной динамикой, несмотря на все принимаемые меры противодействия. Авторы анализируют составы преступлений, предусмотренные статьей 171-2 Уголовного кодекса Российской Федерации и выводят основные квалифицирующие признаки, а также делают вывод, о необходимости изменений, внесенных в статью 171-2 Федеральным законом от 22.12.2014 № 430-ФЗ "О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях".

Также, авторы анализируют и изучают судебную практику по рассмотрению дел о незаконной организации и проведении азартных игр, выявляют основные проблемные вопросы, возникающие при рассмотрении данной категории дел на практике. На основе проведенного анализа делают свои выводы и предложения по усовершенствованию нормативно-правового регулирования правоотношений в данной сфере.

Ключевые слова: азартные игры; игорный бизнес; игорная зона; преступления в сфере незаконной организации и проведения азартных игр.

Как известно, в последнее время одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики государства является ориентация на оптимизацию уголовно-правовых и административно-правовых санкций. При этом, основная проблема соотношений норм уголовного и административно-деликтного законодательства привела к значительным и коренным изменениям всего кодифицированного массива уголовного и административно-деликтного законодательства [1, с. 117].

Так, в сфере пристального внимания законодателя в течение последних 10-ти лет является норма ст. 171.2 УК РФ [2], которая предусматривает уголовную ответственность за незаконные и проведение азартных игр, которая, вступив в силу в июле 2011 г., вызвала бурю дискуссий в судебной практике относительно правильного ее применения, а также в научной плоскости, при этом, ряд представителей науки административного права даже ссылались на неоднозначность конструкции данной нормы, низкую эффективность и даже называли ст. 171.2 УК РФ «мертвой» нормой, не работающей на практике. В силу чего, положения ст. 171.2 УК РФ не раз претерпевали изменений и дополнений,

подвергались острой критике, требовали серьезного научного обоснования и исследования.

В 2011 г. представителями коммерческих структур, занятых в игорном бизнесе, введение ст.171-2 УК РФ было встречено критически. Установление уголовной ответственности признавалось мерой необоснованной, чрезмерной и с учетом масштабов развития на территории РФ игровой индустрии способной привести лишь к искусственной криминализации отдельных слоев [24, с. 18].

На сегодняшний день, проблемы законодательного закрепления уголовной ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр, а также особенности применения и реализации указанных норм на практике, были и остаются актуальными и требуют проведения научного исследования круга теоретических вопросов и практических правореализационных проблем в данной сфере отношений, которые авторы попытаются частично затронуть и раскрыть в рамках данного научного исследования.

Игровая деятельность и попытки ее законодательного урегулирования и регламентации в правовой плоскости известны человечеству еще с древнейших времен. Вместе с тем, политики противодействию незаконной деятельности в сфере организации и проведению азартных игр требует системного и комплексного подхода в реализации мер гражданского-правового, административно-правового и, конечно же, уголовно-правового характера.

Так, 29 декабря 2006 г. принят ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 № 244-ФЗ [3], который вступил в силу с 1.01.2007 и определил правовые основы государственного регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр на территории РФ и установил ограничения осуществления данной деятельности в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан.

В соответствии с положениями ФЗ № 244-ФЗ, азартная игра – это основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры. При этом, организатором азартной игры может быть только юридическое лицо, осуществляющее деятельность по организации и проведению азартных игр, а сама деятельность по организации и проведению азартных игр может осуществлять исключительно на территории игорных зон, которые представляют собой часть территории Российской Федерации, которая предназначена для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр и границы которой установлены в соответствии с ФЗ № 244-ФЗ.

Кроме того, для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр в игровой зоне выдается разрешение, выдаваемый в соответствии с ФЗ № 244-ФЗ документ, предоставляющий организатору азартных игр право осуществлять деятельность по организации и проведению азартных игр в одной игровой зоне без ограничения количества и вида игорных заведений.

Организация игорного бизнеса возможно лишь в определенных игорных зонах, а именно на территории Республики Крым, Алтайского края, Краснодарского края, Приморского края и Калининградской области. Эта специфическая часть

территории РФ, которая была закреплена для осуществления мероприятий по организации и проведению азартных игр, в соответствии с ФЗ. На основании ФЗ № 244-ФЗ, данные ограничения в сфере организации и эксплуатации азартных игр, являются необходимым средством для защиты законных интересов и прав граждан [4, с. 432].

Вместе с тем, вне игорной зоны в рамках закона возможно лишь осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах или тотализаторах на основании соответствующей лицензии - документа, выдаваемого в соответствии с ФЗ № 244-ФЗ и предоставляющего организатору азартных игр право осуществлять деятельность по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах или тотализаторах вне игорных зон, с обязательным указанием вида оказываемых услуг (услуг по заключению с участниками азартных игр основанных на риске соглашений о выигрыше или услуг по организации заключения основанных на риске соглашений о выигрыше между двумя или несколькими участниками азартной игры), места нахождения процессингового центра букмекерской конторы или тотализатора либо процессингового центра интерактивных ставок букмекерской конторы или тотализатора, количества и места нахождения филиалов, пунктов приема ставок букмекерских контор или тотализаторов либо иных мест осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах или тотализаторах.

Вместе с тем, принятие ФЗ № 244-ФЗ почти 15 лет назад не решило проблемы с легализацией азартных игр, а поставила перед российским обществом и государством все новые вопросы и вызовы, поскольку на практике и в повседневной жизни повсеместно наблюдается несоблюдение требований ФЗ № 244-ФЗ, а также противодействие его исполнению и реализации, что влечет постоянное появление «подпольных» казино, залов игровых автоматов, завуалированных под интернет-клубы, букмекерские конторы и тотализаторы.

Следует отметить, что действующее административно-деликтное законодательство, а именно, КоАП РФ [5], предусматривает административную ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр (ст. 14.1.1), которая закрепляет следующие составы правонарушений:

- организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо без полученной в установленном порядке лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах вне игорной зоны, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети "Интернет") или средств связи (в том числе подвижной связи), за исключением случаев приема интерактивных ставок организаторами азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах, влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 800 тыс. до 1,5 млн. руб. с конфискацией игрового оборудования;
- предоставление помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр, влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 800 тыс. до 1,5 млн. руб.;

- повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 14.1.1 КоАП РФ, влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 1,5 млн. руб. до 2 млн. руб.;

- осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне с нарушением условий, предусмотренных разрешением на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, либо осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах с нарушением условий, предусмотренных лицензией, влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 300 тыс. руб. до 500 тыс. руб.;

- осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах с грубым нарушением условий, предусмотренных лицензией, влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 500 тыс. руб. до 1 млн. руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток;

- нахождение лиц, не достигших возраста 18 лет, в игорном заведении либо привлечение организатором азартной игры таких лиц к работе в игорном заведении, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 30 тыс. руб. до 50 тыс. руб.; на юридических лиц - от 300 тыс. руб. до 500 тыс. руб.

Анализ ст. 14.1.1 КоАП РФ показывает, что субъектом административной ответственности по данной категории правонарушений могут выступать юридические лица и должностные лица лишь за нахождение лиц, не достигших возраста 18 лет, в игорном заведении либо привлечение организатором азартной игры таких лиц к работе в игорном заведении к административной ответственности могут привлекаться. При этом штрафы, предусмотренные для субъектов административной ответственности, достаточно высокие, а именно: для должностных лиц в размере от 30 тыс. руб. до 50 тыс. руб., а для юридических лиц в размере от 500 тыс. руб. до 2 млн. руб.

Кроме того, ст. 14.1.1-1 КоАП РФ, предусматривает административную ответственность за нарушение организаторами азартных игр в букмекерской конторе и тотализаторе требований к заключению пари на официальные спортивные соревнования и проведению других азартных игр. Так, под запретом данной статьи находятся деяния, которые представляют собой:

- прием организатором азартной игры в букмекерской конторе и (или) тотализаторе ставок, интерактивных ставок, в том числе на официальные спортивные соревнования, и выплата организатором азартной игры выигрышей без предъявления участником азартной игры документа, удостоверяющего его личность, или применения иного способа идентификации участника азартной игры, предусмотренного Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и обеспечивающего установление возраста такого участника азартной игры, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 30 тыс. руб. до 50 тыс. руб.; на юридических лиц - от 500 тыс. руб. до 700 тыс. руб.;

- нарушение организатором азартной игры в букмекерской конторе и тотализаторе установленного порядка информирования общероссийской

спортивной федерации по соответствующему виду спорта и уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего государственный надзор в области организации и проведения азартных игр, о выигрышах, выплаченных или подлежащих выплате по результатам пари, заключенного на официальное спортивное соревнование, завершившееся с наименее вероятным результатом или исходом, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 50 тыс. руб. до 70 тыс. руб.; на юридических лиц – от 800 тыс. до 1 млн. руб.;

- нарушение организатором азартной игры в букмекерской конторе и тотализаторе установленного порядка учета участников азартных игр, от которых принимаются ставки, интерактивные ставки на официальные спортивные соревнования, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 70 тыс. руб. до 100 тыс. руб.; на юридических лиц – от 800 тыс. руб. до 1 млн. руб.

Так, анализ ст. 14.1.1-1 КоАП РФ показывает, что субъектом административной ответственности по данной категории правонарушений могут выступать юридические лица и должностные лица. При этом штрафы, предусмотренные для субъектов административной ответственности, достаточно высокие, а именно: для должностных лиц в размере от 30 тыс. руб. до 70 тыс. руб., а для юридических лиц в размере от 500 тыс. руб. до 1 млн. руб.

Однако, даже такие высокие штрафы не сдерживают динамики совершения административных правонарушений в данной сфере.

Так, за первое полугодие 2020 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 293 дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.1.1 и 14.1.1-1 КоАП РФ, из них возвращено для устранения недостатков – 43 дела, всего рассмотрено 264 дела, привлечено к административной ответственности 174 лица, к которым применено наказание в виде: предупреждения – 3, приостановление деятельности – 3, штраф – 168, по которым наложено штрафов на сумму – 11965700 руб., из них взыскано принудительно или уплачено добровольно – 3786200 руб. [6].

Вместе с тем, в 2019 г. в суды общей юрисдикции РФ поступило 1139 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.1.1 и 14.1.1-1 КоАП РФ, из них возвращено для устранения недостатков – 200 дел, всего рассмотрено 1179 дел, привлечено к административной ответственности 647 лиц, к которым применено наказание в виде: предупреждения – 19, приостановление деятельности – 3, штраф – 625, по которым наложено штрафов на сумму – 87596800 руб., из них взыскано принудительно или уплачено добровольно – 28152600 руб. [7].

Также, в 2018 г. в суды общей юрисдикции РФ поступило 2022 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.1.1 и 14.1.1-1 КоАП РФ, из них возвращено для устранения недостатков – 440 дела, всего рассмотрено 2053 дела, привлечено к административной ответственности 1031 лицо, к которым применено наказание в виде: предупреждения – 20, приостановление деятельности – 9, штраф – 1002, по которым наложено штрафов на сумму – 181961900 руб., из них взыскано принудительно или уплачено добровольно – 30331500 руб. [8].

Также, в 2017 г. в суды общей юрисдикции РФ поступило 1836 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.1.1 и 14.1.1-1 КоАП РФ, из них возвращено для устранения недостатков – 385 дел, всего рассмотрено 1837 дел, привлечено к административной ответственности 956 лиц, к которым применено наказание в виде: предупреждения – 13, приостановление деятельности – 8, штраф – 935, по которым наложено штрафов на сумму – 220246202 руб., из них взыскано принудительно или уплачено добровольно – 30677100 руб. [9].

Также, в 2016 г. в суды общей юрисдикции РФ поступило 2457 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.1.1 КоАП РФ, из них возвращено для устранения недостатков – 669 дел, всего рассмотрено 2488 дел, привлечено к административной ответственности 1161 лицо, к которым применено наказание в виде: предупреждения – 5, приостановление деятельности – 6, штраф – 1150, по которым наложено штрафов на сумму – 248378895 руб., из них взыскано принудительно или уплачено добровольно – 11011600 руб. [10].

Также, в 2015 г. в суды общей юрисдикции РФ поступило 4196 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 14.1.1 КоАП РФ, из них возвращено для устранения недостатков – 985 дел, всего рассмотрено 4732 дел, привлечено к административной ответственности 2184 лица, к которым применено наказание в виде: предупреждения – 2, приостановление деятельности – 3, штраф – 2177, по которым наложено штрафов на сумму – 269704500 руб., из них взыскано принудительно или уплачено добровольно – 16002400 руб. [11].

Как видим, уровень правонарушений данной категории остается примерно на одинаковом уровне, несмотря на серьезные штрафные санкции, что свидетельствует о недостаточности мер административно-правового противодействия незаконной организации и проведению азартных игр.

Следует отметить, что значительным шагом в разрешении данного вопроса стало принятие ФЗ от 22.12.2014 № 430-ФЗ «О внесении изменений в статью 171.2 УК РФ и ст. 14.1.1 и 28.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях» (далее – ФЗ № 430-ФЗ) [12], который предусмотрел уголовную ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр для физических лиц, исключив их субъектов административной ответственности по данной категории дел, а также исключил из ч. 1 ст. 171-2 УК РФ наиболее критикуемый правоприменителями признак – получение дохода в крупном размере (более 1,5 млн. руб.), поскольку на практике доказать образование указанного размера дохода от преступной деятельности достаточно проблематично, а выручка, накапливаемая организаторами незаконных азартных игр в течение определенного периода времени, затем изымается с места совершения противоправного деяния, не всегда составляет указанную сумму, что позволяет в большинстве случаев избежать уголовной ответственности. В связи с чем, состав данного преступления сделан формальным, что позволяет привлекать к уголовной ответственности независимо от извлечения дохода.

Кроме того, изменен перечень квалифицирующих признаков по ч. 2 и 3 ст. 171-2 УК РФ. Таким образом, на сегодняшний день УК РФ предусмотрена уголовная за незаконную организацию и проведение азартных игр, а именно:

- за организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо без полученной в установленном порядке лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах вне игорной зоны, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», или средств связи, в том числе подвижной связи, за исключением случаев приема интерактивных ставок организаторами азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах, а равно систематическое предоставление помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр, в виде штрафа в размере от 300 тыс. руб. до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3х лет, либо обязательными работами на срок от 180 до 240 часов, либо ограничением свободы на срок до 4х лет, либо лишением свободы на срок до 2х лет;

- за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 171-2 УК РФ, совершенные группой лиц по предварительному сговору или сопряженные с извлечением дохода в крупном размере, - в виде штрафа в размере от 500 тыс. руб. до 1 млн. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3х лет до 5-ти лет либо лишением свободы на срок до 4х лет со штрафом в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3х лет или без такового;

- за деяния, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 171-2 УК РФ, совершенные организованной группой или лицом с использованием своего служебного положения или сопряженные с извлечением дохода в особо крупном размере, - в виде штрафа в размере от 1 млн. руб. до 1,5 млн. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 4-х до 5-ти лет либо лишением свободы на срок до 6-ти лет со штрафом в размере до 1 млн. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5-ти лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5-ти лет или без такового.

На сегодняшний день конструкция ч.1 ст.171-2 УК РФ такова, что само действие – незаконные организация и проведение азартных игр –образует оконченное преступление. В то же время формально лицо начинает выполнять объективную сторону преступлений, предусмотренных п.«б» ч.2 ст.171-2 УК РФ и п.«б» ч.3 ст.171-2 УК РФ, с момента достижения суммы дохода от такой деятельности, равной 1,5 млн. руб. и 6 млн. руб. соответственно. Несмотря на лексическую идентичность, предшествующая тому незаконная деятельность по организации и проведению азартных игр является совершенно иным деянием с точки зрения признака общественной опасности.

Как видим, квалифицирующими признаками незаконной организации и проведения азартных игр являются: совершение деяния группой лиц по предварительному сговору; совершение деяния, сопряженного с извлечением дохода в крупном размере (сумма которого превышает 1,5 млн. руб.); совершение деяния организованной группой; совершение деяния лицом с использованием

своего служебного положения; совершение деяния, сопряженного с извлечением дохода в особо крупном размере (сумма которого превышает 6 млн. руб.).

При этом, под систематическим предоставлением помещений в настоящей статье понимается предоставление помещений более двух раз.

Так, анализ статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации показывает, что: в первой половине 2020 г. осуждено: по ч. 1 ст. 171.2 УК РФ – 69 лиц, по ч. 2 ст. 171.2 УК РФ – 191 лицо, по ч. 3 ст. 171.2 УК РФ – 97 лиц [13]; в 2019 г. осуждено: по ч. 1 ст. 171.2 УК РФ – 241 лицо, по ч. 2 ст. 171.2 УК РФ – 449 лиц, по ч. 3 ст. 171.2 УК РФ – 377 лиц [14]; в 2018 г. осуждено: по ч. 1 ст. 171.2 УК РФ – 306 лиц, по ч. 2 ст. 171.2 УК РФ – 581 лицо, по ч. 3 ст. 171.2 УК РФ – 419 лиц [15]; в 2017 г. осуждено: по ч. 1 ст. 171.2 УК РФ – 438 лиц, по ч. 2 ст. 171.2 УК РФ – 605 лиц, по ч. 3 ст. 171.2 УК РФ – 331 лицо [16]; в 2016 г. осуждено: по ч. 1 ст. 171.2 УК РФ – 553 лица, по ч. 2 ст. 171.2 УК РФ – 494 лица, по ч. 3 ст. 171.2 УК РФ – 231 лицо [17]; в 2015 г. осуждено: по ч. 1 ст. 171.2 УК РФ – 244 лица, по ч. 2 ст. 171.2 УК РФ – 203 лица, по ч. 3 ст. 171.2 УК РФ – 31 лицо [18].

При этом, следует иметь в виду, что уголовно наказуемыми являются как организация, так и проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо без полученной в установленном порядке лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах вне игорной зоны, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», или средств связи, в том числе подвижной связи, за исключением случаев приема интерактивных ставок организаторами азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах, а равно систематическое предоставление помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр

Проведением азартной игры следует признать разъяснение правил азартной игры ее участникам, заключение между ними соглашения, основанного на риске, непосредственное ведение (соблюдение) игорного процесса, прием ставок, выплату вознаграждения и т.п.

Следовательно, если организатор незаконной азартной игры непосредственно заключает соглашение с участником игры и осуществляет ведение игорного процесса, его действия квалифицируются одновременно как незаконные организация и проведение азартной игры.

Действия лиц, оказывающих услуги и непосредственно принимающих участие в заключении соответствующих сделок с участниками незаконных азартных игр, на наш взгляд, с учетом конкретных обстоятельств могут квалифицироваться как незаконное проведение азартных игр (например, функции по обслуживанию игровых автоматов, установленных и функционирующих в арендованной им части помещения, извлечение и загрузка в игровые автоматы наличных денежных средств, посредством телефонных переговоров с игроками координация процесса выдачи выигрышей и выплат игрокам сумм выигрыша в виде наличных денежных средств), что подтверждается соответствующей судебной практикой [19].

Например, по рассмотренному Красногвардейским районным судом Республики Крым уголовному делу по обвинению К.А.С. по ч.1 ст. 171-2 УК РФ, по приговору от 11 февраля 2016 г. как незаконная организация и проведение азартных игр квалифицировались действия, связанные с приисканием помещения в г. Джанкое, его оборудованием соответствующим инвентарем для проведения игорной деятельности (9-ю игровыми аппаратами), привлечением лиц, желающих принять участие в азартной игре, осуществлением приема ставок от участников азартных игр (с использованием специальных ключей), заключением соглашения о выигрыше и в случае выигрыша выдачей участникам азартных игр денежных средств (выигрыша) [20].

Кроме того, в судебной практике имеют место случаи признания организацией и проведением азартной игры следующих действий.

Например, согласно приговору Алуштинского городского суда РК от 12 января 2016 г. организацией и проведением азартных игр признаны – приискание и аренда помещения в г. Алушта, размещение рекламы и проведение ремонта в помещении, приобретение и установка соответствующего оборудования (игровых аппаратов), контролирование работы клуба, распоряжение прибылью.

То есть, лицо непосредственно не разъясняло правила азартной игры ее участникам, непосредственно не заключало соглашений и не вело игорного процесса, не принимало ставки и не выплачивало вознаграждения, а лишь контролировало деятельность операторов и администраторов клубов, в некоторых случаях разъясняя через них правила азартной игры ее участникам, заключая с ними соглашение, основанное на риске, что судами признавалось как проведение азартных игр [20].

Следует отметить, что азартная игра представляет собой соглашение, основанное на добровольном волеизъявлении сторон, в основе которого лежит обоюдный риск. Необходимыми и определяющими атрибутами азартной игры являются ставка (денежные средства, передаваемые участником азартной игры организатору азартной игры или другому участнику и служащие условием участия в азартной игре) и выигрыш (денежные средства или иное имущество, в том числе имущественные права, подлежащие выплате или передаче участнику азартной игры при наступлении результата, предусмотренного правилами азартной игры), достижение которого является волей случая и, как правило, не зависит от искусства играющих.

По мнению судей Республики Крым, наличие реальной возможности получения игроком выигрыша не является обязательным условием для определения игры как азартной, в связи с чем, действия виновных лиц, организовавших проведение игры и создавших такие технические условия (например, за счет внесения изменений в программу игры или работы игрового автомата), при которых получение выигрыша игроком заведомо невозможно, следует квалифицировать по ст.171-2 УК РФ, без какой-либо дополнительной квалификации.

К азартным играм традиционно могут быть отнесены карточные игры (за исключением спортивных), рулетка, тотализатор, пари (основанное на риске соглашение о выигрыше, исход которого зависит от события, относительно которого неизвестно, наступит оно или нет) и т.п.

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 171-2 УК РФ уголовно наказуемыми деяниями признаются лишь организация и (или) проведение азартных игр:

1) с использованием игрового оборудования вне игровой зоны.

Обязательными признаками данного состава являются средство совершения преступления - игровое оборудование и место - вне игровой зоны.

Однако, нарушение требований закона и совершения преступления в сфере незаконной организации и проведения азартных игр, возможно, и в рамках игровой зоны, когда такая деятельность осуществляется без соответствующего разрешения или лицензии, либо укрывается реальный доход от такой деятельности, что, соответственно, также создает дополнительные сложности при квалификации.

Игровой зоной признается часть территории Российской Федерации, которая предназначена для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр и границы которой установлены в соответствии с настоящим Федеральным законом (п. 7 ч. 1 ст. 4 ФЗ № 244-ФЗ).

Порядок создания и ликвидации игровых зон, а также их наименования, границы, иные параметры игровых зон определяются Правительством Российской Федерации (Постановление Правительства РФ от 18.06.2007 № 376 «Об утверждении Положения о создании и ликвидации игровых зон»).

Под игровым оборудованием понимаются устройства или приспособления, используемые для проведения азартных игр. Исходя из требований ФЗ № 244-ФЗ и общей организации игрового бизнеса, можно выделить следующее игровое оборудование: игровой автомат; игровой стол, игровой стол для игры в карты и т.п.; игральные карты; игровые фишки.

2) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, в том числе подвижной связи.

В данном случае уголовный закон не указывает на место совершения преступления как обязательный признак состава, что позволяет сделать вывод о принципиальном запрете на использование информационно-телекоммуникационных сетей и средств связи для организации и проведения азартных игр, включая такую деятельность и в игровых зонах. Данный вывод полностью согласуется с положениями ч. 3 ст. 5 ФЗ № 244-ФЗ.

Понятие информационно-телекоммуникационной сети определено в п. 4 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" [21]: это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Сам факт наличия у лица либо в заведении средств связи или информационно-телекоммуникационных сетей не дает достаточного основания для привлечения к уголовной ответственности. Необходимо, чтобы указанные средства применялись именно для организации либо проведения азартной игры.

Кроме того, проблемным остается вопрос о трактовании таких категорий, как «Интернет» и «подвижная связь». Отметим, что в юридической доктрине сохраняется дискуссия относительно определения правовой природы Интернета, в частности, решение вопроса о том, является Интернет субъектом или объектом права [22].

В диспозиции ст. 171.2 УК РФ упоминается такой термин, как подвижная связь, определяемая в литературе как способ связи, при котором доступ к абонентским линиям осуществляется без использования кабеля, а связь с абонентским устройством осуществляется по радиоканалу. Стоит отметить, что в настоящее время назрела необходимость выработки однозначной законодательной дефиниции понятия «подвижная связь», поскольку ни в одном нормативном правовом акте не закреплено определения данного понятия, в связи с тем, что на законодательном уровне сложно проконтролировать механизм реализации установленных запретов на практике, в том числе держать под контролем его соблюдение [23].

3) без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игровой зоне.

В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 3 ФЗ № 244-ФЗ, государственное регулирование деятельности по организации и проведению азартных игр осуществляется, в частности, путем выдачи разрешений на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорных зонах, вне которых любое проведение азартных игр запрещено.

Исключение составляет лишь деятельность букмекерских контор, тотализаторов и их пунктов приема ставок (без использования при этом игровых автоматов и игровых столов), которые могут быть расположены вне игровых зон.

Таким образом, в рамках рассматриваемого состава криминализована любая форма организации и проведения азартных игр вне игорных зон (за вышеуказанным исключением), а также аналогичная деятельность в игорных зонах без соответствующего разрешения либо после его аннулирования.

При этом, следует учитывать, что совершение указанных преступлений возможно лишь в форме действия - организации и (или) проведения азартных игр.

Анализируя рассмотренные уголовные дела указанной категории, возможно сделать вывод о том, что судами признаются как незаконная организация и проведение азартных игр - действия в основном сопряженные с использованием игрового оборудования вне игровой зоны.

Вместе с тем, имеют место случаи использования игрового оборудования вне игровой зоны с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», группой лиц по предварительному сговору.

Так, согласно приговору Центрального районного суда г. Симферополя РК от 24 декабря 2015 г. (не обжалован, вступил в законную силу) М.Р.Р., имея предварительную договоренность на организацию и проведение азартных игр, после аренды неустановленным лицом помещения вне игровой зоны, обеспечением его компьютерами, проведением сети «Интернет», продолжая реализацию их общего преступного умысла, используя пять компьютеров, подключенных с помощью сети «Интернет» к генератору случайных чисел на удаленном сервере, нанял на работу охранников и операторов игрового зала, через которых разъяснял участникам игры их правила, получая соответствующую прибыль [20].

Однако при разрешении вопросов о судьбе вещественных доказательств, в частности оборудования, на котором совершено преступление, как орудия незаконной организации и проведения азартных игр, имел место случай неодинакового применения требований пункта «г» ч. 1 ст. 104-1 УК РФ.

Так, по приговору Джанкойского районного суда Республики Крым от 11 февраля 2016 года в отношении К.А.С., было принято решение об уничтожении вещественных доказательств - девяти игровых автоматов, находящихся в камере вещественных доказательств следственного отдела по г. Судак – в связи с ненадобностью, что противоречит требованиям пункта «г» ч. 1 ст.104-1 УК РФ, а также положениям ст.81 УПК РФ.

В других случаях, принимаются решения о безвозмездном изъятии и обращении соответствующего оборудования в собственность государства.

Таким образом, как видим, введение в 2011г. уголовной ответственности за организацию и проведение азартных игр было социально обусловлено и просто необходимо в качестве меры противодействия данному антисоциальному крайне негативному явлению. А внесенные в 2014 г. способствовали усовершенствованию нормативно-правового регулирования квалификации данного преступного деяния и, соответственно, эффективности правоприменения положений ст. 171-2 УК РФ, а исключение физических лиц из числа субъектов административной ответственности и переход их в разряд субъектов уголовной ответственности по данной категории дел является важной превентивной мерой.

Однако, по нашему мнению, следует разделить составы преступлений за незаконные и проведение азартных игр в игорной зоне без соответствующего разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, а также, в букмекерских конторах и тотализаторах вне игорной зоны при отсутствии соответствующей лицензии на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр, которые скорее относятся к незаконному предпринимательству, и незаконные организацию и проведение азартных игр вне игорной зоны (при этом осведомленность о конкретном месте нахождения незаконного игорного заведения не является обязательной) с использованием игрового оборудования, без полученной в установленном порядке лицензии либо разрешения, либо с использованием сети «Интернет» или средств связи, в том числе «передвижной связи», за исключением случаев приема интерактивных ставок организаторами азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах, поскольку, не желая мириться с потерей части своей прибыли, преступники, пытаясь обойти закон, как правило, организуют азартные игры в Сети Интернет, маскируя казино и залы под букмекерские конторы и тотализаторы, устанавливая лотерейные автоматы, которые, соответственно, образуют самостоятельный состав, предусмотренный положениями ст. 171-2 УК РФ.

Список литературы:

1. Евсикова Е.В. Административная преюдиция как один из инструментов современной уголовно-правовой политики: проблемы теории и практики / Е.В. Евсикова // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции. 2019. С. 117-125.
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_106/.
3. Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/.
4. Евсикова Е.В., Булахова И.А. Некоторые аспекты создания игорной зоны в Республике Крым / Е.В. Евсикова, И.А. Булахова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 1. С. 431-444.

5. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.02.2021). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
6. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2020 года; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461/>
7. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
8. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.
9. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.
10. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
11. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>.
12. Федеральный закон от 22.12.2014 № 430-ФЗ "О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172506/.
13. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2020 года; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460>;
14. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>
15. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>
16. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>
17. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>
18. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>.

19. Обзор судебной практики по уголовным делам о незаконных организации и проведении азартных игр (статья 171.2 УК РФ). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://sormovsky.nnov.sudrf.ru/modules.php?name=docum_su.
20. СПРАВКА по результатам изучения судебной практики по уголовным делам о незаконных организации и проведении азартных игр (статья 171.2 УК РФ). Судебная коллегия по уголовным делам. Верховный Суд Республики Крым. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=53.
21. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 30.12.2020) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e/
22. Рахманина Н.В. Понятие интернета и проблемы, связанные с оказанием финансовых интернет-услуг / Н.В. Рахманина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 5, Юриспруденция. 2015. № 4 (29). – С. 107-113.
23. Кормильцева С.О. Уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр / С.О. Кормильцева // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 1 (23). 2016. – С. 119-123.
24. Наumenko О.П. Уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр: дисс. к.ю.н. 12.00.08 / Ольга Петровна Наumenko // М., 2016. – 219 с.

Novikova T.U., Evsikova E.V., Shelkonogova E.V. Some questions of the theory and practice of criminal prosecution for illegal organization and conduct of gambling // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 126-140.

The article also reveals and justifies the need to introduce criminal liability for illegal organization and conduct of gambling. The authors study the legal basis of state regulation of the organization and conduct of gambling on the territory of the Russian Federation and have established restrictions on the implementation of this activity in order to protect the morals, rights and legitimate interests of citizens, provided for by the Federal Law "On State Regulation of the organization and Conduct of Gambling and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 29.12.2006, No. 244-FZ. On the basis of statistical data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, an analysis of the administrative-tort and criminal situation in the field of illegal organization and conduct of gambling is carried out, which, to date, is characterized by stable dynamics, despite all the measures taken to counteract it.

The authors analyze the offences under article 171-2 Criminal code of the Russian Federation and the withdrawal of the basic qualifying features, and make a conclusion about the need for changes made to article 171-2 Federal law dated 22.12.2014 № 430-FZ "On amendments to article 171.2 of the Criminal code of the Russian Federation and article 14.1.1 and 28.3 code of the Russian Federation on administrative offences".

Also, the authors analyze and study the judicial practice on the consideration of cases of illegal organization and conduct of gambling, identify the main problematic issues that arise when considering this category of cases in practice. On the basis of the analysis, they make their conclusions and proposals for improving the legal regulation of legal relations in this area.

Key words: gambling; gambling business; gambling zone; crimes in the field of illegal organization and conduct of gambling.

Spisok literaturi:

1. Evsikova E.V. Administrativnaya preyudiciya kak odin iz instrumentov sovremennoj ugolovno-pravovoy politiki: problemy teorii i praktiki / E.V. Evsikova // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika. Sbornik materialov VII-oj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019. S. 117-125.
2. "Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 30.12.2020). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_106/.
3. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennom regulirovanii deyatel'nosti po organizacii i provedeniyu azartnyh igr i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2006 g. № 244-FZ (poslednyaya redakciya). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/.
4. Evsikova E.V., Bulahova I.A. Nekotorye aspekty sozdaniya igornoj zony v Respublike Krym / E.V. Evsikova, I.A. Bulahova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2020. № 1. S. 431-444.
5. "Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 04.02.2021). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.
6. № 1-АП «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 1 polugodie 2020 goda; Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461/>

7. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
8. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.
9. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.
10. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
11. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>.
12. Федеральный закон от 22.12.2014 № 430-ФЗ "О внесении изменений в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 14.1.1 и 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях". [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172506/.
13. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2020 года; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5460>;
14. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>
15. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>
16. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>
17. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834>
18. № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»; Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>.
19. Обзор судебной практики по уголовным делам о незаконных организациях и проведении азартных игр (статья 171.2 УК РФ). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://sormovsky.nnov.sudrf.ru/modules.php?name=document_su.
20. СПРАВКА по результатам изучения судебной практики по уголовным делам о незаконных организациях и проведении азартных игр (статья 171.2 УК РФ). Судебная коллегия по уголовным делам. Верховный Суд Республики Крым. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=document_sud&id=53.
21. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 30.12.2020) "Об информации, информационные технологии и о защите информации". [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e/
22. Rahmanina N.V. Ponyatie interneta i problemy, svyazannye s okazaniem finansovykh internet-uslug / N.V. Rahmanina // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. 5, Yurisprudenciya. 2015. № 4 (29). – S. 107-113.

23. Kormil'ceva S.O. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnye organizaciyu i provedenie azartnyh igr / S.O. Kormil'ceva // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. № 1 (23). 2016. – S. 119-123.
24. Naumenko O.P. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnye organizaciyu i provedenie azartnyh igr: diss. k.yu.n. 12.00.08 / Ol'ga Petrovna Naumenko // M., 2016. – 219 s.
- .

УДК 343.1

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-141-146

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СКЛОНЕНИЯ И ВОВЛЕЧЕНИЯ В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кашикаров А. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассмотрены положения, которые характеризуют «склонение к преступлению» и «вовлечение в преступную деятельность» как самостоятельные составы преступления, которые сформулированы в отечественном законодательстве. Отмечена актуальность, необходимость и своевременность такого рода исследований. В статье проанализированы объективные и субъективные признаки, характеризующие вовлечение в преступление и склонение к преступлению. Установлены их различия между собой, а также их отграничение от соучастия в преступлении. В публикации приведён перечень статей, которые образуют самостоятельные составы преступлений, связанные со склонением к преступной деятельности и вовлечением в преступление. В публикации проанализировано разъяснение, размещённое в ранее действующем постановлении ВС СССР, относительно вопросов, связанных с уяснением содержания вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, а также положения ныне действующего постановления ВС РФ. В статье сделан вывод о том, что «вовлечение – преступление» и «склонение – преступление» это всегда активные общественно опасные деяния, которые совершаются исключительно с прямым умыслом, формальные составы преступлений, они не являются тождественными понятиями, также они отличаются от соучастия в преступлении в виде подстрекательства в силу того, что «вовлечение – преступление» и «склонение – преступление» обладают повышенной общественной опасностью.

Ключевые слова: преступление, склонение к преступлению, вовлечение в преступление, состав преступления, соучастие в преступлении, противоправная деятельность, уголовная ответственность.

Исследование уголовной ответственности за так называемую «призывную деятельность», которая характеризуется в действующем законодательстве как «вовлечение в преступную либо иную противоправную деятельность» или «склонение к преступной деятельности» приобретает особую актуальность в свете активизации протестных настроений в обществе, которая фиксируется в последнее время. Такого рода активизация сопровождается вовлечением граждан, а особенно несовершеннолетних, в противоправную деятельность, что свидетельствует о повышенной общественной опасности такого рода противоправной деятельности. Изложенное выше подтверждает необходимость и своевременность проведения уголовно-правовых исследований вовлечения в преступную или иную противоправную деятельность, а также склонения к совершению преступления.

Общеизвестным является тезис, закреплённый в ч. 1 ст. 2 УК РФ о том, что уголовное законодательство имеет своими задачами обеспечивать охрану наиболее важных общественных отношений, а так же обеспечивать предупреждение преступлений, как отмечает Ю.Е. Пудовочкин одним из значимых уголовно-правовых средств предупреждения преступности и защиты объектов, находящихся под уголовного-правовой охраной, являются уголовно-правовые нормы обладающие двойной превенцией за вовлечение в совершение преступления или

склонение к совершению преступлений [1], схожую позицию высказывают и иные исследователи [2, с. 56 – 61].

Исследователи отмечают, что с учётом имеющихся сущностных и нормативных (уголовно-правовых) отличий, характеристику криминальной призывной деятельности и действий по вовлечению в преступление или склонению к преступлению следует представлять дифференцировано [3, с. 353].

Склонение к преступной деятельности либо иной противоправной деятельности также, как и вовлечение в занятие преступной деятельностью либо иной противоправной деятельности криминализировано законодателем в силу повышенной общественной опасности, которая обусловлена тем, что виновное лицо продуцирует количество лиц совершающих преступление, его деятельность направлена на создание устойчивого желания у вовлекаемого либо склоняемого совершить преступление либо иное противоправное (антиобщественное, асоциальное или аморальное) деяние. УК РФ описывает пятнадцать составов преступлений, которые предусматривают ответственность за склонение к преступлению или к аморальному деянию, либо вовлечение в преступную, либо противоправную деятельность, к ним относятся преступления, предусмотренные: ст. 110.1. УК РФ (Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства); ст. 110.2 УК РФ (Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства); ст. 150 УК РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления); ст. 151 УК РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий); ст. 151.2. УК РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего); ст. 184 УК РФ (Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса); ч. 1 и ч. 1.1. ст. 205.1. УК РФ (Содействие террористической деятельности); ч. 1.1. ст. 212 УК РФ (Массовые беспорядки); ст. 230 УК РФ (Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов); ст. 230.1 УК РФ (Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещённых для использования в спорте); ст. 240 УК РФ (Вовлечение в занятие проституцией); ч. 2 ст. 242. УК РФ (Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов); ч.1.1. ст. 282.1 УК РФ (Организация экстремистского сообщества); ч.1.1. ст. 282.2 УК РФ (Организация деятельности экстремистской организации); ч. 2 ст. 361 УК РФ (Акт международного терроризма).

Так же мы полагаем, что преступления, предусмотренные ст. 205.2 (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности); ст. 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности); ст. 280.1. УК РФ (Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ); ст. 280 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) и ст. 354 УК РФ (Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны) следует относить к преступлениям, которые характеризуются вовлечением в преступную деятельность или склонением к совершению преступления, так как виновное лицо, если рассматривать в качестве примера преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, преследует цель побуждения иных лиц к осуществлению экстремистской

деятельности, то есть преследует цель побудить у лица желание совершить преступление, склонить либо вовлечь в преступную либо иную противоправную деятельность неограниченный круг лиц.

Кроме того, законодатель использует формулировку «склонение» для характеристики активного преступного поведения соучастника – подстрекателя и как отмечает Ю.Е. Пудовочкин «вовлечение по своим признакам ничем не отличается от подстрекательства к преступлению» [1; 4, с. 37–38], однако мы полагаем, что склонение – преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ (далее склонение – преступление) и вовлечение – преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ (далее вовлечение – преступление) не является разновидностью соучастия в преступлении либо особой формой соучастия в преступлении, так как соучастие в соучастии не возможно, так как такого рода конструкция нарушает законы последовательности и непосредственной причинной связи [5, с. 154–158], вместе с тем п. 42 Постановления Пленума ВС РФ № 1 от 1.02.2011 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» образует исключение из выше изложенного тезиса, так как вовлечение несовершеннолетних, которые обладают характеристиками субъекта преступления даёт основание рассматривать такого рода вовлечение в преступную деятельность как соучастие в виде подстрекательства. Вовлечение в преступную деятельность – преступление либо склонение к преступной деятельности – преступление не обладает той причинной связью с преступлением, на которое рассчитывает вовлекающий либо склоняющий в отличие от соучастия – подстрекательства. Взаимосвязь, которая возникает при вовлечении в преступную деятельность – преступление либо склонение – преступление создает определённые условия, которые при наличии определённой обстановки могут повлиять на совершение преступления, иного противоправного деяния вовлекаемым (склоняемым) либо нет. Кроме того, вовлечение – преступление либо склонение – преступление, в отличие от соучастия, не требует результативности. В случае безрезультативного подстрекательства действия соучастника – подстрекателя, при наличии признаков, указанных в ст. 30 УК РФ, необходимо квалифицировать как приготовление к преступлению либо покушение на преступление, что подтверждает тезис об отсутствии непосредственной взаимосвязи между вовлечением – преступлением и склонением – преступлением с теми преступлениями либо противоправными (аморальными) деяниями, в которые вовлекаются либо к которым склоняются третьи лица.

Кроме того, вовлечение – преступление и склонение – преступление, в отличие от подстрекательства, может производиться не только к преступлению, но и к иному противоправному либо аморальному деянию, как это предусмотрено, например, в ст. 240 УК РФ.

Отличие вовлечения – преступления и склонения – преступления от соучастия также может отличаться направленностью, подстрекательство всегда направлено на конкретное лицо, в то время как вовлечение – преступление и склонение – преступление может быть обращено вообще к неограниченному кругу лиц, как например, это предусмотрено ст. 280 УК РФ либо ст. 282 УК РФ.

Отсутствие так называемой результативности вовлечения – преступления или склонения – преступления свидетельствует о том, что законодатель вынес за рамки объективной стороны анализируемых составов преступлений наступление общественно опасных последствий, то есть исследуемые составы преступлений являются формальными составами преступлений, однако существовала и иная практика, так п. 10 , признанного не действующим на территории РФ Постановлением Пленума ВС РФ от 14 февраля 2000 г. № 7, постановления Пленума ВС СССР от 3 декабря 1976 г. № 16 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» определял «... если несмотря на указанное воздействие подросток не стал участвовать в совершении преступления (хотя бы на стадии приготовления или покушения), действия взрослого должны расцениваться как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность», иными словами высшая судебная инстанция СССР признавала вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность материальным составом преступления.

Нам представляется, что такие два вида преступной деятельности как склонение и вовлечение в преступную деятельность не следует рассматривать как тождественные деяния, которые обладают одинаковыми объективными и субъективными признаками, хотя законодатель в ряде составов преступлений, а именно в преступлениях, предусмотренных ст. 151.2 УК РФ (склонение или иное вовлечение), ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, ч. 1.1. ст. 205.1 УК РФ, 1.1. ст. 212 УК РФ, ч. 1.1. ст. 282.1 УК РФ, ч. 1.1. ст. 282.2 УК РФ (склонение, вербовка или иное вовлечение) использует их синонимично. Однако, мы полагаем, что преступное вовлечение является более широким понятием, так как исходя из правил логики и построения предложения «склонение» и «склонение и вербовка» являются частными деяниями, которые используется законодателем для описания вышеуказанных составов преступлений, а «иное вовлечение» используемое законодателем при конструировании указанных выше норм является общей характеристикой, иными словами «иное вовлечение» поглощает и «склонение», и «вербовку». Схожую точку зрения имеет и Н.Н. Бугера, который на основании этимологического и уголовно-правового анализа слов «вовлечение» и «склонение» пришёл к выводу о том, что ««вовлечение» означает результативное действие, в отличие от слова «склонение», означающего также безуспешное воздействие. Для более чёткого разграничения указанных понятий применительно к уголовному праву выделим отличительные признаки каждого. При вовлечении действия виновного направлены: – на определённые психологические процессы (желание, решимость, стремление, намерение, готовность); – фактическое втягивание в совершение общественно опасного деяния, т.е., помимо возникновения желания, лицо должно фактически совершить преступление.

При склонении достаточно возбудить желание у другого лица сделать то, к чему склоняет виновный, и фактически совершать преступление не требуется» [6]. Мы не согласны с мнением Н.Н. Бугера, в той части, что он в своей публикации, исходя из приведённого текста, полагает, что для квалификации склонения – преступления необходимо возбудить желание, а для вовлечения – преступления помимо возникновения желания, лицо должно фактически совершить преступление, что, по

нашему мнению, не соответствует юридической конструкции исследуемых преступлений, которые, как уже отмечалось ранее являются формальными составами преступлений.

Характеризуя волевой момент субъективной стороны вовлечения в преступление и склонения к преступлению, а также цель этой деятельности мы приходим к выводу, что обладают отличными друг от друга волевыми моментами и разнонаправленными целями вовлечения и склонения. Исходя из вышеизложенного под вовлечением в преступление либо иное противоправное деяние понимать умышленные действия лица, направленные на фактическое совершение вовлекаемым лицом преступления либо противоправного деяния, в то время как под склонением к совершению преступления либо иного противоправного (аморального) деяния – умышленные действия лица, направленные на возбуждение желания участвовать в совершении преступления либо противоправного (аморального) деяния.

Уясняя содержание субъективной стороны вовлечения – преступления и склонения – преступления мы пришли к выводу, что данные преступления следует относить к преступлениям, которые совершаются исключительно с прямым умыслом, так как исследуемые преступления, как это уже было ранее установлено, относятся к преступлениям с формальным составом, хотя как отмечает А.С. Кубатбекова в теории уголовного права по этому поводу существует дискуссия, при которой авторы-сторонники признания состава вовлечения или склонения материальным составом преступления допускают возможность не желания, а сознательного допущения последствий в виде совершения преступления вовлекаемым либо склоняемым [7].

Характеризуя субъективную сторону вовлечения – преступления и склонения – преступления следует исходить, что это всегда осознанная и волевая деятельность виновного лица, виновное лицо желает достичь преступный результат в виде вовлечения иного лица в преступную или противоправную деятельность либо склонения иного лица к совершению преступления или противоправного деяния, при наличии дополнительных признаков, как например в ст. 150 УК РФ, виновное лицо в обязательном порядке должно также осознавать и дополнительные характеристики, которые предусмотрены указанной статьёй, а именно возраст вовлекаемого в преступную деятельность несовершеннолетнего. Психическое отношение к общественно опасным последствиям вовлечения – преступления и склонения – преступления, как уже отмечалось, не имеют уголовно-правового значения и по этой причине не требуют установления при квалификации исследуемых преступлений, в силу того, что исследуемые преступления являются формальными составами преступлений.

Уясняя момент возникновения желания вовлечь в преступную либо иную противоправную деятельность или склонения в совершения преступления следует согласиться с М.В. Рудиком, который отмечает, что умысел совершить данное преступление у вовлекающего или склоняющего лица в обязательном порядке возникает раньше, чем у «склонённого» или «вовлечённого» им лица и, вовлекающее либо склоняющее лицо влияет на вовлекаемого до момента возникновения у него решимости на совершение конкретного преступного деяния,

предусмотренного конкретной статьёй УК РФ или противоправного деяния [8, с. 258].

Подводя итог этой публикации, следует отметить, что «вовлечение – преступление» и «склонение – преступление» это всегда активные общественно опасные деяния, которые совершаются исключительно с прямым умыслом, по конструкции – формальные составы преступлений, они не являются тождественными понятиями, также они отличаются от соучастия в преступлении в виде подстрекательства в силу того, что «вовлечение – преступление» и «склонение – преступление» обладают повышенной общественной опасностью, а также рядом иных показателей.

Список литературы

1. Пудовочкин Ю.Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: новые решения и новые проблемы // Пенитенциарная наука. 2012. №19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestupleniya-novye-resheniya-i-novye-problemy> (дата обращения: 02.11.2020).
2. Коровин Е.П., Бавсун М.В., Попов П.В. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 2 (27). С. 56-61.
3. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. — М.: РГУП, 2019., 507 с., с. 353
4. Пудовочкин Ю.Е., Чечель Г.И. Квалификация случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную группу // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 37-38.
5. Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. Новый взгляд на уголовно-правовой институт прикосновенности к преступлению // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 154-158.
6. Бугера Н. Н. Соотношение понятий «Вовлечение» и «Склонение» в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. №3 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-vovlechenie-i-sklonienie-v-ugolovnom-prave-rossii> (дата обращения: 04.11.2020).
7. Кубатбекова А. С. Субъективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnye-priznaki-vovlecheniya-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestupleniya> (дата обращения: 04.11.2020).
8. Рудик М.В. Склонение как способ подстрекательства (на примере статьи 230-1 УК РФ) / М.В. Рудик // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2020. — Т. 6 (72). № 1. — С. 251-258.

Kashkarov A.A. Criminal law characteristics of inclination and involvement in criminal activity // Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. — 2021. — 141-146.

The article examines the provisions that characterize "incitement to crime" and "involvement in criminal activity" as independent elements of a crime, which are formulated in domestic legislation. The article analyzes the objective and subjective characteristics that characterize involvement in a crime and inducement to crime. Their differences are established among themselves, as well as their delimitation from complicity in a crime. The publication contains a list of articles that form independent offenses associated with inducement to criminal activity and involvement in a crime. The publication analyzes the clarification posted in the previously valid decision of the Supreme Court of the USSR, regarding issues related to clarifying the content of the involvement of minors in criminal activity, as well as the provisions of the current resolution of the Supreme Court of the Russian Federation. The article concludes that "involvement - a crime" and "induction - a crime" are always active socially dangerous acts that are committed exclusively with direct intent, formal elements of crimes, they are not identical concepts, they also differ from complicity in a crime in the form of incitement due to the fact that "involvement is a crime" and "inducement is a crime" have an increased social danger.

Key words: crime, inducement to a crime, involvement in a crime, corpus delicti, complicity in a crime, illegal activity, criminal liability.

Spisok literatury:

1. Pudovochkin Yu.E. Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya: novye resheniya i novye problemy // Penitentsiarnaya nauka. 2012. № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestupleniya-novye-resheniya-i-novye-problemy> (data obrashcheniya: 02.11.2020).
2. Korovin E.P., Bavsun M.V., Popov P.V. Problemy kvalifikatsii vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya // Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii. 2015. № 2 (27). S. 56-61.
3. Souchastie v prestuplenii: problemy kvalifikatsii i naznacheniya nakazaniya / Pod red. Yu.E. Pudovochkina. — M.: RGUP, 2019., 507s., s. 353

4. Pudovochkin Yu.E., Chechel' G.I. Kvalifikatsiya sluchaev vovlecheniya nesovershennoletnikh v prestupnuyu gruppu // Rossiiskaya yustitsiya. 2000. № 12. S. 37-38.
 5. Kashkarov A.A., Kashkarov A.A. Novyi vzglyad na ugovno-pravovoi institut prikosnovennosti k prestupleniyu // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 2. S. 154-158.
 6. Bugera N. N. Sootnoshenie ponyatii «Vovlechenie» i «Sklonenie» v ugovnom prave Rossii // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2014. №3 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-vovlechenie-i-sklonienie-v-ugolovnom-prave-rossii> (data obrashcheniya: 04.11.2020).
 7. Kubatbekova A. S. Sub"ektivnye priznaki vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya // Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki. 2008. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnye-priznaki-vovlecheniya-nesovershennoletnego-v-sovershenie-prestupleniya> (data obrashcheniya: 04.11.2020).
 8. Rudik M.V. Sklonenie kak sposob podstrekatel'stva (na primere stat'i 230-1 UK RF) / M.V. Rudik // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2020. – T. 6 (72). № 1. – S. 251-258.
- .

УДК 343.2

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-147-151

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ФОНДОВОГО РЫНКА В ГОСУДАРСТВАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Каишаров А. А., Каишаров А. А.

В научной публикации рассмотрены механизмы уголовно-правовой охраны рынка ценных бумаг в таких государствах как: Федеративная Республика Германия (далее – Германия или ФРГ) и Французская Республика (далее – Франция). В публикации обосновано почему именно законодательство Франции и Германии взяты за основу научного анализа уголовно-правовой охраны фондового рынка в данной публикации. Проведен сравнительно правовой анализ уголовного законодательства Франции и Германии с отечественным уголовным законодательством. Проиллюстрировано то обстоятельство, что в отличие от отечественного уголовного законодательства уголовное законодательство Франции и Германии не базируется на одном источнике – уголовном кодексе, а содержит так называемое компаративное уголовное законодательство, которое помимо регламентации позитивных общественных отношений обеспечивает уголовно-правовую охрану фондового рынка и общественных отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, таким образом в статье проанализированы не только нормы уголовных кодексов Германии и Франции, но и нормы корпоративного уголовного права указанных государств.

Ключевые слова: фондовый рынок, ценные бумаги, рынок ценных бумаг, уголовная ответственность, корпоративное уголовное право, преступление, выпуск и обращение ценных бумаг.

Фондовый рынок является одним из обязательных институтов рыночной экономики, который обеспечивает развитие экономики, формирование, распределение и перераспределение временно свободных финансовых ресурсов. В странах Европейского Союза наиболее развит фондовый рынок в таких государствах как Франция и Федеративная Республика Германия, это обусловлено тем, что именно эти два государства являются локомотивами всей экономики Европейского Союза.

Как отмечают исследователи, действующий УК ФРГ восходит к УК Германской империи от 15 мая 1871 г. [1, с. 7], в указанный акт систематически вносились изменения, что было связано с экономическими, политическими и иными преобразованиями, которые происходили в Германии. Единая система уголовного права Германии является сложной, и как отмечается в литературе, к области немецкого уголовного права, кроме непосредственно УК ФРГ, относится так называемое «дополнительное уголовное право», которое представляет собой сотни федеральных законов (Nebenstrafrecht) [2, с. 4], а также уголовное право земель (Landesstrafrecht) [3, с. 197]. Характеристика дополнительного уголовного законодательства Германии также является сложной, его можно разделить на: законы, которые являются исключительно уголовно-правовыми и законы, которые регулируют общественные отношения в различных сферах, но при этом содержат отдельные уголовно-правовые положения, обеспечивающие уголовно-правовую охрану позитивных общественных отношений, которые регулируются определенным законом.

В статьях 151 и 152 УК ФРГ определяется, что ценные бумаги (долговые обязательства на предъявителя, а также и такие ордерные ценные бумаги, которые

являются частями общей эмиссии, если в них содержится обещание выплаты определенной денежной суммы; акции; акции, выданные инвестиционными обществами и прочие), а также, что иностранные ценные бумаги могут выступать предметом преступлений, предусмотренных ст.ст. 146-149 УК ФРГ (изготовление, подделка, сбыт и подготовка к подделке денег).

Статья 264а УК ФРГ называется «мошенничество при капиталовложении», состоит из двух частей. Часть 1 ст. 264а УК ФРГ устанавливает ответственность за инсайдерскую продажу ценных бумаг акционерам акционерного общества, а ч. 2 ст. 264а УК ФРГ устанавливает ответственность за составление заведомо недостоверного проспекта по капиталовложению.

Уголовная ответственность за преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг в Германии устанавливается дополнительным законом. К закону дополнительного уголовного права Германии можно отнести «Федеральный закон об акционерных обществах» (Aktiengesetz – AktG) [4] (далее – AktG). В статьях 399-405 AktG определяет круг субъектов, которые могут быть привлечены к ответственности за совершение общественно опасных деяний в сфере выпуска и обращения ценных бумаг. К субъектам ответственности по AktG относятся: учредители акционерных обществ, члены совета директоров акционерных обществ или члены правления акционерных обществ, члены наблюдательного совета акционерных обществ, ликвидаторы акционерных обществ, аудиторы и/или их помощники при составлении заключений и актов проверки акционерных обществ.

Наказуемыми деяниями в соответствии со ст. ст. 399-404 AktG являются: составление подложного отчета о выпуске ценных бумаг, проспекта эмиссии ценных бумаг (п. 4 ч. 1 ст. 399 AktG); сокрытие информации об обязательствах перед аудиторами (ст. 400 AktG); подделка ценных бумаг, ст. 402 AktG устанавливает ответственность, в виде тюремного заключения на срок до трех лет, за подделку и использование ценных бумаг с целью использования права голоса на общем или отдельном собрании, в этой же статье указано, что подделка и использование ценных бумаг в иных целях должна преследоваться по УК ФРГ; составление неверного отчета аудитором или его помощником ст. 403 AktG в том числе о результатах эмиссии ценных бумаг, часть 2 ст. 403 AktG предусматривает более строгую ответственность (тюремное заключение до пяти лет или штраф) за те же деяния, что и часть первая указанной статьи, но имеет квалифицирующий признак в виде корыстной цели в виде личного обогащения либо такого рода деяния причинили вред иным лицам; разглашение коммерческой тайны, инсайдерской информации, в том числе связанной с выпуском и размещением ценных бумаг ст. 404 AktG.

Исследуя уголовное законодательство Пятой Французской Республики, следует исходить из того, что Франция «является государством, строго придерживающимся принципа кодификации законодательства, поэтому систему права образует большое количество узкоотраслевых кодексов. Некоторые из них содержат нормы уголовно правового характера, в частности Кодекс военной юстиции, устанавливающий уголовную ответственность за воинские преступления, Таможенный кодекс, Налоговый, Трудовой, Дорожный, Градостроительный и др.» [5], кроме того источниками французского уголовного законодательства являются Законы Пятой

Республики, именно это определенным образом усложняет изучение корпоративного уголовного права Франции.

УК Франции (далее – УК Франции) в ст. 111-1 определяет, что Уголовные правонарушения классифицируются по степени тяжести на преступления, проступки и правонарушения, а в ст. 111-2 УК Франции установлено, что законом определяются наказания за преступления и проступки, а правила (регламенты) определяют наказания за правонарушения [6].

В УК Франции содержатся нормы, устанавливающие уголовную ответственность за противоправные действия, связанные с выпуском и оборотом ценных бумаг. К такого рода действиям относятся преступления, предусмотренные ст. 313-2 УК Франции, квалифицированный вид мошенничества, связанный с выпуском поддельных ценных бумаг. Следует обратить внимание, что УК Франции дифференцирует уголовно-правовую охрану государственных ценных бумаг и частных. Так уголовная ответственность за фальсификацию государственных ценных бумаг предусмотрена статьями, размещёнными в Книге IV: «Преступления и преступления против нации, государства и общественного спокойствия» Раздела IV, Главы III: «Фальсификация ценных бумаг или других фидуциарных ценных бумаг, выпущенных государственным органом» (статьи с 443-1 по 443-8 УК Франции), а подделка иных, не государственных, ценных бумаг признается мошенничеством ст. 313-1 УК Франции.

Законодательство Франции признаёт юридических лиц субъектами уголовной ответственности, так п. 6 ст. 131-39 УК Франции предусматривает наказание, которое может быть применено к юридическому лицу, в виде запрета на постоянной основе или на срок не более пяти лет осуществлять публичное предложение ценных бумаг или допускать их к торгам на регулируемом рынке.

Исходя из анализа французского законодательства, мы приходим к выводу, что основным законом Франции, который обеспечивает уголовно-правовую охрану общественных отношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг является Торговый кодекс Франции [7] (далее – ТК Франции, в некоторых источниках Коммерческий кодекс Франции). ТК Франции содержит РАЗДЕЛ IV: Уголовные положения (ст.ст. с 241-2 по 249-1 ТК Франции). В указанных нормах определен круг субъектов, которые могут быть привлечены к ответственности за преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, перечень общественно опасных деяний, за которые установлена ответственность за нарушения в сфере оборота ценных бумаг, а также основные и дополнительные наказания за преступления в исследуемой сфере.

Из всего массива норм ТК Франции, устанавливающих ответственность, только два предусматривает тюремное заключение сроком на семь лет и штраф в размере 500 тыс. евро, пятнадцать предусматривают наказание в виде лишения свободы на определённый срок и обязательный штраф, иные нормы предусматривают наказание в виде штрафа от 9 тыс. евро. Кроме того следует указать, что ст. 249-1 ТК Франции, а также ст. 131-27 УК Франции установлена дополнительная ответственность в отношении лиц, совершивших преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг в виде запрета осуществлять профессиональную либо общественную деятельность сроком до пятнадцати лет, а за совершение преступления, предусмотренного ст. 242-6 ТК Франции, установлено

дополнительное наказание, закреплённое в ст. 131-26 УК Франции, в виде поражения в гражданских, судебных или семейных правах сроком до десяти лет за преступления и пяти за проступки.

Торговый кодекс Франции, принятый в 1965 г., устанавливает ответственность в виде лишения свободы до двух лет и штрафом в размере 9000 евро за недопущения акционера к участию в собрании акционеров (ч. 1 ст. 242-9 ТК Франции) или держателей облигаций (ч.1 ст. 245-11 ТК Франции) и за предоставление, гарантий или обещаний преимуществ за голосование в определенном направлении или за неучастие в голосовании, а также факт предоставления, гарантии или обещания этих преимуществ для акционеров (ч. 2 ст. 242-9 ТК Франции) или держателей облигаций (ч.2 ст. 245-11 ТК Франции). Проводя исследование и сопоставление, деяний закреплённых в ст. 242-9 ТК Франции или в ст. 245-11 ТК Франции и российского уголовного законодательства, следует отметить, что деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 242-9 ТК Франции (ч.1 ст. 245-11 ТК Франции), является аналогом преступления, предусмотренного ст. 185.4 УК РФ. Относительно ч. 2 ст. 242-9 ТК Франции (ч.2 ст. 245-11 ТК Франции) следует отметить, что положения данной нормы обеспечивает охрану интересов акционеров от противоправного влияния на процесс принятия решения при голосовании акционеров или держателей облигаций.

Изучение ТК Франции даёт основание утверждать, что в нормы устанавливающие ответственность за нарушения в сфере выпуска и обращения ценных бумаг систематически вносятся изменения, оригинальными уголовно-правовыми положениями, предусмотренными французским законодательством можно назвать ряд статей, среди которых преступления, предусмотренные: ст. 241-2 ТК Франции, а именно выпуск ценных бумаг несоответствующим лицом компании; ст. 241-3 ТК Франции, противоправное распределение дивидендов менеджерами при отсутствии запасов или с помощью мошеннических инвентаризаций; ст. 242-1 ТК Франции, получение авансовых платежей за фактически не выпущенные акции; ст. 242-6 ТК Франции, противоправное распределение дивидендов председателем, директором или генеральным управляющим при отсутствии запасов или с помощью мошеннических инвентаризаций; ст. 242-17 ТК Франции выпуск акции или сокращение уставного капитала до внесения поправок в торговый реестр компании; ст. 242-23 ТК Франции, уменьшение уставного капитала без соблюдения равенства акционеров; ст. 245-13 ТК Франции, нарушение порядка ведения общего собрания держателей облигаций [8].

Список литературы

1. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2003. (Законодательство зарубежных стран). С. 7.
2. Шулепова Л.Ф. Дополнительное уголовное право Федеративной Республики Германия (понятие, система, источники): автореферат дис. ... кандидата юридических наук, 12.00.08. С. 4.
3. Шулепова Л.Ф. Источники уголовного права в России и Германии (сравнительно-правовое обозрение) // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. Вып. 3 (774). 2017. С. 197.
4. Aktiengesetz (AktG) URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/aktg/BJNR010890965.html#BJNR010890965BJNG000400308> (дата обращения: 27.02.2021).
5. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие / Л.С. Анстова, Д.Ю. Краев. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. С. 32.

6. Code penal. URL:

https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006181734/#LEG IARTI000029236660 (дата обращения: 27.02.2021).

7. Code de commerce // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/2021-02-15 (дата обращения: 27.02.2021).

8. Rozès Jean-Baptiste Les dirigeants et les infractions pénales // URL: <https://www.village-justice.com/articles/les-dirigeants-les-infractions-penales,26311.html> (дата обращения: 27.02.2021).

Kashkarov A.A., Kashkarov A.A. Criminal law protection of the stock market in the states of the European union // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 147-151.

The scientific publication examines the mechanisms of criminal law protection of the securities market in such states as: the Federal Republic of Germany (hereinafter referred to as Germany or the FRG) and the French Republic (hereinafter referred to as France). The publication substantiates why the legislation of France and Germany is taken as the basis for the scientific analysis of the criminal law protection of the stock market in this publication. A comparative legal analysis of the criminal legislation of France and Germany with the domestic criminal legislation is carried out. The fact is illustrated that, unlike domestic criminal legislation, the criminal legislation of France and Germany is not based on one source - the criminal code, but contains the so-called comparative criminal legislation, which, in addition to regulating positive public relations, provides criminal legal protection of the stock market and public relations in the sphere of issue and circulation of securities, thus, the article analyzes not only the norms of the criminal codes of Germany and France, but also the norms of corporate criminal law of these states.

Key words: stock market, securities, securities market, criminal liability, corporate criminal law, crime, issue and circulation of securities.

Spisok literatury

1. Uголовnyj kodeks Federativnoj Respubliki Germanii. SPb.: Izd-vo Yuridicheskij centr Press , 2003. (Zakonodatel'stvo zarubezhnyh stran). S. 7.

2. Shulepova L.F. Dopolnitel'noe uголовnoe pravo Federativnoj Respubliki Germaniya (ponyatie, sistema, istochniki): avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk, 12.00.08. S. 4.

3. Shulepova L.F. Istochniki uголовnogo prava v Rossii i Germanii (sravnitel'no-pravovoe obozrenie) // Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. Vyp. 3 (774). 2017. S. 197.

4. Aktiengesetz (AktG) URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/aktg/BJNR010890965.html#BJNR010890965BJNG000400308> (data obrashcheniya: 27.02.2021).

5. Uголовnoe pravo zarubezhnyh stran: uchebnoe posobie / L.S. Aistova, D.Yu. Kraev. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2013. S. 32.

6. Code penal. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006181734/#LEG IARTI000029236660 (data obrashcheniya: 27.02.2021).

7. Code de commerce // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/2021-02-15 (data obrashcheniya: 27.02.2021).

8. Rozès Jean-Baptiste Les dirigeants et les infractions pénales // URL: <https://www.village-justice.com/articles/les-dirigeants-les-infractions-penales,26311.html> (data obrashcheniya: 27.02.2021).

.

УДК 343.85

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-152-157

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ УГРОЗ ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Нагорный А. П., Попов А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье проведен анализ основных источников угроз экстремизма в современной России. Методы исследования: аналитический метод, обзорный метод, индукция. Актуальность исследуемой тематики базируется на необходимости проведения систематического анализа основных источников угроз экстремистской деятельности ввиду ее постоянной трансформации и видоизменения. В статье также рассмотрены подходы к определению экстремизма. Исследован вопрос современного состояния борьбы и противодействия экстремизму в современных условиях в Российской Федерации. Представлены практические примеры реализации борьбы с экстремизмом на примере Донбасса и иных прецедентов. Проведен детальный анализ популяризации экстремизма посредством запрещенной в Российской Федерации террористической группировки ИГИЛ. Сформированы выводы, относительно возможных направлений угроз для Российской Федерации со стороны экстремистских группировок как источник подрыва национальной безопасности. Результаты статьи заключаются в том факторе, что большую угрозу для России и ее населения представляет деятельность некоторых иностранных некоммерческих неправительственных организаций, которые под видом общественной деятельности и решения социальных проблем такими организациями, распространяют экстремистскую идеологию.

Ключевые слова: экстремизм, источники, угрозы, терроризм, организационные группы, противоправная деятельность.

В течение последних лет по причине социально-экономических изменений и в связи с политическим кризисом в отношениях между Россией, странами Запада и Европы создаются предпосылки для активизации экстремистской деятельности. Ее главная опасность связана с тем, что любые формы экстремистской деятельности подрывают общественную безопасность, а также посягают на государственную целостность [1]. В настоящее время имеется реальная угроза для разжигания новых межэтнических и межнациональных конфликтов силами экстремистских сообществ не только на территории России, но и сопредельных государств.

Экстремизм как глобальная угроза безопасности представляет из себя серьезную проблему. Она обусловлена тем, что экстремистская деятельность может осуществляться в разных формах, более того, в этой деятельности принимают участие не только организованные группы и сетевые организации, но и отдельные группы лиц [2]. Экстремизм является угрозой для национальной безопасности. Как показывает статистика последних лет, с течением времени число внутренних и внешних угроз экстремизма лишь увеличивается.

Одним из основных источников экстремизма в современной России является деятельность иностранных государственных органов по поддержке организаций экстремистского толка [3]. Этот источник экстремизма имеет внешний характер, в его применении неоднократно уличались власти США, которые давно держат курс на дестабилизацию общественно-политической обстановки в России. Серьезную угрозу представляет деятельность международных организаций экстремистской направленности. Их приверженность экстремизму и активная работа по

направлению вербовки российских граждан уже привела к тому, что в рядах ИГИЛ на территории Сирии оказались сотни и даже тысячи наших соотечественников.

К внутренним угрозам экстремизма необходимо отнести деятельность экстремистского характера, которая осуществляется радикальными общественными, некоммерческими организациями и неформальными объединениями.

Специфика экстремизма как формы противоправной деятельности заключается в том, что отдельные лица могут заниматься ею и вне рамок их нахождения среди участников экстремистских организаций. Экстремистская деятельность давно вышла за пределы отдельных государств, поэтому представляет глобальную угрозу.

США и рядом других государств экстремизм используется для решения геополитических задач, а также для сохранения своей ведущей роли в мировой экономике [4]. После событий 2014 г. иностранные государства с подачи украинских властей взяли за переосмысление истории и искажение результатов 2-й Мировой войны.

Отмечены попытки Украины, Латвии и Литвы избавиться от наследия советского прошлого. Это делается путем установления запрета на использование русского языка, путем сноса советских памятников и путем героизации тех личностей Второй мировой войны, которые всегда считались предателями и сообщниками гитлеровской Германии. В связи с этим одним из источников экстремизма является государственная политика отдельных взятых стран [5]. Описанные выше экстремистские действия направлены на попытки подорвать стабильность общественной жизни в России и вербовку граждан с целью оказания на их сознание морального давления.

Количество регистрируемых преступлений экстремистской направленности является небольшим в сравнении с общей статистикой по совершаемым преступлениям на территории России. Однако для экстремистских преступлений характерно наличие прямой угрозы для общественной безопасности. Стоит вспомнить только случаи с вербовкой российских студентов для участия в войне ИГИЛ на территории Сирии. Если бы вовремя деятельности этих организаций на территории России не была подавлена, то это могло бы привести к общественной катастрофе.

Существует несколько форм экстремистской деятельности в зависимости от характера ее направленности. В частности, речь идет о националистическом экстремизме, который активно развивается на территории кавказских республик.

Именно там свою деятельность ведут радикальные группировки и организации, которые получают финансирование из-за рубежа. В результате их деятельности планируются террористические акты, участие в военных операциях на территории иностранных государств с участием наемников. Это можно проследить на примере военных действия, развязавшихся на территории Луганской и Донецкой областей Украины в течение последних лет.

В рядах украинской армии состоят граждане из других государств, они принимают участие в войне против жителей Донбасса в статусе наемников. Поводом для военной операции выступает якобы выступление российской армии на стороне ополченцев Донбасса. Также существует религиозный экстремизм, как следует из названия, именно религиозные конфликты и разногласия выступают в

качестве основы для проведения военных операций и диверсий [6]. В качестве примера можно привести курдов, которые подвергаются гонениями в Турции, Ираке, Иране.

В связи с ростом внешнеполитических угроз распространение получает политический экстремизм. Основная задача экстремистов сводится к тому, чтобы укрепить в обществе представления и идеи о необходимости ведения войны за политическую свободу и идеалы. Политический экстремизм в последнее время мы могли наблюдать в Беларуси, где при поддержке стран Запада и Европы местных жителей намеренно убеждали в том, что нужно бороться за сменяемость власти. Продолжавшиеся на территории соседнего государства уличные протесты едва не привели к развязыванию гражданской войны.

Отголоски этой экстремистской деятельности мы могли видеть и в России, где на фоне придуманного европейскими государствами «отравления» блогера А. Навального стали распространяться сенсационные заявления о причастности к этому российских спецслужб. И тут было несколько уличных протестов не только в Москве, но и в других городах. Финансируемые из-за рубежа некоммерческие организации пытались провести «обработку» населения, уверяя его представителей в реальной версии отравления оппозиционного политика, а также необходимости борьбы с действующей властью.

Таким образом, прикрываясь идеями демократии о свободе слова и избирательных правах, экстремистски настроенные руководители того же «Фонда борьбы с коррупцией» пытались дестабилизировать политическую ситуацию в России.

При этом финансирование фонда осуществлялось из-за рубежа, сами руководители фонда координировали политические акции протеста, находясь за рубежом.

В связи с активным развитием информационных технологий распространение получает такой источник экстремизма, как интернет. Через социальные сети и сайты осуществляется рассылка литературы экстремистского толка, информация о деятельности сообществ и организаций, которые под видом общественной деятельности решают свои экстремистские задачи.

В свое время на территории России были принят закон об иностранных некоммерческих организациях. В соответствии с ним деятельность некоммерческих организаций стала более строго контролироваться. Многие из организаций и частных лиц имеют так называемый статус иностранного агента. Под ним подразумевается, что обеспечение деятельности организации осуществляется из-за рубежа. Однако такие организации с использованием интернет-сетей активно распространяют призывы к насильственным действиям. Это можно проследить на примере попыток вовлечения несовершеннолетних в протестные акции в 2020 г. в Москве и ряде других крупных городов России. Информационно-коммуникационные сети являются не только средством коммуникации, но и источником для распространения пропаганды экстремизма. В настоящее время созданы и функционируют свыше 1,5 тыс. сообществ, каналов и интернет сайтов, через которые распространяются материалы экстремистского характера. При этом с учетом высоких рисков блокировки владельцы и администраторы данных платформ пытаются прятать эту информацию среди массива сообщений или же занимаются

распространением запрещенной информации с использованием закрытых каналов, доступ к которым требует получения разрешения от администраторов.

Целью использования информационно-коммуникационных сетей является поиск и привлечение людей к деятельности запрещенных организаций.

Перед новыми членами запрещенных организаций ставится задача по совершению преступлений экстремистской направленности или же распространению специальной литературы. Недавно обвинение в распространении экстремистской идеологии получила организация «Свидетели Иеговы». Через распространение религиозной литературы и проведение собраний члена этой организации пытались вербовать граждан для участия в преступлений экстремистской организации.

Чтобы положить конец деятельности данной организации, потребовалось проведение нескольких десятков экспертиз, опрос множества свидетелей. В конце концов деятельность указанной организации была признана незаконной, ее организаторы были привлечены к разным срокам лишения свободы.

Одним из источников экстремистской деятельности являются террористические подполья и организации. В настоящее время существует несколько террористических организаций, объединенных друг с другом при помощи сетевого механизма взаимодействия.

К примеру, на территории ряда исламских государств свою деятельность ведут представители «Аль-Каиды». Данная организация во многих странах мира признана запрещенной, тем не менее, распространение экстремистской идеологии осуществляется при помощи собственных каналов вещания в интернете, литературы, сайтов и интернет-сообществ. Опасность данной организации и подобных организаций заключается в том, что ими создаются условия для проявления крайней формы экстремизма в виде террористических актов. Это можно проследить на примере ряда европейских государств, по которым прокатились волна террористических актов после наплыва беженцев с территории Сирии.

Под видом обычных граждан радикально настроенные беженцы получили в Европе официальный статус, материальную поддержку. Однако они изначально не были настроены на то, чтобы просто сменить место жительства и обустроиться в Европе для получения образования, официального места работы и т. д. И ровно до того момента, пока последний член террористической группировки не будет пойман, Россия с другими странами находится в зоне риска террористической угрозы.

Источником экстремизма является и политика отдельных государств, которая сводится к попытке оправдать насилие ради достижения каких-то общественно-значимых целей. Так случилось на Украине, где в результате военного переворота к власти пришло временное правительство, а действующий президент был вынужден просить политического убежища. Вслед за этими событиями последовало присоединение Крыма к РФ в соответствии с результатами референдума. Власти Украины и сегодня не признают Крым частью РФ, убеждают мировое сообщество в том, что Крым был присоединен в результате спланированной операцией и это присоединение является ничем иным как оккупацией территории суверенного государства. В настоящее время украинские власти пытаются оправдать

применение любых форм насилия ради того, чтобы вернуть Крым. Рядом с границей РФ совершаются диверсии.

Примечателен случай с украинскими военными, которые были уличены в нарушении государственной границы, но смогли свое поведение оправдать лишь тем, что считают Крым по-прежнему частью территории Украины.

Источником экстремистской деятельности в настоящее время становится даже религия. Это опять же направлено на вовлечение новых членов в ряды сторонников экстремистских организаций. Чрезвычайная опасность заключается в том, что именно религия становится почвой для разжигания конфликтов между народами и конфессиями. Вот уже несколько десятилетий ведется борьба между суннитами и шиитами. Когда-то противостояние между ними привело к политическому кризису в Афганистане. В разрешение ситуации был вынужден вмешаться СССР. В результате это вылилось в полноценную войну.

Позволило ли это решить проблему противостояния между мусульманами шиитского и суннитского толка? Нет, что подтверждается целой серией случившихся военных конфликтов уже после вывода советских войск из Афганистана.

Угрозу для России и ее общества представляют радикальные течения ислама. Их опасность заключается в том, что проповедуются насильственные методы распространения. В качестве идеологов таких течений необходимо рассматривать членов международных организаций в сфере терроризма и экстремизма. В мире существует целая сеть центров, там преподаются основы этих религиозных течений. Такие теологические центры пособники экстремистов стараются создавать и развивать на территории России. Особую опасность представляют приверженцы радикальных течений ислама. Они не относятся к тем народностям, которые исповедуют ислам в связи с исторически сложившимися традициями, поэтому их приверженность радикальным течениям ислама можно рассматривать как фанатизм. Именно фанатизм в религии опасен тем, что позволяет легко склонить людей к совершению преступлений террористической и другой направленности.

Результаты исследований по проблеме указывают на то, что в течение последних лет неконтролируемая миграция становится одним из основных источников для распространения экстремизма и идей, связанных с ним. Неконтролируемая миграция приводит к нарушению сложившегося на отдельно взятой территории этноконфессионального баланса. А это опять является основой для межнациональных конфликтов, разжигания ненависти в связи с попытками разделить население по половому, национальному и религиозному признаку.

Серьезную угрозу для России и ее населения представляет деятельность некоторых иностранных некоммерческих неправительственных организаций. Под видом общественной деятельности и решения социальных проблем такими организациями распространяется экстремистская идеология.

Примечательно, что именно данная форма экстремистской деятельности в современной практике набирает высокие обороты. Это может быть связано, прежде всего, с влиянием пандемии коронавируса и минимизации уровня миграционных потоков, однако создание неправительственных организаций может осуществляться без крупных миграционных притоков в Россию радикально настроенных лиц. Их деятельность может осуществляться и реализовываться из любой точки мира в условиях скрытой работы. Соответственно, неконтролируемые иностранные

некоммерческие неправительственные организации – это серьезная угроза национальной безопасности России в некоторых моментах. Все это влечет за собой необходимость совершенствования системы осуществления контрольной и надзорной функции в представленной области с целью предотвращения возможностей осуществления экстремистской деятельности.

На основании проделанной работы можно сформировать несколько важнейших выводов. Первое, на что следует обратить внимание, – это действительная проблема угрозы экстремизма для России как в ретроспективе, так и в современных условиях. С течением времени экстремизм может приобретать совершенно новые формы и реализации проявления, однако со стороны правительственных структур крайне важно выстраивать качественную и адекватную стратегию ответных мер по противодействию всем возникающим формам экстремистской деятельности. Примечательно, что с течением времени экстремизм в России не минимизируется, а лишь набирает обороты и приобретает новые видоизмененные формы. Причем, данные формы могут быть как открытый тип противодействия властным структурам, так и закрытый, что представляет собой наибольшую опасность для полноценного развития общества и осуществления политической деятельности.

В соответствии с этим важно утверждать, что в современной России остается открытым вопрос противодействия экстремистской деятельности ввиду постоянной и систематической модернизации видоизмененных форм и методов негативного воздействия на российское общество. Борьба с источниками экстремизма по-прежнему остается для России важной национальной задачей, требующей грамотного и комплексного подхода с целью получения высоких результатов.

Список литературы:

1. Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488-499.
2. Мушинский М.А. Стратегическое планирование противодействия экстремизму / М.А. Мушинский, Д.А. Степаненко // Социальная компетентность. 2016. Т. 1. № 2. С. 42-52.
3. Бутенко А.С. Организационное обеспечение взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по противодействию экстремизму в сети Интернет / А.С. Бутенко // Юристь-Правоведь. 2018. № 2 (85). С. 183-190.
4. Борисов С.В. Противодействие деструктивным религиозным организациям в целях обеспечения национальной безопасности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 1 (63). С. 58-65.
5. Кириленко В.П. Проблемы борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев // Управленческое консультирование. 2017. № 4 (100). С. 14-30.
6. Анисимов Р.Ю. Нормативно-правовое регулирование в сфере противодействия экстремизму в государствах – участниках СНГ / Р.Ю. Анисимов // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 126-130.

A.P. Nagornyi, A.N. Popov. The main sources of extremism threats in modern Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 152-157.

The article analyzes the main sources of threats of extremism in modern Russia. Research methods: analytical method, survey method, induction. The relevance of the topic under study is based on the need for a systematic analysis of the main sources of threats to extremist activity due to its constant transformation and modification. The article also discusses approaches to the definition of extremism. The issue of the current state of the struggle and counteraction to extremism in modern conditions in the Russian Federation is investigated. Practical examples of the implementation of the fight against extremism on the example of the Donbass and other precedents are presented. A detailed analysis of the popularization of extremism through the ISIL terrorist group banned in the Russian Federation has been carried out. Conclusions are drawn regarding the possible directions of threats to the RF from extremist groups as a source of undermining national security. The results of the article are based on the fact that a major threat to Russia and its population is the activities of some foreign non-profit non-governmental organizations that, under the guise of public activities and solving social problems by such organizations, spread extremist ideology.

Keywords: extremism, sources, threats, terrorism, organizational groups, illegal activities.

Spisok literaturey:

1. Mushinskiy M.A. Strategii, kontseptsii, doktriny v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: problemy statusa, yuridicheskoy tekhniki i sootnosheniya drug s drugom // Yuridicheskaya tekhnika. 2015. № 9. S. 488-499.
2. Mushinskiy M.A. Strategicheskoe planirovanie protivodeystviya ekstremizmu / M.A. Mushinskiy, D.A. Stepanenko // Sotsial'naya kompetentnost'. 2016. T. 1. № 2. S. 42-52.
3. Butenko A.S. Organizatsionnoe obespechenie vzaimodeystviya organov vnutrennikh del s obshchestvennymi ob'edineniyami po protivodeystviyu ekstremizmu v seti Internet / A.S. Butenko // Yurist-Pravoved. 2018. № 2 (85). S. 183-190.
4. Borisov S.V. Protivodeystvie destruktivnym religioznym organizatsiyam v tselyakh obespecheniya natsional'noy bezopasnosti / S.V. Borisov // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2018. № 1 (63). S. 58-65.
5. Kirilenko V.P. Problemy bor'by s ekstremizmom v usloviyakh informatsionnoy voyny / V.P. Kirilenko, G.V. Alekseev // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2017. № 4 (100). S. 14-30.
6. Anisimov R.Yu. Normativno-pravovoe regulirovanie v sfere protivodeystviya ekstremizmu v gosudarstvakh – uchastnikakh SNG // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 1 (41). S. 126-130..

УДК 343.85

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-158-162

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ УСТАНОВКИ У ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Нагорный А. П.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Формирование антинаркотической установки у несовершеннолетних россиян становится особенно целесообразной в свете растущего числа преступного оборота психотропных веществ на территории страны, общего «омоложения» преступности в области незаконного распространения наркотических веществ или их аналогов, большой степени вовлеченности молодого поколения в употребление запрещенных веществ. Тема противодействия наркотизации населения волнует умы специалистов в области права, медицины, социологии, психологии, государственного управления во всем мире, в том числе России, не один десяток лет. В современных условиях благодаря наркотическим и иным психотропным веществам большое количество людей пытаются уйти от жизненных трудностей, общественного давления. При этом, зачастую, употребление психоактивных веществ приводит к летальным исходам или психоневрологическим расстройствам. Поэтому данная тема представляется весьма актуальной для исследования. В данной статье автором приводится общая статистическая картина распространенности наркотических и иных психотропных веществ среди несовершеннолетних лиц. На основе проанализированной нормативно-правовой базы и мнения специалистов выработаны конкретные шаги по формированию антинаркотической установки у несовершеннолетних лиц в современных реалиях.

Ключевые слова: наркотизация, профилактика, противодействие, несовершеннолетние, дети, родители, пропаганда здорового образа жизни.

Официальная статистика наркотизации населения строится на: а) данных Министерства Внутренних дел о зарегистрированных случаях нахождения лиц в состоянии наркотического опьянения, употребление психоактивных веществ, а также о пойманных наркодилерах и количестве изъятых запрещенных веществ; б) информации учреждений в области здравоохранения о числе лиц, состоящих на учете или лечении в наркологических диспансерах.

На основании данных Росстата, Министерства здравоохранения и МВД была представлена следующая статистика по числу состоящих на учете наркоманов в Российской Федерации за последние 6 лет: в 2015 г. – чуть более 700 тысяч чел., в 2016 г. – 762 тысячи чел., в 2017 году – 820 тысяч чел., в 2018 – 423 тыс. чел., в 2019 г. – около 402 тыс. чел., в 2020 г. – 459 тыс. чел. Как видно из статистики, с 2018 г. произошел резкий (почти на 52 %) спад в количестве официально состоящих на учете наркозависимых на территории России. С 2019 г. этот спад продолжился, а в 2020 г. почти на 11,5 % количество таких лиц увеличилось, что может быть связано в том числе с эпидемией коронавируса.

При этом современные анонимные опросы и другие методы сбора информации (например, интервьюирование) подтверждают, что российские дети и подростки всё чаще стали подвержены вовлечению в употребление наркотических средств. Абсолютно пропорционально увеличивается и общее число антиобщественных

деяний, совершаемых подростками в области незаконного приобретения, перевозки, хранения наркотиков).

На 2020 год по данным Главного Управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России в России проживает более шести миллионов наркозависимых, которые имеют следующую структуру: лица от 9 до 13 лет – 20 % от общего числа, молодые люди от 16 до 30 лет – 60 % от общего числа и ещё 20 % - лица старше тридцати лет [3].

Из этих данных следует, что примерно 80 % всех наркоманов составляют лица до 30 лет, то есть молодежь. Общее количество несовершеннолетних (в возрасте от 9 до 16 лет), имеющих зависимость от психоактивных веществ, может достигать 40 %. Вполне ясно, что статистика государственных органов не всегда способна отразить реальную картину происходящего, однако она как минимум помогает установить общую тенденцию, закономерности исследуемых процессов. Данная статистика не учитывает тех лиц, которые не являются систематическими наркоманами, не состоят на учете в учреждениях здравоохранения. Почти полностью неподконтрольна правоохрнительным органам наркотизация среди несовершеннолетних в образовательных учреждениях и их активность в Интернет-пространстве.

Так как в соответствии с обновленной Конституцией России дети являются важнейшим приоритетом государственной политики нашей страны, а государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, то целесообразно затронуть вопрос противодействия факторам, способствующим формированию у молодого поколения положительного отношения к наркотикам и их аналогам [1]. В первую очередь необходимо указать на такой нормативно-правовой документ как «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года», которая является правопреемницей предыдущей стратегии, действовавшей до 2020 года.

Согласно данному документу одной из стратегических целей антинаркотической политики государства является формирование в обществе осознанного негативного отношения к незаконному потреблению наркотиков и участию в их незаконном обороте [2]. В этой связи необходимо упомянуть такой орган, как Государственный антинаркотический комитет, который реализует данную Стратегию. В частности, комитетом были предложены конкретные шаги по снижению вовлеченности современных подростков в употребление наркотических средств через антинаркотическую пропаганду. Она выражена в: а) просвещение населения, в первую очередь, детей и их законных представителей о вреде наркотиков; б) выработку научно обоснованных рекомендаций для средств массовой информации по созданию просветительских программ в сфере реализации антинаркотической политики.

Отдельно была упомянута необходимость правового регулирования незаконного распространения наркотических средств посредством глобальной сети, в первую очередь, через такой обобщенный ресурс как «Даркнет». Однако, данная концепция представляется сугубо поверхностной и не отражает все запросы современного социума в области борьбы с детской наркоманией. О недостаточных мерах государственных органов власти пишет и Перекрестова О.М.: «Органы

исполнительной и представительной власти без должного научно – методического обеспечения и необходимых ресурсов...оказались не готовы к решению проблемы наркотизма и особенно его распространения в подростково–молодежной среде...принимаемые административные и репрессивно – силовые методы являются низкоэффективными» [5]. Таким образом, автор лишь ещё раз подтвердила и без того известный повсеместно факт о том, что властям легче наказать нарушителя, нежели разобраться в первопричине и помочь не допустить повторения этой ситуации.

Поэтому для предотвращения употребления молодыми людьми наркотиков следует бороться не со следствием, а с причиной. Для этого, во-первых, обратимся к статистическим данным, которые приводит Рожков М. И., проводивший анонимные исследования среди молодежи от 12 до 25 лет [6]. Опрос проводился среди около 200 человек из разных возрастных групп, 158 из которых приняли участие в исследовании, а ещё 42 человека воздержались. На основе анализа получилось, что основными причинами употребления запрещенных веществ люди называют следующие: 30 человек считают наркотики способом отвлечься от тяжелой реальности, ещё 10 человек указали, что их заставляют употреблять насильно, 46 человек употребляют наркотики за компанию с друзьями, 27 человек стараются таким образом решить личные проблемы, 42 человека попробовали психотропные вещества из – за любопытства, 3 человека выбрали графу «другие причины».

Как видно полученных данных, наибольшее количество людей употребляют психоактивные вещества из любопытства и в компании друзей. Данное исследование вполне обоснованно и отражает современные тенденции среди несовершеннолетних. Как правило, любые девиации у детей происходят под воздействием окружения. Это могут быть как взрослые, желающие вовлечь ребенка в совершение антиобщественных действий, так и его сверстники. Криминологические исследования подтверждают то, что зачастую асоциальное поведение наиболее прогрессирует у несовершеннолетних в группе, так как преобладает уже не индивидуальность, а коллективный («стадный») инстинкт.

Так как личность подростка характеризуется как морально неокрепшая, подверженная внешним воздействиям, мнение друзей и знакомых будет иметь наибольший вес, поскольку ребенок еще не обладает сформировавшимся характером и не хочет быть «белой вороной» среди своих. В последнее время достать наркотики стало настолько просто, как сходить в магазин за хлебом: стены домов испестрены предложениями купить наркотики в сети Интернет или стать закладчиком, то есть работать на дилера, доставляя наркотический вещества из точки А в точку Б. Как же противостоять сложившейся ситуации?

Во-первых, как верно подмечает Диордиев М.Н., необходим яркий пример взрослых и в первую очередь родителей (законных представителей) [4]. Психика ребенка характеризуется высокой восприимчивостью и подражанием другим людям – это называется социализация, определение своей роли в семье и обществе. То, что с ранних лет видит ребенок, он считает нормой жизни. Как родители относятся к курению, алкоголю, какие люди приходят в гости, как происходит общение и отмечание праздников – все это откладывается в сознании ребенка и формирует у него определенную модель поведения. Можно с уверенностью сказать, что семья – первоисточник правового, морального и этического воспитания индивида.

Добиться положительного эффекта в этой области можно лишь комплексно. То есть необходимо на подсознательном уровне внедрять информацию о здоровом образе жизни, пагубном вреде наркотиков и др. Сделать это можно благодаря социальной рекламе с реальными примерами наркоманов с многолетним стажем. Можно снимать ролики с реальными людьми, которые употребляли наркотики и смогли побороть эту привычку (рассказ должен быть в положительном ключе из разряда – «до и после»). Также важна в этой области и роль социальных служб, которые работают с несовершеннолетними и их родителями. Социальные работники могут проводить короткие информационные лекции, помогать людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Всё это, конечно же, требует финансирования из местного или федерального бюджета.

Во-вторых, большое значение в профилактике подростковой наркомании имеет влияние педагогов и средств массовой информации. Молодые люди должны понять, что наркомания среди подростков – это путь к вымиранию человечества. И такую проблему лучше не допускать, чем затем пытаться от нее избавиться. Проведение повсеместных лекций на эту тему может улучшить ситуацию, так как о подобных проблемах нельзя умалчивать, нужно приводить реальные негативные примеры употребления наркотиков. Кроме того, важна и индивидуальная работа с каждым ребенком в классе / группе, поскольку он может донести до педагога важную информацию о своей семейной ситуации, ситуации в коллективе.

В-третьих, большим шагом навстречу к формированию антинаркотической установки у несовершеннолетних должно стать вытеснение безделья и бесконтрольного времяпрепровождения детей за счёт создания доступных и бесплатных досуговых учреждений (кружки, подростково – молодежные центры, клубы). В такие учреждения должны иметь доступ все желающие дети. Необходимо разнообразить наполнение таких мест как спортивным инвентарём, так и различного рода техникой: музыкальной, компьютерной и т. п. Главная задача – дети должны быть вовлечены в деятельность под контролем, а не проводить время на улице.

В-четвертых, родителям следует более пристальное внимание уделять тому, на каких сайтах в интернете проводит время их ребенок, с кем общается, в какие игры играет, какие фильмы смотрит. При необходимости можно установить программы родительского контроля для профилактики посещения запрещенных ресурсов. Но первостепенное значение будет иметь то, что родители сами не должны посещать «вредные» сайты, это крайне важно. Можно разработать методические рекомендации по контролю со стороны законных представителей за времяпрепровождением в глобальной сети их чада.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному необходимо отметить высокую степень вовлеченности современного молодого поколения в употребление психоактивных веществ. Абсолютную обеспокоенность вызывает тот факт, что в последние годы лицо современного наркомана «омолаживается», то есть минимальный возраст человека, имеющего зависимость от наркотиков, стал снижаться. В ходе пандемии коронавируса 2020 года наркодилеры только укрепили свои позиции в обороте запрещенных веществ в Российской Федерации, что говорить об остроте этой проблемы на сегодняшний день.

Поскольку дети являются национальным достоянием и забота об их будущем имеет государственное значение, органы законодательной и исполнительной власти стремятся разработать комплекс мер, которые должны сдерживать распространение этого негативного явления среди подростков. Первопричиной такой распространенности наркотиков среди детей является, в частности, негативный пример родителей или сниженный контроль с их стороны за досугом их ребенка. Поэтому необходимо работать сначала в этом направлении.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М.: Аст. 2020. 64 с.
2. Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/74938781/> (дата обращения: 04.05.2021).
3. Доклад о наркоситуации в России за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://narcorehab.com/articles/statistika-narkomanii-v-rossii-2020-2021/> (дата обращения: 09.05.2021).
4. Диордиев М.Н. Факторы формирования у подростков антинаркотической устойчивости // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 1 (86). 2007. С. 1–5.
5. Перекрестова О.М. Наркомания подростков как социальная проблема и виды ее профилактики // Юрист–Правовед. 2015. № 4 (71). С. 56–59.
6. Рожков М. И., Ковальчук М. А. Профилактика наркомании у подростков. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 2019. 1192 с.

Nagorny A. P. Formation of an anti-drug attitude in the growing generation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2021. – T. 7 (73). № 2. – P. 158–162.

The formation of an anti-drug attitude among Russian minors becomes especially expedient in light of the growing number of criminal trafficking in psychotropic substances on the territory of the country, the general “rejuvenation” of crime in the illegal distribution of narcotic substances or their analogues, the high degree of involvement of the younger generation in the use of prohibited substances. The topic of combating drug addiction has been worrying the minds of specialists in the field of law, medicine, sociology, psychology, and public administration all over the world, including Russia, for more than a dozen years. In modern conditions, thanks to narcotic and other psychotropic substances, a large number of people are trying to escape from life's difficulties, social pressure. At the same time, often, the use of psychoactive substances leads to deaths or psychoneurological disorders. Therefore, this topic seems to be very relevant for research. In this article, the author provides a general statistical picture of the prevalence of narcotic and other psychotropic substances among immature persons. On the basis of the analyzed regulatory and legal framework and the opinions of specialists, specific steps have been developed to form an anti-drug attitude among minors in modern realities.

Key words: drug addiction, prevention, counteraction, minors, children, parents, promotion of a healthy lifestyle.

Spisok literaturey:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obsherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). M.: Ast. 2020. 64 s.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 23 noyabrya 2020 g. N 733 «Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoj antinarkoticheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://base.garant.ru/74938781/> (data obrasheniya: 04.05.2021).
3. Doklad o narkosituacii v Rossii za 2020 god [Elektronnyj resurs]. URL: <https://narcorehab.com/articles/statistika-narkomanii-v-rossii-2020-2021/> (data obrasheniya: 09.05.2021).
4. Diordiev M.N. Faktory formirovaniya u podrostkov antinarkoticheskoy ustojchivosti // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. № 1 (86). 2007. S. 1 - 5.
5. Perekrestova O.M. Narkomaniya podrostkov kak social'naya problema i vidy ee profilaktiki // Yurist – Pravoved. 2015. № 4 (71). S. 56–59.
6. Rozhkov M.I., Koval'chuk M.A. Profilaktika narkomanii u podrostkov. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS. 2019. 1192 s.

УДК 342

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-163-168

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Трифопова К. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются особенности процессов цифровизации отдельных аспектов миграционной деятельности как вида правоохранительной деятельности. Актуальность темы исследования обосновывается тем, что цифровизация миграционной деятельности как разновидности правоохранительной деятельности содействует результативности проводимой миграционной политики, обеспечивает ее эффективность, объективность, позволяет уменьшить расходы на поддержание правопорядка, минимизирует влияние человеческого фактора в указанной сфере.

Автором анализируется современная миграционная ситуация с учетом пандемии коронавируса. Подчеркивается необходимость в условиях глобальной цифровизации обеспечить доступ мигрантов к различным услугам, необходимым для их пребывания в стране и осуществления трудовой деятельности, особенно в условиях сложной эпидемиологической обстановки. Анализируются действующие нормативные акты в части информатизации миграционных процессов в целом.

В заключении автор указывает, что предложенные меры по цифровизации миграционной системы позволят сделать российский трудовой рынок более привлекательным для мигрантов, что позволит решить существующие в России проблемы с рабочей силой.

Ключевые слова: миграционная система, миграция, мигрант, цифровизация, информационная платформа, мобильное приложение.

В настоящее время большинство сфер государственного управления существенно приблизились к модели цифровой экономики. Цифровые модели взаимодействия «гражданин-государство», «гражданин-гражданин» и «государство-государство» предполагают широкое использование цифровых информационно-телекоммуникационных технологий, массовый перенос на цифровые носители массивов разнородных данных и документов с использованием электронной цифровой подписи и цифровых коммуникаций [1, с. 29].

Применение цифровых информационных технологий предоставляет субъектам данных правоотношений большие возможности в области правоохранительной деятельности, в частности, в миграционной сфере. В данном контексте процессы цифровизации правоохранительной деятельности способствуют повышению эффективности проводимой миграционной политики, обеспечивают ее эффективность, объективность, позволяют снизить расходы на поддержание правопорядка, минимизируют влияние человеческого фактора в указанной сфере.

К сожалению, в современных условиях, цифровизация правоохранительной деятельности в целом, и миграционной деятельности в частности, носит фрагментарный, несистематизированный характер. Однако, пандемия коронавируса способствовала тому, что в настоящее время, активизировалась работа по внедрению информационных технологий в соответствующие процессы.

Современная Россия – крупнейший импортер рабочей силы. Внутренние трудовые ресурсы страны не способны в полной мере удовлетворить потребности экономики, и страна вынуждена привлекать иностранную рабочую силу.

Основными источниками которой служат страны – члены Содружества Независимых Государств (СНГ), в первую очередь Узбекистан, Таджикистан и Украина, а также Китай [2]. Помимо учтенных мигрантов в России по разным оценкам находится от 2 до 5 миллионов нелегальных мигрантов [3]. Однако введенные из-за Коронавируса ограничения привели к тому, что количество мигрантов в России снизилось практически наполовину.

Глобализация и цифровизация экономических процессов в мире значительно повлияли на мобильность населения и в особенности на процессы трудовой миграции[4].

Одновременно с этим коронавирусная инфекция выступила катализатором цифровой трансформации всех общественных явлений, в том числе миграционных. И как следствие этого вопросы цифровизации миграционных процессов становятся все более актуальными в современных условиях.

Цифровизация миграционных процессов способна дать огромные преимущества государственным и муниципальным органам управления, гражданам, работодателям.

В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы [4] для повышения эффективности административных процедур в сфере миграции, а также для профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства РФ, применения мер административного воздействия в этой сфере все большее значение приобретает использование современных цифровых технологий и информационно-технических средств, в том числе для совершенствования механизмов получения заинтересованными государственными органами информации о нахождении иностранных граждан в РФ, их перемещении по ее территории, расширения использования современных биометрических технологий для идентификации личности, обеспечения эффективного контроля за соблюдением требований трудового законодательства РФ о налогах и сборах работодателями, привлекающими и использующими иностранных работников.

Согласно Перечню поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы [5] одним из механизмов совершенствования обеспечения безопасности и правопорядка в миграционной сфере является широкое внедрение современных цифровых технологий для анализа миграционной ситуации, организации предоставления государственных услуг и осуществления государственного контроля в миграционной сфере.

В этом же документе, в пункте II «Модернизация механизмов регулирования трудовой миграции» указывается, что для привлечения иностранных граждан юридическое лицо и индивидуальный предприниматель должны зарегистрироваться в государственной информационной системе и разместить в ней информацию о потребности в иностранной рабочей силе, в рамках которой через определённое время, необходимое для подбора органами службы занятости субъектов Российской

Федерации работников из числа граждан Российской Федерации, могут нанять любого имеющего единый документ иностранного гражданина.

Физические лица также могут зарегистрироваться в государственной информационной системе (Подходы к созданию информационной системы описаны в разделе V «Информатизация сферы управления миграцией» настоящих предложений) для привлечения иностранных граждан (няни, сиделки, ремонтники и др.). Регистрация даёт возможность доступа к официальному сервису проверки персональных данных и миграционного статуса иностранного гражданина.

Поступающие в государственную информационную систему сведения о потребности в иностранной рабочей силе и трудящихся иностранных гражданах всех категорий используются государственными органами в сфере труда и занятости, а также в сфере экономического развития для формирования и анализа реальной статистической и аналитической информации о ситуации на рынке труда.

Для обеспечения функционирования предусмотренных настоящими предложениями правил, реализации электронных сервисов и механизмов контроля требуется обладающая соответствующими возможностями государственная информационная инфраструктура.

В целях информатизация сферы управления миграцией пунктом 50 плана мероприятий по реализации в 2019–2021 гг. Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. [4] предусмотрена единая информационная платформа, содержащая и обрабатывающая информацию об иностранных гражданах и миграционных потоках, предназначенная для использования всеми заинтересованными государственными органами.

При создании единой информационной платформы необходимо учитывать текущие и перспективные возможности существующих государственных информационных ресурсов (Государственная система миграционного и регистрационного учёта, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность (система «МИР»), информационно-аналитическая система «Общероссийская база вакансий «Работа в России», единая биометрическая система, инфраструктура электронного правительства и др.), национального проекта «Цифровая экономика», обеспечить координацию научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ по её развитию и модернизации, обеспечить сохранение и возможность использования уже накопленных данных, согласование указанной работы с деятельностью по созданию цифрового профиля гражданина Российской Федерации.

Основные задачи, которые должна решать создаваемая единая информационная платформа:

а) совместное использование имеющихся в информационных ресурсах различных ведомств данных, в том числе за счёт обеспечения однозначной связи фиксируемых в информационных системах государственных органов данных с конкретным индивидом (цифровой профиль иностранного гражданина);

б) статистическое обеспечение – регулярный сбор базовых статистических показателей с возможностью выдачи как стандартизированных, так и сгенерированных по запросам пользователя форм отчётности;

в) формирование специализированной аналитики на основе возможностей информационных технологий:

агрегированные показатели, например полученные на основании геолокации сведения о характере и направленности миграционных потоков в различное время суток между субъектами Российской Федерации, о распределении иностранных граждан по территории Российской Федерации и др.;

персональная аналитика (решение правоохранительных задач с использованием возможностей геолокации, мониторинга сетевой активности и т. п.);

г) обеспечение функционирования электронных форматов получения государственных услуг, предусматривающих упрощённые формы заявлений с минимально необходимым количеством сведений, единым дизайном, автоматическим заполнением полей формы данными, имеющимися в цифровом профиле, и др.;

д) перевод в электронную форму части документооборота при взаимодействии граждан и организаций как между собой (в частности, заключение трудовых договоров в электронной форме), так и с государственными органами (прежде всего предоставление предусмотренной законом информации);

е) предоставление информационных сервисов, включающих целевые рассылки иностранным гражданам (о принятых по заявлениям решениях, предстоящем окончании срока разрешённого нахождения и необходимости выезда, окончании срока действия документов, необходимости внесения налогового платежа и др.) или категориям иностранных граждан (о дате проведения и адресах пунктов для голосования и др.).

Но и в настоящее время уже имеются ряд цифровых ресурсов, которыми могут пользоваться мигранты. Для иностранных граждан, приезжающих в Россию, в современных условиях цифровой экономики созданы электронные информационные ресурсы с мобильными приложениями[6].

С помощью мобильного приложения возможно:

- экстренно связаться с полицией и оперативно – с ближайшим отделом полиции и узнать его адрес (быстрый вызов полиции будет совершен на телефон отдела внутренних дел, ближайшего к местонахождению мигранта. В случае, если номер занят, вызов будет автоматически переадресован на телефон 102. При невозможности определить местоположение или отсутствии доступа к интернету приложение совершит звонок на единый номер 112);

- узнать контактные данные участкового и адрес опорного пункта (в разделах приложения «Отделения МВД» и «Ваш участковый» доступна информация списком и на карте о двадцати ближайших к мигранту подразделениях МВД России);

- подать через сервис онлайн-обращение в подразделение МВД России региона или в приемную МВД России;

- осведомиться о штрафах за нарушение правил дорожного движения и санкциях Кодекса об административных правонарушениях.

Информационный ресурс «Работа в России» является федеральной государственной информационной системой Федеральной службы по труду и занятости.

Мобильное приложение поможет мигранту в поиске вакансий и выборе оптимального для проживания и трудоустройства региона России и даст возможность:

- выполнить поиск работы с учетом пожеланий и требований, в том числе по наименованию вакансии, уровню заработной платы, опыту работы;
- найти ближайшую к месту проживания вакансию, ознакомиться с предложениями по аренде/продаже жилья рядом с понравившимся местом работы;
- создать, отредактировать или обновить резюме;
- отправить отклик на понравившиеся вакансии;
- просмотреть приглашения на собеседования от работодателей;
- оценить уровень жизни в интересующем регионе по основным показателям, таким, как доступность жилья и социальных объектов, средняя заработная плата;
- получить информацию об инвестиционных проектах и региональных программах содействия занятости населения;
- ознакомиться со статистикой по рынку труда в разрезе регионов;
- найти ближайший центр занятости, получить контактную информацию о нем;
- эффективный поиск вакансий по обширной базе позволит быстро найти работу в любом регионе страны.

Информационный ресурс «Пенсионного Фонда РФ» знакомит трудовых мигрантов с вопросами пенсионного обеспечения иностранных граждан в РФ.

Это лишь некоторые доступные мобильные приложения.

Идея создания мобильного приложения в помощь трудовому мигранту, позволяющего ему осуществлять проверку запрета на въезд в Российскую Федерацию, удаленно произвести в электронном виде пробное тестирование, запись на подачу документов, оплату НДФЛ за патент, осуществить проверку готовности и подлинности патента, получить справочные данные о действиях в экстренных случаях и т.д. давно обсуждается в экспертном сообществе.

В целях повышения качества оказания государственных услуг в сфере трудовой миграции, повышения уровня государственного контроля, необходимо согласиться с экспертами, которые предлагают следующие меры [7]:

- введение на всей территории РФ единого документа с электронным носителем информации (патента), содержащего биометрические данные иностранного гражданина, который потребует внедрения обязательной безналичной формы расчета работодателей с работниками-иностранцами через платежную систему «МИР»,
- создание электронного реестра трудовых договоров иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность в Российской Федерации,
- использование электронных трудовых книжек для иностранных граждан на территории Российской Федерации,
- преимущество внедрения порталных решений для формирования и развития единого рынка труда СНГ,
- создание межгосударственной электронной биржи труда на пространстве ЕАЭС позволит сформировать единый рынок трудовых ресурсов и упростить процедуру трудоустройства граждан из стран-участниц ЕАЭС, уменьшить теневой рынок рабочей силы.

Список литературы

1. Тагиров З.И. Цифровая оперативная обстановка, цифровое имя человека и сетевая (цифровая) правоохранительная деятельность в отечественной модели цифровой экономики // Вопросы безопасности. – 2018. – № 4. – С. 28 - 51.
2. Статистические сведения по миграционной ситуации//МВД России URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 21.11.2020).
3. Петров И. В МВД назвали число нелегальных мигрантов в России//Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/12/21/v-mvd-nazvali-chislo-nelegalnyh-migrantov-v-rossii.html> (дата обращения: 21.11.2020)
4. Указ Президента РФ от 31.10.2018 N 622 "О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы" //СПС Консультант Плюс
5. Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы.[Электронный ресурс] <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960>
6. Трифонова Е. Всех мигрантов посчитать никак не удастся//Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/politics/2018-12-05/3_7456_migrant.html (дата обращения: 21.11.2020)
7. Круглый стол ««Цифровизация миграционных процессов. Обеспечение прозрачности финансовых потоков в сфере трудовой миграции». [Электронный ресурс] <https://gauctr.ru/portfolio/28-fevralya-2020-na-forume-truda-eksperty-obsudili-voprosy-tsifrovizatsii-migratsionnyh-protsessov/>(дата обращения 21.03.2021).

Trifonova K. V. Digitalization of separate types of law enforcement (on the example of migration activities) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 2. – P. 163-168.

The article examines the features of the digitalization processes of certain aspects of migration activity as a type of law enforcement activity. The relevance of the research topic is justified by the fact that the digitalization of migration activity as a type of law enforcement activity contributes to the effectiveness of the ongoing migration policy, ensures its effectiveness, objectivity, allows to reduce the costs of maintaining law and order, and minimizes the influence of the human factor in this area.

The need is emphasized in the context of global digitalization to provide migrants with access to various services necessary for their stay in the country and work, especially in a difficult epidemiological situation.

The current normative acts in terms of informatization of migration processes in general are analyzed. In conclusion, the author points out that the proposed measures for the digitalization of the migration system will make the Russian labor market more attractive for migrants, which will solve the existing problems with the labor force in Russia.

Keywords: migration system, migration, migrant, digitalization, information platform, mobile application.

Spisok literatury

1. Tagirov Z.I. Cifrovaya operativnaya obstanovka, cifrovoe imya cheloveka i setevaya (cifrovaya) pravoohranitel'naya deyatel'nost' v otechestvennoj modeli cifrovoj ekonomiki // Voprosy bezopasnosti. – 2018. – № 4. – С. 28 - 51.
2. Statisticheskie svedeniya po migracionnoj situacii//MVD Rossii URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (data obrashcheniya: 21.11.2020).
3. Petrov I. V MVD nazvali chislo nelegal'nyh migrantov v Rossii//Rossijskaya gazeta. URL: <https://rg.ru/2018/12/21/v-mvd-nazvali-chislo-nelegalnyh-migrantov-v-rossii.html> (data obrashcheniya: 21.11.2020)
4. Ukaz Prezidenta RF ot 31.10.2018 N 622 "O Konceptii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019 - 2025 gody" //SPS Konsultant Plyus
5. Perechen' poruchenij po voprosam realizacii Konceptii gosudarstvennoj migracionnoj politiki na 2019–2025 gody.[Elektronnyj resurs] <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960>
6. Trifonova E. Vsekh migrantov poschitat' nikak ne udaetsya//Nezavisimaya gazeta. URL: http://www.ng.ru/politics/2018-12-05/3_7456_migrant.html (data obrashcheniya: 21.11.2020)
7. Kruglyj stol ««Cifrovizaciya migracionnyh processov. Obespechenie prozrachnosti finansovyh potokov v sfere trudovoj migracii». [Elektronnyj resurs] <https://gauctr.ru/portfolio/28-fevralya-2020-na-forume-truda-eksperty-obsudili-voprosy-tsifrovizatsii-migratsionnyh-protsessov/>(data obrashcheniya 21.03.2021).

УДК 377 (799.31)

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-169-173

ФАКТОРЫ, ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Чуносов М. А., Таранин М. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются особенности проявления экстремизма в молодёжной среде. Отмечается, что современная молодёжь не готова как к экономическим, так и к социальным потрясениям, что приводит к стихийным протестам и агрессивным формам поведения, крайним из которых является экстремизм. Отмечается, что экстремистские проявления в среде несовершеннолетних можно отнести к актам делинквентного поведения. Утверждается, что изучение процесса формирования экстремистской идеологии в молодёжной среде, должно быть полным и всесторонним, если происходит рассмотрение его интегральных, дифференциальных и динамических характеристик. Описаны социальные, культурологические и коммуникационные факторы, влияющие на распространение экстремистской идеологии. Акцентировано внимание на социально-политических, социально-демографических, социально-культурологических и социально-психологических причинах. Показаны личностные, социально-педагогические и ситуационные условия формирования экстремистского поведения молодёжи. Сделаны выводы, что, понимание особенностей детерминации экстремистского поведения молодёжи облегчает планирование профилактических мероприятий и прогнозирования всплеска количества правонарушений экстремистской направленности среди молодёжи.

Ключевые слова: молодёжь, экстремизм, делинквентное поведение, идеология, факторы, причины, условия, профилактика.

Одной из социальных проблем, которые существуют в современном обществе, является проблема экстремизма. Попытка раскрытия понятия «экстремизм» является междисциплинарной проблемой, носит дискуссионный характер, в зависимости от парадигмы научных направлений (юридической, психолого-педагогической, социологической и др.). Попытки осмысления экстремизма как социального феномена предпринимали такие отечественные исследователи, как С. Боровая, Д. Брайко, С. Буткевич, А. Быба, И. Вехов, Т. Гаврилова, А. Григорьева, А. Гузенко, И. Добаев, Т. Дьячкова, В. Жученко, Л. Заика, А. Кашкаров, С. Кубинец, Е. Кубякин, Н. Лушникова, А. Лысенко, Д. Некрасов, Э. Паин, А. Померлян, Р. Райзберг, Д. Саенко, А. Сериков, Е. Ткач, П. Томникова, А. Хоровинников и др. В юридических науках, проблема экстремизма рассматривается с точки зрения нарушения норм права. В психолого-педагогических науках экстремизм рассматривается как одна из форм отклоняющегося поведения, в социологических науках, как следствие наличие межкультурных противоречий. Во избежание продолжения научной дискуссии в рассмотрении данного социального феномена, в нашей работе, мы будем придерживаться обобщенного понимания «экстремизма», как приверженности к крайним взглядам и мерам, имеющим политические основания [1].

Между тем, если ранее экстремизм ассоциировался лишь с политическими процессами, то сегодня мы можем говорить об экстремизме как следствии

межкультурных, межрасовых взаимодействий, которые воплощают систему определенных культурологических, генотипических и фенотипических признаков, которые в совокупности с религиозными особенностями формируют систему ценностей, традиций, мировоззренческих позиций, определяют черты материальной и духовной культуры, как ответ на глобализационные процессы унификации, и, таким образом, экстремистская деятельность рассматривается как попытка сохранения своей культуры, предотвратив, таким образом, процесс ассимиляции. Культурологический аспект, сформулированный выше, подтверждает и то, что, если исходить из перечня, представленного в Федеральном законе № 114-ФЗ от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности», большая часть обозначенных в ФЗ деяний имеет прямое или косвенное отношение к межкультурным и межнациональным взаимодействиям [2].

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что мировая научная мысль формирует понятие экстремизма как комплекс действий, направленных на насильственное изменение политических и социальных основ жизнедеятельности общества, как фактор дестабилизации социальных отношений, который приводит к деградации общества в целом.

Особо подверженными к экстремистским идеям является молодежь. В современном обществе проблема распространения экстремизма среди молодёжи анализируется в рамках различных научных подходов, прежде всего юридических, психолого-педагогических, социологических и др. наук.

В настоящее время в различных регионах мира активизировалась противоправная деятельность экстремистских организаций, имеющих рациональную и иррациональную формы. Молодёжным экстремистским организациям присуща иррациональная форма проявления, базирующаяся на поведенческих актах логически трудно объяснимых (спортивный фанатизм, вандализм, движение скинхедов). Для зарубежных стран проблема экстремистских проявлений в молодёжной среде более актуальна и значима в сравнении с Россией. В основе идеологии молодёжных экстремистских организаций лежит ненависть к иностранцам, всё большую силу набирает движение бритоголовых, усиливаются экстремистские настроения. Антиобщественная природа экстремизма по идеологическому содержанию и противоправности по смыслу, является разновидностью сепаратизма, целью которого является политико-территориальное обособление для конкретно-определённой этнической или религиозной общности, вопреки интересам других этнических и конфессиональных групп [3].

Является очевидным, что возникновение и распространение экстремизма в молодёжной среде определены историческими предпосылками, что выводит на первый план проблему её детерминации. В нашей работе мы сделаем акцент на психолого-педагогическом аспекте детерминации экстремизма среди молодёжи. Принятие идеологии экстремизма приводит к формированию у молодых людей девиантного (отклоняющегося) поведения. Криминализация обществом «экстремизма» как противоправного деяния (ст. 20.3 КоАП РФ, ст. 20.29 КоАП РФ, ст. 20.3.1 КоАП РФ, ст. 282 УК РФ, 280) [4, 5]. Позволяет утверждать, что экстремистские проявления в среде несовершеннолетних можно отнести к актам делинквентного поведения.

Под делинквентным поведением мы понимаем такое поведение несовершеннолетних, при котором они совершают «противоправные поступки», которые имеют внешние признаки «правонарушений», но за которые они не могут нести юридическую ответственность в силу того, что у них не наступило состояние юридической «дееспособности». «Делинквентное поведение» состоит из «делинквентных поступков» (актов), и всегда конкретизировано [6].

Анализ научных трудов (Д. Брайко, А. Быба, А. Григорьева, А. Гузенко, И. Добаев, Т. Дьячкова, В. Жученко, Л. Заика, С. Кубинец, А. Померлян, Н. Лушникова, Д. Саенко, П. Томникова, и др. и др.) позволяют утверждать, что большинство авторов, при описании особенностей детерминации отклоняющегося поведения, используют такие термины как «фактор», «причина» и «условия».

Анализ научных трудов позволяет нам выявить факторы формирования, влияющие на распространение экстремистской идеологии, которые делятся на социальные, культурологические и коммуникационные группы факторов. К социальной группе факторов мы относим: обострение социальной напряженности, трудности в реализации на рынке труда, проблемы социального неравенства и др. К культурологическим факторам целесообразно отнести: деформация ценностных ориентаций, «внедрение» в традиционную культурологическую сферу деструктивных ценностей, радикализация религиозных течений, рост националистических настроений и др. К коммуникационной группе факторов целесообразно отнести использование сети Интернет для пропаганды экстремистских идей, моделей поведения и др.

Следует отметить, что факторы распространения идеологии экстремизма являются теми предпосылками, которые оказывают влияние на его формирование, но не порождают его практическую реализацию – акт экстремистского поведения т.е между экстремистским поведением и факторами, которые его формируют, нет жесткой динамической связи. Существование таких связей не сразу и не всегда ведут к тому, что молодые люди примут экстремистскую идеологию и будут совершать проступки экстремистской направленности. Однако чем больше будет присутствовать факторов, тем более вероятно возникновение делинквентного поведения.

Между тем, необходимо учитывать, что принятие экстремистской идеологии, происходит в результате действия причин, а не факторов. Признаком действия причины является ее способность порождать следствие. Именно причины предопределяют появление последствий, при этом они всегда имеют специфическую направленность, происходят по времени, и характеризуются необратимостью.

Причины формирования делинквентного поведения нами обобщены в социально-политическую, социально-демографическую и социально-культурологическую и социально-психологические группы.

Социально-политические: кризис доверия граждан к политикам; непонимание, неприятие политического курса государства; сепаратистские тенденции, которые проявляются в установке на создание независимого теократического государства по конфессиональному признаку; финансовая поддержка зарубежных организаций; пропаганды идеологии, проповедующей насилие через Интернет и др. К социально-демографическим причинам распространения экстремистской идеологии мы

относим: активизацию миграционных процессов населения, неоднородность общества; восприимчивость отдельных групп населения к насилию; нарастание внутренней неприязни к мигрантам. Социально-культурологические причины проявляются в: усилении влияния фундаменталистических идеологий, подавлении прав национальных меньшинств со стороны доминирующей нации; усилении влияния этнических меньшинств в обществе и др. К социально-психологическим причинам целесообразно отнести: невозможность индивидом достичь высоко статусных целей в группе; неадекватную социализацию; наличие социальных ограничений; социальное одиночество; неприятие личности обществом; не разделение обществом взглядов человека; негативное влияние ближайшего окружения, привлечение к экстремистской деятельности взрослыми, подстрекательство со стороны сверстников и др.

Причина вызывает к жизни следствие, однако, экстремистское поведение может развиваться только при наличии определенных «условий». Влияние условий направлено не на акт проявления экстремистского поведения, а на причину его возникновения. Изменение условий, может препятствовать формированию экстремистской идеологии. В целом, условия определяют лишь конкретную внешнюю форму его формирования и реализации.

Условия появления экстремистского поведения могут иметь как личностный, так и социально-педагогический и ситуационный характер. Личностные условия формирования экстремистского поведения носят индивидуально-психологический характер, к ним можно отнести: не развитость высших чувств (совесть, чувство долга, ответственность, привязанность к близким); глубокую деформацию нравственных ориентации и установок; отсутствие или недостаточность правовых знаний; низкий уровень образования; слабое развитие волевой сферы; недостаточное развитие коммуникативных навыков; недостаточной развитости психической саморегуляции; неадекватная самооценка (завышенная или заниженная); недостаточный нравственный контроль поведения, нарушение контролирующей функции «Эго»; проблемы в развитии познавательных процессов; наличие опыта противоправных действий (идеального или непосредственного) и др. Социально-педагогические условия: недостаточное правовое информирование граждан об экстремистской деятельности; отсутствие специальной либо недостаточный уровень подготовки субъектов, которые осуществляют профилактику экстремизма; недостаточное развитие организованный инфраструктуры досуга (отсутствие либо недоступность спортивных секций, кружков, студий) и др. Ситуационные условия – характеризуют внешнюю среду и обстановку которые могут стимулировать появление намерения, удовлетворить потребность экстремистской моделью поведения.

Таким образом, экстремизм является актуальным деструктивным социальным явлением, которое требует комплексного, глубокого исследования. Изучение процесса формирования экстремистской идеологии в молодёжной среде, должно быть полным и всесторонним, если происходит рассмотрение его интегральных, дифференциальных и динамических характеристик. Исходя из вышеизложенного, нами выделены социальные, культурологические и коммуникационные факторы, влияющие на распространение экстремистской идеологии. Также акцентировано внимание на социально-политических, социально-демографических, социально-

культурологических и социально-психологических причинах, а также личностных, социально-педагогических и ситуационных условиях, приводящих к формированию экстремистского поведения. В целом, понимание особенностей детерминации экстремистского поведения молодёжи, облегчает планирование профилактических мероприятий и прогнозирования всплеска количества правонарушений экстремистской направленности среди молодёжи.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М. – 1993. С. 942.
2. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. – № 30. – Ст. 1
3. Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. Монография. – Симферополь / ред. С.А. Буткевич. 2015. 328 с.
4. Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации / [С.А. Боженко, Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермаков и др.] / ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2014. – 960 с.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – Москва: Проспект. 2019. – 720 с.
6. Чуносов М. А. Теоретический анализ категории «делинквентное поведение» // Вестник академии знаний. 2013 №4. С. 154–159.

Chunosov M.A., Taranin M.A. Factors, causes and conditions for the formation of extremist behavior among young people // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – Р. 169-173.

The article deals with the peculiarities of the manifestation of extremism among young people. It is noted that modern youth is not ready for both economic and social upheavals, which leads to spontaneous protests and aggressive forms of behavior, the extreme of which is extremism. It is noted that extremist manifestations among minors can be attributed to acts of delinquent behavior. It is argued that the study of the process of formation of extremist ideology in the youth environment should be complete and comprehensive, if its integral, differential and dynamic characteristics are considered. The article describes the social, cultural and communication factors that influence the spread of extremist ideology. Attention is focused on socio-political, socio-demographic, socio-cultural and socio-psychological reasons. Personal, socio-pedagogical and situational conditions for the formation of extremist behavior of young people are shown. It is concluded that understanding the peculiarities of determining extremist behavior of young people makes it easier to plan preventive measures and predict a surge in the number of extremist offenses among young people.

Keywords: youth, extremism, delinquent behavior, ideology, factors, causes, conditions, prevention.

Spisok literatury:

1. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. – М. – 1993. s. 942
2. O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti: federal'nyj zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 2002. – № 30. – St. 1
3. Protivodejstvie ekstremizmu i terrorizmu v Krymskom federal'nom okruge: problemy teorii i praktiki. Monografiya. – Simferopol' / red. S.A. Butkevich. 2015. 328 s.
4. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / [S.A. Bozhenok, YU.V. Gracheva, L.D. Erma-kov i dr.] / red. A.I. Rarog. – М.: Prospekt, 2014. – 960 s.
5. Kodeks Rossijskoj federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah. – Moskva: Prospekt. 2019 – 720 s.
6. CHunosov M. A. Teoreticheskij analiz kategorii «delinkventnoe povedenie» // Vestnik akademii znaniy. 2013 №4. S. 154–159.

УДК 343.341

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-174-182

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Шишина Е. А., Горковенко К. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены теоретические, правовые и прикладные аспекты уголовно-правовой характеристики преступлений террористического характера. Проанализированы статистические данные, охарактеризованы современные тенденции развития преступлений террористического характера.

Деятельность террористического характера определяется законом в качестве особого вида насилия либо же угрозы его применения, которые сопровождаются выдвижением требований одним субъектом через осуществление воздействия психофизического характера на иных субъектов, воздействия физического спектра на соответствующие объекты, относящиеся к окружающей действительности.

Охарактеризованы объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона преступлений террористического характера. Рассмотрены некоторые проблемы нарушения правовой определенности при конструировании норм террористического законодательства, их неоднозначность и противоречивость, и как следствие проблемы, возникающие при квалификации указанного вида преступлений.

Определены меры по повышению эффективности применения уголовного законодательства с целью защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, а также защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, а равно назначение виновным справедливого наказания.

Ключевые слова: терроризм, террор, преступления террористического характера, общественная безопасность.

Возникновение и распространение терроризма в России имеют определенные исторические предпосылки и связаны как с внутренними экономическими, политическими, социальными, межнациональными, конфессиональными противоречиями, так и с внешними, в том числе общими для всего мирового сообщества, террористическими угрозами. Указанный вид преступлений постоянно находит свое отражение в статистических данных преступности. Так, например, проанализируем статистические данные МВД Республики Крым, которые свидетельствуют о том, что в 2015 г. всего зарегистрировано 2 преступления террористического характера (ст. 205.4 УК РФ – 1, по ст. 208 УК РФ – 1). В 2016 г. всего зарегистрировано 7 преступлений, из них по ст. 205.4 УК РФ – 1, по ст. 208 УК РФ – 6. В 2017 г. всего зарегистрировано 12 преступлений, из них по ст. 205.4 УК РФ – 6, по ст. 208 УК РФ – 6. В 2018 г. всего зарегистрировано 18 преступлений, из них по ст. 205.2 УК РФ – 3, по ст. 205.5 УК РФ – 10, по ст. 208 УК РФ – 5. В 2019 г. всего зарегистрировано 66 преступлений террористического характера, из них по ст. 205.2 УК РФ – 3, по ст. 205.5 УК РФ – 17, ст. 207 УК РФ – 25, по ст. 208 УК РФ – 21. В 2020 г. всего зарегистрировано 53 преступления террористического характера: из них по ст. 205 УК РФ – 5, по ст. 205.1 УК РФ – 3, по ст. 205.2 УК РФ – 7, по ст. 205.5 УК РФ – 18, по ст. 208 УК РФ – 20. Обращают внимание статистические данные 2019 и 2020 г., где наблюдается значительный количественный прирост преступлений террористического. По нашему мнению цифровое выражение

преступлений не свидетельствует об ухудшении оперативной обстановки. Рост выявленных преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РФ свидетельствует о повышении квалификации сотрудников полиции, прежде всего в информационном пространстве. Поскольку указанный вид преступлений имеет латентный характер и основная часть доказательств содержится в цифровых следах, свидетельствующих об участии в незаконном вооруженном формировании (фотографии, видеофайлы, информация, распространяемая в социальных сетях и т.д.). Значительной увеличение статистических данных в 2019 году также заметно по причине большого количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ. Однако, необходимо помнить, что в соответствии с перечнем деяний, относящихся к преступлениям террористического характера (Перечень № 22), предусмотренный указанием Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» ст. 207 УК РФ расположена в числе преступлений, отнесенных к перечню при наличии в статистической карточке отметки о связи совершенных преступлений с террористической деятельностью или финансированием терроризма. Как правило, указанные деяния совершены не с целью посягательства на общественную безопасность, а либо из хулиганских побуждений, либо с целью дестабилизации нормального функционирования органов государственной власти, предприятий, учреждений, организаций и т.д. Т.е. умысел направлен не на самоидентификацию лица на стороне террористов, реализуя цели характерные для терроризма, а, как правило на заведомо ложное сообщение об акте терроризма преследуя иные цели. Рост преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ связан с распространением IP-телефонии, что препятствует идентификации лица, осуществившего заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Проиллюстрированная тенденция характерна и для всей территории РФ, однако это не снижает угрозы обществу и на сегодня мы не можем сказать, что терроризм остался в прошлом.

Противодействие терроризму должно соответствовать новым формам и методам террористической деятельности, направленным на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших. Сегодня современные вызовы и угрозы продолжают оставаться актуальными. Уверенно наблюдается тенденция к расширению географии терроризма, интернациональный характер террористических организаций, использование международными террористическими организациями этнорелигиозного фактора. Говоря о терроризме сегодня, мы говорим о разновидности организованной преступности, в том числе транснациональной. Особую тревогу вызывает повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций и многие другие факторы, представляющие угрозу, как национальной безопасности РФ, так и для всего мирового сообщества. Опасность сохраняется и в том, что отдельные государства для достижения геополитического господства осуществляют поддержку терроризму. Совершенствование правового регулирования в сфере противодействия терроризму и обеспечение его исполнения системой правоохранительных органов является залогом государственной и общественной безопасности РФ.

Большинство норм уголовного закона, регламентирующих деяния террористического характера принято относить к числу конвенционных по причине принятия их на основе международного законодательства и во исполнение международных обязательств. Таким образом, мы имеем совокупность норм, относительно новых для российского уголовного законодательства. Что в свою очередь вызывает не мало трудностей при их применении. Очевидно, эффективность применения уголовного законодательства возможна лишь при полной и правильной квалификации преступлений террористического характера. Изложенное обуславливает необходимость провести анализ юридически значимых признаков преступлений террористического характера, дав им уголовно-правовую характеристику.

Уголовно-правовая характеристика состава преступления, прежде всего, предопределяет проведение анализа содержания общественных отношений, которым в результате совершения деяния причиняется вред. В связи с этим значимость изучения объекта преступления определяется его системообразующей функцией, закрепляя как традиционные формы посягательства на общественные отношения, так и последствия, признаки субъекта и субъективной стороны, которые для такого посягательства характерны [1, с. 32-38].

Следует определить, что совершение общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 205 УК РФ предполагает, что в качестве непосредственного объекта будет выступать обеспечение общественной безопасности, соблюдение основных принципов и деятельность уполномоченных органов, направленная на обеспечение положений Федерального закона «О безопасности» от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ [2]. Дополнительным объектом в данном случае будут являться жизнь определенного человека, здоровье, объекты, находящиеся в собственности, осуществление полноценного функционирования соответствующих органов власти, различных общественных учреждений и т.п. [3]. Указанное преступное деяние характеризуется высокой степенью общественной опасностью и входит в число преступлений, представляющих угрозу и мировому сообществу.

К действиям, составляющим объективную сторону деяния, относят: 1) осуществление действий, связанных с поджогом, взрывом либо иными способами, влекущее устрашение граждан и тем самым формирующее соответствующую опасность наступления их гибели, повлекшее причинение значительного ущерба имущественного характера, либо имеющего иные тяжкие последствия; 2) освещение угрозы о реализации действий, указанных в первом пункте (при ее объективной реальности).

Рассматривая содействие террористической деятельности, установленное в положениях ст. 205.1 УК РФ, отметим, что непосредственный и дополнительный объект схож с составом преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ [4]. В данном случае объективная сторона будет представлена осуществлением преступных деяний, предусмотренных в диспозиции статьи, а именно: осуществление склонения соответствующего лица к реализации общественно опасных деяний, имеющих террористическую направленность, закрепленные в ст. 205, 206, 208, 211, 277-279 и 360 уголовного закона; применение иного способа, направленного на вовлечение соответствующего лица к совершению указанных деяний; обеспечение такого лица специальным вооружением с целью совершения

любого из указанных преступных деяний; проведение для такого лица соответствующей специальной подготовки для реализации любого из указанных деяний; осуществление действий, направленных на финансирование деятельности, имеющей террористический характер. Финансирование терроризма является достаточно актуальным в связи с уходом в плоскость безличных расчетов, что в виду развития информационных технологий к сожалению, остается за пределами возможностей правоохранительных органов. В соответствии с Концепцией общественной безопасности в РФ осуществление финансовой поддержки террористических организаций, которые свою деятельность ведут на российской территории, выступает в качестве центрального фактора, влияющего на возникновение и соответственно распространение терроризма [5].

Так, Московский окружной военный суд рассмотрел материалы уголовного дела в отношении жителя Тверской области, осужденного по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. Из материалов судебного заседания следовало, что с 2014 г. у гр. А. сформировался умысел преступного характера, который был направлен на осуществление содействия террористической деятельности, реализуемый путем предоставления материальных средств (денег) лицу, являющемуся участником организации «ИГИЛ», деятельность которой является запрещенной на территории РФ. Реализуя преступный умысел, гр. А. в период с 2014-2016 г. перевел со своей банковской карточки сумму в размере 2000 руб., которая была получена лицом в г. Стамбул (Турция) для осуществления участия в вооруженном формировании на территории Сирии. На основании изученных фактов виновный был осужден на срок в пять лет лишения свободы и штрафом в размере 2 тыс. руб. [6].

Рассматривая состав преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, объектом преступного деяния выступает общественная безопасность, а объективная сторона представлена совершением любого из альтернативных деяний: 1) реализации призывов в публичной форме, направленные на осуществление деятельности террористического характера; 2) высказывание информации в публичной форме оправдывающей явление терроризма.

Примечание к уголовно-правовой норме ст. 205.2 уголовного закона определяет, что осуществление публичного оправдания терроризма представляет собой соответствующие публичные заявления, связанные с признанием его идеологии и практики использования правильными, которые нуждаются в подражании и поддержке [7]. Высказывание публичных заявлений о соответствующей допустимости осуществления террористических актов, применения различных террористических методов, которые могут проявляться в различных формах: с помощью информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в частности Интернет, в письменной, в устной.

Объектом преступления, связанного с осуществлением прохождения обучения с целью реализации деятельности, имеющей террористический характер (ст. 205.3 УК РФ), выступает общественная опасность. Объективная сторона в данном случае формируется из осуществления лицом прохождения специального обучения, связанного с получением особых навыков, умений и соответствующих знаний, для эффективного их применения в деятельности террористической направленности либо реализации состава любого из преступлений, указанных в ст. 205.1 УК РФ.

Так, приговор в отношении жителя Республики Дагестан вынесен Северо-Кавказским окружным военным судом гр. Г. за обучение на территории Сирии в лагерях по подготовке боевиков. По делу определено, что гражданин в июне 2017 г. осуществил обучение в специальном центре по подготовке обучающихся в организации террористической направленности «Имарат Кавказ», территориально располагающийся на сирийской территории. Для принятия участия в боях на стороне «Исламского государства» в специальном центре гр. Г. в ходе занятий по психологической и физической подготовке получил знания, практические навыки и умения, в том числе и как правильно применять огнестрельное оружие. По возвращении на родину в ноябре 2018 г. он соответственно был задержан сотрудниками ФСБ в аэропорту г. Краснодар, осуждён и признан виновным в совершении преступного деяния, закреплённого в диспозиции ст. 205.3 УК РФ [8].

Следует отметить, что общественная безопасность выступает объектом преступления, закреплённого в уголовном законе и в ст. 205.4. Объективная сторона в данном случае представлена будет осуществление ряда альтернативных деяний, а именно: 1) формирование сообщества, имеющего террористическую направленность, предполагающее создание соответствующей устойчивой группы лиц, которые имеют заранее обговоренные цели, направленные на реализацию деятельности террористического характера, либо с целью реализацию любого из преступных деяний, имеющих террористическую направленность, либо совершение любых иных общественно опасных деяний, направленных на поддержку, оправдание и пропаганду явления терроризма; 2) осуществление руководства сообществом, имеющим террористическую направленность (частью либо в целом); 3) принятие непосредственного участия в таком сообществе. Обратим внимание, что формирование соответствующего террористического сообщества предполагает прохождение такого этапа его развития как создание преступного намерения, при обстоятельствах, когда действия организационного характера одного либо нескольких людей сформировали соответствующую криминальную прослойку, которая в объективном смысле способна реализовать деятельность террористического характера.

Идентичность объекта преступления, закреплённого в ст. 205.5 УК РФ определяется с положениями ст. 205.4 УК РФ. Объективная сторона определяется совершение соответствующих активных действий, направленных на организацию либо принятие участия в рассматриваемой организации, которая согласно действующего законодательства российского государства, является террористической (признана террористической). Следует заметить, что для преступлений террористической направленности характерен формальный состав, когда деяния признается совершенным вне зависимости от наступивших последствий.

Субъективная сторона преступлений, имеющих террористический характер, определяется виной в форме прямого умысла. В ряде случаев, при совершение преступных деяний, посягающих на общественный порядок и соответствующую общественную безопасность, которые сопряжены с реализацией деятельности, имеющей экстремистский характер, необходимо дополнительно установить цель, которую виновный ставил перед собой совершая такое преступление [9, с. 83-87]. Отметим, что определение данного обстоятельства при установлении

соответствующего отграничения совершенного преступления от иных деяний преступных может иметь решающее значение.

Субъектом преступлений террористической направленности является физическое лицо, которое характеризуется вменяемостью, достигшее при этом возраста четырнадцати лет. В данном случае пониженный возраст привлечения лица к уголовной ответственности указывает на высокий уровень общественной опасности данного преступления [10]. При совершении преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 205.3, 205.4 УК РФ возраст уголовной ответственности – с 16 лет.

Таким образом, деятельность террористического характера определяется законом в качестве особого вида насилия либо же угрозы его соответствующего применения, которые сопровождаются выдвижением требований одним субъектом через осуществление воздействия психофизического характера на иные субъекты, воздействия физического спектра на соответствующие объекты, относящиеся к окружающей действительности. Основой такой деятельности выступает экстремистская идеология, что и позволяет рассматривать терроризм как крайнюю степень проявления экстремизма. Террористическая деятельность сопряжена с преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка, характеризуется высокой степенью общественной опасности, умышленной формой вины, совершаются посредством осуществления действия, носит конвенционный характер.

Следует отметить, что в научной литературе четкого разграничения дефиниций терроризм, совершение террористического акта, преступления, террористического характера нет. Отечественный законодатель определяет содержание терроризма в соответствующих положениях Федерального закона «О противодействии терроризму», в которых закрепляет его в качестве определенной идеологии, которая призывает поддерживать насилие, и соответственно практику осуществления воздействия с целью принятия со стороны органов государственной и муниципальной власти либо организаций международного уровня необходимого решения, что направлено на осуществление устрашения определенной группы граждан, населения страны в целом, а также применение различных иных форм реализации деяний, имеющих противоправную насильственную направленность [11].

Применение дефиниций «террор» и «терроризм» в научных публикациях имеет различное содержание [12, с. 38-44]. К примеру, в Словаре иностранных слов в качестве осуществления политики, которая направлена при этом на устрашение и соответствующее подавление имеющих противников в политической сфере благодаря использованию различных мер насильственного характера (преследования, убийства и т.п.) предлагается рассматривать именно «терроризм». Аналогичное толкование содержится и в Словаре С.И. Ожегова, в котором определяется применение соответствующего физического насилия, вплоть до максимально возможного физического уничтожения, которое ориентировано на лиц, являющихся противниками политической власти [13].

Согласно ст. 205 уголовного закона совершение террористического акта выступает в качестве составного общественно опасного деяния, при реализации которого оказывается посягательство только на один объект в виде общественной

безопасности, что соответственно в результате влечет причинение определенного вреда, характеризующегося дополнительным действием, при этом способного обеспечить осуществление ведущего показателя действия, что в заключении формирует соответствующую разновидность действия, имеющего сложный характер. Важно заметить, что совершение преступного деяния, предусмотренного диспозицией ст. 205 уголовного закона, совершается исключительно при наличии для таких действий умысла со стороны субъекта преступления [14]. В связи с этим целесообразно обратиться к положениям соответствующего судебного толкования, изложенного в постановлении Пленума ВС РЯ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 09.02.2012 г. № 1, которым в п. 11 определяется соответствующая цель совершаемых действий [15].

Следует определить, что такое собирательное понятие как преступления террористического характера в современном законодательстве не применяется, однако заметим, что впервые оно было закреплено в положениях диспозиции ст. 205.1 уголовного закона в редакции соответствующего Федерального закона от 24.07.2002 г. № 103-ФЗ, в которой была обозначена уголовно-правовая ответственность за вовлечение соответствующих лиц в реализацию общественно опасных деяний, которые предполагают наличие террористического характера, либо оказание иной формы содействия реализации указанных преступных деяний.

В связи с этим к общественно опасным деяниям террористического характера относились также преступные деяния, которые предусматривались соответствующими положениями ст. 206, 208, 211 и 360 УК РФ, а именно: это совершение захвата лиц в заложники, специальная организация осуществления соответствующего вооруженного незаконного формирования и принятие участия в нем, организация угона морского транспорта или соответствующего воздушного судна, железнодорожного состава, реализация деяний в отношении государственного либо соответствующего общественного деяния в виде посягательства на его жизнь, реализация деяний, направленных на нападение определенных лиц, организаций, состоящих по международно-правовой защите [16].

Согласно Федерального закона от 27.02.2006 г. № 153-ФЗ в диспозицию ст. 205.1 уголовного закона внесены соответствующие изменения в части расширения предусмотренного закона перечня тех преступных деяний, которые имеют террористический характер [17]. Дополнили указанный перечень деяния, получившие закрепление в положениях ст. 278 и 279 УК РФ, в которых определяется уголовно-правовая ответственность в случае осуществления мероприятий по захвату власти и в случае реализации соответствующего мятежа, имеющего вооруженный характер. При этом, обратим внимание, что уголовный закон также дополнен был положениями ст. 205.2, предусматривающими уголовно-правовую ответственность за реализацию деяний, связанных с осуществлением публичных призывов к осуществлению соответствующей деятельности, которая имеет террористический характер, либо же осуществление публичного оправдания указанного исследуемого деяния [18].

Таким образом, следует отметить, что прямого толкования дефиниции преступления террористического характера в соответствующих положениях

Федерального закона «О противодействии терроризму» не закреплено, вместе с тем в законодательстве также отсутствует и определение признаков, которые могли бы позволить установить наличие конкретного преступного деяния, имеющего террористический характер [19], немало вопросов вызывает и трактовка статистических данных.

Указанное позволяет определить актуальность уточнения содержания термина «преступления, террористического характера» для качественного правоприменения уголовно-правовых и соответствующих международных норм, что является необходимым для правильной квалификации совершенных общественно опасных деяний, с целью недопущения ошибок. Полагаем, что целесообразно наиболее четко установить пределы такого явления как терроризм в отечественном законодательстве, чтобы в последующем ликвидировать «безразмерность» составов данных деяний.

Защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, а равно назначение виновным справедливого наказания возможны в условиях эффективности применения уголовного законодательства, полной и правильной квалификации преступлений террористического характера, а также взаимодействия оперативных подразделений и следственных органов. Ведь учитывая имеющиеся проблемы нарушения правовой определенности при конструировании норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений террористического характера, их неоднозначность и противоречивость, и как следствие проблемы, возникающие при квалификации указанного вида преступлений - только непрерывная, совместная, согласованная деятельность оперативных и следственных подразделений является залогом успешного противодействия терроризму.

Список литературы

1. Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.В. Бриллиантов, А.Ю. Захаров, А.Н. Караханов, И.Б. Колчевский, С.И. Курганов, Ю.Е. Пудовочкин. – Научно-практическое пособие. – М.: РАП, 2019. – 440 с.
2. Вступил в законную силу приговор в отношении 28-летнего жителя Дагестана, прошедшего обучение на территории Республики Сирии с целью осуществления террористической деятельности [Электронный ресурс]. – URL: <http://prokuratura-krasnodar.ra/news/vstupil-v-zakonnyuyu-silu-prigovor-v-otnoshenii-28>.
3. Горбунов Ю.С. К вопросу о правовом регулировании противодействия терроризму / Ю.С. Горбунов // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 38-44.
4. Гринько С.Д. Понятие терроризма и уточнение условий ответственности / С.Д. Гринько // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 77-82.
5. Кочои С.М. Противодействие терроризму: политика и право / С.М. Кочои // Вестник ЮУрГУ. Серия:Право. – 2018. – № 1. – С.50-57.
6. Мищенко Я.А. Некоторые проблемы квалификации преступлений террористического характера / Я.А.Мищенко // Научные исследования. – 2019. – № 2. – С. 37-40.
7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: утвержденная Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/.
8. О безопасности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.
9. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 г. № 1. URL: www.vsr.ru/documents/own/8266/.
10. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

11. Обзор практики рассмотрения судом уголовных дел о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс] // Прокуратура Российской Федерации. Новости. URL: <https://procrf.ru/news/552878-obzor-praktiki-rassmotreniya-sudom-ugolovnyih-del-o-prestupleniyah-terroristicheskoy-napravlennosti.html>.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Л.И. Скворцова. – М.: ОНИКС-ЛИТ, Мир и Образование. – 2017. – 920 с.
13. Портал правовой статистики генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
14. Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам Уголовного кодекса Российской Федерации / Под ред. П.В. Агапова. – М. – 2019. – 340 с.
15. Рыльская О.А. Социально-политические истоки формы и признаки терроризма / О.А. Рыльская // Российский следователь. – 2018. – № 4. – С.83-87.
16. Сопов Д.В. Уголовная ответственность за терроризм: проблемы квалификации / Д.В. Сопов. – М. – 2018. – 210 с.
17. Теллин Д. Привлечение к уголовной ответственности / Д. Теллин, Н. Осипов // Законность. – 2017. – № 8. – С. 32-38.
18. Уголовный Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63–ФЗ. URL: http://www.consultat.ru/document/cos_doc_law_10699/.
19. Фоменко Е.В. Правовые основы противодействия терроризму: уголовно-правовой и криминологический аспекты / Е.В. Фоменко, Ю.Н. Маторина. – М. 2018. – 520 с.

E.A. Shishina, K.A. Gorkovenko. Criminal legal characteristics of crimes of terrorist nature // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 174-182.

The article deals with the theoretical, legal and applied aspects of the criminal-legal characteristics of crimes of a terrorist nature.

Terrorist activities are defined by law as a special type of violence or the threat of its use, which are accompanied by the advancement of demands by one subject through the implementation of the impact of a psychophysical nature on other subjects, the impact of the physical spectrum on the corresponding objects related to the surrounding reality. The object, the objective side, the subject, the subjective side of terrorist crimes are characterized. Some problems of violation of legal certainty in the design of norms of terrorist legislation, their ambiguity and contradiction, and as a result problems arising in the qualification of the specified type of crimes are considered. Measures have been identified to improve the effectiveness of the application of criminal legislation in order to protect the rights and legitimate interests of victims of crimes, as well as to protect the individual from unlawful and unjustified accusations, as well as to impose a fair punishment on perpetrators.

Key words: terrorism, terror, terrorist crimes, public safety.

Spisok literatury

1. Brilliantov A.V. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / A.V. Brilliantov, A.YU. Zaharov, A.N. Karahanov, I.B. Kolchevskij, C.I. Kurganov, YU.E. Pudovochkin. – Nauchno–prakticheskoe posobie. – М.: RAP, 2019. – 440 с.
2. Vstupil v zakonnyu silu prigovor v otnoshenii 28-letnego zhitelya Dagestana, proshedshego obuchenie na territorii Respubliki Sirii s cel'yu osushchestvleniya terroristicheskoy deyatel'nosti [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://prokuratura-krasnodar.ra/news/vstupil-v-zakonnyu-silu-prigovor-v-otnoshenii-28>.
3. Gorbunov YU.S. K voprosu o pravovom regulirovanii protivodejstviya terrorizmu / YU.S. Gorbunov // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. – № 2. – С.38-44.
4. Grin'ko S.D. Ponyatie terrorizma i utochnenie uslovij otvetstvennosti / S.D. Grin'ko // «CHernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve. – 2017. – № 3. – С.77-82.
5. Kochoi S.M. Protivodejstvie terrorizmu: politika i pravo / S.M. Kochoi // Vestnik YUUrGU. Seriya:Pravo. – 2018. – № 1. – С.50-57.
6. Mishchenko YA.A. Nekotorye problemy kvalifikacii prestuplenij terroristicheskogo haraktera / YA.A.Mishchenko // Nauchnye issledovaniya. – 2019. – № 2. – С.37-40.
7. Konceptiya obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: utverzhennaya Prezidentom RF 14.11.2013 № Pr-2685. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/.
8. O bezopasnosti [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 g. № 390-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.
9. O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyah terroristicheskoy napravlenosti [Elektronnyj resurs]: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.02.2012 g. № 1. URL: www.vsrp.ru/documents/own/8266/.
10. O protivodejstvii terrorizmu [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

11. Obzor praktiki rassmotreniya sudom ugovolnyh del o prestupleniyah terroristicheskoy napravlenosti [Elektronnyj resurs] // Prokuratura Rossijskoj Federacii. Novosti. URL: <https://procrf.ru/news/552878-obzor-praktiki-rassmotreniya-sudom-ugolovnyih-del-o-prestupleniyah-terroristicheskoy-napravlenosti.html>.
 12. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: Okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / S.I. Ozhegov, L.I. Skvorcova. – M.: ONIKS-LIT, Mir i Obrazovanie. – 2017. – 920 s.
 13. Portal pravovoj statistiki general'noj prokuratury Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map.
 14. Prestupleniya terroristicheskoy napravlenosti: nauchno-prakticheskij kommentarij k normam Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii / Pod red. P.V. Agapova. – M. – 2019. – 340 s.
 15. Ryl'skaya O.A. Social'no-politicheskie istoki formy i priznaki terrorizma / O.A. Ryl'skaya // Rossijskij sledovatel'. – 2018. – № 4. – S.83-87.
 16. Sopov D.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za terrorizm: problemy kvalifikacii / D.V. Sopov. – M. – 2018. – 210 s.
 17. Tellin D. Privlechenie k ugolovnoj otvetstvennosti / D. Tellin, N. Osipov // Zakonnost'. – 2017. – № 8. – S.32-38.
 18. Ugolovnyj Kodeks Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 13.06.1996 g. № 63–FZ. URL: http://www.consultat.ru/documet/cos_doc_law_10699/.
 19. Fomenko E.V. Pravovye osnovy protivodejstviya terrorizmu: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty / E.V. Fomenko, YU.N. Matorina. – M. 2018. – 520 s.
- .

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.985.44

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-183-190

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Горбенко Т. В.

Краснодарский университет МВД России

Статья посвящена определению и раскрытию сущности следственных действий. Многообразие классификационных критериев при определении следственных действий свидетельствуют о дискуссионности понимания их сущности учеными наук уголовно-правового цикла. В статье приводятся позиции ученых относительно определения сущности следственных действий, которые подвергаются автором теоретическому анализу. В связи с этим, автор приходит к необходимости выделения следственных действий поисково-познавательного характера. Обосновывает необходимость рассмотрения следственных действий с позиции комплексности поисковых и познавательных операций, выполнение которых определено содержанием следственного действия. Указывается, что лишь посредством поисково-познавательной деятельности возможно выявление фактических данных, приобретающих в процессе расследования доказательственное значение. Такой подход ориентирован на эффективное раскрытие и расследование преступлений. Подчеркивается значимость выделения рассматриваемой группы следственных действий для правоохранительной деятельности. Автор приходит к выводу о том, что к рассматриваемой группе следственных действий могут быть отнесены все следственные действия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, за исключением наложения ареста на почтово-телеграфные отправления.

Ключевые слова: следственное действие, уголовный процесс, криминалистика, науки уголовно-правового цикла, поисковая операция, познавательная операция, поисково-познавательные следственные действия.

Сущности и содержанию следственных действий уделено пристальное внимание представителей наук уголовно-правового цикла. Следственные действия являются динамичной категорией уголовно-процессуального права, поскольку расследование преступлений, обладая своими специфическими особенностями применительно к отдельным видам преступлений, определяет появление новых действий лиц, производящих их расследование, которые в последующем, как правило, трансформируются в следственные действия и находят свое отражение в уголовно-процессуальном законе.

К сожалению, в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определение понятия «следственное действие» не нашло своего отражения. При этом, как справедливо отмечает И.А. Грудинин, что определить следственные действия можно из логического анализа норм УПК РФ [1, с. 262].

В научной литературе используются различные подходы к определению названного понятия, о чем свидетельствует их многочисленность и, одновременно с

этим, уникальность. Так, следственные действия, в широком смысле, понимаются как процессуальные действия, совершаемые лицами, производящими расследование, как процессуальные действия, которые направлены на собирание и проверку доказательств – в узком [2, с. 237].

Исходя из сущности сказанного, полагаем, что следственное действие можно определить как предусмотренное уголовным законом и применяемое в целях собирания, проверки и оценки доказательств, процессуальное действие, состоящее из совокупности поисковых, познавательных, организационных и удостоверительных операций, направленных на выявление, восприятие и закрепление доказательственной информации.

Ю.С. Лаврухина справедливо отмечает, что следственное действие, будучи «элементарным звеном» уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности, должно рассматриваться, исходя из сущности предмета дисциплинарного исследования, и наполняться своеобразным содержанием, позволяющим получить уголовно-процессуальные и криминалистические знания о каждом виде следственных действий [3, с. 9].

Науки уголовно-правового цикла располагают рядом научных работ относительно классификации следственных действий. Многообразие классификаций следственных действий обусловлено тем классификационным признаком, который используется автором. Приведем примеры научных классификаций, предлагаемыми учеными-процессуалистами и учеными-криминалистами для их анализа и выработки авторской классификации.

Ученый-процессуалист В.Т. Батычко выделяет следующие классификационные признаки, по которым можно сгруппировать следственные действия: объект (предмет) следственного действия; субъект, производящий предварительное расследование; время и процессуальный порядок проведения следственного действия; стадия уголовного процесса, на которой планируется проведение следственного действия; способ принятия решения и проведения следственного действия; необходимость участия понятых и иных и иных лиц при производстве следственного действия [4].

М.А. Чельцов выделяет следующие свойства, по которым осуществляет группировку следственных действий: возможность установления факта преступления и лица, виновного в его совершении путем сбора необходимых доказательств, полученных посредством производства соответствующих следственных действий; возможность привлечения лица к уголовной ответственности за совершенное им противоправное деяние при наличии соответствующей совокупности доказательств.

М.А. Чельцов к первой группе следственных действий относит те, которые непосредственно направлены на сбор информации о совершенном преступлении и лицах, его совершивших. Вторая группа, выделенных автором, следственных действий исходит из необходимости сбора информации, имеющей доказательственное значение в вопросе причастности конкретного лица к совершенному преступлению, а также на обеспечение возможности применения к виновному норм уголовно-правового характера, регулирующих вопросы привлечения к уголовной ответственности и отбывания им наказания [5, с. 98].

Безусловно, классификация следственных действий, предложенная М.А. Чельцовым, заслуживает внимания, однако, вместе с тем, характеризуется наличием спорных вопросов. Во-первых, не определены конкретные основания следственных действий. Во-вторых, как справедливо отмечают ученые-процессуалисты, следуя классификации следственных действий М.А. Чельцова, усматривается возможность причисления к ним не только последних, но и иных процессуальных действий. В этой связи, уместно говорить о выделении конкретных оснований для классификации следственных действий, позволяющих отграничить следственные от иных процессуальных действий.

Поиск, обнаружение, фиксация, изъятие, оценка доказательств положены в основу классификации следственных действий, предложенной Б.С. Тетериным и Е.З. Трошкиным. С одной стороны, указанные действия могут служить в качестве классификационных оснований, а с другой – их узконаправленность, к сожалению, не передает сущности всех следственных действий, а лишь освещает значимость назначения и производства судебной экспертизы. Более того, использование лишь названных оснований для классификации следственных действий позволяет причислять к последним также иные действия, не являющимися по своей сути таковыми [6, с. 122], [7, с. 101].

Т.Н. Добровольская и А.А. Чувилев делят следственные действия на группы в зависимости от их назначения: 1) следственные действия, которые направлены на сбор и проверку доказательств. К данной группе относятся следующие следственные действия: допрос, очная ставка, выемка, предъявление для опознания, следственный эксперимент, эксгумация, проверка показаний на месте, получение образцов для сравнительного исследования, назначение и производство судебных экспертиз; 2) следственные действия, которые направлены одновременно на сбор доказательств и проведение организационно-поисковых мероприятий. К таковым относятся осмотр, обыск, задержание подозреваемого, наложение ареста на имущество [8, с. 36; 7, с. 102].

Приведенная классификация предполагает разделение следственных действий по их целевому назначению, что заслуживает внимания и может использоваться в качестве основополагающей.

Что касается классификаций следственных действий, предлагаемых учеными-криминалистами следует сказать о том, что, во многом, основания для классификаций схожи и формулируются следующим образом: в зависимости от методов отображения фактических данных (осмотр, освидетельствование, обыск, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, получение образцов для сравнительного исследования, следственный эксперимент); в зависимости от того, какой процесс положен в основу получения доказательственной информации: непосредственный или опосредованный (допрос, очная ставка, назначение и производство судебных экспертиз, задержание подозреваемого, проверка показаний на месте) [9, с. 3].

С нашей точки зрения, криминалистическая сущность следственных действий определяется также их прикладным характером (решением уголовно-процессуальных задач). Указанный аспект позволяет говорить и о целях следственных действий. Так, одни направлены на достижение коммуникативных, поисковых, познавательных, организационных и удостоверительных целей

деятельности (осмотр, обыск, допрос), а другие – на создание оптимальных условий для формирования доказательств по уголовному делу (экзгумация, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, получение образцов для сравнительного исследования, назначение судебных экспертиз) [7, с. 102].

В рассматриваемом контексте уместно говорить о криминалистической технике следственных действий, под которой понимается детальный, постадийный механизм деятельности лица, производящего расследование лишь на этапе производства этого следственного действия.

Исходя из содержания, предложенного нами определения следственных действий, уместно говорить о выделении классификационных критериев, которые исходят из сущности операций, на выполнение которых ориентированы следственные действия. По нашему мнению, классификация следственных действий по названному критерию является целесообразной и справедливой.

При этом, предлагается рассматривать поисковые и познавательные операции, направленные на получение доказательственной информации не в отдельности, как имеет место в формулировке вышеприведенного определения, а в комплексе. Поскольку, как справедливо отмечает Ю.В. Красненко, что только посредством поисково-познавательной деятельности возможно выявление фактических данных, приобретающих в процессе расследования не просто важное, а доказательственное значение [10, с. 53].

По мнению В.Д. Корма и В.А. Образцова только в комплексе поисковая и познавательная деятельность направлена на мыслительную реконструкцию юридически значимых обстоятельств, совершаемого или совершенного деяния с признаками преступления путем обнаружения, фиксации, изъятия и исследования материальных носителей информации, анализа, проверки и оценки данной информации и преобразования ее в доказательственную [11, с. 64].

Наша позиция берет за основу ориентацию на раскрытие и расследование преступлений, поскольку поисковая деятельность проявляется в избрании вида, времени проведения следственного действия, а познавательная – в проведении проверочных действий для получения доказательственной информации.

Ученые-процессуалисты до настоящего времени не пришли к определению единой классификации следственных действий, о чем свидетельствует многочисленность и многообразие классификаций. В науке уголовно-правового цикла используется общий подход к пониманию следственных действий – действия поисковой и удостоверительной направленности. Представляется, такой подход несколько ограничен и не описывает сущность и возможности, используемых на практике, следственных действий.

Р.Л. Ахмедишин выделяет пять видов следственных действий: коммуникативные, поисковые, экспериментальные, блокирующие, исследовательские. В рассматриваемом контексте интерес представляют поисковые следственные действия. К ним автор причисляет осмотр места происшествия, осмотр трупа, обыск, выемку, освидетельствование [12, с. 162].

И.А. Грудинин, в свою очередь, причисляет все следственные действия к поисково-познавательным, что обосновывает их сущностью и направленностью [1, с. 265]. Автор определяет, что цель следственного действия достижима лишь при проведении поисково-познавательной деятельности, содержание которой состоит в

осуществлении следователем совокупности поисковых, познавательных и удостоверительных операций.

Прежде чем, определить виды поисково-познавательных следственных действий, представляется уместным обращение к нормам УПК РФ, регламентирующим отдельные виды следственных действий. Так, согласно УПК РФ существуют следующие виды следственных действий: 1) допрос (ст.ст. 173, 187-191 УПК РФ); 2) осмотр (ст.ст. 176-177 УПК РФ); 3) эксгумация (ст. 178 УПК РФ); 4) освидетельствование (ст. 179 УПК РФ); 5) следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ); 6) обыск (ст. 182 УПК РФ); 7) выемка (ст. 183 УПК РФ); 8) личный обыск (ст. 184 УПК РФ); 9) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ); 10) контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ); 11) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ); 12) очная ставка (ст.ст. 191-192 УПК РФ); 13) предъявление для опознания (ст.ст. 191, 193 УПК РФ); 14) проверка показаний на месте (ст.ст. 191, 194 УПК РФ); 15) назначение судебных экспертиз (ст.ст. 195-196 УПК РФ) [13].

Исходя из содержания, предложенного автором определения следственных действий, имеют место основания для выделения поисково-познавательных следственных действий в отдельную группу. К данной группе, полагаем, могут быть отнесены все следственные действия, предусмотренные УПК РФ, за исключением наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, поскольку последнее не предполагает проведения ни поисковых, ни познавательных действий, а скорее, – организационные и удостоверительные.

Обоснуем свою позицию. Перечисленные нами следственные действия предполагают, исходя из их сущности, содержания и направленности, проведение поисковых и познавательных операций. Более подробную информацию о причинах, по которым мы причисляем названные следственные действия к поисково-познавательным приведены в таблице [13].

№п/п	Название следственного действия	Познавательный аспект	Поисковый аспект
1	допрос	в рамках допроса происходит получение от допрашиваемого известной ему информации, подпадающей под предмет доказывания путем постановки вопросов, выбора тактики его проведения	получение иной информации, имеющей значение для уголовного дела, путем постановки вопросов, расширяющих круг познания лица, производящего расследование и позволяющих обнаружить спорные или интересующие факты
2	все виды осмотра (осмотр места происшествия, осмотр местности, осмотр жилища,	изучение обстановки места происшествия, объектов, следов преступления	производится в целях обнаружения и фиксации следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела

	осмотр предметов и документов, осмотр трупа, осмотр животных)		
3	эксгумация	анализ информации по результатам осмотра трупа и объектов, находящихся при нем	извлечение трупа из места его захоронения
4	освидетельствование	установление наличия либо отсутствия на теле человека особых отличительных примет, следов преступления либо телесных повреждений либо определения состояния лица в момент совершения преступления (алкогольное или наркотическое опьянение и др.)	выявление состояния опьянения либо иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела
5	следственный эксперимент	воспроизведение опытным путем действий, обстановки или иных обстоятельств, связанных с расследуемым событием	выявление новой информации, имеющей значение для расследуемого события
6	обыск	обследование помещений в целях изучения обстановки и особенностей, находящихся в них лиц	обнаружение предметов (документов), имеющих значение для уголовного дела
7	выемка	получение информации о точном местонахождении предметов, имеющих отношение к уголовному делу	обнаружение и изъятие предметов, имеющих отношение к уголовному делу
8	личный обыск	обследование лиц в целях получения информации об их характере и особенностях их жизнедеятельности	обнаружение предметов (документов), запрещенных предметов и иных предметов, имеющих значение для уголовного дела
9	контроль и запись переговоров	прослушивание и запись переговоров в целях получения интересующей информации	установка и изъятие записывающих технических средств, содержащих информацию, имеющую значение для уголовного дела
10	получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентским и устройствами	изучение записей переговоров и СМС-переписок с целью получения информации, имеющей значение для уголовного дела, а также ее приобщение к материалам уголовного дела	получение из организаций, осуществляющих услуги телефонной (электронной) связи, сведений о ранее имевших место или возможных в будущем контактах с использованием абонентских устройств

11	очная ставка	допрос ранее допрошенных лиц, в показаниях которых имеются существенные противоречия	выявление причин противоречий в показаниях допрашиваемых лиц и их устранение
12	предъявление для опознания	сравнение опознающим ранее наблюдаемого лица или объекта с лицами или объектами, предоставленными для опознания	поиск и предъявление для опознания лиц или объектов, имеющих схожие черты с лицом или объектом, запечатлевшимся в памяти опознающего
13	проверка показаний на месте	воспроизведение ранее допрошенным лицом на месте обстановки и обстоятельств исследуемого события, указание им на предметы, документы, следы, имеющие значение для уголовного дела	обнаружение, фиксация и изъятие предметов, документов, следов, имеющих значение для уголовного дела, указанных лицом при проведении следственного действия
14	назначение судебных экспертиз	изучение следов, предметов и документов, обнаруженных на месте совершения преступления, с целью установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела	поиск, обнаружение, фиксация и изъятие следов для предоставления на экспертное исследование

Таким образом, описанные нами следственные действия с указанием познавательного и поискового аспектов для каждого из них, свидетельствуют о правильности выбранной классификации и существовании реальных оснований для выделения поисково-познавательных следственных действий в системе классификаций следственных действий. В рассматриваемом аспекте, познавательный аспект выступает, чаще всего, в приобретении знаний о расследуемом событии, постижении закономерностей совершения конкретного преступления и познании механизма, способов и причин совершения преступления. В свою очередь, поисковый аспект – в стремлении найти что-либо, имеющее значение для уголовного дела (предметы, следы, документы и пр.), в действиях субъекта, направленных на получение новой информации, раскрытие скрытого содержания отдельных явлений.

Список литературы

1. Грудинин И.А. К вопросу о понятии и видах следственных действий // Актуальные проблемы российского права. Проблемы уголовного процесса. – № 2. – 2011. – С. 261-270.
2. Уголовный процесс. Краткий курс / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – 2-е изд. – СПб., 2008. – С. 387.
3. Лаврухина Ю.С. Криминалистические основы следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов. – 2007. – 23 с.
4. Батычко В.Т. Уголовный процесс. Конспект лекций. Таганрог: ИУЭС ЮФУ, 2016. – URL: petprava.ru/ek/b41/ (Дата обращения: 21.03.2021).
5. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 624 с.
6. Петрухин И.Л., Тетерин Б.С., Трошкин Е.З. Возбуждение и расследование уголовных дел. – М., 1997 // Государство и право. – М.: Наука, 1998, № 8. – С. 122-123. – URL: lawlibrary.ru/article1014479.html (Дата обращения: 23.03.2021).
7. Бочинин С.А. Основания классификации следственных действий в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры. – № 3. – 2011. – С. 96-104.

8. Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. Вопросы методики чтения проблемных лекций по Общей части: Учебное пособие / Добровольская Т.Н., Чувилев А.А. – М.: МВШМ МВД СССР, 1985. – 91 с.
9. Старицын И.Б. Классификация следственных действий // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». – № 2 (41). – 2020. – С. 1-5. – URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/4February2020/KLASSIFIKACIYA%20SLEDSTVENNYH%20DEYSTVIY.pdf (Дата обращения: 12.03.2021).
10. Красненко Ю.В. Поисково-познавательная деятельность на первоначальном этапе расследования // Вестник Белгородского юридического института МВД России. Трибуна молодого ученого. – № 3. – 2019. – С. 52-57.
11. Корма В.Д., Образцов В.А. К вопросу о структуре и особенностях криминалистической теории следственного познания / Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. – С. 60-66.
12. Ахмедишин Р.Л. Поисковые следственные действия в системе следственных действий: криминалистический аспект // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 399. – С. 160-165.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 128 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021). – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Дата обращения: 10.03.2021).

T.V. Gorbenko. On the question of the definition of search and cognitive investigative actions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 183-190.

The article is devoted to the definition and disclosure of the essence of investigative actions. The variety of classification criteria in determining investigative actions indicates the debatable understanding of their essence by scientists of the sciences of the criminal law cycle. The article presents the positions of scientists regarding the definition of the essence of investigative actions, which are subjected to the author's theoretical analysis. In this regard, the author comes to the need to identify investigative actions of a search and cognitive nature. Justifies the need to consider investigative actions from the perspective of the complexity of search and cognitive operations, the implementation of which is determined by the content of the investigative action. It is indicated that only through search and cognitive activity is it possible to identify factual data that acquire evidentiary value in the course of the investigation. This approach is focused on the effective detection and investigation of crimes. The importance of the allocation of the considered group of investigative actions for law enforcement activities is emphasized. The author comes to the conclusion that all investigative actions provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, with the exception of the seizure of postal and telegraph items, can be attributed to the group of investigative actions under consideration.

Key words: investigative action, criminal procedure, criminalistics, sciences of the criminal law cycle, search operation, cognitive operation, search and cognitive investigative actions.

Spisok literaturey

1. Grudinin I.A. K voprosu o ponyatii i vidah sledstvennyh dejstvij // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. Problemy ugolovnogogo processa. – № 2. – 2011. – С. 261-270.
2. Ugolovnyj process. Kratkij kurs / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskij. – 2-e izd. – SPb., 2008. – С. 387.
3. Lavruhina YU.S. Kriminalisticheskie osnovy sledstvennyh dejstvij: avtoref. dis. ...kand. urid. nauk. – Saratov. – 2007. – 23 s.
4. Batychko V.T. Ugolovnyj process. Konspekt lekcij. Taganrog: IUES YUFU, 2016. – URL: netprava.ru/ek/b41/ (Data obrashcheniya: 21.03.2021).
5. Shel'cov M.A. Ugolovnyj process. M.: Yurid. izd-vo MYU SSSR, 1948. – 624 s.
6. Petruhin I.L., Teterin B.S., Troshkin E.Z. Vozbuzhdenie i rassledovanie ugolovnyh del. – M., 1997 // Gosudarstvo i pravo. – M.: Nauka, 1998, № 8. – С. 122-123. – URL: lawlibrary.ru/article1014479.html (Data obrashcheniya: 23.03.2021).
7. Bochinin S.A. Osnovaniya klassifikacii sledstvennyh dejstvij v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. Razdel 6. Processual'noe pravo, yurisdikciya, procedury. – № 3. – 2011. – С. 96-104.
8. Osobennosti prepodavaniya kursa ugolovnogogo processa v vuzah MVD SSSR. Voprosy metodiki chteniya problemnyh lekcij po Obshchej chasti: Uchebnoe posobie / Dobrovol'skaya T.N., CHuvilev A.A. – M.: MVSHM MVD SSSR, 1985. – 91 s.
9. Staricyn I.B. Klassifikaciya sledstvennyh dejstvij // Nauchno-prakticheskij elektronnyj zhurnal «Alleya Nauki». – № 2 (41). – 2020. – С. 1-5. – URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/4February2020/KLASSIFIKACIYA%20SLEDSTVENNYH%20DEYSTVIY.pdf (Data obrashcheniya: 12.03.2021).

10. Krasnenko YU.V. Poiskovo-poznavatel'naya deyatel'nost' na pervonachal'nom etape rassledovaniya // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. Tribuna molodogo uchenogo. – № 3. – 2019. – S. 52-57.
11. Korma V.D., Obrazcov V.A. K voprosu o strukture i osobennostyah kriminalisticheskoy teorii sledstvennogo poznaniya / Sovremennye problemy otechestvennoj kriminalistiki i perspektivy ee razvitiya: sbornik nauchnykh statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem). – Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet imeni I.T. Trubilina, 2019. – S. 60-66.
12. Ahmedishin R.L. Poiskovye sledstvennye dejstviya v sisteme sledstvennykh dejstvij: kriminalisticheskij aspekt // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 399. – S. 160-165.
13. Uголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 128 декабря 2001 г. № 174-FZ (ред. от 24.02.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 07.03.2021). – URL: [www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_34481/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/) (Data obrashcheniya: 10.03.2021).

УДК 343.231

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-191-194

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Зоз В. А., Шроль А. Р.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье раскрывается вопрос внедрения информационных технологий в правоохранительную деятельность, а конкретно искусственного интеллекта. Проведен анализ того, насколько целесообразно использовать современные разработки в деятельности правоохранительных органов.

Понятие искусственного интеллекта возникло еще в первой половине прошлого века, в работах Винера, где он впервые заговорил о понятии «кибернетика». Использование понятия искусственного интеллекта в современном мире, в последнее время набирает обороты. Однако практическое использование искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности началось только в начале 2000-х. Вместе с тем это не мешает на данный момент иметь разнообразный спектр программ и разработок, которые способствуют более быстрому и качественному предотвращению, пресечению, выявлению и раскрытию преступлений. Рассмотрено появление такого понятия как искусственный интеллект и кибернетика. Охарактеризованы виды разработок искусственного интеллекта. Рассмотрены направления деятельности правоохранительных органов по использованию искусственного интеллекта в зарубежных странах. Определены направления по улучшению работы эффективности искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, кибернетика, современные технологии, общественная безопасность, правоохранительные органы.

Современный мир характеризуется стремительно развивающимися информационными технологиями, которые активно внедряются в деятельность правоохранительных органов как вспомогательные элементы при обеспечении общественного порядка и общественной безопасности на территории нашего государства.

Процесс внедрения информационных технологий в деятельность правоохранительных органов стал более актуален с момента появления искусственного интеллекта (Далее – ИИ).

Если разобраться подробнее, то можно отметить, что предпосылки возникновения искусственного интеллекта проявились в 1940-х гг., когда Норберт Винер опубликовал работы по кибернетике, где впервые прозвучало понятие «искусственный интеллект» [1].

На данный момент технологии искусственного интеллекта активно используются за рубежом, в частности подразделениями ФБР совместно с корпорацией «Google».

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что технологии искусственного интеллекта также нашли свое применение и в преступном мире. Из чего следует сделать вывод, что в противовес преступности также необходимо противопоставить и эффективно использовать технологии искусственного интеллекта со стороны правоохранительных органов [5].

Серьезное обсуждение и внедрение в практику искусственного интеллекта в правоохранительные органы началось в 2000-х годах. Однако наиболее активное практическое использование началось после 2010 года.

Среди программ и разработок искусственного интеллекта, в том числе связанные с робототехникой, которые сейчас активно используются, или планируются их последующее внедрение следует отметить: программы видеонаблюдения со считыванием биометрических данных человека; программы распознавания голоса; программы, которые распознают украденные транспортные средства; программы, которые способны распознавать существенное нарушение общественного порядка, митинги, акты вандализма и др.; системы судебной экспертизы; роботы, которые позволяют производить осмотр особо опасных объектов; боты, которые используются для первичных автономных контактов с гражданами и организациями [2].

Чтобы минимизировать риски и угрозы, возникающие при использовании ИИ, целесообразно разрабатывать соответствующие законы и внутренние нормативные акты учитывая положительный опыт их предупреждения и устранения, применяемый зарубежными странами, в том числе использование международных этических кодексов и рекомендаций [6].

В настоящее время достаточно остро стоит вопрос о том, насколько этично будут применяться результаты деятельности технологий ИИ, готово ли общество и его граждане допустить в свою жизнь ИИ, какие допустимые границы будет иметь ИИ, какова пропорциональность действий ИИ на выявленные угрозы, в том числе те, которые еще не реализованы. В частности, системы видеомониторинга, а также системы распознавания лиц, которые предоставляют сведения правоохранительным органам явно вторгаются в частную жизнь граждан. Кто при этом сможет распорядиться полученными данными кроме правоохранительных органов, как интернет - провайдеры будут предоставлять сведения правоохранительным органам, насколько эти данные будут корректными, и не подвержены искажению, либо обработки? В данном случае можно говорить о применении технологии ИИ «дипфейк» (Deepfake) при помощи которой преступники искажают реалистичные фото, аудио, видео и иные носители информации о лицах, местах, предметах, событиях, обстоятельствах и т.п. и тем самым создают качественную подделку, путем кибератаки на нейронные сети через введение данных (добавка «малого возмущения»), вследствие чего данные могут полностью изменить результаты работы нейронной сети, что порождает явное недоверие к любой информации.

В данном случае проблематика заключается в возможности нарушения всеобщих правах человека, одним из принципов которых является неприкосновенность частной жизни. В связи с чем возникает вопрос, можно ли использовать информационные технологии, которые будут, затрагивать частную жизнь общества и граждан для достижения целей правоохранительных органов.

С одной стороны, неправильно, независимо для каких целей, несанкционированно вторгаться в частную жизнь граждан, однако общество, в то же время, заинтересовано в своей безопасности, и использование ИИ для предотвращения преступлений, только улучшит состояние безопасности граждан, общества и государства в целом.

Данный вопрос требует тщательной проработки на законодательном уровне.

Проблематика применения и использования технологий ИИ и робототехники рассматривалась также на международном уровне, а именно в организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ) [7].

На основе обсуждений полиции стран ОБСЕ предложено обратить особое внимание на следующие факторы: пресечение постоянно расширяющейся эксплуатации преступниками ИИ, как, в первую очередь, инструмента кибер-, финансовой и иной высокотехнологичной преступности; более активном использовании информационных технологий, также искусственного интеллекта для предвидения дальнейших действий преступников, и также к решению и выбору других средств, методов и способов в борьбе с преступностью; более широком использовании робототехники при патрулировании и оказании поддержки, а также обеспечении информационной осведомленности полицейских на земле, экипажей полицейских машин и т.п.; необходимости преодоления невысокого уровня компетенций рядовых сотрудников полиции в сфере ИИ; расширение международных контактов, связанных с использованием ИИ, ликвидации дублирования усилий и бессмысленной траты ресурсов, когда каждая полицейская структура стремится решить задачи в одиночку; особую чувствительность общественности к угрозам вмешательства в частную жизнь граждан и недопустимость перехода этических границ правоохранительными органами при практическом использовании ИИ [3].

Итогами внедрения ИИ и робототехники должно являться предупреждение, пресечение противоправных действий, повышение уровня раскрываемости преступлений, совершаемых в общественных местах.

При рассмотрении теоретических аспектов использования сегментов искусственного интеллекта, необходимо уяснить, что данная система является важнейшим элементом оснащения современными техническими средствами и системами информирования правоохранительных органов и всех экстренных служб. Искусственный интеллект должен являться средством защиты населения и территории, увеличения уровня безопасности в рамках различных сфер жизнедеятельности современного общества [4]. Этот продукт включает в себя разработку мер, направленных на предупреждение террористических угроз, обеспечение большей безопасности в местах значительного скопления людей. Данный комплекс мер направлен на сохранение безопасности стратегически важных объектов. Его внедрение дает возможность оптимизировать контроль рабочей силы, более эффективно распределять средства, которыми располагают ответственные за порядок структуры.

Для того чтобы программы искусственного интеллекта могли полноценно работать, должны быть сформированы подразделения, на которые будет возложена ответственность за развитие технического обеспечения рабочих процессов. При этом, по нашему мнению, передача указанных функций сторонним организациям нецелесообразна и может создать угрозу безопасности личных данных граждан, создать препятствия в работе правоохранительных органов.

Учитывая возможные риски внедрения технологий ИИ необходимо понимать важность данного вопроса, в частности имеется потребность развития системы фотографирования, записи видео, с целью повышения уровня безопасности. В первую очередь это касается ситуации на дорогах. Полезными будут комплексы,

которые созданы для фиксации нарушений норм и правил дорожного движения. Не менее важно развивать ситуационное видеонаблюдение в качестве инструментов, которые позволят повысить уровень общественной безопасности.

В целях повышения эффективности работы указанных систем, необходимо создать единую сеть, которая будет объединять базы данных, системы наблюдения, мониторинга и т.п., накапливать и анализировать полученную информацию. И в последующем прогнозировать дальнейшее развитие ситуаций, связанных с безопасностью дорожного движения, общественной безопасности, серийностью совершаемых преступлений, оперативной обстановки, складывающейся как на определенной территории, так и по стране в целом.

Список литературы

1. Reese H. Understanding the differences between AI, machine learning, and deep learning [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.techrepublic.com/article/understanding-the-differences-between-ai-machine-learning-and-deep-learning>.
2. Боровская Е.В. Основы искусственного интеллекта / Е.В. Боровская, Н.А. Давыдова. – М.: Лаборатория знаний, 2018. – 127 с.
3. Авторский блог Владимир Овчинский 12:43 25 сентября 2019 / Электронный ресурс: https://zavtra.ru/blogs/iskusstvennij_intellekt_dlya_politcii
4. Ларина Е.С. Роботы-убийцы против человечества. Кибер-апокалипсис сегодня / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. – М.: Кн. мир, 2018. – 416 с.
5. Евдокимов К.Н. Анекселентотичная технотронная преступность (частная теория) // Российский судья. – 2018. – № 4. – С. 35–39.
6. Уэмура Н. Стратегия «Общество 5.0» // Известия. – 2017. – 13 марта.
7. Яковец Е.Н. Оперативно-разыскные меры полиции по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 3. – С. 127–131.

Zoz V.A., Shrol A.R. Use of Artificial Intelligence Technologies in Law Enforcement Agencies // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – Р. – 191-194.

The article reveals the process of implementing information technology in law enforcement, specifically the introduction of artificial intelligence. It is analyzed how qualitatively and expediently to use modern developments in the activities of law enforcement agencies. Artificial Intelligence began to arise in the first half of the last century, in the works of Wiener, where he first spoke of the concept of cybernetics. The use of artificial intelligence in the modern world, is gaining momentum since the last century. However, the use of artificial intelligence in law enforcement began only in the early 2000s. But this does not prevent at the moment have a diverse range of programs and developments that contribute to a faster and better prevention, suppression, detection and solving of crimes. Examined the emergence of such a concept as artificial intelligence and cybernetics. Types of developments of artificial intelligence are characterized. Methods to improve the effectiveness of artificial intelligence in law enforcement have been defined.

Key words: artificial intelligence, cybernetics, modern technology, public safety, law enforcement agencies.

Spisok literatury

1. Reese H. Understanding the differences between AI, machine learning, and deep learning [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.techrepublic.com/article/understanding-the-differences-between-ai-machine-learning-and-deep-learning>.
2. Borovskaya E.V. Osnovy iskusstvennogo intellekta / E.V. Borovskaya, N.A. Davydova. – М.: Laboratoriya znaniy, 2018. – 127 s.
3. Avtorskiy blog Vladimir Ovchinskij 12:43 25 sentyabrya 2019 / Elektronnyj resurs: https://zavtra.ru/blogs/iskusstvennij_intellekt_dlya_politcii
4. Larina E.S. Roboty-ubijcy protiv chelovechestva. Kiber-apokalipsis segodnya / E.S. Larina, V.S. Ovchinskij. – М.: Кн. mir, 2018. – 416 s.
5. Evdokimov K.N. Anekselentotichnaya tekhnotronnaya prestupnost' (chastnaya teoriya) // Rossijskij sud'ya. – 2018. – № 4. – С. 35–39.
6. Uemura N. Strategiya «Obshchestvo 5.0» // Izvestiya. – 2017. – 13 marta.
7. Yakovec E.N. Operativno-razysknye mery policii po obespecheniyu informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2017. – № 3. – С. 127–131.

УДК 343.1

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-195-201

**О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОВ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ
РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
НЕБОЛЬШОЙ И СРЕДНЕЙ ТЯЖЕСТИ**

Равнюшкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Автором проанализированы судебная статистика о преступлениях экстремистского и террористического характера и судебная практика по рассмотрению уголовных дел о преступлениях данной категории небольшой и средней тяжести, изучена научная литература по данной проблематике. Несмотря на то, что данные преступления не являются самыми распространенными, однако в виду их общественной опасности вызывают сильный общественный резонанс. Установлено, что судебная практика по делам данной категории является разнонаправленной, а в отдельных случаях противоречит материалам уголовных дел, решения судами принимались в результате неправильного применения уголовного закона. В тоже время даже при учете судами всех обстоятельств преступления небольшой и средней тяжести данной направленности, действующее законодательство позволяет судам активно прекращать уголовные дела (уголовное преследование) по нереабилитирующим основаниям, в том числе в связи с назначением судебного штрафа. Для формирования единого и системного подхода к юридической оценке и доказательственному процессу по уголовным делам о преступлениях экстремистского и террористического характера автор предлагает внести дополнения в постановления пленумов Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, преступления экстремистской и террористической направленности, пропаганда терроризма, публичное оправдание терроризма, экстремистская деятельность, возбуждение ненависти или вражды.

Уголовный закон не содержит понятия «преступления террористической направленности», «преступления террористического характера», а также «преступления экстремистской направленности» или «преступления экстремистского характера». Родовых или видовых объектов преступлений с данными названиями в уголовном законе нет. В соответствующих федеральных законах даны определения экстремистской деятельности (экстремизму) [1], терроризму и террористической деятельности [2].

Однако, например, в судебной статистике или в научной литературе данные понятия является вполне употребимыми. В отличие от преступлений против личности или собственности, преступления экстремистского и террористического характера не относятся к самым распространенным, но представляют наибольшую общественную опасность и являются особенно резонансными. Согласно судебной статистике в 2020 году за совершение преступлений террористической направленности осуждены по ст. 205 УК РФ – 18 лиц, по статьям 205.1 – 205.6, 206 УК РФ – 472 лица, по ст. 207 УК РФ – 490 лиц. За совершение преступлений

экстремистской направленности по ст. 280, 280.1, 282-282.3 УК РФ за данный период времени осуждено 285 человек [3].

Известно, что расследовать преступления данной категории, особенно совершаемые с использованием сети «Интернет», наиболее сложно» [4, с. 6]. Поэтому огромное доказательственное значение имеют свидетельские показания о приготовлении к совершению террористического акта, о его совершении, которые могут быть получены в ходе осуществления следственных действий по смежным составам преступлений небольшой или средней тяжести. Например, осуществляя следственные действия по уголовному делу в отношении Ш.О. Омаргаджиева, в последствии обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 222, ст. 205.6 УК РФ, совершил незаконное хранение огнестрельного оружия и боеприпасов, своевременно не сообщил о подготовке совершения теракта в Санкт-Петербурге путем самоподрыва Е. в Казанском соборе. По данному поводу от Ш.О. Омаргаджиева были получены признательные показания о подготовке Е. к совершению террористического акта [5]. И наоборот, получив достоверные свидетельские показания, например, о совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ появляется возможность довести до суда уголовное дело по ст. 205.6 УК РФ за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице, которое по достоверно известным сведениям совершило данное преступление [6].

Как справедливо отмечено, несмотря на то, что 20 сентября 2018 г. Пленум Верховного Суда РФ внес ряд изменений в постановление от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [7], данные разъяснения также необходимо учитывать при квалификации и доказывании иных преступлений не только экстремистской, но еще и террористической направленности, совершаемых с использованием сети «Интернет» [8, с. 68]. Однако, чтобы учитывать эти разъяснения при квалификации преступлений террористической направленности, необходимо дополнительно указать, что они имеют силу для последних. В виду того, что в данное постановление не внесены дополнения, судебная практика по делам данной категории является разнонаправленной, а в отдельных случаях противоречит материалам уголовных дел, так как решения судами принимались в результате неправильного применения уголовного закона.

Например, как указано в приговоре Дальневосточного окружного военного суда от 4 июня 2018 г. С. был осужден по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». При этом суд исключил из обвинения С. пропаганду терроризма, в то время как имелись доказательства распространения лицом материалов, направленных на формирование идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности [9]. Суд первой инстанции сделал неверный вывод об отсутствии в действиях осужденного системного характера в пропаганде. Как было установлено вышестоящей судебной инстанцией, 11, 14 и 16 мая 2018 г. С. разместил для всеобщего просмотра в социальной сети «ВКонтакте» на своей персональной странице различные изображения, фотографии, публикации

и свои комментарии к ним, в которых, по заключению экспертов, имеются психологические и лингвистические приемы, побуждающие к насильственным действиям в отношении людей, не исповедующих ислам, а во втором комментарии – также признаки обоснования и оправдания террористических действий (вооруженного джихада, в том числе в составе международной террористической организации) как правильных, нуждающихся в поддержке и подражании. Установлено, что доказательства в совокупности свидетельствуют о том, что он не только совершил публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма, но и осуществил деятельность по пропаганде терроризма.

В тоже время даже при учете судами всех обстоятельств преступления небольшой и средней тяжести данной направленности, действующее законодательство позволяет судьям прекратить уголовное дело (уголовное преследование) по нереабилитирующим основаниям. К данной категории преступлений, например, следует отнести ч. 1 ст. 205.2, 205.6, ч. 1 и 2 ст. 207, ч. 1 и 2 ст. 280, ч. 1 ст. 282 УК РФ. Какого-либо особого уголовного судопроизводства по делам данных преступлений и в отношении лиц, их совершивших, законодателем не предусмотрено. Должностные лица, осуществляющие расследование данных преступлений, а также судьи, при прекращении уголовного дела (уголовного преследования), и освобождении от уголовной ответственности лиц, их совершивших, по нереабилитирующим основаниям обязаны руководствоваться нормами, предусмотренными главой 4 УПК РФ и главой 11 УК РФ.

Особо активно уголовные дела прекращаются в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в соответствии со ст. 25.1, 256 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ. Согласно официальной статистике за 2020 год судами уголовных дел по статьям 205.1 – 205.6, 206 УК РФ прекращено по нереабилитирующим основаниям – 33, в том числе в связи с назначением судебного штрафа – 23; по статье 207 УК РФ – соответственно 79 и 31 уголовное дело; по преступлениям экстремистской направленности по статьям 280, 280.1, 282 – 282.3 УК РФ уголовные дела прекращены по нереабилитирующим основаниям – 38, в том числе в связи с назначением судебного штрафа – 17 [10]. В связи с этим, в научной литературе ранее отмечалось, что судьи субъективно недооценивают угрозу данных преступлений и лиц, их совершивших, подходят к оценке их преступной деятельности как к обычному правонарушению [11, с. 100]. С данным мнением следует согласиться.

Не в полной мере учитывается общественная опасность данных преступлений и законодателем. Требование о возмещении ущерба или иным образом заглаживании причиненного преступлением вреда как условие освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа является несколько не конкретизированным и его выполнение определяется только судом. Например, обращает на себя внимание тот факт, что для освобождения лица от уголовной ответственности, например, по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ бывает достаточным принесение своих извинений государству в лице суда, а также уверении последнего в том, что подсудимый прекратил осуществлять преступную деятельность в экстремистской организации и ведет разъяснительную работу среди верующих с целью предотвращения совершения противоправных действий в области

безопасности государства и основ конституционного строя, то есть принял меры к заглаживанию причиненного вреда [12].

Кроме того, в судебной практике имеются факты прекращения уголовных дел в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ по ст. 205.6 УК РФ за несообщение о преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, по ходатайству следователя, но при возражении прокурора. Следователь мотивировал вынесение ходатайства тем, что обвиняемый дал признательные показания, активно сотрудничал с органами предварительного расследования, не принимал мер к уничтожению доказательств, в содеянном раскаивается, загладил причиненный преступлением вред, дав показания по уголовному делу в отношении обвиняемого по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ. Прокурор возражал, так как ст. 205.6 УК РФ относится к преступлениям против общественной безопасности. Судья же посчитал, что причиненный преступлением вред подсудимым добровольно заглажен путем дачи показаний по уголовному делу в отношении Я., возбужденному по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, а также подсудимый добровольно перечислил денежные средства в сумме 8.889 руб. в качестве пожертвования в ОГКОУ для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Ивановский детский дом «Звездный» [13]. Вред в данном случае суд посчитал заглаженным в виде дачи показаний подсудимым против лица, обвиняемого ч. 2 ст. 205.5 УК РФ.

Имеются случаи прекращения уголовного дела по преступлениям данной категории, например, по ч. 2 ст. 207 УК РФ, в связи с назначением судебного штрафа, когда судом совсем не указывается, что подсудимое лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, а только лишь дается общий вывод, что в материалах уголовного дела содержатся достаточные сведения, позволяющие суду принять данное решение [14]. Какие именно сведения о возмещении ущерба содержатся в материалах уголовного дела, неизвестно.

В тоже время при наличии подобных условий для прекращения уголовного дела по основаниям, указанным в ст. 25.1 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ (полное признание своей вины и раскаяние в содеянном, явку с повинной, наличие троих малолетних детей, состояние здоровья (наличие заболеваний), добровольное возмещение имущественного ущерба, причиненного преступлением, принесение извинений, данные о личности подсудимого который считается ранее не судимым, является гражданином РФ, военнообязанным, состоит в браке, имеет постоянное место жительства и работы, на учете у нарколога, психиатра, не состоит, по месту жительства и работы характеризующегося положительно) суды идут на вынесение обвинительных приговоров, а суды апелляционной инстанции принимают решение об оставлении приговора о назначении уголовного наказания без изменения, а жалобы - без удовлетворения [15].

Вызывает беспокойство факты возвращения по решению суда изъятых у лиц, освобожденных от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, материалов экстремистского характера их владельцу без блокирования или удаления информации из свободного доступа. В частности, об этом свидетельствует постановление о прекращении уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера судебного штрафа по уголовному делу по ч. 2 ст. 280 УК РФ, вынесенное 24 октября 2018 года судьей Саяногорского городского суда

Республики Хакасия Ю.С. Тетенко [16]. В настоящее время сведения об участниках судебного производства по данному делу, в том числе о защитнике и представителе компетентного органа, скрыты. Подсудимому лицу вменялось неоднократное размещение в открытой группе одной из социальных сетей призывов к насильственным действиям по национальному признаку. По мнению суда, освобождение данного лица от уголовной ответственности по рассматриваемому основанию возможно в виду того, что действительный вред от действий последнего отсутствует. В научной литературе также можно встретить мнение, что вследствие минимального круга лиц, которые могли бы ознакомиться с размещенной информацией, отсутствия потенциального риска разжигания ненависти и вражды в обществе содеянное может быть признано малозначительным проступком [8, с. 70], что представляется сомнительным, так как не удалённые из сети Интернет экстремистские комментарии могут побудить их читателей к насильственным действиям в дальнейшем.

Исследование судебной практики также показало, что в отдельных случаях обвиняемые в преступлениях данной категории лица признавали свою вину и считали судебный штраф как законный способ «откупиться» от уголовной ответственности и наказания, рассчитывая на минимальный его размер. В тоже время, когда ожидания на минимальный судебный штраф не оправдывались, то лица отказывались от предыдущих показаний и подавали апелляционные жалобы [17]. В результате вышестоящие суды отменяли постановления судов первой инстанции. По возвращенным уголовным делам суды принимали решение о привлечении к уголовной ответственности и назначении уголовного наказания.

Таким образом, возникает необходимость в формировании единого и системного подхода к юридической оценке и доказательственному процессу по уголовным делам о преступлениях экстремистского и террористического характера. Для этого представляется целесообразным внесение дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 № 11 (в ред. от 20 сентября 2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 № 1 (в ред. от 3 ноября 2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». В частности, закрепить требование судам о необходимости принятия решения о невозвращении материалов экстремистского характера их прежнему владельцу, блокировании или удалении их из свободного доступа, учитывать все без исключения обстоятельства совершения данных преступлений, их общественную опасность. Необходимо установить, что такие меры заглаживания причиненного вреда как принесение извинений государству в лице судьи не является достаточной для принятия решения последним о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, в том числе о назначении судебного штрафа.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст.3031.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 № 35-ФЗ (в ред. от 8 декабря 2020) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения – 19.05.2021).
4. Терроризм и организованная преступность: монография / С.А. Солодовников, Н.Д. Эриашвили, С.Я. Казанцев [и др.]; под редакцией С.А. Солодовников. – 2-е изд. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 247 с.
5. Приговор Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 21 июня 2018 года № 1-221/2018 в отношении Ш.О. Омаргаджиева // ГАС РФ «Правосудие». – URL: https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=3_4829b4a7064e74e15e8e26b2da22420f&shard (дата обращения: 19.05.2021).
6. Приговор Чегемского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 8 мая 2019 года № 1-1144/2019 в отношении М.Ф. Фахриева // ГАС РФ «Правосудие». – URL: https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=3_b974b8828dc49ac0b3aed56c1d0f5904&shard (дата обращения: 19.05.2021).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // URL: <http://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 19.05.2021).
8. Андрюхин, Н. Г. Предпосылки, содержание и значение новых разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о квалификации и доказывании преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет / Н. Г. Андрюхин, С. В. Борисов // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 4. – С. 67-72. С. 68.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354704/65ada19c8fa7e6d5d9a6ebf9141409bfaaf79022/ (дата обращения: 19.05.2021).
10. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 19.05.2021).
11. Саморока В.А., Бекетов М.Ю. Судебная практика по рассмотрению уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – №3. – С. 98-101.
12. Постановление Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 15 ноября 2017 года по делу № 1-576/2017 // Октябрьский районный суд г. Новосибирска: официальный сайт. URL: https://oktiabrsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=216239559&case_uid=43e08f74-25b2-4031-827e-63fc360b9512&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 19.05.2021).
13. Постановление Октябрьского районного суда города Иваново от 19 мая 2020 г. по делу № 1-128/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jobivtMr4kHJ/> (дата обращения: 19.05.2021).
14. Постановление Благовещенского городского суда Амурской области от 16 сентября 2020 г. по делу № 1-1008/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3m0UdguwPTVJ/> (дата обращения: 19.05.2021).
15. Апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 26 августа 2020 г. по делу № 22-2020/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Eh7FVLUXl3O/> (дата обращения: 19.05.2021).
16. Постановление Саяногорского городского суда Республики Хакасия от 24 октября 2018 года по делу № 1-220/2018 (19RS0003-01-2018-002160-98) // Саяногорский городской суд Республики Хакасия: официальный сайт. URL: https://saianogorsky--hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13640142&case_uid=5f2e37a5-373d-440b-9277-d98ab1398b66&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 19.05.2021).
17. Постановление Центрального районного суда г. Тюмени от 7 марта 2017 года по делу № 1-205/2017 (72RS0025-01-2017-000089-21) // Центральный районный суд г. Тюмени: официальный сайт. URL: https://centralny--tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=95355087&case_uid=03c8c775-5044-4661-a9a1-a571a921acfd&delo_id=1540006&new= (дата обращения: 19.05.2021).

Ravnushkin A. V. On the problems of the application of criminal procedure and criminal laws by the courts when making decisions in criminal cases on crimes of extremist and terrorist orientation of small and medium gravity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 195-201.

The author analyzes judicial statistics on crimes of an extremist and terrorist nature and judicial practice on the consideration of criminal cases on crimes of this category of small and medium gravity, and studies the scientific literature on this issue. Despite the fact that these crimes are not the most common, however, in view

of their public danger, they cause a strong public response. It is established that the judicial practice in cases of this category is multidirectional, and in some cases contradicts the materials of criminal cases, the decisions of the courts were made as a result of improper application of the criminal law. At the same time, even if the courts take into account all the circumstances of the crime of small and medium gravity of this direction, the current legislation allows the courts to actively terminate criminal cases (criminal prosecution) on non-rehabilitating grounds, including in connection with the appointment of a court fine. In order to form a unified and systematic approach to the legal assessment and evidentiary process in criminal cases of crimes of an extremist and terrorist nature, the author proposes to make additions to the resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: extremism, terrorism, crimes of extremist and terrorist orientation, propaganda of terrorism, public justification of terrorism, extremist activity, incitement of hatred or enmity.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 25 iyulya 2002 № 114-FZ (v red. ot 8 dekabrya 2020) «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2002. №30. St.3031.
2. Federal'nyj zakon ot 6 marta 2006 № 35-FZ (v red. ot 8 dekabrya 2020) «O protivodejstvii terrorizmu» // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2006. № 11. St. 1146.
3. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu ugovolnyh del po pervoj instancii za 12 mesyacev 2020 goda // *Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii*: [sajt]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (data obrashcheniya – 19.05.2021).
4. Terrorizm i organizovannaya prestupnost': monografiya / S.A. Solodovnikov, N.D. Eriashvili, S. YA. Kazancev [i dr.]; pod redakciej S. A. Solodovnikov. — 2-e izd. — Moskva : YUNITI-DANA, 2017. — 247 c.
5. Prigovor Pushkinskogo rajonnogo suda g. Sankt-Peterburga ot 21 iyunya 2018 goda №1-221/2018 v otnoshenii SH.O. Omargadzhieva // *GAS RF «Pravosudie»*. — URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=3_4829b4a7064e74e15e8e26b2da22420f&shard (data obrashcheniya: 19.05.2021).
6. Prigovor CHegemskogo rajonnogo suda Kabardino-Balkarskoj Respubliki ot 8 maya 2019 goda № 1-1144/2019 v otnoshenii M.F. Fahrieva // *GAS RF «Pravosudie»*. — URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=3_b974b8828dc49ac0b3aed56c1d0f5904&shard (data obrashcheniya: 19.05.2021).
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20 sentyabrya 2018 g. № 32 «O vnese-nii izmenenij v postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 iyunya 2011 g. № 11 «O sudebnoj praktike po ugovolnym delam o prestupleniyah ekstremistskoj napravlenosti» // URL: <http://www.vsrfr.ru> (data obrashcheniya: 19.05.2021).
8. Andryuhin, N. G. Predposylki, sodержanie i znachenie novyh raz'yasnenij Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii o kvalifikacii i dokazyvanii prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti, sovershaemyh s ispol'zovaniem seti Internet / N. G. Andryuhin, S. V. Borisov // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Ros-sii*. — 2019. — № 4. — S. 67-72. S. 68.
9. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii N 1 (2020) (utv. Prezidiumom Verhov-nogo Suda RF 10.06.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354704/65ada19c8fa7e6d5d9a6ebf9141409bfaaf79022/ (data obrashcheniya: 19.05.2021).
10. Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu ugovolnyh del po pervoj instancii za 12 mesyacev 2020 goda // *Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii*: [sajt]. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (data obrashcheniya: 19.05.2021).
11. Samoroka V.A., Beketov M.YU. Sudebnaya praktika po rassmotreniyu ugovolnyh del o prestupleniyah ekstremistskoj napravlenosti // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. — 2014. — №3. — S. 98-101.
12. Postanovlenie Oktyabr'skogo rajonnogo suda g. Novosibirsk ot 15 noyabrya 2017 goda po delu № 1-576/2017 // Oktyabr'skij rajonnij sud g. Novosibirsk: oficial'nyj sayt. URL: https://oktiabrskiy--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sv_num=1&name_op=case&case_id=216239559&case_uid=43e08f74-25b2-4031-827e-63fc360b9512&delo_id=1540006&new= (data obrashcheniya: 19.05.2021).
13. Postanovlenie Oktyabr'skogo rajonnogo suda goroda Ivanovo ot 19 maya 2020 g. po delu № 1-128/2020 // *Sudebnye i normativnye akty RF*: sayt. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jobivtMr4kHJ/> (data obrashcheni-ya: 19.05.2021).
14. Postanovlenie Blagoveshchenskogo gorodskogo suda Amurskoj oblasti ot 16 sentyabrya 2020 g. po delu № 1-1008/2020 // *Sudebnye i normativnye akty RF*: sayt. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3m0UdguwPTVJ/> (data obrashcheniya: 19.05.2021).
15. Apellyacionnoe postanovlenie Orenburgskogo oblastnogo suda ot 26 avgusta 2020 g. po delu № 22-2020/2020 // *Sudebnye i normativnye akty RF*: sayt. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Eh7FVLUXl3O/> (data obrashcheniya: 19.05.2021).
16. Postanovlenie Sayanogorskogo gorodskogo suda Respubliki Hakasiya ot 24 oktyabrya 2018 goda po delu №1-220/2018 (19RS0003-01-2018-002160-98) // *Sayanogorskij gorodskoj sud Respubliki Hakasiya*: ofi-

cial'nyj sajt. URL: https://saianogorsky-hak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13640142&case_uid=5f2e37a5-373d-440b-9277-d98ab1398b66&delo_id=1540006&new= (data obrashcheniya: 19.05.2021).

17. Postanovlenie Central'nogo rajonnogo suda g. Tyumeni ot 7 marta 2017 goda po delu № 1-205/2017 (72RS0025-01-2017-000089-21) // Central'nyj rajonnyj sud g. Tyumeni: oficial'nyj sajt. URL: https://centralny-tum.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=95355087&case_uid=03c8c775-5044-4661-a9a1-a571a921acfd&delo_id=1540006&new= (data obrashcheniya: 19.05.2021).

.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО;
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

УДК 347.451.02

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-202-208

**УСЛОВИЕ О КАЧЕСТВЕ ТОВАРА, ОПРЕДЕЛЯЕМОЕ КОНКРЕТНЫМИ
ЦЕЛЯМИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ЕГО ПОКУПАТЕЛЕМ: АНАЛИЗ
СИСТЕМНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

Аблятинова Н. А., Кравцова А. А.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Одним из критериев определения требований к качеству товара выступают конкретные цели приобретения товара, которые покупатель сообщает продавцу. Между тем, существует правовая неопределенность по вопросу о возложении риска наступления неблагоприятных последствий на участников договора купли-продажи, когда покупатель желает приобрести товар для конкретных целей, которые не соответствуют объективному назначению товара, и получив полную информацию о товаре, будучи извещенным о препятствиях в использовании товара в обозначенных целях настаивает на его передаче в собственность. В связи с этим авторами исследуются способы извещения продавца о конкретных целях приобретения товара покупателем, условия возникновения обязанности передать товар, качество которого соответствует таким целям, в системе отношений, вытекающих из таких видов договора купли-продажи, как договор розничной купли-продажи и договор поставки. На основе анализа законодательства и материалов судебной практики выделены проблемы применения положения п. 2 ст. 469 ГК РФ, п. 3 ст. 4 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей». По результатам работы, авторами выведены практические предложения и рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: качество товара, цели приобретения товара, договор купли-продажи, договор розничной купли-продажи, права потребителя, договор поставки, риск наступления неблагоприятных последствий.

Положения части второй Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] о договоре купли-продажи и Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1) [2], содержащий специальные нормы, применимые к розничной купле продажи, как одному из видов договора купли-продажи, содержат требования к качеству товара, который передается в рамках данных договорных отношений. В частности, качество товара определяется условиями договора купли-продажи, при их отсутствии – обычно предъявляемыми требованиями, которые определяют пригодность товара в использовании для целей, для которых товары такого рода должны обычно использоваться. Вместе с этим, известность продавцу конкретных целей приобретения товара покупателем порождает специальные требования к качеству товара, вытекающие из таких целей (абз. 2 п. 2 ст. 469 ГК РФ [1], п. 3 ст. 4 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 [2]). В связи с этим актуальным выступает вопрос, в какой форме и каким способом, продавец должен быть поставлен в известность о

таких целях. Рассмотрим данный вопрос детальнее применительно к договору розничной купли-продажи и договору поставки, как видов договора купли-продажи.

Например, как видно из содержания Апелляционного определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым от 17 февраля 2016 г. по делу № 33-1273/2016, потребителем приобретен Wi-Fi роутер, радиус распространения интернет-сигнала которого был небольшим, между тем, это не отвечало ожиданиям истца и его намерениям по использованию данного товара. Однако, судом определено, что продавец все возложенные на него обязанности, включая информационные, исполнил надлежащим образом, в связи с существованием таких фактических обстоятельств дела, как: 1) наличие информации о технических характеристиках товара на русском языке на коробке, в которой был упакован товар; 2) несообщение продавцу при совершении покупки требований к радиусу действия роутера (судом указанное обстоятельство квалифицировано, как отсутствие указания на конкретные цели приобретения товара) [3]. Из изложенного усматривается, что технические характеристики товара считаются известными потребителю при заключении договора, особые требования к характеристикам для использования товара в конкретных целях продавцу сообщены не были.

Соответственно, приведенный пример из судебной практики отражает общие условия, которые определяют возникновение специальных требований, предъявляемых к качеству товара при совершении сделки в устной форме: в месте совершения сделки, перед ее заключением, покупатель оговаривает конкретные цели приобретения товара, ставит в известность о них продавца.

Вместе с этим прослеживается связь между информационными обязанностями продавца и исполнением обязанности передать товар надлежащего качества: если потребитель непосредственно при покупке товара не известил о конкретных целях приобретения товара, а продавец предоставил необходимую информацию о товаре, то обязанности продавца исполнены надлежащим образом.

В контексте исследуемого вопроса применительно к отношениям из договора поставки, как вида договора купли-продажи можно отметить следующее.

Из Постановления арбитражного апелляционного суда от 28.07.2014 г. № АП-10847/14 следует вывод: для того, чтобы действовали специальные требования к качеству передаваемого товара, обусловленные строго определенными целями использования товара покупателем, такие цели должны быть указаны в договоре. Если цель приобретения товара неизвестна контрагенту, либо таковая становится известна поставщику после заключения договора, обязанность передать товар, соответствующий данной конкретной цели, не возникает. В таком случае, если имеет место поставка товара, который не отвечает цели покупателя, условие о качестве товара соблюдено поставщиком [4].

Из данного примера следует, что о конкретных целях использования товара, для которых он приобретается покупатель должен добросовестно сообщить продавцу до заключения договора. Конкретные цели использования товара должны быть отражены в условиях договора о качестве товара.

В данном случае были рассмотрены отношения из договора поставки. В тоже время в отношении другого вида – договора розничной купли-продажи, отмечая специфику данных правоотношений, особый субъектный состав, положение

потребителя, А.Е. Шерстобитов отмечает, специальные требования к качеству товара, определяемые целями его приобретения обязательным для продавца даже если таковые не оговорены в договоре.

В связи с указанным интересными представляются следующие судебные акты, которые будут проанализированы далее. Обратимся к Апелляционному определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 21 июля 2015 г. по делу N 33-537/2015. В частности, как видно из содержания судебного постановления, потребитель приобрел систему очистки воды. Выступая заявителем апелляционной жалобы, покупатель ссылается на то, что при покупке товара ему было сообщено ответчиком – продавцом о возможности использования товара в условиях проживания покупателя. В домовладении, где заявитель апелляционной жалобы намеревался использовать данное устройство отсутствует централизованная система водоснабжения. Потребитель полагает, что очистное устройство нельзя использовать в условиях его проживания, поскольку руководство по его эксплуатации содержит указание на то, что прибор работает при наличии определенного давления воды. Суд первой инстанции отказал истцу в возврате денежных средств, уплаченных по договору. Суд апелляционной инстанции оставил данное решение суда без изменения, указал, что истец не устанавливал устройство в своем домовладении и не проверял возможность его использования в имеющихся условиях проживания, доказательств невозможности использования товара при отсутствии системы централизованного водоснабжения не представил [5].

Кроме того, в рассмотренном судебном акте суд апелляционной инстанции обратил внимание на обстоятельства передачи товара. Так, в акте приема-передачи товара содержатся сведения о том, что в присутствии покупателя продавцом осуществлена демонстрация товара, проверка его свойств, покупателем лично произведена проверка качества товара, претензии отсутствуют, потребитель ознакомлен со свойствами товара и инструкцией к нему, ему в полном объеме предоставлена информация о товаре, передано руководство по эксплуатации на русском языке [5].

Указанное позволило суду апелляционной инстанции заключить, что обязанности продавца перед покупателем исполнены надлежащим образом, передан товар надлежащего качества, который пригоден для целей его обычного использования, товар соответствует описанию, указанному в договоре, информационные обязанности продавца исполнены надлежащим образом.

Из анализа данного апелляционного определения можно сделать вывод, если имеют место следующие условия: 1) договор купли-продажи содержит условия о качестве, описание товара, в нем отражены характеристики вещи, передаваемой в собственность по договору; 2) одновременно отсутствуют отдельные условия о конкретных целях использования товара, для которых покупатель его приобретает; 3) товар непосредственно не имеет недостатки, пригоден для целей, для которых он должен обычно использоваться; то указание в документе, подтверждающем передачу товара покупателю, на то, что последний ознакомлен с товаром, его свойствами, комплектацией, инструкцией по использованию, покупателю продемонстрирована работа устройства, информация о товаре предоставлена в полном объеме, и он, в свою очередь, претензий по качеству товара не имеет,

позволяет в определенной мере нивелировать последующие заявления покупателя о непригодности товара для тех целей, для которых он стал использовать товар после приобретения его в собственность.

Между тем, такие положения об осведомленности покупателя о характеристиках товара, его свойствах, инструкции по использованию не всегда в судебной практике расцениваются, как достаточное условие для того, чтобы к качеству товара не предъявлялись специальные требования, которые обусловлены целями использования товара, прямо не оговоренными покупателем. Указанное особенно актуально, когда покупатель намеревается использовать товар не по его непосредственному назначению, или цели использования не в полной мере отвечают такому назначению.

Далее обратимся к Апелляционному определению Московского городского суда от 24 января 2020 г. по делу № 33-1391/2020, которым было отменено решение суда первой инстанции, которым требования истца, связанные с защитой прав потребителя, были оставлены без удовлетворения. Истец по данному делу приобрел для установки в частном доме дверь, в процессе эксплуатации которой появились дефекты, связанные с тем, что дверь имеет прямой контакт с улицей в отсутствие козырька, который должен защищать от прямого воздействия атмосферных осадков и попадания прямых солнечных лучей, теплового тамбура также нет, соответственно, дверь не имеет своим непосредственным предназначением использование ее в качестве наружной (входной) двери в здания, помещения. По причине выявления недостатков, истец потребовал возврата денежных средств, оплаченных по договору. Суд первой инстанции квалифицировал с учетом результатов экспертизы дефекты, как эксплуатационные, пришел к выводу, что истец в полной мере ознакомлен с условиями договора, правилами эксплуатации товара, информация о товаре ему разъяснена и понятна, соответственно, информационные обязанности продавца исполнены надлежащим образом, оснований для наступления гражданско-правовой ответственности продавца не имеется. С такими выводами суда первой инстанции не согласился Московский городской суд, указав на то, что работники продавца осуществляли замеры дверных проемов дома, где должны были быть установлены двери, следовательно, продавцу было известно о конкретных целях использования товара в качестве уличных дверей в загородном доме. Исходя из таких фактических обстоятельств у продавца возникла обязанность передать товар, который можно использовать в качестве входной двери в частном доме. Суд апелляционной инстанции указал, что продавец, зная о цели использования товара и архитектурных особенностях конструкции дома (отсутствие в доме тамбура, козырька над входной дверью) вместе с этим, не предупредил истца о том, что выбранный товар не может быть установлен и не предложил для приобретения иные двери. В результате чего Московский городской суд пришел к выводу, что такой товар не должен был быть установлен для использования в качестве внешних (уличных) дверей, товар не мог быть использован в целях, которые заявлены потребителем. Суд апелляционной инстанции также обратил внимание на положение потребителя, как наиболее незащищенного участника гражданских правоотношений. Покупатель имел право на получение информации о том, что товар не может быть использован в целях, для которых он его приобретает. Соответственно, передан товар ненадлежащего

качества. На основании этого по делу вынесено новое решение, которым требования потребителя удовлетворены, суд апелляционной инстанции обязал продавца возвратить истцу деньги, переданные по договору [6]. К похожим выводам пришел и Стерлитамакский городской суд Республики Башкортостан, который пришел к выводу, что ответчик был осведомлен о конкретных целях использования товара в качестве входной двери в жилой дом, в том числе и потому, что истец не предоставлял самостоятельно необходимые замеры ответчику [7].

Из изложенного можно сделать вывод, что в судебной практике имеет место подход, в соответствии с которым конкретная цель приобретения товара покупателем может быть сообщена до заключения договора в месте предполагаемого использования товара либо явствовать из обстановки.

Однако, рассмотренная возможность извещения продавца в месте будущего использования товара характерна и для другого вида этого договора – договора поставки, равно как и отсутствие ознакомления продавца (поставщика) с местом использования товара и как следствие, целями, которые следуют из обстановки не порождает возникновение специальных требований к качеству товара. Обратимся к позиции, изложенной в Постановлении Второго арбитражного апелляционного суда от 24.09.2014 по делу N A29-1580/2014. В частности, суд указал на отсутствие специальных требований к качеству товара в соответствии с конкретными целями покупателя ввиду того, что договор, заключенный сторонами, не содержал условия об установке товара и использовании его в конкретном помещении и в определенных целях [8].

Соответственно, прослеживается закономерность: продавец может узнать о целях использования товара, если посещает место, где будет использоваться товар потребителем, где ему может быть сообщена цель или таковая будет явствовать из обстановки. Если между сторонами заключен договор, который не содержит элементы конструкции договора подряда (и как следствие не предполагает ознакомление контрагента с местом, условиями и целями использования вещи), не является смешанным договором, а опосредует отношения купли-продажи товара, покупатель не оговорил конкретную цель использования товара до заключения договора, то действуют общие правила закона о качестве товара, без специальных особенностей критериев качества товара, определяемых конкретной целью его использования.

Представляется, что в ситуации, когда покупатель желает приобрести товар и при этом намеревается его использовать не в соответствии с назначением, для которого обычно товары такого рода используются и он о такой цели сообщает продавцу или такая цель явствует из обстановки, не всегда продавец должен нести риск неблагоприятных последствий при продаже такого товара. Прежде всего товар имеет определенное назначение и конкретные цели приобретения товара должны им соответствовать. Если покупатель желает приобрести товар и использовать его для целей, в которых он не должен использоваться или не в полной мере пригоден к использованию, то действуя добросовестно, продавец, зная о таких целях должен разъяснить покупателю о препятствиях в использовании товара в обозначенных целях и предложить иной товар, отвечающий этим целям. В том случае, если после получения таких разъяснений покупатель по каким-либо причинам настаивает на приобретении именно данного конкретного товара, хотя бы он и не в полной мере

может быть использован в соответствии с конкретными целями, то риск наступления неблагоприятных последствий должен лежать на покупателе.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Первое, конкретные цели использования товара должны быть добросовестно сообщены покупателем до заключения договора купли-продажи.

Далее, в случае если сделка совершается в устной форме, то возникновение обязанности продавца передать покупателю товар, качество которого позволяет использовать в соответствии с целями покупателя, если последний в месте совершения сделки, непосредственно перед ее заключением оговаривает такие конкретные цели приобретения товара и тем самым извещает о них продавца. Данная обязанность у продавца не возникает, если покупатель при покупке не указал продавцу цели, которые являются для него определяющими при решении вопроса о приобретении товара, в том числе не обозначил свойства товара, имеющие для него значение во взаимосвязи с такими целями, а продавец предоставил полную информацию о характеристиках товара, которая предполагает действительную возможность осуществления волеизъявления лица на выбор данного конкретного товара.

Вместе с этим следует заключить, если стороны составляют договор в письменной форме, то обязательность требований к качеству товара во взаимосвязи с целями его приобретения может различаться в зависимости от того, какие правоотношения сложились между сторонами: из договора розничной купли-продажи или из договора поставки. В случае с письменным договором поставки, в системе действующего правового регулирования, правоприменительная практика исходит из необходимости указания в тексте договора конкретных целей использования товара, как условия определяющего требования к качеству товара. Применительно к договору розничной купли-продажи имеет место позиция, согласно которой не всегда стороны должны отражать в письменном договоре конкретные цели приобретения товара, чтобы обязательными стали специальные требования к качеству товара, связанные с такими целями, они обязательны, если известны продавцу и не отражены в письменном договоре. В частности, указанное предполагает, что конкретные цели приобретения товара могут являться из обстановки. Между тем, данной подход не лишен недостатков, не исключены случаи, когда обстановка, место, где предполагается использование товара, определяющие цели приобретения товара, становятся известны работнику лица, выступающего продавцом по договору, при этом трудовая функция такого работника сама по себе не предполагает обязанность по осуществлению продажи товара. В частности, это связано с деятельностью работников такого лица, в обязанность которых является установление на месте необходимых линейных размеров товара – (длины, ширины, высоты). Соответственно, это обуславливает возможность существования злоупотреблений со стороны потребителя, действующего недобросовестно. Кроме того, недобросовестность потребителя может проявляться в случаях, когда он осознанно приобретает товар, назначение которого не отвечает целям приобретения, являющимся из обстановки, а затем, указывая на ненадлежащее качество товара требует возврата оплаты товара. В связи с этим необходимо дополнить положения п. 2 ст. 469 ГК РФ, п. 3 ст. 4 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 и конкретизировать, что в случае, если цель приобретения

товара, которую сообщил покупатель продавцу объективно не соответствует назначению товара и после того, как продавцом в письменной форме разъяснено покупателю о препятствиях в использовании товара в указанных им целях, предложено приобрести иной товар, но покупатель настаивает на приобретении данного конкретного товара, что также отражается письменно, то риск наступления неблагоприятных последствий лежит на покупателе и он лишается возможности ссылаться на ненадлежащее качество товара в части несоответствия его целям приобретения, которые не отвечают назначению товара.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. N 5 ст. 410
2. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 22.12.2020) «О защите прав потребителей» // Российская газета от 7 апреля 1992 г.
3. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым от 17 февраля 2016 г. по делу N 33-1273/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: Гарант. Архив судебных решений – URL: <http://arbitr.garant.ru/document?id=140490194&sub=0> (дата обращения: 20.04.2021)
4. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 июля 2014 г. N 15АП-10847/14 [Электронный ресурс] // Режим доступа: Гарант-Образование – URL: <http://study.garant.ru/document/redirect/60256424/0> (дата обращения: 20.04.2021)
5. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 21 июля 2015 г. по делу N 33-537/2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: Гарант. Архив судебных решений – URL: <http://arbitr.garant.ru/document?id=135208241&sub=0> (дата обращения: 20.04.2021)
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.01.2020 по делу N 33-1391/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2021)
7. Решение Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 22 февраля 2019 г. по делу № 2-9/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: Судебные и нормативные акты РФ – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AP7gwxevuqo8/> (дата обращения: 20.04.2021)
8. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 24.09.2014 по делу N A29-1580/2014 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2021)

Ablyatipova N.A., Kravtsova A.A. The condition of the quality of the goods, which is determined by the specific objectives of the purchase by the buyer: analysis of the system of law enforcement practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 2. – P. 202-208.

One of the criteria for determining the requirements for the quality of the product is the specific purpose of the purchase of the product, which the buyer informs the seller. Meanwhile, there is legal uncertainty on the issue of assigning the risk of adverse consequences to the parties to the contract of sale, when the buyer wants to purchase the goods for specific purposes that do not correspond to the objective purpose of the goods, and having received full information about the goods, being notified of obstacles to the use of the goods for the designated purposes, insists on its transfer to ownership. In this regard, the authors investigate the ways of notifying the seller about the specific purposes of the purchase of goods by the buyer, the conditions for the obligation to transfer the goods, the quality of which corresponds to such purposes, in the system of relations arising from such types of sales contracts as retail sales contracts and delivery contracts. Based on the analysis of legislation and materials of judicial practice, the problems of applying the provisions of paragraph 2 of Article 469 of the Civil Code of the Russian Federation, paragraph 3 of Article 4 of the Law of the Russian Federation of 07.02.1992 N 2300-1 "On Consumer Rights Protection" are highlighted. Based on the results of the work, the authors have developed practical proposals and recommendations for improving the legislation.

Keywords: product quality, product purchase objectives, purchase and sale agreement, retail sale agreement, consumer rights, delivery agreement, risk of adverse consequences.

Spisok literatury

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 09.03.2021) // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 janvarja 1996 g. N 5 st. 410.
2. Zakon RF t 07.02.1992 N 2300-1 (red. ot 22.12.2020) «O Zashhite prav potrebitel'ej» // Rossijskaja gazeta ot 7 aprelja 1992 g.
3. Apelljacionnoe opredelenie SK po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 17 fevralja 2016 g. po delu N 33-1273/2016 [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: Garant. Arhiv sudebnyh reshenij – URL: <http://arbitr.garant.ru/document?id=140490194&sub=0> (data obrashhenija: 20.04.2021).
4. Postanovlenie Pjatnadcatogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 28 ijulja 2014 g. N 15AP-10847/14 [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: Garant-Obrazovanie – URL: <http://study.garant.ru/document/redirect/60256424/0> (data obrashhenija: 20.04.2021).

5. Apelljacionnoe opredelenie SK po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda Respubliki Kalmykija ot 21 ijulja 2015 g. po delu N 33-537/2015 [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: Garant. Arhiv sudebnyh reshenij – URL: <http://arbitr.garant.ru/document?id=135208241&sub=0> (data obrashhenija: 20.04.2021).
 6. Apelljacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 24.01.2020 po delu N 33-1391/2020 [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija: 20.04.2021).
 7. Reshenie Sterlitamaskogo gorodskogo suda Respubliki Bashkortostan ot 22 fevralja 2019 g. po delu № 2-9/2019 [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: Sudebnye i normativnye akty RF – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AP7gwxevuqo8/> (data obrashhenija: 20.04.2021).
 8. Postanovlenie Vtorogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda ot 24.09.2014 po delu N A29-1580/2014 [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashhenija: 20.04.2021).
- .

УДК 347.440.76

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-209-212

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА И ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА

Бахриева З. Р., Муртазаева А. А.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Настоящее исследование посвящено правовому анализу и проблеме разграничения предварительного договора и опциона на заключение договора. В статье анализируются признаки указанных правовых конструкций, а также делается вывод о том, что, не смотря на большую схожесть, имеется много существенных различий, подчеркивающих их особенности и самостоятельность. При этом авторами отмечается, что конструкция предварительного договора, гарантирующего заключение договора, является более жесткой, в отличие от опциона, не обязывающего, а предоставляющего право на заключение договора.

Ключевые слова: договор, форма договора, содержание договора, заключение договора, опцион на заключение договора, опционный договор, предварительный договор.

Договор играет главную роль в регулировании отношений между участниками имущественного оборота. При этом, учитывая большое разнообразие существующих видов гражданско-правовых договоров, нам представляется достаточно актуальным обращение к проблеме, связанной с применением схожих договорных конструкций, имеющих, на самом деле, существенные различия.

Так, с введением Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ в ГК РФ [1] института опциона появились правовые нормы – ст. 429.2 и ст. 429.3, регламентирующие опцион на заключение договора и опционный договор, в том числе, что требует дополнительного толкования, так как в российском гражданском праве имеется схожая конструкция, призванная обеспечивать заключение основного договора с помощью предварительного договора.

Соответственно, существует необходимость выполнения специального исследования, посвященного проблеме разграничения предварительного договора и опциона на заключение договора, значительно осложняющих на сегодняшний день их применение на практике из-за некоторой схожести.

Прежде всего, предлагаем разобраться с характеристикой предварительного договора. Обращаясь к контексту п. 1 ст. 429 ГК, выявляем, что сущность предварительного договора заключается в достижении сторонами договоренности о заключении основного договора в будущем, причем это может быть договор и о передаче имущества, и о выполнении работ или оказании услуг, но именно на тех условиях, которые были предусмотрены предварительным договором.

Далее, анализируя п. 2 ст. 429 ГК, можно сделать вывод о необходимости соблюдения установленного законодателем правила о единой форме для предварительного и основного договоров, а также требования о том, что если форма основного договора не установлена, то, как минимум, предварительный договор должен иметь письменную форму. При этом также прямо указывается на то, что несоблюдение указанных правил влечет ничтожность предварительного договора.

В предварительном договоре должны содержаться условия, позволяющие установить предмет, а также условия основного договора, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение при заключении предварительного договора, то есть, иными словами, в предварительном договоре должны указываться все существенные условия основного договора.

Но здесь следует указать, что, не смотря на то, что в п. 4 ст. 429 ГК содержится правило о необходимости согласования в предварительном договоре срока, в течение которого стороны обязуются заключить основной договор, считаем, что срок не относится к существенным условиям предварительного договора, так как если он не будет указан, тогда основной договор необходимо заключить в течение года с момента заключения предварительного договора. В свою очередь, что касается опциона на заключение договора, то согласно п. 1 ст. 429.2. ГК в силу такого соглашения одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных опционом. Причем опцион на заключение договора предоставляется за плату или другое встречное предоставление, если иное не предусмотрено соглашением, в том числе заключенным между коммерческими организациями.

Следовательно, второй стороне предоставлено право заключить договор путем акцепта на оферту в предусмотренные опционом сроки и условия. Более того, допускается, что опционом на заключение договора может быть предусмотрено то, что акцепт возможен только при наступлении определенного таким опционом условия, в том числе зависящего от воли одной из сторон.

Многими юристами появление возможности реализации опционных схем расценивается как «большой шаг в развитии российского права, который... позволяет использовать ключевые механизмы, используемые в западных странах» [2, с. 83].

С.О. Макачук отмечает, что модель опциона «реципирована из американского права», при этом автор также подчеркивает, что необходимо все же учитывать сложившуюся цивилистическую доктрину [3, с. 170].

Отметим, что если для заключения предварительного договора необходимо волеизъявление обеих сторон, так как это обязанность обеих сторон, то по опциону обязанность заключить договор возникает только у стороны-оферента, причем оферта является безотзывной, а вторая сторона - акцептант имеет только право, но не обязанность, то есть заключение договора зависит от воли одной стороны.

В отличие от опциона по опционному договору плата вносится за предоставление права требовать совершения действий, предусмотренных этим договором. Однако, как и с опционом, по общему правилу, если управомоченная сторона не заключит договор по опциону или не воспользуется своим правом требования в течение действия опционного договора, и он прекратит свое действие, то платеж не возвращается. А в отношении предварительного договора плата за заключение договора вообще не предусмотрена, что подчеркивает его безвозмездность. Что касается различий между опционом и опционным договором, то в первом случае у стороны имеется право требовать заключение договора, а во втором – требовать исполнения договора. В юридической литературе даже формулировалось предложение о целесообразности закрепления указанных

институтов в качестве самостоятельных договорных конструкций [4]. При этом, на наш взгляд, опцион более схож с предварительным договором, так как влечет необходимость заключения основного договора. Однако держатель опциона может и не воспользоваться этим правом.

Таким образом, в отличие от предварительного договора и опцион, и опционный договор не обязывают сторону, а лишь предоставляют ей право: в случае с опционом – право заключить договор, а по опционному договору – право требовать совершения определенных действий от другой стороны. Отметим, что это очень удобно тогда, когда имело место существенное изменение обстоятельств. А что касается обязанной стороны, то она как бы поставлена в состоянии ожидания, что соответствует ст. 327.1 ГК, согласно которой «исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству, может быть обусловлено совершением или несвершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон».

Правилom, изложенным в п. 2 ст. 429.2. ГК, устанавливается, что когда опционом на заключение договора срок для акцепта безотзывной оферты не установлен, то этот срок считается равным одному году, если иное не вытекает из существа договора или обычаев, то есть, срок установлен такой же, как и для заключения предварительного договора. Также частично совпадает с п. 3 ст. 429 ГК (о предварительном договоре) правило, закрепленное в п. 4 ст. 429.2. ГК о необходимости указания в опционе на заключение договора условий, позволяющих определить предмет и другие существенные условия договора, подлежащего заключению. Кроме того, как и в отношении предварительного договора, законодатель установил требование о том, чтобы опцион на заключение договора заключался в форме, установленной для договора, подлежащего заключению.

Настоящее исследование было бы неполным без анализа последствий несоблюдения обязательств. В частности, по предварительному договору если одна из сторон будет уклоняться от заключения основного договора, то другая сторона может требовать в судебном порядке понуждения к заключению основного договора в течение шести месяцев с момента неисполнения обязательства по заключению договора. В случае с опционом на заключение договора понуждения к заключению договора нет. Также, что касается прекращения обязательств, предусмотренных предварительным договором, они прекращаются, если до окончания срока, в который стороны должны заключить основной договор, он не будет заключен, либо одна из сторон не направит другой стороне предложение заключить этот договор. Что касается опционного договора, он прекращается, если управомоченная сторона не заявит требование в указанный срок.

Наконец, еще одной важной особенностью является то, что права по опциону на заключение договора могут быть уступлены другому лицу, а по предварительному договору сторона не может себя заменить третьими лицами, то есть правопреемство в случае с предварительным договором недопустимо.

Н.А. Аблятипова и В.А. Адлер в своей статье, посвященной сравнительному анализу предварительного договора и опциона на заключение договора, неоднократно и вполне обоснованно называют указанные конструкции смежными.

В то же время, авторы указывают и отличительные черты, подчеркивая, в том числе, особый характер взаимоотношений участников. Так, по их мнению, «опцион на заключение договора имеет алеаторный характер, так как в силу непредсказуемости рынка возникает риск того, что он так и не будет реализован. В свою очередь, предварительный договор является меновым, так как основной договор в будущем будет заключен на предусмотренных в нем условиях» [5, с. 276].

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сформулировать вывод о том, что опцион на заключение договора во многом схож с предварительным договором, однако имеются существенные различия, подчеркивающие особенности и самостоятельность указанных правовых конструкций. При этом, на наш взгляд, конструкция предварительного договора, гарантирующего заключение договора, является более жесткой, в отличие от опциона, не обязывающего, а лишь предоставляющего право на заключение договора.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32 ст. 3301.
2. Соловьев В.Н. Опцион на заключение договора и опционный договор / В.Н. Соловьев // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 80 – 83.
3. Макачук С.О. О взаимозависимости опционного договора и опциона на заключение договора /О.С. Макачук //Вестник Московского университета МВД СССР. 2015. № 2. С. 169-171.
4. Солдаткина Р.Н. Правовая природа опциона на заключение договора и опционного договора, их соотношение между собой и с предварительным договором / Р.Н. Солдаткина // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-optiona-na-zaklyuchenie-dogovora-i-optsiionnogo-dogovora-ih-sootnoshenie-mezhdu-soboy-i-s-predvaritelnym-dogovorom> (дата обращения 10.04.21).
5. Аблятипова Н.А. Соотношение правовых конструкций предварительного договора и опциона на заключение договора: анализ теории и системности правоприменительной практики / Н.А. Аблятипова, А.В. Адлер // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 270-280.

Bakhrieva Z.R., Murtazaeva A.A. Similarities and differences of the preliminary agreement and the option to conclude the agreement / Z. R. Bakhrieva, A. A. Murtazaeva // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical sciences. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 209-212.

This study is devoted to the legal analysis and the problem of distinguishing between a preliminary agreement and an option to conclude the agreement. The article analyzes the signs of these legal structures, also concludes that, despite the similarities, there are many significant differences that emphasize their features and independence. At the same time, the authors note that the structure of the preliminary agreement, which guarantees the conclusion of the agreement, is more stringent, in contrast to the option, which does not oblige, but gives the right to conclude the agreement.

Keywords: agreement, form of agreement, content of the agreement, conclusion of the agreement, option to conclude the agreement, option agreement, preliminary agreement.

Spisok literatury

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 08.12.2020) // Sbornik zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrya 1994 g. N 32 st. 3301.
2. Solov'ev V.N. Opcion na zaklyuchenie dogovora i opcionnogo dogovora / V.N. Solov'ev // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2018. № 4. S. 80 – 83.
3. Makarchuk S.O. O vzaimozavisimosti opcionnogo dogovora i opciona na zaklyuchenie dogovora /O.S. Makarchuk //Vestnik Moskovskogo universiteta MVD SSSR. 2015. № 2. S. 169-171.
4. Soldatkina R.N. Pravovaya priroda opciona na zaklyuchenie dogovora i opcionnogo dogovora, ih sootnoshenie mezhdu soboy i s predvaritel'nym dogovorom / R.N. Soldatkina // Byulleten' nauki i praktiki. 2018. T. 4. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-optiona-na-zaklyuchenie-dogovora-i-optsiionnogo-dogovora-ih-sootnoshenie-mezhdu-soboy-i-s-predvaritelnym-dogovorom> (data obrashcheniya 10.04.21).
5. Ablyatipova N.A. Sootnoshenie pravovykh konstrukcij predvaritel'nogo dogovora i opciona na zaklyuchenie dogovora: analiz teorii i sistemnosti pravoprimenitel'noj praktiki / N.A. Ablyatipova, A.V. Adler // Uchenye

zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2021. T. 7 (73).
№ 1. S. 270-280..

УДК 34.03

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-213-218

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА

Трифопова К. В., Вишневская В. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматриваются особенности правового статуса государства, как субъекта наследственных правоотношений. Авторы изучают проблемные вопросы, возникающие при наследовании выморочного имущества, условия отнесения имущества к выморочному, а также анализируется правовое регулирование исследуемого института. Метод анализа в данном случае необходим для полноценного научного исследования вопроса отнесения имущества к категории выморочного имущества согласно законодательству. Авторы также рассматривают зарубежный опыт регулирования института выморочного имущества. В заключении авторы делают вывод о том, что исследуемые проблемы в сфере урегулирования согласно с п. 3 ст. 1151 ГК РФ принятием отдельного федерального закона о наследовании выморочного имущества. В соответствии с этим законом необходимо урегулировать выявление, учет и оформление выморочного имущества в собственность государства.

Ключевые слова: государство, наследник, недостойные наследники, наследование по закону, наследование по завещанию, выморочное имущество.

Общее понимание института выморочного имущества как в отечественном, так и зарубежном правовом порядке связано с тем, что таковым признается часть наследственной массы, которая остается после смерти наследодателя, в случае, если оно не было передано в порядке наследования по закону или по завещанию, или составленное завещание было аннулировано.

Одной из актуальнейших проблем в исследуемой сфере выступает судьба выморочного имущества – наследства, которое осталось после смерти лица при физическом или юридическом отсутствии наследников, как по закону, так и по завещанию. К.К. Гасанов писал: «что есть две основные системы определения правовой природы принадлежности выморочного имущества» [1, с. 264].

Выделяя первую систему К.К. Гасанов называл ее: «титлом наследования, которым опосредуется переход к государству права собственности на выморочное имущество, присуще России, Италии, Испании и другим странам. Вторая – на праве оккупации государству переходит бесхозное имущество. Англия, США, Франция. Это имеет большое практическое значение. Предположим, гражданин РФ умер за рубежом, при этом не имея наследников. Его имущество соответственно достается России. Если переход этого имущества будет осуществляться по праву оккупации, оно перейдет государству, на территории которого умер гражданин РФ или оставил имущество. Согласно договорам РФ с большинством стран бывшего СССР движимое имущество, «передается в собственность этих государств» [1, с. 265].

Идея римского права о выморочном имуществе легла в основу современного законодательства ряда стран и поддерживается до сих пор [2, с. 265]. По российскому законодательству в данных случаях имущество переходит к государству как наследнику. В некоторых странах, особенно в США, Франции,

Австрии, существует несколько иной подход, однако похожий на российский – государство получает это имущество, по так называемому праву оккупации, то есть, поскольку это имущество находится без присмотра, оно должно перейти государству.

Так, например, § 1936 ГГУ определяет право государства на наследование по закону, если к моменту открытия наследства у наследодателя не осталось ни родственников, ни супруга или партнера [3]. Аналогичное правило содержится в § 760 Всеобщего гражданского кодекса Австрии: «...если не имеется ни одного лица, уполномоченного на наследование, или если никто не принял наследства, то наследственная масса как выморочное имущество становится собственностью государства» [4, с. 461].

Особый интерес представляет рассмотрение вопроса о наследовании по закону стран бывшего СССР. Согласно закону, помимо наследников – физических лиц, можно обнаружить в качестве наследников публично-правовые образования, призываемые к наследованию выморочного имущества [5, с. 38].

В таких странах как Азербайджан, Грузия и Туркменистан, выморочное имущество в виде акций общества или доли, пая в кооперативе переходит к публично-правовым образованиям, а если наследодатель находился на полном государственном обеспечении в организации для престарелых, инвалидов, лечебные, воспитательные учреждения и организации.

Различия в обосновании права государства на выморочную собственность имеет большое практическое значение. Подтверждение вышесказанному – «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.» от 22.01.1993 в ст. 46 предусматривается следующее правило: «если по законодательству страны, подлежащему применению при наследовании, наследником является государство, то движимое наследственное имущество переходит государству, гражданином которого является наследодатель в момент смерти, а недвижимое наследственное имущество переходит государству, на территории которого это имущество находится» [6].

Необходимо констатировать тот факт, что почти полное отсутствие международной унификации норм гражданского права в сфере наследования связано с различными факторами: с нравственными ценностями, национальными традициями, с наследственным законодательством каждой страны, его уникальным своеобразием. И как следствие этого межгосударственные отношения в области наследования в основном регулируются коллизионными нормами.

Важную роль в регулировании наследования играет Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений, которая была принята на 9-й Гаагской конференции международного частного права 5.10.1961 [7, с. 664]

Конвенция фактически рассматривает все возможные виды коллизионных привязок, регламентирующих форму завещания. В ней приняли участие около тридцати государств. Россия, к сожалению, не участвует в данной конвенции. Стоит отметить, что применение коллизионных норм в Конвенции не зависит от требований взаимности. Другими словами, данный документ применяется независимо от того, являются ли наследники, наследодатели и иные заинтересованные лица гражданами государства — участника Конвенции.

В российской практике, имущество может стать выморочным по ряду оснований. Так, наследодатель может не иметь наследников по закону и не оставить завещания, либо завещание будет признано недействительным, либо наследники откажутся от вступления в наследство, либо будут отстранены от наследования в соответствии со ст. 1117 ГК РФ [8], как недостойные наследники.

По мнению ряда авторов, все возможные случаи выморочности наследственного имущества, отраженные в п. 1 ст. 1151 ГК РФ, и данный список является исчерпывающим [9, с. 246]. Тем не менее, по нашему мнению, данное утверждение спорно. К примеру, имущество может стать выморочным, если наследник умрет, не приняв наследство по наследственной трансмиссии.

Отсутствие наследников по закону означает, что отсутствуют не только, наследники указаны в ст. 1142, 1143, 1144 и 1145 ГК РФ, которые определяют очереди наследования, но также и наследники, которые определены ст. 1146, 1147, 1148, 1158 ГК РФ [7]. Так же речь идет об отсутствии детей, зачатых при жизни наследодателя и родившихся в пределах трехсот дней после его смерти.

Так же важно отметить об отсутствии обязательной доли в наследстве, в случае. Если наследодатель по тем или иным соображениям принял решение составить завещание и лишить кого-либо из наследников по закону его доли в наследстве.

Так же наследники могут быть признаны недостойными, либо в силу прямого указания закона, либо по решению суда. Если в первом случае, недостойные наследники лишаются права наследовать как по закону. Так и по завещанию, то во втором случае, если наследодатель в последующем сделает завещательное распоряжение в отношении них, они смогут иметь наследственные права [10, с. 47].

Сознательное непринятие наследуемого имущества наследниками чаще всего происходит в связи с претензиями различных кредиторов в отношении наследодателя. Отказ от наследства является односторонней сделкой, т.е. волеизъявлением гражданина. От данной сделки следует отличать случаи, когда наследник фактически вступил в право наследования, но умер, не успев оформить данное право. В этом случае, его доля не распределяется между другими наследниками и на эту долю будут претендовать уже наследники умершего.

Наличие указанных в п. 1 ст. 1151 Гражданского кодекса РФ оснований выморочности наследства в случае возникновения спора подлежит доказыванию в судебном порядке. Единой практики по данной категории дел на настоящий момент не выработано. Не редки случаи отказа государству в выдаче свидетельства о праве на наследство ввиду недоказанности факта выморочности такого имущества [11].

Государство вступает в наследственные правоотношения в двух случаях: 1) в случае, если Российская Федерация указана в качестве наследника по завещанию. В данном случае РФ наследует на общих основаниях наследования по завещанию, и процедура наследования не отличается от процедуры принятия наследства любым субъектом наследственных правоотношений; 2) в случае наследования выморочного имущества. В данном случае, наследование происходит как бы за рамками существующей процедуры наследования, как по закону, так и по завещанию. Таким образом, можно говорить о том, что наследование государством выморочного имущества является самостоятельным основанием перехода наследственной массы.

Особенностью государства, как субъекта наследственных правоотношений является тот факт, что оно располагается вне списка очередей наследования и не

входит ни в одну из восьми очередей [12, с. 11]. В то же время отказ от наследства в пользу государства возможен при совпадении двух условий: если РФ является одним из наследников по завещанию и, если не все имущество завещано назначенным наследникам.

Так же можно отметить, что несмотря на широкие правомочия наследодателя по распоряжению наследственной массы, он не может исключить из процедуры наследования государство. Таким образом, государство единственный субъект наследственных правоотношений, который не может быть исключен, как преемник наследственной массы. Такое положение законодательства обусловлено тем, что в противном случае, выморочное имущество становилось бы бесхозным, что не соответствует ни интересам государства, ни интересам общества.

Тем не менее несмотря на то, что наследование выморочного имущества находится вне сферы действия наследования по закону и по завещанию, все же ближе данный правовой институт к наследованию по закону. Подтверждением этого может служить такая особенность положения РФ как наследницы выморочного имущества, как применение к ней большинства гражданско-правовых норм, установленных для всех наследников по закону.

Государство также является уникальным субъектом наследственных правоотношений, так как в силу закона, оно не может отказаться от наследования выморочного имущества. Теоретически в случае, если государство выступает в качестве наследника по завещанию, оно может отказаться от наследства, однако в этом случае, наследственное имущество станет выморочным и государство все равно обязано будет его принять. Еще одной уникальной особенностью государства, как субъекта наследственных правоотношений является то, что для приобретения выморочного имущества принятие наследства не требуется (п. 1 ст. 1152 ГК РФ). Оформить право собственности на наследство РФ может и после истечения установленного законом срока. Данное положение особенно важно ввиду возможного обременения наследственной массы. Как и любой другой наследник, государство принимает имущество со всеми его долгами. Однако, до оформления права на наследство государству нельзя предъявить требования по взысканию долгов наследодателя.

Наиболее сложными, с точки зрения судебной практики являются споры в отношении имущества, часть которого принимается наследниками. Такие споры возникают, когда на тот или иной объект недвижимости претендуют, как наследники остальных долей в праве собственности, так и государственные органы, которые действуют в интересах государства. Как пример можно привести случаи, когда наследник был отстранен как недостойный, или если наследником был пропущен срок на принятие наследства. Либо если наследник оспаривает завещание по причине того, что наследодатель не отдавал себе отчета в своих действиях. В практике имеются также случаи, когда в судебном порядке оспаривается отказ от наследства.

В соответствии со структурой федеральных органов исполнительной власти, утвержденной указом Президента, одним из федеральных органов исполнительной власти является Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, одним из полномочий которого является принятие наследства в качестве выморочного [13]. Соответствующие разъяснения были даны и в

Постановлении Пленума ВС РФ: «впредь до принятия соответствующего закона» при рассмотрении судами дел о наследовании от имени РФ выступает Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество) в лице его территориальных органов, осуществляющее функцию по принятию и управлению в установленном порядке имуществом, которое в соответствии с законодательством РФ переходит в порядке наследования в собственность РФ [14]. В настоящее время вопрос, регулирующий институт выморочного имущества, неоднократно ставится и в повестку дня Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства [15].

Согласно экспертному заключению П.В. Крашенинникова по проектам Федеральных законов «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации в части наследования выморочного имущества» и «О внесении изменений в Основы законодательства РФ о нотариате в части наследования выморочного имущества» необходимо выделить следующие моменты.

П.В. Крашенинников отмечает, что: «проекты не содержат ни одной нормы, позволяющей решить главную проблему, состоящую в отсутствии механизмов выявления и охраны выморочного имущества, а также своевременной передачи такого имущества соответствующему публично-правовому образованию» [16, с. 247]. По его мнению: «отсутствие таких механизмов не только не способствует решению задач «оптимизации состава имущества публично-правовых образований», «укрепления местного самоуправления» и других означенных в пояснительной записке задач, но и препятствует реализации прав кредиторов умершего лица, а также создает риски самовольного захвата выморочного имущества недобросовестными лицами, создавая тем самым дополнительные предпосылки для нестабильности гражданского оборота» [17, с. 248].

Также он отмечает, что за истекшие 17 лет так и не был принят комплекс соответствующих норм частноправовой и публично-правовой природы, обеспечивающих хотя бы выявление публично-правовыми образованиями фактов открытия наследства, потенциально являющегося выморочным. Отчасти это связано и с несовершенством законодательства о нотариате. На наш взгляд, рассматриваемые вопросы необходимо урегулировать в соответствии с п. 3 ст. 1151 ГК РФ принятием отдельного федерального закона о наследовании выморочного имущества. В соответствии с этим законом необходимо урегулировать выявление, учет и оформление выморочного имущества в собственность государства.

Список литературы:

1. Гасанов К.К. Международное частное право. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С.264.
2. Трифонов С.Г. Правовое регулирование отношений наследования в Юго-Западной Руси (X-XVIII вв.).... диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Российская академия правосудия. Москва, 2009.
3. Гражданское уложение Германии от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII - XIX, 1 - 715.
4. Всеобщий гражданский кодекс Австрии от 1 июня 1811 г. (с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010) // Всеобщий гражданский кодекс Австрии. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 3 - 261.
5. Баринев Н.А., Блинков О.Е. Наследование в международном частном праве и сравнительном праведении. Наследственное право, 2013. N 1. С. 38.
6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Заклучена в г. Минске 22.01.1993)(вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994)(с изм. от 28.03.1997)// Собрание законодательства РФ. – 1995. - № 17.
7. Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений: Международное частное право. Сборник документов. - М.: БЕК, 1997. С. 664 – 667.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ, 03.12.2001, N 49, ст. 4552.
9. Гражданское право. В 4 томах. Т. 2. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права: Учебник для студентов / Е.А. Суханов, В.Ю. Бузанов, А.В. Копылов, А.С. Ворожечин; Ответственный редактор Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. С. 246
10. Толстова И.А., Матвеев П.А. Недостойные наследники: законодательный опыт Российской Федерации и зарубежных стран // Наследственное право. 2018. N 3. С. 47.
11. Решение Серпуховского федерального городского суда Московской области от 26.10.2016 N 1640-16 // СПС Консультант Плюс.
12. Гибадуллина А.А. Эволюция понятия выморочного имущества в Российской Федерации // Наследственное право. 2020. N 2. С. 11.
13. Указ Президента РФ от 21.05.2012 N 636 (ред. от 14.09.2018, с изм. от 21.01.2020) "О структуре федеральных органов исполнительной власти" // Собрание законодательства РФ, 28.05.2012, N 22, ст. 2754.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 23.04.2019) "О судебной практике по делам о наследовании" // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 7, июль, 2012.
15. Электронный ресурс: URL: http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/2018-2/obzor2018-11_12/ (дата обращения: 15.12.2020).
16. Крашенинников П.В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2020. 432 с.
17. Гражданское право. В 4 томах. Т. 2. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права: Учебник для студентов / Е.А. Суханов, В.Ю. Бузанов, А.В. Копылов, А.С. Ворожечин; Ответственный редактор Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. С. 246.

Trifonova K. V., Vishnevskaya V. V. The state as a subject of hereditary legal relations in the inheritance of extortionate property // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – T. 7 (73). № 2. – P. 213-218.

The article examines the peculiarities of the legal status of the state as a subject of inherited legal relations. The authors study the problematic issues that arise during the inheritance of escheated property, the conditions for classifying property as escheat, and also analyze the legal regulation of the institution under study. The method of analysis in this vein is necessary for a full-fledged scientific study of the issue of assigning property to the category of escheat property in accordance with the law. The authors also consider the foreign experience of regulating the institution of escheat property.

In conclusion, the authors conclude that the investigated problems in the field of settlement in accordance with paragraph 3 of Art. 1151 of the Civil Code of the Russian Federation by the adoption of a separate federal law on the inheritance of escheat property. In accordance with this law, it is necessary to regulate the identification, registration and registration of escheat property in state ownership.

Keywords: state, heir, unworthy heirs, inheritance by law, inheritance by will, escheat property.

Spisok literatury:

1. Gasanov K.K. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. M.: YUNITI-DANA, 2012. S.264.
2. Trifonov S.G. Pravovoe regulirovanie otnoshenij nasledovaniya v Yugo-Zapadnoj Rusi (X-XVIII vv.).... dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Rossijskaya akademiya pravosudiya. Moskva, 2009.
3. Grazhdanskoe ulozhenie Germanii ot 18.08.1896 (red. ot 02.01.2002) (s izm. i dop. po 31.03.2013) // Gra-zhdanskoe ulozhenie Germanii: Vvodnyj zakon k Grazhdanskomu ulozheniyu. 4-e izd., pererab. M.: Infotropik Media, 2015. S. VIII - XIX, 1 - 715.
4. Vseobshchij grazhdanskij kodeks Avstrii ot 1 iyunya 1811 g. (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 27.07.2010) // Vseobshchij grazhdanskij kodeks Avstrii. M.: Infotropik Media, 2011. S. 3 - 261.
5. Barinov H.A., Blinkov O.E. Nasledovanie v mezhdunarodnom chastnom prave i sravnitel'nom pravovedenii. Nasledstvennoe pravo, 2013. N 1. С. 38.
6. Konvenciya o pravovoj pomoshchi i pravovykh otnosheniyah po grazhdanskim, semejnym i ugolovnym delam» (Zaklyuchena v g. Minske 22.01.1993)(vstupila v silu 19.05.1994, dlya Rossijskoj Federacii 10.12.1994)(s izm. ot 28.03.1997) // Sbranie zakonodatel'stva RF. – 1995. - № 17.
7. Konvenciya o kollizii zakonov, kasayushchihsya formy zaveshchatel'nyh rasporyazhenij: Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Sbornik dokumentov. - M.: BEK, 1997. S. 664 – 667.
8. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 N 146-FZ (red. ot 18.03.2019) // Sbranie zakonodatel'stva RF, 03.12.2001, N 49, st. 4552.
9. Grazhdanskoe pravo. V 4 tomah. T. 2. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava: Ucheb-nik dlya studentov / E.A. Suhanov, V.YU. Buzanov, A.V. Kopylov, A.S. Vorozhevin; Otvetsvennyj redaktor E.A. Suhanov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Statut, 2019. S. 246
10. Tolstova I.A., Matveev P.A. Nedostojnye nasledniki: zakonodatel'nyj opyt Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran // Nasledstvennoe pravo. 2018. N 3. S. 47.
11. Reshenie Serpuhovskogo federal'nogo gorodskogo suda Moskovskoj oblasti ot 26.10.2016 N 1640-16 // SPS Konsul'tant Plyus.
12. Gibadullina A.A. Evolyuciya ponyatiya vymorochnogo imushchestva v Rossijskoj Federacii // Nasledstvennoe pravo. 2020. N 2. S. 11.
13. Ukaz Prezidenta RF ot 21.05.2012 N 636 (red. ot 14.09.2018, s izm. ot 21.01.2020) "O strukture federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti" // Sbranie zakonodatel'stva RF, 28.05.2012, N 22, st. 2754.
14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.05.2012 N 9 (red. ot 23.04.2019) "O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii" // Byulleten' Verhovnogo Suda RF, N 7, iyul', 2012.
15. Elektronnyj resurs: URL: http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/2018-2/obzor2018-11_12/ (data obrashcheniya: 15.12.2020).

16. Krashennnikov P.V. ZHilishchnoe pravo. 12-e izd., pererab. i dop. Moskva: Statut, 2020. 432 s.

17. Grazhdanskoe pravo. V 4 tomah. T. 2. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava: Ucheb-
nik dlya studentov / E.A. Suhanov, V.YU. Buzanov, A.V. Kopylov, A.S. Vorozhevich; Otvetstvennyj redaktor E.A.
Suhanov. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Statut, 2019. S. 246.

УДК 347.1

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-219-225

ИНСТИТУТ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Соляник В. В., Никоненко Е. И.

В статье рассматривается институт добросовестности как базовая юридическая категория для общеправовых и отраслевых наук. Авторы указывают на то, что актуальность работы определяется тем, что в доктрине российского гражданского права в настоящее время уделяется все больше внимания фундаментальным юридическим понятиям, категориям и конструкциям, составляющим фундаментальные теоретические и методологические постулаты как общеправовых, так и отраслевых наук. Одной из таких категорий, органически входящей в структуру частного права составляет понятие добросовестности.

Авторы проводят теоретико-правовой анализ института добросовестности, освещая различные точки зрения, иногда даже противоположные. Одновременно авторы предпринимают попытку выявления содержания критериев добросовестности в связи с тем, что в настоящее время законодательство их не устанавливает.

Также авторы в процессе исследования института добросовестности поднимают вопрос о соотношении категорий «недобросовестность» и «злоупотребление правом».

В заключении авторы делают вывод о том, что добросовестность следует рассматривать как совокупность объективного и субъективного элементов, что обусловлено необходимостью учёта при разрешении конкретного дела как внутреннего отношения лица к своим действиям с точки зрения осознания им противоправности либо правомерности своих действий, желания причинить ущерб третьим лицам, либо наличия извинительного заблуждения в своей правоте.

Ключевые слова: принцип, добросовестность, справедливость, юридическая категория, частное право, гражданское право.

В настоящее время доктрина российского права в целом, гражданского права в частности, акцентирует внимание на такой фундаментальной юридической категории как добросовестность, которая является базовой как для общеправовых, так и отраслевых наук.

Подход к добросовестности осуществляется с позиций пределов осуществления гражданских прав; в связи с исследованием принципов гражданского права; в части рассмотрения условий удовлетворения виндикационных требований и возможности приобретения права собственности добросовестным приобретателем; в давностном владении.

В специальной юридической литературе указывается, что: «практически во всех юридических положениях находят известное выражение господствующие в гражданском обществе идеалы, включая представления о добре и зле. По логике вещей, юридические акты, поскольку они являются собой преломление законодательных велений, не должны наносить вреда заслуживающим уважения интересам. Как следствие, субъективно порочные действия, причиняющие зло, даже если они формально не противоречат закону, не могут находить поддержку у государства. Неслучайно в положении п. 4 ст. 1 ГК РФ, предусматривающем вариант проявления принципа добросовестности, понятия «незаконное» и

«недобросовестное» поставлены в один ряд и вместе с тем соединены союзом «или», что свидетельствуют как о близости, так и неравнозначности данных понятий. В этой связи требуется тщательное цивилистическое исследование проблем добросовестности, результаты которого могли бы использоваться при разрешении конкретных юридических дел» [1, с. 7].

Принцип добросовестности «может являться достаточно мощным оружием судебной практики, которая с его помощью может дополнять и развивать позитивное право. Но при этом любое оружие в неумелых руках либо в руках лиц с не самыми добрыми намерениями может оказаться весьма опасным и привести к противоположному результату. И в этом смысле судебная практика, неспособная оперировать принципом добросовестности с должным пониманием его целей и задач, может причинить большой вред и стабильности оборота, и праву в целом» [2, с. 76].

При имеющимся в распоряжении представителей судейского сообщества таком инструментарии как институт добросовестности должны быть нормативно урегулированы цели, задачи, функции, сфер его применения, а также способы реализации принципа при осуществлении правосудия

В этой части необходимо согласиться с С.В. Сарбашом, верно заметившим, что «единственным доктором в случае неточности или неясности закона является судья, а ассистентом у него выступает доктрина, которая и подает ему необходимые инструменты для решения конкретной задачи» [3, с. 12].

Принцип добросовестности: «хотя и является очень мощным инструментом в достижении справедливости, но в то же время очень абстрактен. При этом на практике при решении конкретного дела добросовестность не может быть абстрактной, она должна быть конкретной» [3, с. 13], т.е. необходимо обличить в соответствующую форму и наполнить его конкретным содержанием.

Изучая содержание принципа добросовестности, наблюдаем диаметрально разные точки зрения в цивилистической науке, что получило свое отражение в различных подходах к объяснению сущности рассматриваемого явления [4, с. 75]. Так, по мнению одних авторов: «добросовестность следует определить как оценочное понятие, не имеющего точного определения» [5, с. 79], другая же группа представителей юридической науки напротив: «подлежит дефиниции и связывается [6, с. 121] или не связывается [7, с. 95] с нравственностью (моралью), а также разделяется на добросовестность в объективном и субъективном смыслах» [18, с. 87]. В отдельных случаях добросовестность сопоставляется с невиновностью [9].

Как отмечает В.В. Витрянский, «...ни в Кодексе, ни в каком-либо ином федеральном законе определить какие-то подходы, параметры, понятия добросовестности, справедливости, разумности в принципе невозможно» [10, с. 7].

«Добрая совесть может восприниматься как ценность, выражающая позицию лица, которое уважает своего контрагента, видит в нем равного себе и этим актом признания и приравнивания постоянно воспроизводит право на элементарном и тем самым на всеобщем уровне» [5, с. 77]. Однако в таком контексте добросовестность не может считаться правилом поведения.

Добрая совесть может означать осмотрительность, разумную осторожность, уважительное отношение к праву и контрагенту, исправное исполнение своих обязанностей [5, с. 78].

Следует особо подчеркнуть, что закон основывается на предположении, что и физические и юридические лица ведут себя добросовестно при осуществлении хозяйственной деятельности.

На наш взгляд, именно в данном контексте и необходимо подходить к пониманию добросовестности, которое упоминается в п. 2 ст. 6 ГК РФ: при невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости.

Эта норма имеет четкую системную связь с положением п. 5 ст. 10 ГК РФ о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений: добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

Несомненно, в основе гражданского законодательства не может лежать идея о том, что субъекты гражданского права всегда совершают неправомерные действия либо ведут себя неразумно или неосмотрительно.

В научной литературе отмечается, что «положение п. 5 ст. 10 ГК РФ содержит не только презумпцию добросовестности, но и другое принципиальное законодательное предписание, а именно норму, позволяющую определить место добросовестности в системе гражданско- правового регулирования общественных отношений.

Данная законодательная формулировка, по сути, содержит правило о том, что добросовестность имеет юридическое значение только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено законом. В связи с этим не вызывает сомнения такой подход к добросовестности, в соответствии с которым ее юридический эффект зависит от воли законодателя» [11, с. 137].

Необходимо отметить, что добросовестное поведение субъектов правоотношений, должно характеризоваться совершением активных действий. В отношении добросовестного поведения, следует отметить недопущение противоположного - недобросовестного - поведения (пассивная обязанность).

Соответствующая обязанность имеет следующие функции. Во-первых, «обязанность активного типа всегда указывает на необходимое свойство надлежащего поведения субъектов гражданского права. В данном случае таким свойством становится добросовестность. Во-вторых, обязанности пассивного типа устанавливают пределы осуществления прав [12, с.3]. Недобросовестность очевидно находится за пределами правопользования, установленными законом» [13].

Аналогичное понимание обнаруживается и в судебной практике. Так, в одном из своих Определений Верховный Суд РФ указал, что принцип добросовестности определяет пределы осуществления участниками гражданских правоотношений своих субъективных прав [14].

Действительная воля законодателя может быть установлена только в результате толкования юридических норм. Толкование права всегда имеет конкретный характер [15, с. 99].

Таким образом, воля законодателя, выясняемая при толковании и применении закона, носит конкретный характер и определяет выбор законодателем в определенной ситуации приоритета того или иного интереса.

В настоящее время законодательство не содержит понятия и содержания критериев добросовестности.

Добросовестное поведение, является противоположностью недобросовестных действий, и должно выражаться в противоположных признаках.

Во-первых, «добросовестное поведение имеет место не только при нарушении, но и при соблюдении режима общего императивного запрета, причем соблюдение режима общего императивного запрета одновременно означает соответствие поведения закону, действующему напрямую или через широко допускаемые гражданским правом средства индивидуального регулирования, и правовым обычаям» [16, с. 62].

Во-вторых, добросовестность есть такое состояние, при котором лицо не только сознает недопустимость нарушения режима общего императивного запрета, но и действует с намерением строго соблюдать чужие интересы. Так, «при осуществлении права он хотя и имеет в виду прежде всего собственный интерес, но непременно учитывает и чужие интересы, которые могут пострадать от соответствующих действий, при исполнении обязанности - строго следует ее велению в интересах управомоченного, ожидающего от него именно такое поведение, и т.п.» [17, с. 124].

В-третьих, при добросовестном поведении лицо субъективно сознает, что действует в пределах режима общего императивного запрета, хотя объективно может их нарушить. Добросовестное нарушение режима общего императивного запрета образует особый вид неправомерного поведения, если только добросовестность не устраняет неправомерности» [16, с. 63].

В процессе исследования института добросовестности необходимо акцентировать внимание на определении соотношения категорий «недобросовестность» и «злоупотребление правом» для выявления их содержания.

В юридической литературе недобросовестность понимают в большинстве случаев как характеристику субъективной стороны поведения участников гражданских правоотношений. Так, в качестве недобросовестного поведения в цивилистике рассматривают: отсутствие должной заботливости о соблюдении прав и интересов третьих лиц [18, с. 14], осознание субъектом своих действий и вероятности причинения ими вреда, а также отношение к этому знанию [19, с. 73]; нечестность при осуществлении прав, исполнении обязанностей, а также попытка создать видимость права, в действительности отсутствующего [20, с. 15]. Недобросовестность — это антипод добросовестности.

По мнению В.П. Грибанова, «злоупотребление правом - особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [21, с. 184].

К сожалению, ни теории цивилистики, ни в правоприменительной практике не сложилось единого подхода к определению данного соотношения. В частности, В.И. Емельянов [22, с. 60] отмечает тождественность рассматриваемых категорий, потому как категория «добросовестность» введена в гражданское законодательство с целью уточнения нечеткого, расплывчатого правового явления «злоупотребление правом». Е.В. Вавилин [23, с. 163], наоборот, полагая, что запрет злоупотреблять

своими правами введен в гражданское законодательство для уточнения ёмкой, оценочной категории «добросовестность», считает злоупотребление правом формой недобросовестного поведения. Е.Е. Богданова [24, с. 33], И.В. Сазанова [25, с. 172] также отмечают многозначность понятия «недобросовестность» по отношению к понятию «злоупотребление правом». Г.А. Гаджиев [26, с. 186], М.М. Якубчик [27, с. 107] полагают, что данные правовые категории являются взаимно пересекающимися, но не тождественными. Г.Т. Бекназар-Юзбашев [28, с. 13], сопоставляя «злоупотребление правом» и «добросовестность», сделал вывод об их функциональном единстве.

Позиция С.Д. Радченко заключается в отсутствии взаимосвязи между недобросовестностью в субъективном смысле и злоупотреблением субъективными правами [29, с. 12]. Представляется логичным, утверждать об имеющейся взаимосвязи между данными правовыми понятиями хотя бы потому, что их следствием является нарушение требования добросовестности.

Требование добросовестности – элемент законности, указывающий каждому субъекту права на необходимость совершать юридические действия с оглядкой не только на букву, но и на внутренний смысл закона, не допускающего нарушения чужих интересов даже внешне дозволенным или предписанным поведением.

Добросовестность является одним из условий обеспечения справедливого общественного сосуществования. Наибольшее значение она приобретает в гражданском праве, регулирующем дозволительным приемом отношения с широко представленными индивидуальными интересами, зачастую приводящими к непомерным проявлениям свободы воли. Поэтому здесь на первый план и выдвигается требование добросовестности.

Таким образом, принцип добросовестности представляет собой обязательное частноправовое дополнение общеправового принципа законности, без которого в гражданском законодательстве имелись бы пробелы, которые бы допускали бы возможность совершения недобросовестных действий. Принцип добросовестности подразумевает совершения субъектами права в целом, гражданского права, в частности, совершать дозволенные или предписанные волевые правовые действия с убеждением, что данными действиями не нарушаются чьи-либо субъективные права или охраняемые законом интересы, т.е. проявлять в юридической деятельности всестороннюю заботу о ближнем, обществе и государстве. Нарушение данного требования ставит действия лица в один ряд с незаконными - недобросовестное поведение признается неправомерным со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями. Кроме того, недобросовестность, будучи антиподом добросовестности, в ряде случаев характеризует незаконное поведение с субъективной стороны, заменяя собой в целях адекватного применения гражданского законодательства вину в ее публично-правовом понимании.

Список литературы

1. Груздев В.В. Гражданско-правовое значение добросовестности // Право и экономика. 2016. № 2. С. 7.
2. Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 76.
3. Сарбаш С.В. Единственный доктор для закона – это судья // Закон. 2017. № 4. С. 12.
4. Соломин С.К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы // Вестник Омского ун-та. 2016. № 2. С. 75 - 81.

5. Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. N 9. С. 79
6. Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве: Дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 121
7. Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955. С. 95
8. Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев, 1917. Вып. 1. Общая часть. С. 87; Амфитеатров Г.Н. Вопросы виндикации в советском праве // Советское государство и право. 1941. N 2. С. 47
9. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве. Иркутск, 2006. С. 11.
10. Аверьянова М.В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 24.
11. Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд // Вестник ВАС РФ. 1997. N 7. С. 132.
12. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6 (210). С. 137.
13. Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1981. С. 3 - 4.
14. Цакоева М.А. К вопросу о формах реализации принципа добросовестности в обязательственных правоотношениях в сфере новелл Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Юстиция. 2017. № 1. С. 32–39.
15. Определение Верховного Суда РФ от 2 декабря 2014 г. N 5-КГ14-121 // СПС Консультант Плюс.
16. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 99.
17. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 49, 62 - 63.
18. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. N 1. С. 124 – 125
19. Аверьянова М.В. Защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 14 с.
20. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.
21. Белых В.С. Основные направления совершенствования части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Предпринимательское право. 2010. №1. С. 15 - 21
22. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Юридическая литература, 1992. 401 с.
23. Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, злоупотребление гражданскими правами. М.: «Лекс – Книга», 2002. 160 с.
24. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 360 с.
25. Богданова Е.Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав. Автореф. дис. ... док. юрид. наук. Москва, 2010. 64 с.
26. Сазанова И.В. О соотношении понятий «недобросовестность» и «злоупотребление правом» // Российский юридический журнал. 2008. №1. С. 172-177.
27. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. М.: «Юрист», 2004. 286 с.
28. Якубчик М.М. Комплексное понятие добросовестности: соотношение с доктриной злоупотребление правом // Журнал российского права. 2012. №10. С. 107-115.
29. Бекназар-Юзбашев, Г.Т. Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
30. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.

Solyanik V. V. Nikonenko E. I. Institute of integrity: theoretical and legal analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 219-225.

The article examines the institution of good faith as a basic legal category for general legal and industrial sciences. The authors point out that the relevance of the work is determined by the fact that the doctrine of Russian civil law is now paying more and more attention to fundamental legal concepts, categories and constructions that make up the fundamental theoretical and methodological postulates of both general legal and industrial sciences. One of these categories, classically included in the structure of private law, is the concept of conscientiousness.

The authors conduct a theoretical and legal analysis of the institution of integrity, highlighting different points of view, sometimes even opposite ones. At the same time, the authors make an attempt to identify the content of the criteria of good faith due to the fact that currently the legislation does not establish them.

Also, in the process of researching the institution of good faith, the authors raise the question of the relationship between the categories of "bad faith" and "abuse of law".

In conclusion, the authors conclude that conscientiousness should be considered as a combination of objective and subjective elements, which is due to the need to take into account when resolving a particular case

as an internal attitude of a person to his actions from the point of view of his awareness of the illegality or legitimacy of his actions, the desire to cause damage to third parties, or an excusable error in their rightness.

Keywords: principle, good faith, fairness, legal category, private law, civil law.

Spisok literary:

1. Gruzdev V.V. Civil law value of good faith // Law and Economics. 2016. No. 2. P.7
2. To us K.V. The principle of good faith: some problems of the development of the doctrine // Bulletin of civil law. 2017. No. 6. P. 76.
3. Sarbash S.V. The only doctor for the law is a judge // Law. 2017. No. 4. P. 12
4. Solomin S.K. The theory of conscientiousness in Russian civil law: formation, development, prospects // Bulletin of Omsk University. 2016. N 2.P. 75 - 81.
5. Sklovsky K.I. Application of the norms of good conscience in the civil law of Russia // Economy and law. 2002. N 9.P. 79
6. Kuznetsova O.A. Presumptions in Russian civil law: Dis. Cand. jurid. sciences. Ekaterinburg, 2001.S. 121.
7. Tolstoy Yu.K. Content and civil protection of property rights in the USSR. L., 1955.S. 95
8. Sinaisky V.I. Russian civil law. Kiev, 1917. Issue. 1. General part. P. 87; Amphitheatrov G.N. Vindication issues in Soviet law // Soviet state and law. 1941. No. 2.P. 47;
9. Drozdova T.Yu. Conscientiousness in Russian civil law. Irkutsk, 2006. P. 11. Averyanova M.V. Protection of a bona fide purchaser in Russian civil law: author. ... Cand. jurid. sciences. M., 2001.S. 24.
10. Vitryansky V.V. Civil Code and Court // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1997. N 7.S. 132.
11. Ulyanov A.V. Conscientiousness in civil law // Journal of Russian law. 2014. No. 6 (210). P. 137.
12. Em V.S. Category of duty in Soviet civil law (theoretical questions): author. discand. jurid. sciences. M., 1981.S. 3 - 4.
13. Tsakoeva M.A. On the question of the forms of implementation of the principle of good faith in legal obligations in the sphere of short stories of the Federal Law of March 8, 2015 No. 42-FZ "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Justice. 2017. No. 1. P. 32–39.
14. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of December 2, 2014 N 5-KG14-121 // SPS Consultant Plus.
15. Cherdantsev A.F. Interpretation of law and contract. M., 2003.S. 99.
16. Gribanov V.P. The limits of the exercise and protection of civil rights // Implementation and protection of civil rights. M., 2001.S. 49, 62 - 63.
17. Novitsky I.B. The principle of good conscience in the draft law of obligations // Bulletin of civil law. 2006. N 1.S. 124 - 125
18. Averyanova M.V. Protection of a bona fide purchaser in Russian civil law: Author's abstract. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2001.14 p.
19. Babaev V.K. Presumptions in Soviet law. Gorky, 1974.124 p.
20. Belykh V.S. The main directions of improving the first part of the Civil Code of the Russian Federation // Entrepreneurial Law. 2010. No. 1. S. 15 - 21
21. Gribanov V.P. The limits of the exercise and protection of civil rights. M. : Legal literature, 1992.401 p.
22. Emelyanov V.I. Reasonableness, conscientiousness, non-abuse of civil rights. M. : "Lex - Kniga", 2002.160 p.
23. Vavilin E.V. Exercise and protection of civil rights. M. : Walters Kluver, 2009.360 p.
24. Bogdanova E.E. The conscientiousness of the participants in contractual relations and the problems of protecting their subjective civil rights. Author's abstract. dis. ... doc. jurid. sciences. Moscow, 2010.64 p.
25. Sazanova I.V. On the relationship between the concepts of "bad faith" and "abuse of law" // Russian legal journal. 2008. No. 1. S. 172-177.
26. Gadzhiev G.A. Constitutional principles of a market economy. M. : "Lawyer", 2004.286 p.
27. Yakubchik M.M. The complex concept of good faith: correlation with the doctrine of abuse of law // Journal of Russian law. 2012. No. 10. S. 107-115.
27. Yakubchik M.M. The complex concept of good faith: correlation with the doctrine of abuse of law // Journal of Russian law. 2012. No. 10. S. 107-115.
28. Beknazar-Yuzbashev, G.T. Abuse of law and the principle of good conscience in civil law in Russia and Germany. Author's abstract. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2010.25 p.
29. Radchenko S.D. Abuse of law in civil law of Russia: Author's abstract. dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2008.30 p.

УДК 342.951

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-226-236

**К ВОПРОСУ О ТРАКТОВАНИИ ПОНЯТИЯ И ПРИНЦИПАХ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ
РЕФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Евсикова Е. В., Пономарев А. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье раскрываются и исследуются основные подходы к пониманию категории «административная ответственность». Авторы исследуют и изучают достижения современной административно-правовой доктрины, а также наработки ученых-административистов советского периода, делающих первые попытки в обосновании трактования категории «административная ответственность». Действующее административно-деликтное законодательство не содержит и не раскрывает понятие «административная ответственность», что вызывает множество споров и дискуссий как в научной среде, так и среди юристов-практиков. В работе проводится анализ статистических данных и динамики административно-деликтной ситуации в российской Федерации в целом, на основе чего делается вывод о необходимости качественной законодательной регламентации всех ключевых аспектов, связанных с административной ответственностью.

Особое внимание авторы уделяют Проекту нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в котором содержится законодательное определение административной ответственности и признаков административной ответственности.

Кроме того, в работе исследуются и анализируются основные принципы административной ответственности, которые должны быть закреплены административно-деликтным законодательством.

На основе проведенного анализа, с учетом научного разнообразия существующих на сегодняшний день позиций ученых-административистов относительно трактования категории «административная ответственность», авторы предлагают собственное понятие категории «административная ответственность».

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство; административная ответственность; принципы административной ответственности.

Вопросы административной ответственности всегда были и остаются актуальными и привлекают к себе внимание не только ученых-административистов [1; 2], но и практиков, а также простых граждан, потенциальных субъектов административных правоотношений в сфере привлечения к административной ответственности в случае совершения административного правонарушения, предусмотренного административно-деликтным законодательством [3].

Поскольку, в современных условиях состояние системы права и системы законодательства Российской Федерации характеризуется сложностью и динамичностью, что обусловлено постоянными экономическими, политическими, правовыми и социальными преобразованиями, проводимыми в Российской Федерации в течение последних 30 лет, стимулирует постоянную потребность в интенсификации законотворческой деятельности государства, адекватного развития и повышения качества системы законодательства, в том числе, системы административно-деликтного законодательства Российской Федерации и ее субъектов.

Кроме того, одним из приоритетных направлений современной государственной политики в сфере противодействия правонарушениям и преступности выступает государственно-правовое реформирование всей целостной системы административно-деликтного законодательства, под которым, понимается единая функциональная система административно-деликтных нормативно-правовых актов, которая базируется на основных общих принципах административно-деликтного права, устойчивых связях актов различного уровня и отраслевой специализации, содержащих основной массив норм административно-деликтного права в качестве важнейшей единой формы их выражения и официального закрепления [4, с. 350].

При этом, действующий Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ), был принят около 20 лет назад, и претерпел порядка более 5,5 тысяч изменений, внесенных более 530 федеральными законами. Однако, вносимые в КоАП РФ изменения зачастую не носят системного характера, что приводит к нарушению единства правового регулирования сходных по своему содержанию общественных отношений, неурегулированности ряда ключевых для сферы административной ответственности общественных отношений и, в конечном счете, негативным образом влияет на обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц. А продолжающийся процесс формирования и развития современной системы федерального законодательства и иных механизмов правового регулирования в различных областях (природопользование и экология, транспорт и связь, образование и здравоохранение, поддержка конкуренции и рынок ценных бумаг, рынок труда и миграция, жилищная и коммунальная сфера, дорожное движение и т.д.) обуславливает необходимость регулярного уточнения составов многих административных правонарушений в соответствующих главах Особенной части КоАП РФ [5].

Основной текст. Как известно, административная ответственность выступает сложным социально-правовым феноменом современной юридической действительности, в котором воплощена острая насущная потребность общества и государства в эффективном противодействии такому деструктивному явлению как административные правонарушения [6, с.118].

Анализ статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует о росте количества административных деликтов и ухудшении административно-деликтной ситуации в целом.

Так, если в 2014 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 6 460 861 дело об административных правонарушениях, из них возвращено для устранения недостатков – 350 144 дел, всего рассмотрено 6 461 561 дело, привлечено к административной ответственности 5 510 526 лиц [7], то в 2015 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 6 617 317 дел об административных правонарушениях, из них возвращено для устранения недостатков – 395 445 дел, всего рассмотрено 6 620 012 дел, привлечено к административной ответственности 5637792 лиц [8].

Вместе с тем, в 2016 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 6 419 802 дела об административных правонарушениях, из них возвращено для устранения недостатков – 432 511 дел, всего рассмотрено 6 423 122 дела, привлечено к административной ответственности 5 428 753 лиц [9].

Кроме того, в 2017 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 6 540 001 дело об административных правонарушениях, из них возвращено для устранения недостатков – 444 840 дел, всего рассмотрено 6 512 118 дел, привлечено к административной ответственности 5 509 733 лица [10].

Также, в 2018 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 7 055 780 дел об административных правонарушениях, из них возвращено для устранения недостатков – 505 786 дел, всего рассмотрено 7 033 723 дела, привлечено к административной ответственности 5 943 053 лица [11].

Однако, в 2019 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 7 036 257 дел об административных правонарушениях, из них возвращено для устранения недостатков – 514 013 дел, всего рассмотрено 7 018 461 дело, привлечено к административной ответственности 25 911 009 лиц [12].

При этом, в первом полугодии 2020 г. в суды общей юрисдикции Российской Федерации поступило 3 540 456 дел об административных правонарушениях, из них возвращено для устранения недостатков – 281 315 дел, всего рассмотрено 3 365 747 дел, привлечено к административной ответственности 2 771 853 лица [13].

Как видим, наблюдается стабильная динамика в росте количества совершенных административных правонарушений даже без учета иных дел, рассматриваемых органами исполнительной власти, и определенного процента латентности, что обуславливает острую необходимость кардинального реформирования административно-деликтного законодательства Российской Федерации на современном этапе, а также, разработку и закрепление ключевых понятий и категорий для обеспечения качественного нормативно-правового урегулирования данной сферы правоотношений в рамках административно-деликтного законодательства.

Одними из ключевых вопросов, требующих правовой регламентации административно-деликтным законодательством является определение категории «административная ответственность» и закрепление основных базовых принципов административной ответственности в административно-деликтном законодательстве.

Вместе с тем, несмотря на актуальность и значимость изучения проблематики института административной ответственности на современном этапе [14], единого подхода к пониманию данной правовой категории среди ученых-административистов на сегодняшний день нет [15].

Так, Лунев А.Е., в свое время, выделял такие признаки административной ответственности, как: результат нарушения лицом своих административно-правовых обязанностей, закрепленных в нормативных актах; выступает в качестве меры государственного принуждения; содержит в себе момент осуждения антиобщественного поведения лица и его деяния по нарушению административно-правовых обязанностей со стороны специально на то уполномоченных органов государства; заключается всегда в причинении отрицательных последствий, содержащихся в санкции нормы права и применяемых к виновным [16].

Галаган И.А. рассматривал административную ответственность как сложное правоотношение, в котором четко противопоставляются две стороны: виновный в правонарушении и обязанный в связи с этим нести отрицательные последствия, сформулированные в санкции административно-правовых норм, и государство в

лице соответствующих органов управления, его должностных лиц или суда, исполняющих возложенную на них законом обязанность по применению к правонарушителю содержащих осуждение от имени государства мер принуждения [16].

Бельский К.С., в свое время, отмечал отождествление понятий «административная ответственность» и «административное взыскание», что само по себе, достаточно деструктивно, поскольку лишает самостоятельную правовую категорию «административная ответственность» права на существование. При этом, само административное взыскание (наказание) или их система не может выражать всего содержания понятия административной ответственности, генезис которого имеет глубокие религиозные, философские, моральные и правовые предпосылки [17].

Вместе с тем, Дергюга А.Н. и Шаклеин С.М. рассматривают понятие «административная ответственность» сквозь призму соотношения с понятием «административное наказание» и отмечают, что понятие административной ответственности имеет сложный собирательный образ и гораздо более широкий смысл, чем административное наказание, т.е. понятие «административная ответственность» гораздо шире понятия «административное наказание», так как может быть реализовано без назначения наказания, а наказание вне рамок административной ответственности реализовано быть не может. В свою очередь, «административное наказание» выступает лишь материализованной стадией «административной ответственности», представляет собой реализацию последней во вступившем в силу постановлении по делу об административном правонарушении. Таким образом, «административная ответственность» выступает юридически значимым действием и состоянием, а административное наказание – их качественным результатом, как правило, лишь технического характера [18, с. 93-99].

Современные ученые-административисты, например, Серков П.П. определяют административную ответственность как комплексный механизм реагирования государства на проявление административной противоправности, содержащий материально-правовые основания и процессуальный порядок производства по делам об административных правонарушениях. Основу (основания) административной ответственности составляют дифференцированная административная противоправность, состав административного правонарушения, административное наказание (материально-правовой аспект) и процессуальная форма [19, с. 12].

Рогачева О.С. указывает, что административная ответственность — особый вид юридической ответственности, мера административно-правового принуждения, применение санкций административно-правовых норм судьями, иными уполномоченными органами, в предусмотренном законом процессуальном порядке к субъекту, совершившему административное правонарушение, выразившееся в привлечении к административной ответственности либо освобождении от нее [20].

Кожевников О.А., исходя из того, что в современной теории административно-деликтного права существует несколько подходов к пониманию административной ответственности, указывает на то, что в одном случае, следует исходить из понимания юридической ответственности как обязанности правонарушителя

претерпевать установленные нормами права меры принуждения и воздействия, а в другом – исходить из верховенства прав и свобод человека, рассматривая юридическую ответственность как границы (меру) государственного принуждения по отношению к правонарушителю. В обоих случаях совершенно очевидно, что за свои деяния правонарушитель отвечает перед законом и этим юридическая ответственность отличается от моральной, где основным мерилom оценки поведения являются стыд и совесть человека, а также его представление о добре и зле. На основе анализируемых признаков административной ответственности, автор выводит понятие административной ответственности как вида юридической ответственности, предусмотренного нормами административного права, наступающего за совершение виновным лицом административного правонарушения, который применяется уполномоченными органами и должностными лицами в виде административных наказаний с обязательным соблюдением нормативно установленных процедур [21].

Следует согласиться с позицией Стахова А.И. и Кононова П.И., которые рассматривают административную ответственность как меру государственного принуждения, применяемую государственными органами, должностными лицами к лицу, совершившему административное правонарушение или, как юридическую обязанность лица претерпеть определенные нормами административного права лишения и ограничения за нарушение охраняемых этими нормами правил [22, с. 235; 23, с. 261].

В свою очередь, Мигачев Ю.И. отмечает, что административная ответственность представляет собой реакцию государства на совершение предусмотренных законодательством административных правонарушений в различных сферах (поведение в общественных местах, торговля, финансы, природопользование и др.) которая выражается в применении соответствующими органами государственной власти и должностными лицами установленных законодательством административных наказаний [24, с. 166].

Конин Н.М. указывает, что административная ответственность – это предусмотренная законодательством правовая ответственность за совершенное административное правонарушение, связанная с применением административных наказаний (санкций) [25, с. 131].

Макарейко Н.В. утверждает, что административная ответственность является видом юридической ответственности, выражающимся в применении уполномоченными органами и должностными лицами административного наказания в установленном процессуальном порядке к лицу, совершившему правонарушение [26, с. 189].

Волков А.М. рассматривает административную ответственность как реализацию административно-правовых санкций, применение уполномоченным органом или должностным лицом административных наказаний к виновным в совершении административного правонарушения физическим и юридическим лицам [27, с. 270].

Вместе с тем, в рамках данного исследования, интересна позиция Борисова А.М., который рассматривает административную ответственность с точки зрения расширенной субъективистской трактовки и узкой объективистской трактовки, а именно: в первом случае под административной ответственностью понимается предусмотренная нормами административного права обязанность и право принять

от уполномоченного органа власти поощрение (награду) за активное правомерное поведение в форме внешнего выражения публичного одобрения и правовая обязанность претерпевать лишения личного, имущественного или организационного характера за совершенное административное правонарушение или иные неблагоприятные последствия некарательного характера в определенных случаях (санкции правосоставительного содержания), а во втором - предусмотренное нормами административного права применение уполномоченными должностными лицами к лицу, совершившему административное правонарушение, мер административного наказания [28, с. 207].

В свою очередь, Соколов А.Ю. утверждает, что административная ответственность представляет собой вид юридической ответственности, установленный КоАП РФ и законами субъектов РФ, заключающийся в применении компетентными органами административной юрисдикции и должностными лицами к лицам, виновным в совершении административного правонарушения, специфических мер административного принуждения — административных наказаний, влекущих для правонарушителей наступление негативных последствий морального, имущественного, личного или организационного характера [29, с. 182].

Россинский Б.В. отмечает, что административная ответственность — это вид юридической ответственности, которая выражается в назначении органом или должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями, административного наказания лицу, совершившему правонарушение [30, с. 230].

Агапов А.Б. рассматривает административную ответственность как один из видов публично-правовой ответственности, установленной при совершении проступков (административных правонарушений), влекущих за собой малозначительное, реальное или потенциальное причинение вреда или ущерба правоохраняемым имущественным и нематериальным интересам [31, с. 31].

Максимов И.В. справедливо отмечает, что административная ответственность как вид государственно-властной санкции берет свое начало из общих положений Конституции РФ о признании человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2) и об уважении человеческого достоинства и недопустимости его умаления (ст. 21). Указанные ценностные ориентиры, выступая нравственными категориями, формализованными в конституционном тексте, имеют всеобъемлющее значение. Кроме того, Конституция РФ закрепляет такие юридически значимые для законодательного регулирования административной ответственности конструкции, как: 1) соразмерность ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым интересам и целям; 2) наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения; 3) презумпция невиновности; 4) определенность правовой нормы, устанавливающей ответственность; 5) недопустимость повторного привлечения лица к ответственности за одно и то же правонарушение; 6) недопустимость придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность; 7) придание обратной силы закону, устраняющему либо смягчающему ответственность; 8) всеобщность и гарантированность судебной защиты и 9) недопустимость использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона [32].

По нашему мнению, базовые конституционные принципы юридической ответственности нашли свое отражение и закрепление в Проекте нового КоАП РФ,

который закрепляет такие принципы административной ответственности, как: принцип законности, который означает, что никто не может быть подвергнут административному наказанию иначе как на основаниях, установленных КоАП РФ и законами субъектов РФ об административных правонарушениях, а применение законодательства об административных правонарушениях по аналогии не допускается; принцип равенства перед законом, который предусматривает не только равенство перед законом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, но и особенности привлечения к административной ответственности несовершеннолетних, беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет, одиноких родителей, воспитывающих детей в возрасте до четырнадцати лет, инвалидов, а также особенности привлечения к административной ответственности специальных и особых субъектов административной ответственности; принцип вины, который означает, что лицо подлежит административной ответственности при наличии его вины в совершении административного правонарушения; принцип, как принцип недопустимости повторного административного наказания за одно и то же административное правонарушение; принцип справедливости и соразмерности, который предусматривает административное наказание должно быть справедливым и соразмерным; принцип гуманизма. Однако, законодатель не предусмотрел в Проекте КоАП РФ один из самых важных и неотъемлемых принципов – это принцип презумпции невиновности, что, по нашему мнению, является скорее недостатком Проекта КоАП РФ и требует доработки путем внесения данного принципа в Проект КоАП РФ, поскольку может повлечь нарушение прав и свобод человека и гражданина [4, с. 358-359].

В рамках данного исследования, определенный научный интерес представляют работы авторов, которые основываются на Концепции нового КоАП РФ [5] при изучении категории «административная ответственность».

Так, например, Каплунов А.И., основываясь на теории административного принуждения, базовых принципах административной ответственности как формы административного принуждения и отечественной теории административного процесса, отмечает, что административная ответственность как форма административного принуждения и способ охраны правопорядка является оперативной реакцией государства в лице контрольно-надзорных органов на административные правонарушения путем назначения административных наказаний в отношении лиц, совершивших административные правонарушения, в целях предупреждения совершения ими новых административных правонарушений [33].

Вместе с тем, сам Проект нового КоАП РФ, в ст. 2.5, раскрывает понятие «административная ответственность» путем следующей формулировки: Административная ответственность наступает за действие (бездействие), которое содержит признаки состава административного правонарушения, предусмотренного настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях. Административная ответственность заключается в применении к лицу, совершившему административное

правонарушение, административного наказания, предусмотренного настоящим Кодексом, уполномоченными на это должностным лицом, органом, судом в установленном федеральным законом процессуальном порядке и форме.

При этом, Проект нового КоАП РФ предусматривает такие виды административной ответственности, как: административная ответственность граждан; административная ответственность должностных лиц; административная ответственность военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, граждан, замещающих должности государственной службы и имеющих специальные звания или классные чины; административная ответственность индивидуальных предпринимателей; административная ответственность юридических лиц; административная ответственность собственников (владельцев) транспортных средств; административная ответственность собственников или иных владельцев земельных участков либо других объектов недвижимости; административная ответственность иностранных граждан, лиц без гражданства, лиц, пользующихся иммунитетом в соответствии с нормами международного права, и иностранных юридических лиц.

Таким образом, учитывая и разделяя все вышеназванные позиции, отметим, что по нашему мнению, административная ответственность – это сложное правовое явление и категория, выступающая с одной стороны видом юридической ответственности, с другой – мерой государственного принуждения, обладающая присущими только ей специфическими признаками, отличающими ее от других видов юридической ответственности, закрепленная нормами административно-деликтного законодательства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, возникающая вследствие совершения общественно опасного, противоправного, виновного, наказуемого деяния (действия или бездействия) субъектом административной ответственности (физическим или юридическим лицом), состоящая с одной стороны в применении уполномоченными органами административной юрисдикции к субъектам административной ответственности мер принуждения, предусмотренных административно-деликтным законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, с другой стороны – обязанности субъектов административной ответственности претерпевать административные наказания личного, имущественного или организационного характера, которые могут быть применены к лицу за совершение административного правонарушения [34, с. 110].

Список литературы:

1. Актуальные проблемы административного права: учебное пособие для бакалавров и магистров // под. ред. д.ю.н., проф. М.И. Никулина. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 48.
2. Административное право: современный терминологический словарь / Е.В. Евсикова, А.В. Пономарев, В.В. Костылев [и др.]; научный редактор М.И. Никулин; редактор Е.В. Евсикова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. – 400 с.
3. Евсикова Е.В. система административно-деликтного законодательства Российской Федерации / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 151-165.
4. Евсикова Е.В. Некоторые особенности реформирования административно-деликтного законодательства Российской Федерации – третья волна кодификации / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 2. С. 350-367.
5. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс] [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326534/

6. Евсикова Е.В. Административная ответственность по законодательству Республики Крым: доктринальный и прикладной аспекты / Е.В. Евсикова // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 118-122.
7. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2014 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884>.
8. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2015 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>.
9. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
10. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.
11. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.
12. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
13. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях»; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2020 года; Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461/>
14. Руденко А.В. Проблемы института административной ответственности на современном этапе в научных трудах профессора Н.Г. Салицовой / А.В. Руденко // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 34-37.
15. Сборник схем и таблиц по административному праву : учебное пособие / В.Н. Вересов, В.Ю. Волков, В.Ю. Докучаева, Е.В. Евсикова, А.В. Пономарев, А.В. Руденко, С.Ю. Русанова, Н.В. Савенко, З.С. Лусегенова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 63-70.
16. Галаган И. А. А. Е. Лунев. Административная ответственность за правонарушения. М. : Госюриздат, 1961. 186 с. : /И. А. Галаган. //Правоведение. -1962. - № 4. - С. 158 – 160.
17. Бельский К.С. Административная ответственность : генезис, основные признаки, структура / К.С. Бельский // Государство и право. - М.: Наука, 1999, № 12. - С. 12-20.
18. Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Соотношение понятий административного наказания и административной ответственности / А.Н. Дерюга, С.Н. Шаклеин // Сибирское юридическое обозрение, 2020. Том 17, № 1. – С. 93-99.
19. Серков П.П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования : Автореф. дисс. д-ра. юрид. наук 12.00.14/ Петр Павлович Серков // М., 2010. – 46 с.
20. Рогачева О.С. Административная ответственность : учебно-методическое пособие / О.С. Рогачева // Издательство: Воронежский государственный университет (Воронеж). – 2011. – 216 с.
21. Кожевников О.А. К вопросу о понятии и признаках административной ответственности // О.А. Кожевников / Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. – С. 16-18.
22. Административное право России : учебник и практикум для вузов / А. И. Стахов [и др.] ; под редакцией А. И. Стахова, П. И. Кононова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. —с. 235.
23. Стахов А. И. Административное право России : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / А. И. Стахов, П. И. Кононов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — с. 261.

24. Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации : учебник для вузов / Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров ; под редакцией Л. Л. Попова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — с. 166.
25. Конин Н. М. Административное право : учебник для вузов / Н. М. Конин, Е. И. Маторина. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — с. 131.
26. Макарейко Н. В. Административное право : учебное пособие для вузов / Н. В. Макарейко. — 11-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — с. 189.
27. Волков А. М. Административное право : учебник для вузов / А. М. Волков. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — с. 270.
28. Борисов, А.М. Административное право Российской Федерации : учебник / А.М. Борисов. — Москва : ЮСТИЦИЯ, 2019. — с. 207.
29. Соколов А. Ю. Административное право РФ: Учебник для бакалавров / А.Ю. Соколов. - Москва : Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. -с. 182.
30. Россинский Б. В. Административное право и административная ответственность : курс лекций / Б. В. Россинский. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020. — с. 230.
31. Агапов А. Б. Административная ответственность : учебник для вузов / А. Б. Агапов. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2020. — с. 31.
32. Максимов И.В. Административная ответственность (конституционная конструкция) / И.В. Максимов // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. – С. 153-158.
33. Каплунов А.И. Административная ответственность как форма административного принуждения / А.И. Каплунов // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 1. – С. 518-524.
34. Евсикова Е.В. Проблемы теории и практики института административной ответственности / Е.В. Евсикова // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). – С. 108-110.

Evsikova E.V., Ponomarev A.V. On the interpretation of the concept and principles of administrative responsibility in the context of the reform of administrative-tort legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 226-236.

The article reveals and explores the main approaches to understanding the category of "administrative responsibility". The authors explore and study the achievements of modern administrative-legal doctrine, as well as the achievements of Soviet-era administrative scientists who are making their first attempts to justify the interpretation of the category of "administrative responsibility".

The current administrative and tort legislation does not contain and does not disclose the concept of "administrative responsibility", which causes a lot of controversy and discussion both in the scientific community and among legal practitioners. The paper analyzes statistical data and the dynamics of the administrative-tort situation in the Russian Federation as a whole, on the basis of which it is concluded that there is a need for high-quality legislative regulation of all key aspects related to administrative responsibility.

The authors pay special attention to the Draft of the new Code of Administrative Offences of the Russian Federation, which contains a legislative definition of administrative responsibility and signs of administrative responsibility. In addition, the paper examines and analyzes the basic principles of administrative responsibility, which should be enshrined in administrative-tort legislation.

On the basis of the analysis, taking into account the scientific diversity of the existing positions of administrative scientists regarding the interpretation of the category "administrative responsibility", the authors propose their own concept of the category "administrative responsibility".

Key words: administrative and tort legislation; administrative responsibility; principles of administrative responsibility.

Spisok literaturi:

1. Aktual'nye problemy administrativnogo prava: uchebnoe posobie dlya bakalavrov i magistrrov // pod. red. d.yu.n., prof. M.I. Nikulina. –Simferopol': IT «ARIAL», 2018. – S. 48.
2. Administrativnoe pravo: sovremennyy terminologicheskij slovar' / E.V. Evsikova, A.V. Ponomarev, V.V. Kostylev [i dr.]; nauchnyj redaktor M.I. Nikulin; redaktor E.V. Evsikova. – Simferopol': IT «ARIAL», 2020. – 400 s.
3. Evsikova E.V. sistema administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii /E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2017. T. 3 (69). № 1. S. 151-165.
4. Evsikova E.V. Nekotorye osobennosti reformirovaniya administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii – tret'ya volna kodifikacii / E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2020. T. 6. № 2. S. 350-367.
5. Konceptiya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah. [Elektronnyj resurs] [Rezhim dostupa]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326534/

6. Evsikova E.V. Administrativnaya otvetstvennost' po zakonodatel'stvu Respubliki Krym: doktrinal'nyj i prikladnoj aspekty / E.V. Evsikova // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2 (36). S. 118-122.
7. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2014 god; Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2884>.
8. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2015 god; Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>.
9. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2016 god; Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
10. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2017 god; Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.
11. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2018 god; Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.
12. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 2019 god; Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832>.
13. № 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah»; Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatel'nosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej za 1 polugodie 2020 goda; Dannye sudebnoj statistiki. Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461>.
14. Rudenko A.V. Problemy instituta administrativnoj otvetstvennosti na sovremennom etape v nauchnyh trudah professora N.G. Salishchevoj / A.V. Rudenko // Administrativnoe pravo i process. 2017. № 6. S. 34-37.
15. Sbornik skhem i tablic po administrativnomu pravu : uchebnoe posobie / V.N. Veresov, V.YU. Volkov, V.YU. Dokuchaeva, E.V. Evsikova, A.V. Ponomarev, A.V. Rudenko, S.YU. Rusanova, N.V. Savenko, Z.S. Lusegenova. – Simferopol' : IT «ARIAL», 2018. – S. 63-70.
16. Galagan I. A. A. E. Lunev. Administrativnaya otvetstvennost' za pravonarusheniya. M. : Gosyurizdat, 1961. 186 s. : I. A. Galagan. //Pravovedenie. -1962. - № 4. - S. 158 – 160.
17. Bel'skij K.S. Administrativnaya otvetstvennost' : genezis, osnovnye priznaki, struktura / K.S. Bel'skij // Gosudarstvo i pravo. - M.: Nauka, 1999, № 12. - S. 12-20.
18. Deryuga A.N., SHaklein S.N. Sootnoshenie ponyatij administrativnogo nakazaniya i administrativnoj otvetstvennosti / A.N. Deryuga, S.N. SHaklein // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie, 2020. Tom 17, № 1. – S. 93-99.
19. Serkov P.P. Administrativnaya otvetstvennost': problemy i puti sovershenstvovaniya : Avtoref. diss. d-ra. yurid. nauk 12.00.14/ Petr Pavlovich Serkov // M., 2010. – 46 s.
20. Rogacheva O.S. Administrativnaya otvetstvennost' : uchebno-metodicheskoe posobie / O.S. Rogacheva // Izdatel'stvo: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet (Voronezh). – 2011. – 216 s.
21. Kozhevnikov O.A. K voprosu o ponyatii i priznakah administrativnoj otvetstvennosti // O.A. Kozhevnikov / Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 1. – S. 16-18.
22. Administrativnoe pravo Rossii : uchebnik i praktikum dlya vuzov / A. I. Stahov [i dr.] ; pod redakciej A. I. Stahova, P. I. Kononova. — 3-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. —s. 235.
23. Stahov A. I. Administrativnoe pravo Rossii : uchebnik dlya bakalavriata, specialiteta i magistratury / A. I. Stahov, P. I. Kononov. — 4-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2019. — s. 261.
24. Migachev YU. I. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii : uchebnik dlya vuzov / YU. I. Migachev, L. L. Popov, S. V. Tihomirov ; pod redakciej L. L. Popova. — 5-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. — s. 166 .
25. Konin N. M. Administrativnoe pravo : uchebnik dlya vuzov / N. M. Konin, E. I. Matorina. — 6-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. — s. 131.
26. Makarejko N. V. Administrativnoe pravo : uchebnoe posobie dlya vuzov / N. V. Makarejko. — 11-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. — s. 189
27. Volkov A. M. Administrativnoe pravo : uchebnik dlya vuzov / A. M. Volkov. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. — s. 270.

28. Borisov, A.M. Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii : uchebnik / A.M. Borisov. — Moskva : YUSTICIYA, 2019. — s. 207.
 29. Sokolov A. YU. Administrativnoe pravo RF: Uchebnik dlya bakalavrov / A.YU. Sokolov. - Moskva : YUr.Norma, NIC INFRA-M, 2018. —s. 182.
 30. Rossinskij B. V. Administrativnoe pravo i administrativnaya otvetstvennost' : kurs lekcij / B. V. Rossinskij. — Moskva : Norma : INFRAM, 2020. — s. 230.
 31. Agapov A. B. Administrativnaya otvetstvennost' : uchebnik dlya vuzov / A. B. Agapov. — 8-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. — s. 31.
 32. Maksimov I.V. Administrativnaya otvetstvennost' (konstitucionnaya konstrukciya) / I.V. Maksimov // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2017. — S. 153-158.
 33. Kaplunov A.I. Administrativnaya otvetstvennost' kak forma administrativnogo prinuzhdeniya / A.I. Kaplunov // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. T. 16. № 1. — S. 518-524.
 34. Evsikova E.V. Problemy teorii i praktiki instituta administrativnoj otvetstvennosti / E.V. Evsikova // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. № 10 (125). — S. 108-110.
- .

УДК 342.92; 343.85

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-237-243

ИНОСТРАННЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ПРОФИЛАКТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Климова Д. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Обеспечение безопасности дорожного движения – сложная и многоплановая задача. Поэтому меры по предупреждению дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) должны носить комплексный характер. Деятельность по предупреждению ДТП непосредственно влияет на их динамику. Поскольку грань между ними лежит в сфере последствий, а нарушения могут быть и, часто бывают, совершенно идентичны, профилактическая работа, направленная на предупреждение дорожно-транспортных происшествий, может быть в целом качественно однородна. Организационное обеспечение профилактических мероприятий является содержанием профилактики ДТП и именно в их осуществлении выявляются специфические особенности этого вида профилактики как самостоятельной подсистемы социальной профилактики. Сердцевиной системы профилактики является разработка и реализация комплекса профилактических мероприятий. Профилактика правонарушений определяется общей целью социальной профилактики – не допустить правонарушения, предупредить антисоциальное поведение, и осуществляется на тех же уровнях, в тех же формах и теми средствами с учетом деликтности. В указанной области невозможно обойтись без достижений технического прогресса. Во всех без исключения странах-участницах ЕС широкое использование приобрели технические средства обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: административная ответственность, дорожно-транспортные происшествия, органы внутренних дел, профилактика, Республика Крым, технические средства.

Высшей ценностью для современного общества является жизнь и здоровье человека. Смерть и потеря здоровья человека наступает в большинстве случаев через естественные факторы, среди неестественных на первом месте устойчиво закрепились дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП). По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в них погибают более 1,35 млн. и получают травмы около 30 млн. человек [12].

При этом следует подчеркнуть, что современное человечество не может отказаться от автомобильного транспорта, ведь им перевозятся грузы, люди добираются на работу, удовлетворяют свои социальные, экономические и другие нужды. Иными словами, государство не может запретить движение транспортных средств на дороге. Этот процесс надо урегулировать таким образом, чтобы он стал безопасным для человека. Очевидно, что обеспечение безопасности дорожного движения – это многоплановая задача, которая должна носить комплексный характер [1, с. 69]. Наиболее эффективным способом борьбы с ДТП является профилактика, которая непосредственно влияет на их динамику, имеет значительный потенциал в борьбе с деликтностью, призвана устранять, нейтрализовать, блокировать причины и условия, способствующие совершению ДТП, снизить тяжесть их последствий.

В указанной области невозможно обойтись без достижений технического прогресса. Во всех без исключения странах-участницах ЕС широкое использование приобрели технические средства обеспечения безопасности дорожного движения. Вершиной достижений в этой сфере стали интеллектуальные системы регулирования безопасности дорожного движения в автоматическом режиме, которые обеспечивают своевременное привлечения лиц к административной ответственности за нарушение скорости движения, нарушение правил проезда перекрестков, дорожной разметки – именно те административные деликты, последствиями которых является гибель и травмирование людей. Это становится одним из самых эффективных средств предупреждения общественно опасных деяний в рассматриваемой сфере.

Технические средства автоматической фиксации и обработки нарушений ПДД широко применяются во многих государствах. Так в Великобритании установлено более 6 тыс. камер фиксации нарушений, в Германии – 5 тыс., Франции – 3 тыс., а в США – 4 тыс. камер [4, с. 150]. Указанные средства включают в себя оборудование автоматической фиксации нарушений ПДД и центры приема и обработки информации об административных правонарушениях.

Так, например, в Германии фиксируют нарушения ПДД с помощью стационарных радаров, установленных как на автобанах, так и в населенных пунктах. Участникам движения по автобанам о контроле и наблюдении сообщают табло с надписью Radarkontrolle. Техника постоянно совершенствуется, например, есть системы, которые фотографируют мотоциклы со спины. Каждое такое устройство стоит несколько десятков тысяч евро. В дополнение к стационарным радарам полиция широко применяет мобильные станции и ручные приборы. Мобильные станции размещают как на треножниках вдоль дорог в неприметных местах, так и в самих автомобилях полиции. Поэтому наблюдение за поведением участников движения могут вести из ничем не примечательного автомобиля. Особенно это касается автобанов [9].

Интересным является опыт Австралии, где Правительство штата Новый Южный Уэльс начало использование камер, которые автоматически распознают использование смартфонов за рулем при помощи нейросетей [10]. По мнению разработчиков, система будет сама находить нарушителей, анализируя изображения, но на случай ошибок, окончательное решение будут принимать соответствующие органы и должностные лица. Власти уверены, что система уменьшит количество ДТП.

Законодательство развитых стран в большей степени ориентировано на материальную ответственность нарушителей дорожного движения. И такая стратегия дает определенный результат: штрафы за рубежом, как правило, высокие, что создает для нарушителей материальный дискомфорт. А вот другие меры наказания – конфискация машины или изъятие прав – применяются значительно реже и в тех случаях, когда нарушитель не спешит платить штраф.

В целом, исследование зарубежного опыта использования подобного рода устройств позволяют сделать выводы о том, что на дорогах обычно достигается большой профилактический эффект спустя определенное время с момента установки таких систем, когда участники дорожного движения, привыкнув к

надзору за соблюдением ПДД на конкретном участке, реже допускают правонарушения в сфере безопасности дорожного движения.

Безопасность дорожного движения зависит от многих факторов и обстоятельств, но самым главным условием для этого всегда должно быть желание человека обезопасить себя самого. Она во всех случаях зависит от его сознания и ответственности. Дороги не прощают халатности, безответственности, разгильдяйства. Одним из факторов, существенно повышающим безопасность на дороге, является правосознание человека.

В этой связи актуальными и злободневными являются вопросы о том, с помощью каких методов нужно осуществлять правовое регулирование дорожного движения, насколько глубоко должно быть правовое вмешательство государства в эту сферу и отдельные ее части, на каких принципах должны строиться взаимоотношения государства и водителя, значение общественного мнения для правотворчества в области дорожного движения, влияние норм права на правосознание участников.

Одной из главных задач законодателя является надлежащее правовое обеспечение тех общественных отношений, на которые наибольшее влияние оказывает научно-технический прогресс, предоставление ему правовой поддержки. При этом всегда необходимо помнить, что научно-технический прогресс, как и право, направлены на удовлетворение потребностей и интересов людей, поскольку человек – абсолютная и неоспоримая ценность.

В России на сегодняшний день активно внедряются технические средства обеспечения безопасности дорожного движения, использование которых началось с принятия Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» [6].

К 1 июля 2008 г. были введены в действие стационарные комплексы фото-, видеофиксации административных правонарушений в области дорожного движения с централизованной обработкой информации. В настоящее время средства фото-, видеофиксации применяются во всех субъектах Российской Федерации в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 октября 2012 г. № 1995-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» [7], предусматривающей в качестве одного из направлений по развитию системы предупреждения опасного поведения участников дорожного движения обеспечение соблюдения участниками дорожного движения требований ПДД, в том числе с применением систем фиксации нарушений специальными техническими средствами.

Если в целом по Российской Федерации массовая установка систем фото- и видеофиксации правонарушений в области дорожного движения началась с 2011 года, то в таких новых субъектах Российской Федерации как Республика Крым и город федерального значения Севастополь, применение систем фиксации нарушений специальными техническими средствами активно стало развиваться с 2017 года.

По данным Центра фиксации крымского управления ГИБДД, в 2020 году было совершено 1693 ДТП, в которых погибло 265 и ранено 2190 человек, а с начала 2021 года уже совершено 171 ДТП [8], что является внушительными цифрами для

крымского полуострова. Основными причинами дорожно-транспортных происшествий на дорогах полуострова остаются превышение автомобилистами установленной скорости, нарушение правил проезда перекрестков, неправильный выбор дистанции и выезд на полосу встречного движения [3].

По Республике Крым и г. Севастополю применяются стационарные комплексы «Арена», предназначенные для выявления, фотофиксации и обработки фактов нарушения водителями транспортных средств скоростного режима, установленного на контролируемом участке дороги.

Система фиксации состоит из автоматической системы обнаружения и фотосъемки или видеозаписи событий, содержащих признаки правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, с помощью технических средств (далее – автоматическая система) автоматизированной системы обработки данных.

Порядок взаимодействия автоматической системы и автоматизированной системы обработки данных, а также требования к техническим средствам и оборудованию автоматической системы определяются Министерством внутренних дел Российской Федерации.

В состав автоматической системы входит сеть технических средств, которые устанавливаются непосредственно на объектах улично-дорожной инфраструктуры и обеспечивают в автоматическом режиме обнаружение и фотосъемку (или видеозапись) событий с признаками правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, распознавания номерных знаков транспортных средств и передачи информации о зафиксированных событиях каналами связи к автоматизированной системе обработки данных.

По месту размещения и способу использования технические средства могут быть:

- стационарными – монтируются / размещаются по внешнему периметру дорог и зданий, используются в непрерывном режиме;
- подвижными – монтируются / размещаются на участках уличной сети по внешнему периметру дорог и зданий и используются в течение ограниченного промежутка времени путем периодической смены мест их установки;
- мобильными – монтируются / размещаются на борту служебных транспортных средств.

Фактические данные о событиях с признаками правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, полученные с использованием технических средств, должны быть достоверными и достаточными для определения сути правонарушения и его правовой оценки.

В соответствии с задачами, решаемыми комплексом «Арена», оборудование комплекса можно разделить на три базовых элемента.

1. Рубежи контроля (фоторадарные датчики). Оборудование рубежа контроля устанавливается на участке дороги и автоматически фиксирует нарушения скоростного режима.

2. Линии связи (кабельные, оптоволоконные, радиосвязь).

3. Центральный пост (сервер, рабочие места операторов, принтер, конвертовальная машина). Оборудование центрального поста обеспечивает прием данных, поступающих с рубежей, их обработку и хранение.

Производство фиксации правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в автоматическом режиме состоит из определенных стадий, которые разделены на определенные этапы и административные действия. При этом первая стадия определяет порядок автоматической фиксации (фотосъемки или видеозаписи) событий, содержащих признаки правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения с помощью технических средств, работающих в автоматическом режиме.

Вторая стадия заключается в осуществлении технико-правовой надзора за обработкой зафиксированных юридических фактов нарушения лицом, управляющим транспортным средством на момент совершения административного правонарушения. В рамках указанной стадии реализуются определенные административные действия.

Успешность деятельности ОВД, направленной на предупреждение и пресечение правонарушений зависит от организации и порядка осуществления взаимодействия как между субъектами профилактики, в том числе и между государственными и негосударственными органами и учреждениями, так и между подразделениями одного субъекта профилактики. Совместная деятельность всех субъектов системы профилактики правонарушений формирует в общественном сознании необходимость уважать общегосударственные интересы, уважительно относиться к принципам законности, гуманности, достойно выполнять гражданские обязанности.

Так, в соответствии с Концессионным соглашением о создании технологического комплекса элементов обустройства автомобильных дорог, предназначенного для обеспечения безопасности дорожного движения на территории города Севастополя, подписанного 14 октября 2016 года, с 15 июня 2017 года запущена в работу система автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, установлено более 100 рубежей контроля фото-видео фиксации административных правонарушений [11].

В Республике Крым и г. Севастополе работают не только государственные камеры, но и частные. Их оператором выступает компания «Безопасные дороги Крыма», созданная, согласно открытым источникам, в том же году, в котором на полуострове заработала система автофиксации (2017). Кроме того, в г. Севастополе помощь ГИБДД в профилактике правонарушений, с помощью систем видеофиксации оказывает компания ООО «СевСтар ИСПС», которая разработала и внедрила систему видеослежения за обстановкой в городе «Око СевСтар» [2]. Местная сеть технических средств внедрена преимущественно на аварийноопасных участках автомобильных дорог общего пользования местного значения, улицах и дорогах города.

Очевидно, что частные компании, которые заключают с властями концессионные соглашения, получают от установленных камер заработок, зависящий напрямую от количества снятых нарушений. Однако, несмотря на это, такой формат всё же влияет на снижение аварийности на дорогах. Так, если в среднем при установке средств фиксации количество ДТП сокращается на 13%, то в случае с камерами, установленными дополнительно в рамках концессионных соглашений, безопасность движения повышается на 19% [5].

Контролировать соблюдение водителями ПДД необходимо. Вместе с тем, комплексы фото- и видеофиксации нарушений ПДД не должны быть средством

зарабатывания денег, они должны быть средством обеспечения безопасности дорожного движения и профилактики ДТП. В связи с этим, многие регионы уже отказываются от практики использования услуг частных компаний для выявления правонарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Таким образом, техническое обеспечение профилактических мероприятий является важной составляющей профилактики ДТП. Сердцевиной системы профилактики является разработка и реализация комплекса профилактических мероприятий. Профилактика правонарушений определяется общей целью социальной профилактики – не допустить правонарушения, предупредить антисоциальное поведение, и осуществляется на тех же уровнях, в тех же формах и теми средствами с учетом деликтности. В указанной области невозможно обойтись без достижений технического прогресса. Во всех без исключения странах-участницах ЕС широкое использование приобрели технические средства обеспечения безопасности дорожного движения.

Зарубежный и отечественный опыт показывают, что внедрение технических средств фото- и видеофиксации нарушений позволяет в местах установки оборудования снизить количество ДТП в среднем до 30%. Специфические общественные отношения по административно-правовому регулированию использования автоматизированных систем в сфере безопасности дорожного движения требуют детального исследования, а законодательство в этой сфере – дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. Амангалиев Р.С. Основные методы профилактики дорожно-транспортных происшествий в населенных пунктах // Сборник статей XXVI Международной научно-практической конференции «Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации». 2020. С. 69–71.
2. В Севастополе начала работу система автоматической фиксации нарушений ПДД. Официальный портал правительства Севастополя [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/city/pdd/>
3. «Всевидящее око» на крымских дорогах: как работают камеры фиксации нарушений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.krymr.com/a/kamery-nabludeniya-trassa-tavrida-krym-gibdd.html>
4. Костылев А.К., Передернин А.В. Проблемы обеспечения гарантий водителей и собственников транспортных средств в условиях электронного юрисдикционного производства // Вестник тюменского государственного университета. Издательство: Тюменский государственный университет (Тюмень). 2014. № 3. С. 148-155.
5. Могут ли камеры снизить аварийность на дорогах? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/mogut-li-kamery-snizit-avariynost-na-dorogakh.html>
6. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах: Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 100 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 9. Ст. 1020.
7. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах: Постановление Правительства РФ от 3 октября 2013 г. № 864 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 41. Ст. 5183.
8. Показатели состояния безопасности дорожного движения в Республике Крым [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://stat.gibdd.ru/>
9. Превышение скорости движения на автомобиле в Германии и наказание за быструю езду [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.exrus.eu/Prevysheniye-skorosti-dvizheniya-na-avtomobile-v-Germanii-i-nakazaniye-za-b-id57cdc7d1ca80ff6641005464>
10. Штрафующие за использование телефона за рулем камеры установят в Австралии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/949952/2019-12-02/shtrafuishchie-za-ispolzovanie-telefona-za-rulem-kamery-ustanoviav-v-avstralii>

11. Система автоматической фиксации нарушений ПДД. Официальный портал правительства Севастополя [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/city/pdd/>
12. Road traffic injuries. WHO. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/road-traffic-injuries>

Klimova D.V. Foreign and domestic experience in preventing road transport accidents with the use of automatic fixing systems // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 237-243.

Ensuring road safety is a complex and multifaceted problem. Therefore, measures to prevent road accidents (hereinafter referred to as road accidents) should be comprehensive. Accident prevention activities directly affect their dynamics. Since the line between them lies in the sphere of consequences, and violations can be and often are completely identical, preventive work aimed at preventing road accidents can be generally qualitatively homogeneous. Organizational support of preventive measures is the content of road accident prevention and it is in their implementation that the specific features of this type of prevention as an independent subsystem of social prevention are revealed. The core of the prevention system is the development and implementation of a set of preventive measures. Prevention of offenses is determined by the general goal of social prevention - to prevent offenses, to prevent antisocial behavior, and is carried out at the same levels, in the same forms and by the same means, taking into account the delicacy. In this area, it is impossible to do without the achievements of technological progress. In all EU member states, without exception, technical means of ensuring road safety have become widely used.

Keywords: administrative responsibility, road accidents, internal affairs bodies, prevention, Republic of Crimea, technical means.

Spisok literatury

1. Amangaliev R.S. Osnovnye metody profilaktiki dorozhno-transportnyh proisshestvij v naselennyh punktah // Sbornik statej XXVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennaya yurisprudenciya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii». 2020. S. 69–71.
2. V Sevastopole nachala rabotu sistema avtomaticheskoy fiksacii narushenij PDD. Oficial'nyj portal pravitel'stva Sevastopolja [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://sev.gov.ru/city/pdd/>
3. «Vsevidyashchee oko» na krymskih dorogah: kak rabotayut kamery fiksacii narushenij [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ru.krymr.com/a/kamery-nabludeniya-trassa-tavrida-krym-gibdd.html>
4. Kostylev A.K., Peredernin A.V. Problemy obespecheniya garantij voditelej i sobstvennikov transportnyh sredstv v usloviyah elektronnoho yurisdikcionnogo proizvodstva // Vestnik tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Izdatel'stvo: Tyumenskij gosudarstvennyj universitet (Tyumen'). 2014. № 3. S. 148-155.
5. Mogut li kamery snizit' avariynost' na dorogah? [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.pnp.ru/social/mogut-li-kamery-snizit-avariynost-na-dorogakh.html>
6. O federal'noj celevoj programme «Povyshenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2006–2012 godah: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20 fevralja 2006 g. № 100 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2006. № 9. St. 1020.
7. O federal'noj celevoj programme «Povyshenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2013–2020 godah: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 3 oktyabrya 2013 g. № 864 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2013. № 41. St. 5183.
8. Pokazateli sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Respublike Krym [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://stat.gibdd.ru/>
9. Povyshenie skorosti dvizheniya na avtomobile v Germanii i nakazanie za bystruyu ezdu [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ru.exrus.eu/Prevysheniye-skorosti-dvizheniya-na-avtomobile-v-Germanii-i-nakazaniye-za-b-id57cdc7d1ca80ff6641005464>
10. Shtrafuyushchie za ispol'zovanie telefona za rulem kamery ustanovyat v Avstralii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://iz.ru/949952/2019-12-02/shtrafuyushchie-za-ispolzovanie-telefona-za-rulem-kamery-ustanoviat-v-avstralii>
11. Sistema avtomaticheskoy fiksacii narushenij PDD. Oficial'nyj portal pravitel'stva Sevastopolja [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://sev.gov.ru/city/pdd/>
12. Road traffic injuries. WHO. 2020. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/road-traffic-injuries>

УДК 343.2.7

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-244-248

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Мерказова В. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Процесс ознакомления с личностью несовершеннолетнего преступника представляет собой достаточно интересный процесс, в ходе которого выявляются и оцениваются особенности механизма противоправного поведения, а также поиск специфических причин, способствующих такому поведению и совершению преступлений.

Преступность среди несовершеннолетних – давно зародившееся антисоциальное явление. Истоки лежат еще у петровских времен и эпохи дворцовых переворотов – уже тогда стали разрабатываться и постепенно применяться меры по выявлению, предупреждению и пресечению данного феномена, а также активно применялась политика перевоспитания и переориентации малолетних преступников.

Собственно, личность несовершеннолетнего преступника является ключевой проблемой криминологии. Она выступает центральным звеном различных дискуссий и споров по той причине, что преступление, как акт человеческого волеизъявления, в большей степени производно от его содержания, которое наполняет себя личностными, возрастными характеристиками и другими особенностями [1].

Ключевые слова: личность несовершеннолетнего преступника, преступность среди несовершеннолетних, криминологическая характеристика личности преступника, формирование личности несовершеннолетнего, тип несовершеннолетнего преступника.

При оценке и исследовании преступности несовершеннолетних важное значение имеет изучение элементов, признаков, свойств и иных особенностей личности несовершеннолетних.

Криминологическая характеристика личности преступника, в том числе и несовершеннолетнего преступника, включает следующие элементы: социально-демографические, социально-значимые физиологические, социально-психологические, нравственно-психологические и правовые свойства, признаки, установки, связи, отношения и ценностные ориентации, имеющие антисоциальную направленность и приведшие к совершению преступления. При этом в качестве базовой характеристики личности выделяются: социально-типологическая, социально-ролевая, нравственно-психологическая.

Первый элемент – социально-типологическая характеристика личности. Он отражает именно социально-типологические свойства личности преступника. При этом речь идет о таких социально-демографических признаках, как: пол, возраст, образование, место жительства, род занятий и деятельности, семейное положение и другие.

Следующая характеристика личности – социально-ролевая. Данная характеристика позволяет увидеть преступника, исходя из тех социальных позиций, которые он занимает в реальной действительности. В основном это выражается в

безответственном отношении к своим социальным ролям в различных социальных институтах.

К числу характеристик личности относится и нравственно-психологическая. Она отражает отношение лица к государству и обществу, в том числе к определяемым в них ценностям, нормам морали, традициям и т.д. [2].

Чаще совершаются преступления лицами в возрасте 16-18 лет, чем в 14-15. В большинстве случаев (более 85%) несовершеннолетние преступники имеют низкую успеваемость по месту учебы, пропускают занятия. Некоторые подростки не имеют даже начального образования.

Характерным признаком преступности несовершеннолетних является ее рецидивность. Обратимся к статистике лиц, ранее совершавших преступления: если, например, в 2017 г. доля повторных преступлений составляла 17 %, в 2018 году – 21,8%, то уже в 2019 г. она достигла значения в 26,3 %.

Анализируя официальную статистику можно отметить, что среди несовершеннолетних, совершающих преступления, преобладают лица мужского пола, что характерно и для взрослых преступников. При этом актуальной проблемой является рост преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола, что указывает на феминизацию преступности несовершеннолетних.

Примером женской преступности несовершеннолетних может служить событие, произошедшее 7 ноября 2016 г., когда три московские школьницы избили сверстницу, что было снято на видео и выложено в сети Интернет. Причиной такого жестокого поведения послужила ревность одной из избивавших девушек к своему молодому человеку.

В ходе анализа преступности несовершеннолетних представляет интерес исследование уровня взаимодействия соответствующей личности и среды обитания в процессе заложения основ возможного его преступного поведения.

Общепризнано, что у несовершеннолетнего сознание и психика находятся в стадии интенсивного формирования, а поэтому имеет место повышенная восприимчивость к институтам социализации, в том числе и позитивным и негативным. Соответственно, в общем виде схема анализа социальных обстоятельств и условий совершения несовершеннолетним преступления может быть представлена как перечень определенных отношений, которые непосредственно связаны с детерминацией его преступного поведения и, следовательно, представляют первостепенное значение. Поэтому перед учеными и практиками стоит задача по установлению того, по какой причине и почему, под влиянием каких личных характеристик, жизненных и социальных условий возникают у человека черты характера, которые впоследствии приводят к криминальному поведению и совершению конкретного преступления(й), т.е. анализу подлежат факторы и условия формирования личности несовершеннолетнего преступника [2].

В криминологической науке принято выделять в качестве одного из направлений, указывающих на причины преступности несовершеннолетних, принято выделять связь преступного поведения с образом жизни, т.е. целесообразно комплексное изучение сферы быта, досуга, образования и труда.

Тем самым социально-психологические обстоятельства и условия, обуславливаются в том числе криминальной средой, которая во многом

предопределяет формирование личности несовершеннолетнего. При этом детерминанты социально-психологического характера представляют собой определенную группу взаимосвязанных и взаимообусловленных между собой обстоятельств и факторов, внутри которых на основе имеющихся негативных условий социальной среды, вступая в взаимодействие со возрастными особенностями несовершеннолетнего, формируют у него устойчивые личностно-психологические изменения, которые способны в сочетании с конкретными жизненными ситуациями приводить к совершению конкретного преступления(й). При этом личность человека, ее становление и сущность формируются на протяжении всей жизнедеятельности и в процессе соответствующей социализации, в результате которой индивид приобретает определенные свойства и качества, детерминирующие его поведение.

Многие исследователи выделяют неблагополучную (антисоциальную) семью как основной фактор формирования личности несовершеннолетнего преступника.

В структуре преступности несовершеннолетних появились такие криминальные ситуации, как вооруженные нападения и убийства сотрудников школ, захват школьников в заложники (инцидент со стрельбой 3 февраля 2014 г. произошел в школе № 263 в районе Отрадное г. Москва, в результате которого старшеклассник из винтовки застрелил учителя и полицейского, взял в заложники школьников; 5 сентября 2017 г. 15-летний девятиклассник устроил стрельбу в школе в подмосковной Ивантеевке; 19 апреля 2018 г. в школе г. Стерлитамака Республики Башкортостан 17-летний школьник, вооруженный ножом совершил нападение на учительницу и одноклассников, а затем попытался поджечь школу).

Естественно, указанные и другие криминальные ситуации не остались без внимания в науке криминологии и появились новые термины – «школьный стрелок», «стрельба в школах, учебных заведениях» и другие.

Всю страну потрясло событие, произошедшее 17 октября 2018 г. в г. Керчь Республики Крым, когда 18-летний студент 4 курса политехнического колледжа Росляков Владислав заложил взрывное устройство в учебном здании и открыл стрельбу по студентам и сотрудникам, в результате чего погиб 21 человек, включая предполагаемого нападавшего, пострадали 67 человек.

В ходе расследования по делу об этой трагедии было установлено, что Росляков был вдохновлен массовым убийством в «Колумбайне» и копировал убийц в одежде (в черных брюках и белой футболке с надписью «Ненависть», черная перчатка на руке), поведении и используемых средствах (в рюкзаке у него находились бутылки с зажигательной смесью) для расстрела однокурсников и сотрудников колледжа, что указывает на феномен «колумбайнеров», то есть подражателей «школьных стрелков». При этом необходимо отметить, что А.Р. Рико в 2015 году исследовал проблемы указанного феномена и подсчитал, что за полтора десятилетия в школах США было совершено 74 нападения, в которых стрелки по определенным признакам копировали массовое убийство в школе «Колумбайн» [3].

Представляет интерес характеристика личности несовершеннолетних преступников исходя из его типов, например, ситуативно-неустойчивый, ситуативно-криминогенный и последовательно-криминогенный типы.

Первый тип несовершеннолетнего преступника – ситуативно-неустойчивый, который формируется, как правило, в законопослушной и достаточно ответственной

социальной среде, но в определенной степени терпимо относится к правонарушениям, а в некоторых случаях и открытым одобрением, если они совершаются лицами из его круга, в тоже время наблюдается обостренное реагирование на противоправные поступки, жертвой которых становятся он сам или его близкие, совершает конкретное преступление(я) под сильным (неожиданным или чрезвычайным) влиянием конкретной криминогенной жизненной ситуации. Как правило, это слабовольные несовершеннолетние, которых вовлекают в совершение преступления(й) другие лица. При этом в контингенте несовершеннолетних преступников их доля составляет около 30-35%.

Второй тип несовершеннолетних преступников – ситуативно-криминогенный, который наиболее часто встречается в числе несовершеннолетних преступников и характеризуется формированием и противоправными действиями в противоречивой социальной среде, когда семья оказывает позитивное воздействие, а друзья, знакомые и другие взрослые – негативное, а поэтому систематически нарушаются нормы морали и нравственности, формируются взгляды, социальные установки и устойчивые ориентиры на антисоциальный образ жизни, что зачастую создает определенные предпосылки и предрасположенность к совершению преступлений, а совершение конкретного преступления(й) в значительной степени обуславливается влиянием неблагоприятной жизненной ситуации и т.д. В контингенте несовершеннолетних преступников их доля составляет около 50-60%.

Третий тип несовершеннолетних преступников – последовательно-криминогенный, который предполагает отсутствие чувства социальной ответственности, сильную волю и определенные его организаторские способности, активность поведения в ситуации совершения преступления, что не исключает в отдельных случаях совершать преступления единолично или выступать в качестве лидеров преступных групп и т.д. В контингенте несовершеннолетних преступников их доля составляет 10-15% и именно на них приходится большая часть тяжких и особо тяжких преступлений и рецидива. Более того данная категория несовершеннолетних преступников являются хранителями и носителями обычаев и традиций криминальной субкультуры и среды (например, АУЕ, которое расшифровывается как «арестантский уклад един», «арестантское уркаганское единство» или «арестантское уголовное единство») [4].

Складывающаяся в стране криминальная обстановка показывает, что существующие направления, методы, формы и средства предупреждения и борьбы с преступлениями несовершеннолетних в настоящее время недостаточно эффективны, а деятельность соответствующих органов и служб системы профилактики нуждается в совершенствовании.

Основополагающими задачами государства для предупреждения преступности несовершеннолетних являются: поддержка детства и материнства и детства; борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних; нравственно-правовое воспитание подростков и молодежи; противодействие распространению и употреблению алкогольных напитков, наркотических средств и психотропных веществ; качественное улучшение образования, в том числе и по подготовке учителей по программам предупреждения и борьбы с правонарушениями несовершеннолетних; организация детского и молодежного досуга, поддержка массовой физкультуры и спорта и т.д.

Подводя итог рассматриваемой проблематике, необходимо акцентировать внимание именно на том, что психика, привычки, мировоззрение подростка в процессе взаимодействия с окружающим миром формируются почти сразу. Несовершеннолетний как «губка» впитывает происходящие явления, процессы, модели поведения людей моментально, проецируя их на себя и ориентируясь на родственников, членов семьи в частности. Многое зависит от методов, подходов, способов перевоспитания молодого преступника, изменения его установок, мотивировок и идеалов.

Список литературы:

1. Криминология. Особенная часть: курс лекций / ред. В.Д. Малков. – М.: Акад. упр. МВД России, 2016. – С. 75.
2. Шоткинов С.А. Криминология: Конспект лекций / С.А. Шоткинов. – М.: Приор, 2017. – С. 75.
3. Криминология. Особенная часть: курс лекций. / ред. В.Д. Малков. – М.: Акад. упр. МВД России, 2016. – С. 178.
4. Кязимов М.С. Криминологическая характеристика преступлений // Рос. юстиция. – 2015. – № 6. – С. 25.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // СПС Консультант Плюс.
7. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС Консультант Плюс.
8. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

Merkazova V.A. Characteristics of the identity of an unweighted offender // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 244-248.

The process of familiarizing yourself with the identity of a juvenile offender is a fairly interesting process in which the specifics of the mechanism of illegal conduct are identified and evaluated, as well as the search for specific reasons for such behaviour and the commission of crimes.

Juvenile crime is a long-standing anti-social phenomenon. The origins lie in the Peter's times and the era of palace coups - even then began to develop and gradually apply measures to identify, prevent and suppress this phenomenon, as well as actively applied the policy of re-education and reorientation of juvenile offenders.

In fact, the identity of a juvenile offender is a key problem of criminology. It is the centrepiece of various debates and debates because crime, as an act of human will, is more derived from its content, which fills itself with personal, age characteristics and other characteristics.

Keywords: the identity of a minor offender, juvenile delinquency, criminological characterization of the identity of the offender, the formation of the identity of a minor, the type of juvenile offender.

Spisok literatury:

1. Kriminologiya. Osobennaya chast': kurs lekcij / red. V.D. Malkov. – М.: Akad. upr. MVD Rossii, 2016. – S. 75.
2. Shotkinov S.A. Kriminologiya: Konspekt lekcij / S.A. Shotkinov. – М.: Prior, 2017. – S. 75.
3. Kriminologiya. Osobennaya chast': kurs lekcij. / red. V.D. Malkov. – М.: Akad. upr. MVD Rossii, 2016. – S. 178.
4. Kyazimov M.S. Kriminologicheskaya harakteristika prestuplenij // Ros. yusticiya. – 2015. – № 6. – S. 25.
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ) // SPS Konsul'tant Plyus.
6. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 07.04.2020) (s izm. i dop., vstup. v silu s 12.04.2020) // SPS Konsul'tant Plyus.
7. Federal'nyj zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ (red. ot 26.07.2019) «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih» // SPS Konsul'tant Plyus.

8. Federal'nyj zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» // SPS Konsul'tant Plyus.

.

УДК 342.5

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-249-253

К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Анкудинова Я. С.

*Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

Работа рассматривает некоторые вопросы антикоррупционного просвещения, которое выступает одним из основных средств профилактики коррупции, используемых в современном российском обществе. Так же рассматриваются нормативно-правовая основа организации и осуществления антикоррупционного просвещения, субъекты, уполномоченные законом на реализацию данной функции. Определяются основные формы, виды и методы этой деятельности. Отмечаются результаты работы органов прокуратуры Российской Федерации в сфере реализации антикоррупционного просвещения.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционное просвещение, прокуратура Российской Федерации антикоррупционная деятельность; образовательные организации в системе прокуратуры.

Одной из основных задач субъектов противодействия коррупции является реализация мер по ее предупреждению, а также выявление и устранение причин и условий, способствующих ее проявлению.

Одним из направлений реализации профилактических антикоррупционных мер является формирования нетерпимости к коррупционному поведению в обществе. Отметим, что в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» к основным направлениям деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции относится реализация мер, которые направлены на формирование в обществе негативного отношения к коррупционному поведению [1].

Практика реализации мер антикоррупционной направленности свидетельствует, что противодействие данному негативному социальному явлению заключается не только в применении мер, предусмотренных в законодательстве, но и мер превентивного характера, которые в первую очередь направлены на повышение уровня правосознания граждан, разъяснение положений нормативных правовых актов, популяризацию антикоррупционных стандартов, формирование антикоррупционного поведения населения.

Мировой опыт свидетельствует, что большинство стран, используя накопленный опыт, формируют и реализуют собственную национальную антикоррупционную политику, активно привлекая имеющиеся в их распоряжении «инструменты», среди которых особое место занимает антикоррупционное просвещение.

Одним из важнейших средств повышения правосознания каждого гражданина, правосознания личности и повышения правовой культуры населения в целом является правовое просвещение, выступающее не только заботой государства и

деятельностью государственных институтов, но и совместной обязанностью государства и общества.

Отметим, что профилактика коррупции и антикоррупционное правовое просвещение направлено на принятие и реализацию законодательных, административных и иных мер, направленных на привлечение государственных и муниципальных служащих, а также граждан к более активному участию в противодействии коррупции, на формирование в обществе негативного отношения к коррупционному поведению [2, с.138].

Важно подчеркнуть, что на сегодня в научной литературе нет единого подхода относительно определения понятия «просвещение». Не вдаваясь в детальный анализ научных точек зрения относительно определения данного понятия, отметим, что мы поддерживаем позицию тех ученых, которые просвещение определяют, как: – инициированный государством процесс распространения среди граждан знаний [3, с.3], культуры, морали через комплекс воспитательно-образовательных мероприятий, посредством существующей или развиваемой системы специализированных институтов государства [4, с. 4].

В российской правовой практике, как и в практике многих других государств, правовое просвещение, как элемент правовой политики направлено на формирование в обществе устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма; повышение уровня правовой культуры граждан, включая уровень осведомленности и юридической грамотности; создание системы стимулов к законопослушанию как основной модели социального поведения; внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм [5, с.78].

Субъектами проведения антикоррупционного просвещения могут быть: министерства и профильные ведомства, в зависимости от направления рода деятельности их структур, органы государственной власти, в том числе правоохранительные органы и органы прокуратуры.

Учитывая, что прокурорские полномочия осуществляются в широком спектре правоотношений, органы прокуратуры в своей деятельности используют определенные в законе меры воздействия для повсеместного и систематического правового воспитания, и просвещения населения. Прокуроры постоянно применяют различные формы правового просвещения граждан.

Важно подчеркнуть, что работа органов прокуратуры в сфере противодействия коррупции осуществляется на плановой основе, приоритеты этой деятельности определены Национальным планом противодействия коррупции на 2018-2020 годы, задачи по реализации которого конкретизированы в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 08.08.2018 №485 «Об организации исполнения Национального плана противодействия коррупции на 2018-2020 годы». С учетом положений документа стратегического планирования внимание органов прокуратуры было обращено, в том числе, и на повышения эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих и реализации мер антикоррупционного просвещения.

Анализируя практику реализации антикоррупционного просвещения в Республике Крым можно следует отметить, что на сегодняшний день большое

внимание уделяется работе с несовершеннолетними, а именно разъяснению несовершеннолетним о негативных последствиях совершения коррупционных правонарушений. Наравне с развитием правовой грамотности населения, прокурорские работники повышают правосознание несовершеннолетних, формируя у них негативное отношение к коррупции. Прокуроры проводят мероприятия по правовому просвещению, приуроченные к определенным знаменательным датам, в том числе к Международному дню борьбы с коррупцией [6, с. 5].

Изучение данной практики позволяет сделать вывод, что обучение с самого раннего возраста несовершеннолетних, а именно со школьного возраста, просвещение их в теме противодействия коррупции, беседы о наступлении уголовной ответственности за коррупционное деяние, на наш взгляд, является отличной профилактической мерой в борьбе с такой серьезной социальной проблемой, как коррупция. Привитие правовой культуры несовершеннолетним поможет им в дальнейшем, в их взрослой и самостоятельной жизни отделять и понимать разницу между незаконным вознаграждением и благодарностью.

Следует отметить, что одним из субъектов реализации мер антикоррупционного просвещения являются научные и образовательные организации прокуратуры. Так, исходя из опыта реализации антикоррупционного просвещения в Республике Крым, на примере Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (далее – Институт) выполняется ежегодно ряд мероприятий, направленных на воспитание ценностных установок и развитие способностей, необходимых для формирования гражданской позиции в отношении коррупции, формирования негативного отношения к коррупционным проявлениям через комплекс воспитательно-образовательных мероприятий посредством круглых столов, лекций, выездных занятий в школах, участия в конференциях и проведения занятий со студентами.

Одной из форм реализации антикоррупционного просвещения в Институте является проведение научно-практических конференций и круглых столов, где привлекаются практикующие работники органов прокуратуры, студенты Института и студенты других учебных заведений, учащиеся старших классов, которые не только присутствуют при проведении, но и принимают участие в обсуждениях, тем самым реализуя антикоррупционное просвещение в последующем в школах, где обучаются.

В Институте существует практика чтения лекций и проведения семинаров по антикоррупционной тематике для государственных и муниципальных служащих, что позволяет расширить круг лиц, до которых доводится информация по противодействию коррупции, тем самым, соответственно, и увеличивается масштаб распространения антикоррупционного просвещения, проводимого Институт. В пример, можно привести, семинар для государственных гражданских служащих аппаратов судов общей юрисдикции проводимый в 2016 году в Управлении Судебного департамента в Республике Крым с участием профессорско-преподавательского состава и студентов Института проведен с целью изучения ими основных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» [7, с. 36].

В институте обучению методике и навыкам правового просвещения уделено должное внимание в учебном материале для слушателей курсов повышения

профессиональной квалификации прокурорских работников. В соответствии с учебным Планом обучения слушателей программа дополнительного профессионального обучения старших помощников, помощников прокуроров городов и районов, осуществляющих надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции, где детально рассмотрен вопрос антикоррупционного просвещения.

Повышенное внимание в реализации антикоррупционного просвещения Институт уделяет просвещению школьников. Сотрудники Института регулярно посещают школы с выездными лекционными занятиями по антикоррупционной тематике, так, к примеру, в 2019 году проведено лекционное занятие на тему «Антикоррупционное воспитание – направление молодежной политики, решающий фактор повышения эффективности противодействия коррупции в нашем обществе» в МБОУ «СОШ № 8».

Достаточно эффективной формой реализации мер антикоррупционного просвещения являются проведение выездных занятий в рамках реализации соглашения о партнерстве Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МДЦ «Артек» лагерь Янтарный. На данных занятиях, для лучшего усвоения и понимания, применяются лекции, деловые игры и «квесты», где присутствует элемент состязательности и у участников есть мотивация ознакомиться, изучить и узнать с целью достижения результата и победы. Так на базе МДЦ «Артек», по предварительной договоренности, Институтом проведен ряд мероприятий, направленных на формирование гражданской позиции у учащихся, повышения правовой культуры, воспитания нетерпимости к коррупционным проявлениям, и повышения уровня ответственности с целью реализации антикоррупционного просвещения.

Анализ практики Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации в сфере реализации антикоррупционного просвещения свидетельствует, что данный вопрос на сегодняшний день является одним из приоритетных.

Следует констатировать, что противодействие коррупции заключается не только в применении правовых мер, направленных на преследование за совершение коррупционных правонарушений, но и в превентивной работе. Основываясь на проведенном анализе, можно сделать вывод, что правовое просвещение может быть действенным инструментом профилактики коррупции, наибольшая эффективность которого возможно достигнуть путем объединения усилий государственных органов, образовательных организаций и средств массовой информации.

Список литературы

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. Юрковский А.В., Евдокимов К.Н., Деревскова В.М. Правовые основы противодействия коррупции: учебное пособие. – Иркутск, 2012. – 199 с.
3. Мальчиков Н.А. Технология антикоррупционного просвещения//Государство и право: теория и практика: материалы IV Междунар. Науч. Конф. (г. Казань, март 2018 г.). - Казань; Молодой ученый, 2018.- 46 с.
4. Мочалов С.А. Использование органами прокуратуры правового просвещения как инструмента профилактики коррупции // Прокурор. 2016. №4. - 112 с.
5. Евдокимов В.Б., Маматов М.В., Дмитриева Е.А. Прокуратура и СМИ: состояние и перспективы взаимодействия. Монография / Москва, 2016. - 236 с.

6. Обзор результатов работы органов прокуратуры Российской Федерации по правовому просвещению и правовому информированию от 08.04.2019 № 22-14-2019. - 12 с.
7. Отчет о работе Крымского юридического института (филиала) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации» в 2016 году и задачах на 2017 год // Симферополь, 2016. – 45 с.

Ahkudinova Y. S. On the practice of implementing anti-corruption education (based on materials from the republic of Crimea) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 249-253.

The work examines some issues of anti-corruption education, which is one of the main means of preventing corruption used in modern Russian society. It also examines the regulatory framework for the organization and implementation of anti-corruption education, subjects authorized by law to implement this function. The basic forms, types and methods of this activity are determined. The results of the work of the prosecutor's office of the Russian Federation in the implementation of anti-corruption education are noted.

Keywords: corruption; anti-corruption education, the prosecutor's office of the Russian Federation anti-corruption activities; educational organizations in the prosecutor's office.

Spisok literatury

1. О противodeystvii korruptsii: Federalnyy zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ (red. ot 31.07.2020) // Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy «Konsultant-Plyus».
2. Yurkovskiy A.V., Evdokimov K.N., Derevskova V.M. Pravovyye osnovy protivodeystviya korruptsii: uchebnoye posobiye. – Irkutsk. 2012. – 199 s.
3. Malchikov N.A. Tekhnologiya antikorrupsionnogo prosveshcheniya//Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika: materialy IV Mezhdunar. Nauch. Konf. (g. Kazan. mart 2018 g.).- Kazan; Molodoy uchenyy.2018.- 46 s.
4. Mochalov S.A. Ispolzovaniye organami prokuratury pravovogo prosveshcheniya kak instrumenta profilaktiki korruptsii // Prokuror. 2016. №4. - 112 s.
5. Evdokimov V.B., Mamatov M.V., Dmitriyeva E.A. Prokuratura i SMI: sostoyaniye i perspektivy vzaimodeystviya. Monografiya / Moskva. 2016. - 236 s.
6. Obzor rezultatov raboty organov prokuratury Rossiyskoy Federatsii po pravovomu prosveshcheniyu i pravovomu informirovaniyu ot 08.04.2019 № 22-14-2019. - 12 s.
7. Otchet o rabote Krymskogo yuridicheskogo instituta (filiala) federalnogo gosudarstvennogo kazennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Universitet prokuratury Rossiyskoy Federatsii» v 2016 godu i zadachakh na 2017 god // Simferopol. 2016. – 45 s.

УДК 342.951

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-254-264

**ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ КАК ОДНОГО ИЗ НАУЧНЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ ТЕОРИИ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Басова Ю. Ю.

***Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации***

В статье проведен анализ научных исследований предметом которых являлись различные аспекты деятельности государственных органов по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях. На основе проведенного исследования выделены основные теоретические закономерности (основные научные идеи, взгляды) раскрывающих сущность обеспечения законности, сущность понятия «чрезвычайные ситуации». Кроме того, анализ содержательной стороны различных научных концепций позволил обозначить ряд проблем, которые требуют современного научного осмысления и разрешения в сфере организации деятельности органов прокуратуры по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях.

Обосновано, что существующие научные исследования о сущности и содержании деятельности прокуратуры Российской Федерации по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях можно объединить в несколько групп, в частности: исследования, посвященные анализу общетеоретических аспектов обеспечения законности; исследования, посвященные анализу теоретико-методологических основ понятия «чрезвычайная ситуация»; исследования, посвященные анализу организационно-правовых аспектов деятельности правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях; исследования, посвященные анализу теоретических и прикладных проблем деятельности прокуратуры в чрезвычайных ситуациях; исследования, посвященные анализу теоретических и практических аспектов обеспечения (ограничения) прав и свобод человека (гражданина) в условиях чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: деятельность, законность, обеспечение, прокуратура, прокурорский надзор, чрезвычайные ситуации, теория, теоретические закономерности,

Постоянное развитие общества обуславливает появление новых общественных отношений, что предполагает познание и использование закономерностей, принципов и методов, что является задачей научного знания и его высшего уровня – теории [1, с. 42], а также выявление актуальных теоретических и практических вопросов, которые в силу своей важности и сложности становятся предметом дискуссии среди научного сообщества и практиков. Именно с помощью теории мы лучше познаем сущность новых явлений, систематизировать новые знания и обеспечить проверяемость теоретических наработок. Это справедливо относится и к правоохранительной сфере деятельности, в частности к деятельности органов прокуратуры, которые функционируют, как в обычных условиях жизнедеятельности общества и государства, так и в условиях чрезвычайных ситуаций. При отсутствии теории (в частности, теории организации деятельности прокуратуры по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях) какие-либо практические предложения в указанной сфере не могут называться научными.

Особую актуальность данный вопрос приобретает в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций природного, техногенного, социально-политического и военного характера. Именно в таких условиях происходит изменение функционирования многих институтов государства, что в свою очередь обуславливает применение специальных мер направленных на нормализацию обстановки.

Международные события последних десяти лет характеризуются динамичностью и нестабильностью событий и процессов. Происходящее свидетельствует, что в настоящее время говорить о наличии международной стабильности (социальной, экономической, политической, ресурсной, экологической, продовольственной) нельзя. В то же время, ликвидация негативных последствий чрезвычайных ситуаций давно прекратило быть сферой заинтересованности отдельных государств, международных организаций и перешло в разряд приоритетных для всего мирового сообщества. Не смотря на динамичность событий, на сегодня отсутствуют, как фундаментальные, так и прикладные научные исследования, посвященные формированию самой теории деятельности прокуратуры по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях, ее объекту и предмету, задачам и направлениям. Основное внимание научного сообщества сосредоточено теоретических основах обеспечения законности в государстве, а также на практических аспектах осуществления прокурорского надзора. Не отрицая важности научных исследований проведенных ранее, следует согласиться с мнением профессора А.Ф. Майдыкова, который указывает, что: «научная мысль должна эффективно продвигаться в вопросе разработки теории по известному в философии принципу: от общего к частному, а от него и к единичному» [1. с. 42–44.].

Переходя к анализу содержания научных исследований, стоит отметить, что разработке методологических аспектов данной проблематики важное место занимают исследования, посвященные теоретическим основам обеспечения законности, среди которых можно выделить таких ученых, как: С.С. Алексеева, К.И. Амирбекова, Д.Н. Бахраха, А.В. Басова, Н.В. Варламова, А.Ф. Козлова, В.В. Клочкова, В.В. Лапаева, А.В. Мелехина, В.С. Нерсисянца, Н.С. Нижник, Н.А. Овчинникова, В.П. Рябцева, Л.И. Спиридонова, Ю.А. Тихомирова, В.А. Четвернина, В.Е. Чиркина и др. В то же время, единого научного подхода к определению понятия «законности» отсутствует.

Итак, анализируя научные подходы отметим, что профессор А.В. Мелехин понятие «законность» определяет, как точное и неуклонное соблюдение и исполнение законов и подзаконных актов государственными органами, должностными лицами, органами местного самоуправления, гражданами и их объединениями [2, с. 177]. В.С. Нерсисянец отмечает: «Когда речь идет о верховенстве закона и господстве принципа законности в правовом государстве, то имеется в виду, конечно, не всякий закон и не всякая законность, а именно правовой закон и правовая законность» [3, с. 530]. А.В. Курагин, В.А. Паникаров, Т.В. Паникарова, Е.В. Сенатова в исследовании «Специальные гарантии законности в административном праве» отмечают, что: «в последние годы предприняты попытки существенного расширения содержания законности за счет включения в понятие законодательства («законность») связывается с соблюдением не только законов, но и

основанных на них подзаконных нормативных актов), так и сужения ее за счет сокращения субъективного состава (из числа субъектов законности исключаются граждане), т.е. граждане обязаны соблюдать только законы, а саму законность – должностные лица и представители власти» [4, с. 58].

Не менее важной группой научных исследований, являются труды, посвященные обеспечению законности в деятельности органов государственной власти. Так, А.В. Басов, Н.Н. Колюка делают вывод, о том, что «законность отображает правовой характер организации общественно-политической жизни, органическую взаимосвязь права и власти, права и государства, права и общества. Она касается как сферы правотворчества, так и сферы правореализации, поскольку требования соблюдения законности касается и высших органов государственной власти и других государственных органов, которые принимают в пределах своих полномочий подзаконные акты, и непосредственно, исполнителей законов» [5, с.38; 6, с. 36].

К.И. Амирбеков считает, что «законность является неотъемлемым элементом правовой системы общества и состояние которой зависит не только от соблюдения и выполнения предписаний закона, а и от эффективности функционирования юридического механизма в своевременной разработке, принятии востребованного законодательства, внесения необходимых изменений или отмене утративших целесообразность законов» [7, с. 4].

Проведенный анализ научных подходов дает возможность определить совокупность теоретических закономерностей (основных научных идей, взглядов) раскрывающих сущность обеспечения законности, что, по нашему мнению, представляет предмет данного теоретического направления. Итак, сущность законности заключается не только в строгом исполнении законов, но и:

- в своевременном принятии востребованных законов. Законность «должна пронизывать» не только поведение исполнителей законов, но и деятельность законодателей, то есть правотворческую деятельность. О настоящей законности можно говорить лишь с учетом неразрывного единства ее внешней стороны – строгого выполнения законов, а также внутренней – своевременной разработке, принятию востребованного законодательства, а также внесению необходимых изменений или отмене утративших целесообразность законов;

- в своевременном и оперативном выявление нарушений и реагирование на них. Реагирование на нарушения включает в себя комплекс мер по устранению нарушения и их профилактике (проведение плановых и внеплановых проверок, получение объяснений, изучения жалоб и заявлений, анализ материалов правоприменительной деятельности); выявлению виновных лиц, потерпевших, восстановлению нарушенных прав; определению размера причиненного ущерба (вреда); возмещению ущерба; привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности и др. [8, с. 105];

- в установлении причин и условий, способствующих нарушениям. Каждое нарушение законности можно рассматривать или как событие, или как процесс в деятельности государственных органов, который в свою очередь обуславливается другим явлением, событием или процессом, т.е. определенными причинами или совокупностью причин, к которым можно отнести: во-первых, правовые причины, в связи с которыми «неразвитость» нормативной базы выступает фактором,

обуславливающим нарушения. К сожалению, в некоторых случаях законодательство или излишне «загромождено» массивом нормативных документов, или является морально-устаревшим, или содержит в себе трудновыполнимые положения, которые являются ми в связи с отсутствием алгоритма их реализации [9, с. 211]; во-вторых, организационно-управленческие причины, к которым можно отнести низкую эффективность деятельности государственного аппарата, дублирование задач, функций и полномочий;

– своевременное исследование сущности этих нарушений. Данный элемент неразрывно связан с предыдущим т.к. именно исследование содержания нарушений позволит принять необходимые меры по их устранению, и последующем недопущении нарушений, разработке эффективного юридического механизма предупреждения нарушений [5, с. 38].

Следующую группу исследований составляют работы, посвященные определению теоретико-методологических основ понятия «чрезвычайная ситуация». Отметим, что в той или иной степени данный вопрос освещали известные представители современной отечественной и зарубежной юридической науки. Итак, важное теоретическое и практическое значение имеют научные исследования академика РАН, профессора Б.Н. Порфирьева который в своих работах разработал и ввел в научный оборот понятие «чрезвычайная ситуация», как внешне неожиданная обстановка, возникшая внезапно и характеризуется, прежде всего, человеческими жертвами, неопределенностью, гостроконфликтностью, стрессовым состоянием населения, значительными социально-экологическими и экономическими убытками, необходимостью быстрого реагирования (принятия управленческих решений), большими человеческими, материальными и временными затратами на проведение эвакуационно-спасательных работ, ликвидации негативных последствий (разрушение, пожара и т.д.) [10;11].

Проведенный анализ содержания диссертационных исследований Х.А. Андриашина, В. Л. Анисимова, Л.Ш. Берекашвили, А.В. Виноградова, В.В. Гущина, М. Д. Давитадзе, Ю. Н. Демидова, Е.В. Ким, М.П. Киреева, А.И. Парубова, В.Б. Рушайла, С.А. Старостина, В. Ю. Ухова, С.Д. Хазанова исследовавших сущность понятия «чрезвычайная ситуация», а также научных трудов М.А. Громова, А.В. Грязнова, В.М. Губанова, А.А. Малышева, С.С. Маиляна, А.В. Мелехина, М.В. Рыбкиной, А.Н. Сандугея предпринявших попытку рассмотрения сущности «чрезвычайных ситуаций» и ее признаков, позволил определить совокупность теоретических закономерностей (основных научных идей), раскрывающих сущность указанной научной категории, а именно:

– возникновение чрезвычайной ситуации создает реальную (потенциальную) опасность для человека-общества-государства;

– возникновение чрезвычайной ситуации обуславливает возникновение особых условий деятельности для всей системы органов государственной власти, а для органов внутренних дел – особые условия их деятельности;

– чрезвычайная ситуация обуславливает увеличение количества преступлений, возникновения массовых беспорядков, акций гражданского неповиновения, групповых нарушений общественного порядка и т.д.

– определяется, как специальный административно-правовой режим, введение которого предусматривает применение ограничений к физическим и юридическим лицам.

Важное методологическое значение для изучения указанной проблематики имеют исследования различных организационно-правовых аспектов деятельности правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях. Разработке прикладной теории управления правоохранительными органами в чрезвычайных ситуациях посвятили исследования такие ученые как: Х.А. Андриашин, Н.И. Армазанцев, В. Л. Анисимова, Н. И. Архипова, Л.Ш. Берекашвили А.В. Виноградов, Д. Власов, И.Т. Голяков, И.В. Гончаров, В. Н. Григорьев, А.В. Грязнов, В.В. Гущин, М. Д. Давитадзе, Ю. Н. Демидов, Г. И. Демин, В. Б. Дмитрин, А.Л. Дубовик, Г.Г. Зуйков, Ю.В. Иванов, Н. М. Касаткин, М.П. Киреев, А.М. Ларин, С. Лебедь, В.В. Лозбинев, С.С. Маилян, А.Ф. Майдыков, А. В. Мелехин, В. В. Овчинников, И.Л. Петрухин, М.М. Полянский, С.В. Пчелинцев, В.Б. Рушайло, С.А. Старостин, А. С. Серегин, Г. А. Туманов, В. Ю. Ухов, В. И. Фризко, С.Д. Хазанов, В.С. Четвериков, С. К. Шойгу, Н. М. Якушин и ряда других.

Указанные ученые исследовали различные аспекты заявленной проблематики: анализ организационных и тактических особенностей деятельности специальных субъектов обеспечения законности и правопорядка; обеспечение гражданской защиты населения; особенности реализации административно-правового статуса субъектов обеспечения законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях; исследование организационных и правовых основ осуществления кадрового, информационного, материально-технического, финансового, оперативного и других видов обеспечения при межнациональных конфликтах, захвате заложников, подготовке или совершении террористических актов, розыске и задержании вооруженных и особо опасных преступников, пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований, реализации режима чрезвычайного положения, введение которого вызвано техногенными авариями, стихийными бедствиями и т. д.

Фундаментальное значение имеют научные разработки, посвященные формированию теории управления органами внутренних дел в особых условиях. Профессор А.Ф. Майдыков отмечает, что «формирование теории в любой из отраслей науки – длительный и сложный процесс и формирование теории управления органами внутренних дел в особых условиях не является исключением. Кроме того, ученый предложил принципиальную схему построения данного теоретического направления, которая должна соответствовать основным направлениям организации деятельности органов внутренних дел в особых условиях и включает в себя шесть основных разделов:

- 1) закономерности, принципы, методы, задачи и функции выявления анализа и оценки индикаторов (информации) о возможности возникновения на обслуживаемой органами внутренних дел территории особых условий природного, биологического, техногенного и социального характера;
- 2) закономерности, принципы, методы, задачи и функции прогнозирования мест (территории), катаклизмов, их видов, характера и масштабов;

3) закономерности, принципы и методы, задачи и функции обеспечения готовности органов внутренних дел к действиям при различных видах особых условий;

4) закономерности, принципы, методы, задачи и функции управленческой деятельности органов внутренних дел при различных видах особых условий;

5) закономерности, принципы, методы, задачи и функции научного обеспечения, путей (направлений) дальнейшего совершенствования деятельности органов внутренних дел в особых условиях, в т. ч. перспективного планирования и прогнозирования [1].

Изучение научных исследований М.Д. Давитадзе, В.В. Гущина, А. И. Парубова, В.Г. Бубнова, В.Б. Игнатъева, В.И. Василишина, Н. И. Арзамасцева, А.Ф. Майдыкова, С.Н. Братановского, Л.В. Андриченко, Н.В. Румянцева позволяет обобщить научные взгляды и отметить, что для правоохранительных органов возникновение чрезвычайной ситуации обуславливает:

- возникновение в обществе и государстве обстановки реальной опасности, а также дестабилизацию оперативной обстановки на территории обслуживания;

- изменение правового статуса правоохранительных органов. При возникновении чрезвычайных ситуаций правоохранительные органы, кроме повседневных задач, обеспечивают реализацию новых задач и функций, в частности: создают необходимые условия для эффективной работы других субъектов ликвидации последствий чрезвычайной ситуации (спасателей, медицинских работников, служб питания и иных служб жизнеобеспечения), а также участвуют в содействии осуществлению аварийно-спасательных работ, обеспечивают охрану имущества, которое было оставлено без присмотра в связи с эвакуацией населения и предприятий, охрану общественного порядка и безопасности на созданных временных эвакуационных пунктах и др.;

- необходимость создания временных специальных организационных структур управления силами и средствами правоохранительных органов – оперативного штаба. Основная цель данного органа заключается в обеспечении решения возникших новых задач и функций;

- необходимость использования иной системы управления силами и средствами правоохранительных органов, а также правовое и ресурсное обеспечение. В таких условиях основным органом управления становятся созданные (потенциально действующий) оперативные штабы (в отдельных случаях совместный оперативный штаб), а силами для реализации возникших задач и функций является группировка сил и средств с функциональными группами.

Кроме того, анализ содержательной стороны указанных научных концепций позволяет обозначить ряд проблем, которые требуют современного научного осмысления и разрешения.

Первая группа проблем связана с неэффективностью существующей отдельных элементов системы управления, а именно в обеспечении эффективного взаимодействия (внутреннего и внешнего), а также информационного обеспечения деятельности в процессе обеспечения внутренней безопасности государства, общества и личности. Практическое осуществление оперативных планов по вопросам противодействия терроризму, борьбы с организованной преступностью,

ликвидации внутренних вооруженных конфликтов остается одной из самых сложных проблем.

Вторая группа проблем связана с увеличением перечня угроз национальной безопасности, особенно это связано с использованием цифровых технологий, которые активно используются в процессе организации (координации) негативных социальных процессов (незаконных маршей, митингов, массовых беспорядков, акций гражданского неповиновения).

Третья группа проблем связана с нерешенностью отдельных вопросов нормативного закрепления участия правоохранительных органов в ликвидации чрезвычайной ситуации.

Продолжая исследование отметим, что проработка теоретических и прикладных проблем деятельности прокуратуры в чрезвычайных ситуациях, разработка теории по данному вопросу, представляет собой сложный интеллектуальный процесс, требующий системного анализа научной информации не только о сущности и характере самих чрезвычайных ситуаций, содержании прокурорского надзора, но и о сущности и особенностях обеспечения законности в указанных ситуациях.

Вопросы теории и практики прокурорского надзора исследовались в научных трудах таких ученых: А.И. Алексеева, К.И. Амирбекова, В.Г. Бессарабова, А.Ю. Винокурова, Ю.Е. Винокурова, А.Х. Казарина, Р.В. Жубрина, А.Х. Казариной, Н.Н. Карпова, Б.В. Коробейникова, В.П. Рябцева, Н.В. Субановой, А.Я. Сухарева, С.П. Щербы, А.Г. Халиулина, В.Б. Ястребова и др. Отдельные аспекты осуществления прокурорского надзора и прокурорской деятельности в чрезвычайных ситуациях исследовались в работах Г.Д. Беловой, Т.А. Дикановой, А.И. Долговой, О.С. Капинус, В.А. Максимова, Э.Б. Хатова, В.В. Ястребова и др. Труды указанных ученых внесли фундаментальный вклад в научную разработку различных аспектов обеспечения законности и правопорядка. Однако, в настоящее время существует значительное количество теоретических и практических аспектов деятельности прокуратуры Российской Федерации в чрезвычайных ситуациях, которые еще не исследовались.

В связи с этим следует отметить, что важное значение, имеют исследования, посвященные вопросам научного анализа содержания прокурорской деятельности российской прокуратуры. Данной проблематики посвящено значительное внимание ученых, среди которых можно выделить научные труды отечественного ученого доктора юридических наук, профессора В.П. Рябцева, в частности: «Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации», «Правовой статус прокуратуры: тенденции и противоречия развития», «Приоритеты деятельности по обеспечению законности и правопорядка в сфере защиты конституционного строя», «Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации». Профессор В.П. Рябцев отмечал, что «деятельность прокуратуры Российской Федерации органично связана с жизнедеятельностью общества и государства, поскольку ее основной целью является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Следовательно, развитие прокуратуры должно способствовать общему процессу обеспечения национальной безопасности, а во главе угла должна находиться способность обеспечить безопасность и надежность

развития правовых общественных отношений». По мнению ученого, «наиболее употребимым, в том числе для целей деятельности органов прокуратуры, пониманием законности как характеристики состояния исполняемого правового режима в стране является точное, строгое и неуклонное соблюдение (исполнение) законов всеми субъектами правоприменения, включая граждан, должностных и юридических лиц. Разумеется, такое становится возможным при наличии в стране развитой системы законодательства, отвечающего объективным потребностям правового регулирования сложившихся общественных отношений» [12].

Интересными, с научной точки зрения, являются научные, учебные и учебно-методические работы, посвященные различным аспектам прокурорской деятельности, в частности: «Прокурорский надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением законов и законностью правовых актов» [13], «Организация деятельности прокурора по обеспечению безопасности прокурора и прокурорских работников» [14], «Организация работы прокуратур городов, районов и приравненных к ним прокуратур» [15]. В указанных работах были сформулированы исходные положения анализа состояния законности в сфере обеспечения прав граждан в чрезвычайных ситуациях, сформулированы первоочередные задачи органов прокуратуры, к которым были отнесены: защита прав пострадавших, в том числе права на получение материальных выплат, обеспечение законности при проведении восстановительных работ, обеспечение целевого расходования средств, обеспечение полноты и своевременности проведения аварийно-спасательных работ, недопущение увеличения цен на товары и продукты питания, соответствия санитарным требованиям условий временного пребывания эвакуированного населения.

Исследование проблем деятельности правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях органически связано с исследованием теоретических и практических аспектов обеспечения (ограничения) прав и свобод человека (гражданина) в условиях чрезвычайных ситуаций.

Еще в начале XX в. известный отечественный представитель дореволюционной юридической науки В.М. Гессен в монографии «Исключительное положение» отмечал, что «никогда в конституционном государстве правительственная власть не получает неопределенно-безграничного полномочия – управлять, прибегая ко всем, без исключения, средствам. На правительственную власть конституция возлагает обязанность управлять государством в пределах закона, – и только в его пределах [16, с. 55].

В рамках данной группы исследований ученые анализировали процедурные аспекты ограничения прав и свобод физических лиц, а также законных интересов юридических лиц в условиях чрезвычайных ситуаций. Вместе с тем, акцентирование внимания ученых на протяжении длительного времени исключительно процедурным аспектам ограничений не смогло не вызвать ослабление исследования теоретических и практических аспектов прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

В связи с этим следует особо отметить научные исследования В.С. Жилинского. Ученый указывает о значимости деятельности прокуратуры по

осуществлению надзора за соблюдением прав человека и гражданина в условиях чрезвычайных ситуаций. «Прокуратура должна определять правомочность проведения тех или иных специальных и режимных мероприятий, в том числе и право применения оружия». В то же время, прокуратура выступает как «сторонней наблюдатель» и начинает применять меры прокурорского реагирования только при выявленных явных нарушениях со стороны силовых структур при обращениях и жалобах граждан [17, с. 95]. Также, ученый проанализировал некоторые аспекты практики осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав человека в условиях действия режима чрезвычайного положения в Российской Федерации в различные временные периоды.

Следует согласиться с мнением Т.Г. Воеводиной, которая основываясь на научных позициях В.К. Звирбуль отмечает: «Прокурорский надзор, как отраслевая юридическая наука изучает социальные закономерности, обуславливающие возникновение, развитие, формы и методы деятельности по осуществлению высшего надзора за точным исполнением законов и его роль в механизме правового регулирования общественных отношений. Кроме того, автор отмечает, что наука прокурорского надзора должна развиваться посредством проведения актуальных научных исследований, а в частности развития теории прокурорской деятельности по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях.

Анализ научных взглядов о сущности и содержании деятельности прокуратуры Российской Федерации по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях не претендует на полноту и исчерпанность, ведь данный вопрос является достаточно содержательным. Проанализированные научные исследования являются наиболее близкими к указанной проблематике.

Однако, несмотря на такое большое количество научных исследований в данной сфере на сегодняшний день вопрос о сущности и содержании деятельности прокуратуры Российской Федерации по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях не были рассмотрены на уровне отдельного монографического исследования. Кроме того, динамичное развитие законодательства и правовых отношений в данной сфере, определяет актуальность проведение анализа современной практики прокурорской деятельности, а, следовательно, и отдельного исследования по указанной научной проблематике. К тому же, проведенный анализ научных исследований свидетельствует, что без соответствующего научного анализа остаются ряд принципиальных вопросов.

Существующие научные исследования о сущности и содержании деятельности прокуратуры Российской Федерации по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях можно объединить в несколько групп, в частности:

- исследования, посвященные анализу общетеоретических аспектов обеспечения законности;
- исследования, посвященные анализу теоретико-методологических основ понятия «чрезвычайная ситуация»;
- исследования, посвященные анализу организационно-правовых аспектов деятельности правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в чрезвычайных ситуациях;
- исследования, посвященные анализу теоретических и прикладных проблем деятельности прокуратуры в чрезвычайных ситуациях;

– исследования, посвященные анализу теоретических и практических аспектов обеспечения (ограничения) прав и свобод человека (гражданина) в условиях чрезвычайных ситуаций.

Список литературы

1. Майдыков А. Ф. Формирование теоретических основ управления органами внутренних дел в особых условиях как одного из научных направлений развивающейся теории управления органами внутренних дел и теории социального управления // Труды Академии управления МВД России. 2014. №3 (31). С. 42–44.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-teoreticheskikh-osnov-upravleniya-organami-vnutrennih-del-v-osobyh-usloviyah-kak-odnogo-iz-nauchnykh-napravleniy> (дата обращения: 27.01.2021).
2. Административное право Российской Федерации : учебное пособие / коллектив авторов ; под ред. А.В. Мелехина. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. 490 с.
3. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. М.: Издательская группа «Норма-инфра». - М.: 1999. - 552 с.
4. Курагин А.В. Специальные гарантии законности в административном праве / А.В. Курагин В.А. Паникаров, Т.В. Паникарова, Е.В. Сенатова // Государство и право. – 2017. – № 12. – С. 56–63.
5. Басов А.В. Законность в деятельности государственных органов в Российской Федерации: понятие, сущность, содержание и проблемы совершенствования / А.В. Басов, Н.Н. Колюка // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 8. – С. 36–42.
6. Басов А.В. Определение содержания законности в деятельности органов публичного управления в условиях чрезвычайной ситуации // Крымский юридический вестник. - 2010. - Вып. 1 (8). – Ч. 1. – С. 30–36.
7. Амирбеков К.И. Трансформация взглядов на понимание законности как правовой категории // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 2–5
8. Ключков В.В. Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора: монография / сост.: А.В. Ключкова, О.В. Пристанская. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2012. 262 с.
9. Мелехин А.В. Чрезвычайное законодательство РФ: теоретические, правовые и организационные проблемы его реализации: монография / Мелехин А.В. - М.: Акад. управ. МВД России, 2013. - 412 с.
10. Порфирьев Б.Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях: анализ методологии и проблемы организации. – М.: Наука, 1991. – 136 с.
11. Порфирьев Б.Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях: (Проблемы предотвращения и сокращения масштабов последствий технологических и природных катастроф). – М.: Знание, 1989. – 64 с.
12. Рябцев В.П. Избранные труды / сост. Р.В. Жубрин, Ю.В. Важина, В.А. Немировский; вступит. ст. Ф.М. Кобзарева; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2014. – 300 с.
13. Прокурорский надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением законов и законностью правовых актов: учебное пособие. Ч. 1 / О.Н. Коршунова, И.И. Головкин, Э.Р. Исламова, С.И. Коряченко, Д.М. Плугарь ; под ред Э.Р. Исламовой. – СПб : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 108 с.
14. Белова Г.Д. Организация деятельности прокурора по обеспечению безопасности прокурора и прокурорских работников : лекция / Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации. – М., 2012. – 25 с
15. Организация работы прокуратур городов, районов и приравненных к ним прокуратур : сб. материалов семинаров по обмену опытом: вып. 6 / под общ. Ред. Э.Б. Хатова; Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации. – М., 2012. – 88 с.
16. Гессен В. М. Исключительное положение СПб., 1908, 210 с.
17. Жилинский В.С. Правовое обеспечение национальной безопасности в чрезвычайных условиях. 05.26.02 М. 2007, 150 с.

Basova Y. Y. Formation of the theoretical foundations of the activities of the prosecutor's office to ensure the rule of law in emergency situations as one of the scientific directions of the theory of prosecutor's activity // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 254-264.

The article analyzes the scientific research that focused on various aspects of the activities of state bodies to ensure the rule of law in emergency situations. Based on the conducted research, the main theoretical regularities (the main scientific ideas, views) are identified that reveal the essence of ensuring the rule of law, the essence of the concept of "emergency situations". In addition, the analysis of the content of various scientific concepts allowed us to identify a number of problems that require modern scientific understanding and resolution in the field of organizing the activities of the prosecutor's office to ensure the rule of law in emergency situations.

It is proved that the existing scientific research on the essence and content of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation to ensure the rule of law in emergency situations can be combined into several groups, in particular: research devoted to the analysis of general theoretical aspects of ensuring the rule of law; research devoted to the analysis of the theoretical and methodological foundations of the concept of "emergency"; research devoted to the analysis of organizational and legal aspects of the activities of law enforcement agencies to ensure the rule of law in emergency situations; research devoted to the analysis of theoretical and applied problems of the prosecutor's office in emergency situations; research devoted to the analysis of theoretical and practical aspects of ensuring (restricting) human rights and freedoms in emergency situations.

Keywords: activity, legality, security, prosecutor's office, prosecutor's supervision, emergency situations, theory, theoretical regularities.

Spisok literatury:

1. Maydykov A. F. Formirovaniye teoreticheskikh osnov upravleniya organami vnutrennikh del v osobykh usloviyakh kak odnogo iz nauchnykh napravleniy razvivayushcheysoy teorii upravleniya organami vnutrennikh del i teorii sotsialnogo upravleniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2014. №3 (31). S. 42–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-teoreticheskikh-osnov-upravleniya-organami-vnutrennikh-del-v-osobykh-usloviyakh-kak-odnogo-iz-nauchnykh-napravleniy> (data obrashcheniya: 27.04.2021).
2. Administrativnoye pravo Rossiyskoy Federatsii : uchebnoye posobiye / kollektiv avtorov ; pod red. A.V. Melekhina. M.: YuSTITsIYa. 2016. 490 s.
3. Nersesyants V. S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. M.: Izdatetskaya gruppa «Norma-infra». - M.: 1999. - 552 s.
4. Kuragin A.V. Spetsialnyye garantii zakonnosti v administrativnom prave / A.V. Kuragin V.A. Panikarov. T.V. Panikarova. E.V. Senatova // Gosudarstvo i pravo. – 2017. – № 12. – S. 56–63.
5. Basov A.V. Zakonnost v deyatel'nosti gosudarstvennykh organov v Rossiyskoy Federatsii: ponyatiye. sushchnost. soderzhaniye i problemy sovershenstvovaniya / A.V. Basov. N.N. Kolyuka // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2016. – № 8. – S. 36–42.
6. Basov A.V. Opredeleniye soderzhaniya zakonnosti v deyatel'nosti v deyatel'nosti organov publichnogo upravleniya v usloviyakh chrezvychaynoy situatsii // Krymskiy yuridicheskiy vestnik. - 2010. - Vyp. 1 (8). – Ch. 1. – S. 30–36.
7. Amirbekov K.I. Transformatsiya vzglyadov na ponimaniye zakonnosti kak pravovoy kategorii // Rossiyskaya yustitsiya. 2016. № 4. S. 2–5.
8. Klochkov V.V. Aktualnyye problemy teorii zakonnosti i prokurorskogo nadzora: monografiya / sost.: A.V. Klochkova. O.V. Pristanskaya. M.: Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii. 2012. 262 s.
9. Melekhin A.V. Chrezvychaynoye zakonodatel'stvo RF: teoreticheskiye. pravovyye i organizatsionnyye problemy ego realizatsii: monografiya / Melekhin A.V. - M.: Akad. uprav. MVD Rossii. 2013. - 412 s.
10. Porfiryev B.N. Gosudarstvennoye upravleniye v chrezvychaynykh situatsiyakh: analiz metodologii i problemy organizatsii. – M.: Nauka. 1991. – 136 s.
11. Porfiryev B.N. Organizatsiya upravleniya v chrezvychaynykh situatsiyakh: (Problemy predotvrashcheniya i sokrashcheniya masshtabov posledstviy tekhnologicheskikh i prirodnnykh katastrof). – M.: Znaniye. 1989. – 64 s.
12. Ryabtsev V.P. Izbrannyye trudy / sost. R.V. Zhubrin. Yu.V. Vazhina. V.A. Nemirovskiy; vstupit. st. F.M. Kobzareva; Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii. – M.. 2014. – 300 s.
13. Prokurorskiy nadzor za soblyudeniym Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. ispolneniyem zakonov i zakonnostyu pravovykh aktov: uchebnoye posobiye. Ch. 1 / O.N. Korshunova. I.I. Golovko. E.R. Islamova. S.I. Koryachentsova. D.M. Plugar ; pod red E.R. Islamovoy. – SPb : Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy institut (filial) Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2018. – 108 s.
14. Belova G.D. Organizatsiya deyatel'nosti prokurora po obespecheniyu bezopasnosti prokurora i prokurorskiykh rabotnikov : lektsiya / Akad. Gen. prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – M.. 2012. – 25 s.
15. Organizatsiya raboty prokuratur gorodov. rayonov i priyavennykh k nim prokuratur : sb. materialov seminarov po obmenu opytom: vyp. 6 / pod obshch. Red. E.B. Khatova; Akad. Gen. prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – M.. 2012. – 88 s.
16. Gessen V. M. Isklyuchitel'noye polozheniye SPb.. 1908. 210 c.
17. Zhilinskiy V.S. Pravovoye obespecheniye natsionalnoy bezopasnosti v chrezvychaynykh usloviyakh. 05.26.02 M. 2007. 150 s.

УДК 343.632

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-265-274

**ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ОСКОРБЛЕНИЯ, КАК
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ И УГОЛОВНО
НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ**

Ищенко Д. П., Басов А. В., Ищенко Г. К.

Работа посвящена оскорблению личности. Оскорбление –распространенное правонарушение. Исторически, до декриминализации в 2011 году, оскорбление являлось уголовно наказуемым деянием. Действующее законодательство разделяет данные правонарушения по специальным составам на уголовно наказуемые преступления и по общим на административные правонарушения. В ходе исследования рассматриваются сложности правоприменительной практики при установлении обязательного признака неприличной формы, объективной и субъективной стороны правонарушения и особенности личности потерпевшего. Определение оскорбления закреплено нормативно, в то время как критерий неприличной формы законодательно не определен, что требует дополнительного правового регулирования.

Ключевые слова: оскорбление, общество, правонарушитель, потерпевший, честь, достоинство, мораль, этика, уголовно наказуемые деяния, административные правонарушения.

Честь и достоинство личности – ценности, закрепленные конституционными нормами и охраняемые законами демократического государства [1]. Ничто не может быть основанием для его умаления.

Требования и обязанность уважения чести, достоинства человека – это общепризнанные принципы, которые вытекают не только из конституционных норм, но и из международно-правовых актов. В преамбуле Всеобщей декларации прав человека сказано: «...признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [2, с. 2126].

Обеспечение уважения чести и достоинства личности – это не только государственная обязанность охранять законные интересы индивида, предоставлять и обеспечивать возможность пользоваться соответствующими правами, но и обязанность всех субъектов правоотношений соблюдать права личности.

Унижение чести и достоинства любым способом – самое распространенное правонарушение против личности. Целью выступает умаление чести и достоинства личности как социального блага каждого. Оскорбление фактически является психическим насилием над человеком, его отрицательной оценкой, подрывает репутацию потерпевшего.

В жизнедеятельности социума не редкостью являются межличностные конфликты, начиная с бытовых, вплоть до профессиональной сферы деятельности, и соответственно последствия, намеренные или случайные, в форме обидных слов, оскорбительных выражений и действий. Факт оскорбления может возникнуть в повседневной жизни каждого, оскорбить могут кого угодно и где угодно. Не говоря, о гражданах «опасных для общества» для которых характерно антиобщественное

поведение, многочисленные факты привлечения к административной и уголовной ответственности [3, с. 23-27].

К сожалению оскорбление, признается многими людьми не правонарушением, а способом общения. Игнорирование динамики «малозначительных» правонарушений, отсутствие должной профилактической работы приводит к разрастанию и переходу последних в более опасные формы отклоняющегося поведения» [4, с. 64-68].

Только эффективный механизм юридической ответственности обеспечит реализацию правовых положений по охране прав личности от противоправных посягательств. В соответствии с действующим законодательством России, исходя из тяжести совершенного правонарушения, квалифицирующих признаков, ответственность может иметь уголовно-правовую форму, а также носить административно-правовой характер, либо повлечь материальную ответственность за гражданско-правовой деликт. Но, несмотря на тяжесть совершенного противоправного деяния, объединяющим фактором является применение мер государственного принуждения, наступление правовых санкций для правонарушителя.

Государство не только признает права и свободы человека и гражданина, но и обеспечивает их охрану. В уголовном законе личность находится на первом месте уголовно-правовой охраны. По мнению В. И. Шмариона: «...система уголовно-правовых запретов Особенной части призвана обеспечить многоаспектную нравственную ценность человека и гражданина – человеческое, личное, гражданское, профессиональное, национальное достоинство; личную, профессиональную, семейную честь» [5, с. 9].

Русская Правда (в Краткой и Пространной редакциях) является одним из первых источников отечественного права. В данном документе оскорбления упоминаются как «обиды», как деяния, направленные против конкретного человека, а не общества и государства. Ответственность предусматривалась «...за удары батоном, жердью, чашей, рогом, мечом (в ножнах или его неострой стороной), вырывания усов или бороды». То есть удары и действия, не наносящие физического вреда потерпевшему, а действия исключительно оскорбительного характера. В комментариях к Русской Правде обоснованно отмечается, что «в феодальном обществе причинение подобного оскорбления считалось наиболее позорным» [6, с. 148-149].

Необходимо отметить, что оскорбления заключались исключительно в действиях. Унижение чести и достоинства словом не упоминалось. Также историки не пришли к единому мнению относительно ответственности за посягательства против порядка управления, в частности за преступления против представителей государственной власти. Законодательные источники уже в то время содержали первые попытки правовой охраны представителей власти. Но необходимо учитывать, что источники законодательства сохранились не в полном объеме, что соответственно не исключает возможности их существования.

Действующее законодательство и соответственно правоприменительная практика предусматривает уголовную ответственность за оскорбление представителя власти при исполнении или в связи исполнением должностных обязанностей. Потерпевшим лицом выступает любое должностное лицо, которое в

пределах своей компетенции вправе осуществлять распорядительные функции по отношению к лицам, которые не находятся в его подчинении. Причиной и мотивом нанесенных оскорблений должно выступать выполнение своих должностных обязанностей представителей власти по охране государственных интересов.

С образованием государственного устройства появилась необходимость реализации административно-хозяйственных, управленческих и правоохранительных функций, соответственно данные функции исполняются конкретными физическими лицами – представителями власти, облеченными соответствующими правами и обязанностями. Государство с момента своего образования обеспечивает действенное функционирование своей системы, защищая своих представителей от всевозможных противоправных посягательств. Прежде всего, это приемы и методы организационного и правового характера для защиты жизни, здоровья и, конечно, чести и достоинства своих представителей.

По справедливому замечанию Т. К. Агузарова и А. И. Чучаева «...необходимость защиты представителей власти предопределена уже самим существованием государства, получающим наиболее яркое выражение во власти» [7, с.1311-1312].

Чтобы раскрыть суть наиболее распространенного вида оскорбления, где потерпевшим выступает физическое лицо, не обладающее признаками представителя власти, необходимо провести анализ преемственности правовых норм. Так, до декабря 2011 года за оскорбление предусматривалась только уголовная ответственность.

Уголовные дела по факту оскорблений относились к делам частного обвинения. Нанесение оскорбления считалось преступлением в случае прямого обращения за защитой потерпевшим лицом. Психическо-эмоциональное состояние возможного потерпевшего в момент нанесения оскорбления – это важнейший фактор, влияющий на привлечение к уголовной ответственности виновного. Нанесение оскорбления может заключаться в произнесении непристойных, аморальных выражений, реплик в адрес потерпевшего. Соответственно отрицательные и неблагоприятные последствия в виде возможного ущерба и убытков (например, деловой репутации) и морального вреда зависят от индивидуальных особенностей восприятия потерпевшим лицом оскорбления в виде вербальной агрессии и естественной последующей реакции.

Между тем, в соответствии с действующим уголовным законом, действие, которое хотя формально и содержит признаки уголовно-наказуемого деяния, в соответствии с нормами УК РФ, не является преступлением, если не представляет общественной опасности, в частности в силу малозначительности. При установлении состава уголовного преступления оскорбления решающим фактором при решении вопроса о возбуждении уголовного дела выступает оценочная категория оскорбления.

Неоднозначная правоприменительная практика и большое количество уголовных дел, прекращенных за примирением сторон, а также мировая практика отказа от уголовной ответственности за оскорбление, повлияли на последующее решение о декриминализации оскорбления как уголовно наказуемого деяния.

В июне 2009 г. впервые на законодательном уровне Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации был рассмотрен законопроект

партии ЛДПР об исключении оскорбления в качестве преступления из Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно внесенным предложениям оскорбительные действия предлагалось признавать административными правонарушениями и установить соответствующее наказание в виде штрафа. Данная законодательная инициатива основывалась на несоразмерности уголовной ответственности и последствий судимости с характером совершенных действий. Данный законопроект был отклонен по причине отсутствия статистики и анализа судебной практики.

Второй раз аналогичная инициатива поступила Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву в марте 2011 г. от министра юстиции А. В. Коновалова. В декабре 2011 г. оскорбление как уголовно наказуемое преступление было декриминализовано.

Несмотря на принятое решение, оставлена без изменений уголовная ответственность за специальные составы оскорблений: в отношении чувств верующих, выразившихся в неуважении к суду, в отношении представителя власти, а также военнослужащего [8].

Для пресечения многочисленных фактов оскорблений как правонарушений, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) в качестве правого инструмента добавлена статья, предусматривающая ответственность за «оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме».

Кроме того, впервые установлен квалифицированный состав административного правонарушения, которое состоит «...в неприятии мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующимся произведении или средствах массовой информации» [9].

Проведена большая нормотворческая работа, изменена не только правовая отраслевая квалификация данного правонарушения, но и расширен круг административно наказуемых деяний, охватываемых составом «оскорбление», добавлены дополнительные квалифицированные виды оскорбления [10, с. 66-70].

Данное законодателем определение унижения состоит из двух взаимосвязанных аспектов: непосредственно само оскорбление (в форме активных действий) и соответственно отрицательные последствия, выразившиеся в унижении чести и достоинства.

Достоинство можно характеризовать как положительную оценку социальных достижений и собственной значимости, личных качеств и свойств, признанных социумом и человеком, а также естественное право каждого, из которого следует обязанность окружающих соблюдать общечеловеческое достоинство и уважительное отношение.

Честь, прежде всего, рассматривается как объективный критерий оценки, как положительная, позитивная оценка качеств индивида, его социального положения, достижений, личных и нравственных качеств, значимости и соответственно отношения окружающих к потерпевшему.

Согласно нормативно данному определению, оскорбление – это отрицательная характеристика индивида, выраженная в неприличной форме потерпевшего, которая унижает честь и достоинство потерпевшего. Как правило, данная характеристика носит обобщенный характер без истинных и конкретных фактов. Естественно, при

решении вопроса о наличии состава правонарушения, решающим фактором выступает, выражалось ли оскорбление в неприличной форме, а не личное восприятие оскорбленного.

Неприличная форма как способ оскорбления законодательно не закреплена. В правоприменительной практике оскорбление рассматривается как действия по унижению чести и достоинства в крайней степени, противоречащие общечеловеческой морали, этики и общепринятым правилам общения между людьми.

Для установления, а правильное сказать подтверждения неприличной формы требуется наличие субъективного и объективного критериев.

С объективной стороны оскорбление может выражаться только в активных действиях, направленных на унижение в неприличной форме чести и достоинства конкретного человека. Также негативная оценка может характеризоваться цинизмом и противоречить общепринятым правилам и нормам поведения, этики и морали [11, с. 28-30].

Оскорбление может заключаться как в действиях – физическом воздействии на индивида, так и словесно, вербально. Действия могут заключаться в определенных (двусмысленных) жестах, плевках, пощечинах и других действиях.

Для квалификации оскорбления обязательным признаком выступает направленность на конкретного индивида. Данный признак необходим для отграничения состава административного правонарушения мелкого хулиганства от оскорбления.

Встречаются в практике оскорбления, которые являются выражением личных негативных эмоций. Например, после общения с представителем власти произнесение «себе под нос» фраз и слов типа «менты – козлы». Аналогично с использованием бранной терминологии без конкретного адресата, например, «да пошли вы все на ...». Для полноценной правовой оценки все же требуется конкретизация или указание на определенное лицо, которому направлено это оскорбление и его личное восприятие данной (конкретной) фразы.

Однако, как правило, не конкретизированные сквернословия признаются результатом отрицательной психологической эмоции, а не преследуют цели оскорбления, соответственно и не влекут уголовной или административной ответственности. Данные проявления скорее говорят о несоблюдении моральных и этических норм хамом, поэтому и находятся в сфере регулирования этики и морали.

При совершении правонарушения публично данные действия могут быть квалифицированы как нарушение общественного порядка и безопасности. Например, мелкое хулиганство, которое направлено против общественного порядка и может заключаться в форме обезличенной нецензурной брани в общественных местах, оскорбительном приставании к гражданам и не связанное с прямым унижением их достоинства в неприличной форме [12].

Субъективная сторона заключается в прямом умысле, когда правонарушитель не только осознает, но и желает совершить соответствующее противоправное деяние и желает наступления негативных последствий.

Субъективный критерий состоит в наличии факта оскорбления и признания, а главное подтверждения оскорбления, совершенного в неприличной форме, что

подтверждает сам потерпевший, исходя из индивидуальных особенностей восприятия.

Рассмотрев определение оскорбления как унижения чести и достоинства, выраженного в неприличной форме, делаем вывод, что неотъемлемыми факторами оскорбления как правонарушения выступают:

- действия, слова и выражения оскорбительного содержания;
- направленность на конкретное лицо;
- обязательная выраженность оскорбления в неприличной форме.

Оскорбительность слов и действий может заключаться в использовании бранных, матерных, непристойных слов и фразеологизмов, противоречащих правилам поведения, принятым в обществе.

Оскорбительные слова и выражения необходимо разделять от оценочных суждений и описательных высказываний. Описательные выражения – это сведения о событиях и фактах, фактически констатация и утверждение явлений, и связь между явлениями и сделанными выводами. Описательные выражения в практике затруднительно отнести к оскорбительным, так как возникает вопрос о правдивости изложенной информации и соответствии действительности, значит теоретически могут быть опровергнуты.

Оценочные суждения личности отражают отношение и логические выводы субъекта правонарушения и подвергают сомнению абсолютную либо относительную ценность индивида. Оценка индивида не подлежит опровержению, потому что у каждого свои критерии ценностей. Оценка может быть как негативной, так и позитивной. Негативная оценка недопустима с правовой и этической точки зрения, если выражается в непристойных, бранных выражениях и словах (обценная лексика), адресованных и характеризующую их конкретную личность. Следовательно, получается оценочное и личное мнение отличается категоричностью высказываний и соблюдением общепринятых приличий.

Обценная лексика – это терминологическое наименование способа унижения чести и достоинства в неприличной форме, которое используется экспертами и правоприменителями.

К бранной лексике относят такие тематические группы слов и выражений, как названия гениталий и интимных отношений; обвинения в незаконнорожденности; название животных; виды нечистот; соотношение с нечистой силой.

Но не все так просто, некоторые слова и выражения, не относящиеся к обценной форме, в определенном контексте тоже являются оскорбительными.

Во-первых, слова и выражения, связывающие потерпевшего с противоправной, антиобщественной деятельностью и антисоциальным образом жизни, например: проститутка, жулик, взяточник, мошенник и т. д.

Во-вторых, явно выраженная отрицательная оценка, которая составляет основной смысл, характеризующих социально осуждаемую суть или позицию потерпевшего: стукач, двурушник, предатель, расист и т. д.

В-третьих, употребление в переносном смысле названий ряда профессий: палач, мясник и т. д.

В-четвертых, использование глаголов с прямой негативной оценкой или осуждающим значением: халнуть, трахнуть и т. д.

В-пятых, применение названиям и выделение отрицательных качеств и особенностей (физических, биометрических) потерпевшего: осел (глупость), свинья (неблагодарность или нечистоплотность), корова (неповоротливость, неуклюжесть) и т. д.

В-шестых, отрицательная оценка действий и поступков личности и его свойств личности без указания на конкретные факты: хам, мерзавец, негодяй и т. д.

В-седьмых, слова на прямую не являющиеся бранными, но содержащие отрицательную оценку: женщина легкого поведения, интердевочка и т. д.

В-восьмых, негативно-оценочные, каламбурные и специальные названия, сокращения и образования: коммуняки, прихватизаторы и т. д.

В-девятых, наименование и сравнение с одиозными историческими фигурами и литературными персонажами: Пиночет, Гитлер и т. д.

В-десятых, нецензурные, матерные, бранные слова в качестве характеристики лица (без примеров из соображений соблюдения морально-этических норм) [13, с. 340-361].

Несмотря на кажущуюся простоту и ясность, понятие и содержание неприличной формы нормативно не закреплено.

Установление и подтверждение наличия неприличной формы является вопросом факта и разрешается на практике, учитывая все обстоятельства правонарушения. Многообразие и различие форм и видов оскорблений следует из развитости общественных отношений, представлений в обществе, культуры, правового регулирования, профессиональной, этнической, религиозной, социальной принадлежности и иной характеристики потерпевшего.

Но перечисленные категории субъективны не только для потерпевшего, но и для субъекта правонарушения, а также для должностного лица, принимающего решение по материалам проверки.

Для исключения личностного подхода, установления и подтверждения неприличной формы оскорбления зачастую необходимо проведение лингвистического исследования, а в некоторых случаях психолого-лингвистического исследования.

При отсутствии заключения независимого квалифицированного, аттестованного специалиста о наличии признаков оскорбления и подтверждения неприличной формы, зачастую принимаются произвольные решения, основанные на субъективном мнении должностного лица и сложившейся правоприменительной практики.

Данная практика не эффективна по многим причинам. Основная – это длительность сроков проведения данных исследований, которые превышают сроки административного расследования и процессуальные сроки проверки по составам специальных оскорблений. Да и проводить длительные и дорогостоящие исследования по административным правонарушениям практические работники не стремятся. Немаловажный фактор – недостаток аккредитованных специалистов данной категории, обладающих специальными знаниями, подтвержденными соответствующими дипломами и разрешениями на проведение такого рода исследований. Так как большинство организаций, выполняющих данные исследования, коммерческие, соответственно их работа требует оплаты, а данная статья расходов не предусмотрена. Конечно, потерпевшая сторона может провести

исследования за собственный счет, но полученные результаты могут говорить о необъективности специалиста.

В то же время по уголовным делам по фактам оскорбления представителя власти следственные, надзорные и судебные органы принимают строгую и последовательную позицию.

Все чаще возникают споры о нарушении конституционных принципов, поскольку основной закон уравнивает в правах всех россиян. Вызывает несогласие такая значительная разница в правовой ответственности за оскорбление представителя власти и за оскорбление простого гражданина.

Так, например, приговором суда Первомайского района Ростова-на-Дону от 26.11.2013 осужден блогер «Р» за оскорбление представителя власти, который в своем аккаунте «Живого журнала» разместил несколько интернет публикаций с такими высказываниями: «содержанка судебной системы», «городская крокодилица», которые негативным образом характеризуют председателя Арбитражного суда Ростовской области «С» [14].

В отношении обычного гражданина оскорбление оценено следующим образом: Новошахтинским мировым судом признана виновной в совершении оскорбления гражданка «С», которая в рамках словесного конфликта обозвала работника школьной столовой «К» «свиньей», «скотиной». Гражданке «С» назначено наказание в виде административного штрафа в размере 1 600 рублей [15]. При рассмотрении данных правонарушений не принимаются во внимание такие обстоятельства, как место совершения правонарушения, а это муниципальное образовательное учреждение, присутствие малолетних, несовершеннолетних учащихся, у которых может сложиться ложное понимание социальных ценностей и правил правового поведения, иллюзия вседозволенности и безнаказанности.

Несоответствие мер правового воздействия за оскорбление, уголовная ответственность по специальным видам оскорблений, в частности за оскорбления представителя власти, и административная ответственность за оскорбления простых граждан, говорит о привилегированном положении представителей власти. С теоретической и правоприменительной точки зрения, такая ситуация неприемлема, так как нарушает основные конституционные принципы.

Все чаще представители власти позволяют оскорбительные высказывания в отношении граждан и не только в личном общении, но и в публичных выступлениях, в том числе в социальных сетях, не боясь уголовно-правовых последствий.

Кроме того, предусмотренные санкции неэффективны, особенно незначительные размеры административных штрафов, которые не выполняют задачи профилактики и предотвращения правонарушений.

Вышеперечисленное свидетельствует о том, что принятые законодательные меры по декриминализации оскорбления как уголовно-наказуемого деяния не только обнажили имеющиеся проблемы в правоприменительной деятельности, но и вызвали новые.

Исходя из современных реалий жизнедеятельности Российского общества и уровня правовой культуры граждан, целесообразно рассмотреть вопрос о признании оскорбления вне зависимости от статуса потерпевшего как уголовно наказуемого

преступления с установлением квалифицирующих признаков данного преступления, исходя из публичности и нанесенного ущерба.

Общественные, политические деятели и простые граждане все чаще высказываются о внесении поправок в законодательство. Данные мнения однозначно со временем перерастут в законодательную инициативу.

Исходя из перечисленных проблем правоприменительной практики, полагаем, что давно назрела необходимость принять следующие меры правового и организационного характера:

- законодательно закрепить определение «неприличной формы» оскорбления;
- нормативно установить критерии оценки оскорбительности слов, выражений и действий;
- существенно ужесточить санкции, увеличив размеры штрафов и предусмотрев административный арест.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 06.03.2021).
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 резолюция 217 А (III) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 20. С. 2126.
3. Ищенко Д.П. Изъятие оружия у «опасных для общества» граждан. В сборнике: Теоретические и прикладные проблемы противодействия негативным социальным явлениям (на примере наркотизации и алкоголизации). 2019. С. 23-27.
4. Стешич Е.С. Криминология гомицида. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 124; Стешич Е.С. Статистика преступлений, связанных с причинением смерти (гомицидом), в аспекте их предупреждения // Криминалист. 2019. № 1 (26). С. 64-68.
5. Шмарион В. И. Ответственность за преступления против чести и достоинства личности по российскому уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. С. 9.
6. Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII вв. (по данным Русской Правды). Монография. Армавир, 2011. С. 148–149.
7. Агузаров Т. К., Чучаев А. И. Охрана власти по Русской Правде, уставам и уставным грамотам. М., 2009. С. 1311–1312.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ статьи 148, 297, 319, 336 УК РФ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 06.03.2021).
9. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: Федеральный Закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ статья 5.61 КоАП РФ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 06.03.2021).
10. Пачина А. Н. Оскорбление в практике правовых отношений // Вестник Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова. 2015. № 11. С. 66–70.
11. Сидорова И. В. Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск, 2017. № 1. С. 28–30.
12. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, статья 20.1 КоАП РФ // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 06.03.2021).
13. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М., 2010. С. 340–361.
14. Приговор по делу № 1-277/2013 // Архив Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону.
15. Приговор по делу № 1-223/2019 // Архив районного суда г. Новошахтинска Ростовской области.

Ishchenko D. P., Basov A. V., Ishchenko G. K. Legal assessment of insults as an administrative offense and a criminal offense // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 265-274.

The work is devoted to insulting the individual. Insult is a common offense. Historically, before decriminalization in 2011, insult was a criminal offense. The current legislation divides these offenses by special compositions into criminally punishable crimes and by general ones into administrative offenses. In the course of the study, the difficulties of law enforcement practice in establishing the mandatory sign of an indecent form, the objective and subjective side of the offense, and the peculiarities of the victim's personality are considered. The definition of an insult is fixed by law, while the criterion of an indecent form is not legally defined, which requires additional legal regulation.

Keywords: insult, society, offender, victim, honor, dignity, morality, ethics, criminal offenses, administrative offenses.

Spisok literatury

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12.12.1993 // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashheniya 06.03.2021).
2. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka ot 10 dekabrya 1948 rezolyuciya 217 A (III) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1998. № 20. S. 2126.
3. Ishhenko D.P. Iz`yatie oruzhiya u «opasny`x dlya obshhestva» grazhdan. V sbornike: Teoreticheskie i prikladny`e problemy` protivodejstviya negativny`m social'ny`m yavleniyam (na primere narkotizacii i alkogolizacii. 2019. S. 23-27.
4. Steshich E.S. Kriminologiya gomicida. M.: Yurlitinform, 2019. S. 124; Steshich E.S. Statistika prestuplenij, svyazanny`x s prichineniem smerti (gomicidom), v aspekte ix preduprezhdeniya // Kriminalist`. 2019. № 1 (26). S. 64-68.
5. Shmarion V. I. Otvetstvennost` za prestupleniya protiv chesti i dostoinstva lichnosti po rossijskomu ugolovnomu zakonodatel'stvu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2001. S. 9.
6. Loba V. E., Malaxov S. N. Ugolovnoe pravo Drevnej Rusi XI–XII vv. (po dannym Russkoj Pravdy). Monografiya. Armavir, 2011. S. 148–149.
7. Aguzarov T. K., Chuchaev A. I. Oxrana vlasti po Russkoj Pravde, ustavam i ustavny`m gramotam. M., 2009. S. 1311–1312.
8. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'ny`j Zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ stat'i 148, 297, 319, 336 UK RF // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashheniya 06.03.2021).
9. Kodeks ob administrativny`x pravonarusheniyax Rossijskoj Federacii: Federal'ny`j Zakon ot 30.12.2001 № 195-FZ stat'ya 5.61 KoAP RF // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashheniya 06.03.2021).
10. Pachina A. N. Oskorblenie v praktike pravovy`x otnoshenij // Vestnik Xakaskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. F. Katanova. 2015. № 11. S. 66–70.
11. Sidorova I. V. Oskorblenie kak raznovidnost` psixicheskogo nasiliya // Psixopedagogika v pravooxranitel'ny`x organax. Omsk, 2017. № 1. S. 28–30.
12. Kodeks ob administrativny`x pravonarusheniyax Rossijskoj Federacii, stat'ya 20.1 KoAP RF // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashheniya 06.03.2021).
13. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. Nastol'naya kniga sud'i. Sudebnaya e`kspertiza. M., 2010. S. 340–361.
14. Prigovor po delu № 1-277/2013 // Arxiv Pervomajskogo rajonogo suda g. Rostova-na-Donu.
15. Prigovor po delu № 1-223/2019 // Arxiv rajonnogo suda g. Novoshaxtinska Rostovskoj oblasti.

УДК 347.963

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-275-280

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Могорычев А. М.

помощник прокурора Республики Крым по пенсионному обеспечению

В данной работе автором определены проблемные аспекты и перспективы усовершенствования надзора за исполнением законов о разрешительной системе в Республике Крым. Выявлено, что проблемы в исследуемой сфере обусловлены тем, что большое количество разрешений на осуществление отдельных видов деятельности были выданы и оформлены согласно тем законодательным нормам, которые действовали на территории Республики Крым до 18 марта 2014 г. При проведении надзора за исполнением законов в разрешительной сфере прокурору приходится часто назначать документоведческие экспертизы, так как в момент перехода Республики Крым в состав Российской Федерации у руководителей организаций и учреждений остались в распоряжении печати, бланки, что не исключает случаи злоупотребления и изготовления поддельных документов.

Ключевые слова: прокурорский надзор, разрешительная система, документоведческая экспертиза, этапы проверки, малый бизнес, разъяснения, юридические лица, индивидуальные предприниматели.

Вся система мер, направленных на обеспечение национальной безопасности при применении прокурорского надзора, должна создаваться не хаотично, а планомерно. При формировании комплекса подобных мер следует учитывать большое количество факторов, а именно все те изменения, которые происходят в разрешительной сфере, показатели эффективности разрешительной деятельности, а также то обстоятельство, что деятельность прокуроров должна быть направлена в первую очередь на тот фактор, чтобы предупреждать различные нарушения в разрешительной сфере, а не допускать их совершение, и уже только после этого устанавливать их причины.

В настоящее время основным способом выявления правонарушений в разрешительной сфере выступает проведение проверок прокурором. Основаниями для проведения такой проверки могут послужить обращения должностных лиц, граждан, информация, полученная из средств массовой информации. Во время проверки в обязательном порядке должны соблюдаться все требования, предъявляемые действующим законодательством, и происходит в несколько этапов – подготовительный, основной и завершающий.

Процедура, по которой должна происходить прокурорская проверка, не была урегулирована на законодательном уровне. На необходимость закрепления в

действующем законодательстве указанной процедуры в 2015 г. впервые обратил внимание Конституционный Суд РФ в своем постановлении [1].

В результате этого были внесены изменения в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», в частности, процедура проведения прокурорских проверок получила законодательную регламентацию [2]. Получили закрепление в действующем законодательстве такие дефиниции, как «решение о проведении проверки», «решение о расширении предмета проверки», «решение о приостановлении проверки», «возобновление проверки».

Исходя из материалов прокурорских проверок, можно сделать вывод, что наиболее часто предметом прокурорских проверок в разрешительной сфере становится несоблюдение действующего законодательства руководителями такого вида бизнеса, как малый. В отношении большинства из представителей малого бизнеса проверки прокуратурой ранее вовсе не проводились, поэтому такие проверки становятся для них первыми. Следовательно, не имея специальных знаний, они не могут полноценно представлять всю последовательность данной проверки, нормативно-правовую базу, регламентирующую прокурорские проверки, для чего представителю малого бизнеса будет необходимо обратиться за юридической консультацией, времени на которую законодателем фактически не предоставлено.

Представляется необходимым конкретизировать срок для уведомления о решении проведения проверки, для чего в качестве примера можно использовать ст. 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Следует установить в законодательстве срок, в который должно быть направлено уведомление о проведении проверки, а именно – не менее чем за сутки до ее начала. За прокурорами следует также сохранить право на уведомление о начале проверки непосредственно в сам момент начала, если имеют место основания, позволяющие предполагать возможность сокрытия совершенного правонарушения виновным лицом.

На необходимость внесения такого рода изменений в действующее законодательство неоднократно указывалось в различного рода научных публикациях. Так, С.С. Терещук, отмечает, что внесение соответствующих изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в части определении порядка начала проведения прокурорской проверки и ее сроков, по мнению автора, помимо предотвращения необоснованного вмешательства прокуроров в деятельность коммерческих и некоммерческих организаций, в т.ч. воинских частей и органов военного управления, нацелен на изменение надзорной политики прокуратуры с количественных показателей на более качественный уровень работы [3, с. 166].

Под прокурорской проверкой понимается результат организационных мероприятий, проводимых сотрудниками органов прокуратуры, и подразумевает непосредственную деятельность по осуществлению прокурорского надзора.

Действия, которые предпринимает прокурор в ходе проверки, должны создать в совокупности такие условия, которые позволят привлечь к ответственности виновное лицо. Только благодаря внесению мер прокурорского реагирования в

отношении проверяемого хозяйствующего лица, представляется возможным устранить все те нарушения закона, которые были установлены прокурором.

С целью обеспечения единообразного применения законодательства при проведении мероприятий по контролю на территории Республики Крым, в связи с вступлением в силу Федерального закона от 29.11.2014 № 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [4], Генеральной прокуратурой РФ даны соответствующие разъяснения.

Так, в соответствии со ст. 1 Закона № 377-ФЗ территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя являются свободной экономической зоной, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской и иной деятельности.

При этом согласно ч. 2 ст. 22 Закона № 377-ФЗ к отношениям, связанным с осуществлением государственного контроля (надзора) на территории свободной экономической зоны, применяются положения Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» с учетом особенностей организации и проведения проверок, установленных названной статьей.

Согласно части 5 статьи 22 Закона № 377-ФЗ внеплановые проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность на территории свободной экономической зоны, проводятся по согласованию с уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти.

В этой связи проведение внеплановых проверок осуществляется по согласованию с Министерством, без согласования с прокурорами.

Подготовительный этап прокурорской проверки характеризуется тем, что прокурору необходимо определить законодательную базу предстоящей проверки, так как в каждом индивидуальном случае она будет различной. На данном этапе возможно возникновение проблем, которые обусловлены ранее действующим законодательством на территории Республики Крым до марта 2014 г., а именно – время получения разрешения, а также срок его действия. Перед прокурором стоит задача выяснения сроков получения определенного разрешения, критерии надзора за соблюдением определенных разрешений, которые были выданы заинтересованным субъектам еще до момента вступления Республики Крым в состав РФ на основании законодательных норм, действующих до 18 марта 2014 года, без условий продления на аналогичных условиях. Пролонгация срока действия выданных разрешений возможна только при наличии всех критериев, которые установлены на уровне федерального законодательства к заинтересованным субъектам.

Прокурору нельзя также игнорировать и установление факта законности получения проверяемого разрешения. Если у прокурора возникают какие-либо сомнения в действительности разрешения, которое стало объектом прокурорской проверки, имеется возможность инициировать документоведческую экспертизу. В частности, к оформлению поддельных разрешений могло привести то обстоятельство, что у многих руководителей остались в распоряжении украинские

печати, бланки, поэтому не исключаются различные факты злоупотребления в таких ситуациях.

Следующим этапом прокурорской проверки выступает основной этап, в рамках которого прокурором изучаются все разрешительные документы, посредством которого проверяемому объекту разрешен определенный вид деятельности. Это могут быть лицензионные разрешения, ввод в эксплуатацию определенных установок или механизмов, организационно-распорядительные документы (уставы, приказы). Также в распоряжения прокурора для ознакомления должны быть переданы и иные документы, в частности, отчетная документация, переписки с вышестоящими организациями, контролирующими органами, должностными лицами. Если ранее в отношении данного объекта уже проводились проверки, то прокурор также обязан ознакомиться и с материалами этих проверок.

Завершающий этап прокурорской проверки предполагает принятие решения, составление акта прокурорской проверки, в котором в полном объеме отображается состояние законности на том объекте, в отношении которого проводилась проверка. Прокурор в своем акте также обязан зафиксировать выявленные нарушения, причины и условия их совершения, а также определить тех субъектов, которые виновны в их совершении. Так, в акте должны быть отображены такие сведения, как период, на протяжении которого проводилась проверка, предмет и объект проверки, на каком основании была произведена данная проверка и итоговые выводы по проверке [5, с. 32].

По завершению проверки прокурор обязан ознакомить руководителя проверяемого объекта с результатами самой проверки, зафиксированными в акте или справке. Информация о результатах проверки также должна быть донесена и до сведения тех лиц, вина в совершении правонарушений которых выявлена.

Следует отметить, что заключительный этап прокурорской проверки связан непосредственно с результатом самой проверки. Прокурором осуществляется оценка и анализ всех материалов и документов, полученных в рамках прокурорской проверки. Если имеется необходимость использования дополнительных познаний, то он может привлечь для этого прокуроров, занимающихся специализированными видами надзора. Прокурором может быть также назначено и проведено оперативное совещание на территории прокуратуры, или же на самом объекте, где проводится проверка. Оценивая материалы прокурорской проверки, прокурор должен выявить причины и условия, которые способствовали совершению правонарушения, определить, как устранить выявленные нарушения, и какие профилактические меры необходимо предпринять.

Оформленные акты прокурорского реагирования вносятся исключительно на основе тщательно проведенной проверки, включая глубокий анализ выявленных несоответствий законодательства. Документ должен содержать самую полную информацию, при изучении которой можно было бы сразу понять позицию прокурора.

При выявлении нарушений закона в разрешительной сфере, прокурорам необходимо принимать исчерпывающие меры прокурорского реагирования, добиваться реального их устранения, при наличии оснований безотлагательно решать вопрос о привлечении виновных лиц к административной и уголовной ответственности.

Некоторые ученые выделяют и четвертый этап прокурорской проверки – контроль за исполнением принятых мер по устранению нарушений, за привлечением к ответственности виновного лица. Это полномочие прокурор может проводить инициативно, без повода, сплошным методом.

Важной проблемой исследуемой сферы является отсутствие типовых бланков, а также требований к содержанию таких документов как «решение о продлении срока проведения проверки», «решение о приостановлении проверки» и «решение о возобновлении проверки».

Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 17.03.2017 № 172 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора в связи с принятием Федерального закона от 07.03.2017 № 27-ФЗ» [6] установлены типовые формы только для решения о проведении проверок, решения о расширении предмета проверки и акта проверки, по результатам которой не выявлено нарушений закона.

Следовательно, необходимо законодательно закрепить типовые формы, а также требования к содержанию вышеуказанных документов. Свободная форма документов влечет за собой сложность для проверяемого лица в установлении характера, оснований и юридической силы полученного текста.

Помимо этого, считаем необходимым законодательно закрепить способы уведомления о принятии решений о проведении проверки (например, направление уведомления заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении, направление уведомления в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью). Официальное закрепление способов отправки таких решений способствовало бы облегчению работы сотрудников прокуратуры и позволило бы снять с них обременение личного вручения и ознакомления с копиями таких решений, особенно в случаях уклонения от вручения решения или воспрепятствования в проведении проверки.

В процессе проведенного исследования выявлено, что реализация полномочий прокуроров на практике указывает на несовершенство некоторых положений Федерального закона о прокуратуре и вызывает ряд вопросов, ответы на которые, необходимо закрепить путем издания приказа Генеральной прокуратуры РФ о порядке проведении прокурорской проверки за соблюдением федерального законодательства. Предполагается, что в таком документе должны быть закреплены права и обязанности прокуроров, права и обязанности лиц, в отношении которых осуществляется проверка, порядок информирования о принятии решения о проведении проверки и последующих этапов ее проведения, сроки проведения проверки и другое по аналогии с административным регламентом осуществления надзорной деятельности.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «АГОРА», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр»,

- регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, 2015 г., № 2.
2. Федеральный закон от 07.03.2017 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 13.03.2017, № 11, ст. 1536.
3. Терещук С.С. Основания проведения прокурорской проверки и порядок уведомления о ней // Военное право. – 2017. - № 5 (45). – С. 164-169.
4. Федеральный закон от 29.11.2014 № 377-ФЗ (ред. от 23.06.2020) «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства РФ, 01.12.2014, № 48, ст. 6658.
5. Федоров А.А. О порядке проведения проверок органами прокуратуры Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. - № 4. – С. 31-38.
6. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17.03.2017 № 172 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора в связи с принятием Федерального закона от 07.03.2017 № 27-ФЗ» // СПС «КонсультантПлюс».

Mogorychev A. M. Directions for improving the supervision of the implementation of laws on the licensing system in the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 275-280.

In this publication, the author identifies the problematic aspects and prospects for improving the supervision of the implementation of laws on the licensing system in the Republic of Crimea. It is revealed that the problems in the studied area are due to the fact that a large number of permits for certain types of activities were issued and issued in accordance with the legislative norms that were in force on the territory of the Republic of Crimea until March 18, 2014. When supervising the implementation of laws in the permissive sphere, the prosecutor often has to appoint documentary examinations, since at the time of the transition of the Republic of Crimea to the Russian Federation, the heads of organizations and institutions still have seals and forms at their disposal, which does not exclude cases of abuse and the production of forged documents.

Keywords: prosecutor's supervision, licensing system, document expertise, stages of verification, small business, explanations, legal entities, individual entrepreneurs.

Spisok literaturey

1. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 17 fevralya 2015 g. № 2-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 1 statii 6, punkta 2 statii 21 i punkta 1 statii 22 Federalnogo zakona «O prokurature Rossiyskoy Federatsii» v svyazi s zhalobami mezhtseionalnoy assotsiatsii pravozashchitnykh obshchestvennykh obyedineniy «AGORA», mezhtseionalnoy obshchestvennoy organizatsii «Pravozashchitnyy tsentr «Memorial», mezhdunarodnoy obshchestvennoy organizatsii «Mezhdunarodnoye istoriko-prosvetitel'skoye. blagotvoritel'noye i pravozashchitnoye obshchestvo «Memorial», regionalnoy obshchestvennoy blagotvoritel'noy organizatsii pomoshchi bezhentsam i vynuzhennym pereselentsam «Grazhdanskoye sodeystviye», avtonomnoy nekommercheskoy organizatsii pravovykh. informatsionnykh i ekspertnykh uslug «Zabaykalskiy pravozashchitnyy tsentr», regionalnogo obshchestvennogo fonda «Mezhdunarodnyy standart» v Respublike Bashkortostan i grazhdanki S.A. Gannushkinoy» // Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2015 g., № 2.
2. Federalnyy zakon ot 07.03.2017 № 27-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon «O prokurature Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 13.03.2017. № 11. st. 1536.
3. Tereshchuk S.S. Osnovaniya provedeniya prokurorskoj proverki i poryadok uvedomleniya o ney // Voennoye pravo. – 2017. - № 5 (45). – S. 164-169.
4. Federalnyy zakon ot 29.11.2014 № 377-FZ (red. ot 23.06.2020) «O razvitii Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya i svobodnoy ekonomicheskoy zone na territoriyakh Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 01.12.2014. № 48. st. 6658.
5. Fedorov A.A. O poryadke provedeniya proverok organami prokuratury Rossiyskoy Federatsii // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal. – 2016. - № 4. – S. 31-38.
6. Priказ General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii ot 17.03.2017 № 172 «O nekotorykh voprosakh organizatsii prokurorskogo nadzora v svyazi s prinyatiyem Federal'nogo zakona ot 07.03.2017 № 27-FZ» // SPS «KonsultantPlyus».

УДК 343.341

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-281-285

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Оболенский Ю. Б.

Севастопольский государственный университет

В работе анализируются мнения авторов относительно определения понятия «организованная преступность», а также мер направленных на противодействие указанному явлению. Дается характеристика международных нормативных правовых актов, предусматривающих меры противодействия организованной преступности. Указывается авторская позиция относительно определения данного понятия, а также основных мер противодействия данному явлению.

Ключевые слова: организованная преступность, признаки организованной преступности, противодействие, детерминанты организованной преступности.

Организованная преступность, являет собой один из основных факторов, который определяет характер криминальной ситуации в стране. Она распространяет свое влияние на много сфер деятельности общества, активно внедряется в легальную экономику, имеет стремление проникнуть во властные структуры. Преступная среда пытается накапливать ресурсный и функциональный потенциал, усиливать свою организованность, от разрозненных бандитских групп к интеллектуально и технически обеспеченным, должным образом законспирированным, преступным организациям.

Раскрывая этот вопрос необходимо остановиться на определении понятия «организованная преступность». Необходимо отметить, что среди ученых нет единства мнений относительно определения указанного понятия.

По мнению отдельных авторов организованная преступность в буквальном понимании – это совокупность преступлений, совершенных преступными группами на определенной территории или в определенной отрасли человеческой деятельности [1, с. 9].

А.И. Гуров указывает, что под ней необходимо понимать относительно массовое функционирование устойчивых управляемых сообществ преступников занимающихся совершением преступлений как промыслом, бизнесом и создающих с помощью коррупции систему защиты от социального контроля [2, с. 12].

Отдельные авторы указывают, что организованная преступность представляет собой некий преступный синдикат созданный с целью извлечения прибыли и от легального бизнеса его отличают только способы и методы ее достижения [3].

По мнению В. В. Лунеева, «организованную преступность можно определить как устойчивое объединение лиц, организовавших для совместной преступной деятельности в корыстных целях и для достижения контроля (власти) в определенной социальной сфере или на определенной территории» [4].

По нашему мнению, можно дать следующее определение понятию «организованная преступность» – это социальное явление, которое выражается в деятельности преступных объединений, которые характеризуются определенной

структурой и правилами поведения, и имеют целью получения незаконных доходов в любой отрасли деятельности общества, нередко с использованием антиобщественных связей с представителями органов власти и управления или правоохранительных органов, с целью укрывательства своей преступной деятельности.

Относительно мер предупреждения целесообразно привести те, которые содержатся в международных актах:

- более тесная согласованность законодательных актов, которые касаются организованной преступности;
- укрепление международного сотрудничества в вопросах оперативной деятельности на уровнях следствия, уголовного преследования и судебного разбирательства;
- внедрение методов и основных принципов для международного сотрудничества на региональном и мировых уровнях;
- разработка международных соглашений по борьбе с организованной транснациональной преступностью;
- принятие мер относительно предупреждения отмывания денег и борьбы с этим явлением, а также борьбы с использованием преступных достижений;
- принятие мер к предупреждению расширения операций организованных преступных групп;
- содействие внедрению в жизнь региональных стратегий;
- предоставление государствами взаимной помощи в борьбе с организованной преступностью;
- обеспечение необходимой координации мер по двустороннему и многостороннему техническому сотрудничеству;
- в соответствии с запросами, развивать техническое содружество и содействовать ее развитию;
- организация специальных учебных курсов для сотрудников полиции, прокуроров, судей и всех тех должностных лиц, которые обеспечивают техническую поддержку следственным органам;
- сбор, анализ и обмен информацией о преступных организациях [5];
- содействие разработке стандартов и процедур, предназначенных для обеспечения добросовестности в работе публичных и соответствующих частных организаций;
- предупреждение злоупотреблений со стороны организованных преступных групп процедурами торгов, которые проводятся публичными органами, а также субсидиями и лицензиями;
- сотрудничество государств-участников, в соответствующих случаях, одно с другим, и с соответствующими международными и региональными организациями в разработке и содействии принятию мер, указанных выше [6].

Целесообразно отметить, что, по мнению отдельных авторов, которые исследуют вопросы возникновения организованной преступности отмечают, что ее детерминантами (особенно транснациональной) являются пробелы в Международном праве (его несовершенство), а также отсутствие:

- геополитического подхода к феномену организованной преступности;

- данных системного и структурно-функционального анализа об организации и управлении координацией преступной деятельности в мировых масштабах;
- анализу ее финансовых и политических возможностей в региональном масштабе;
- ясность о степени ее влияния на внешний и внутренний рынки;
- гибких технологий координации процессов реализации международных механизмов применения права к организованной преступности, как в системе в целом, так и к ее отдельным модулям по месту их выявления и документирования преступной деятельности [7, с. 12].

Также необходимо указать, что среди ученых, которые занимаются исследованием этой проблематики, нет единства мнений относительно мер противодействия организованной преступности.

Отдельные авторы отмечают, что эффективными мерами борьбы с организованной преступностью являются: усовершенствование профессиональной подготовки юристов, путем ввода специальных дисциплин по противодействию организованной преступности; расширение международного сотрудничества в указанной сфере; выступление с инициативой о создании международной организации по борьбе с транснациональной организованной преступностью [8, с. 258].

По мнению некоторых авторов мерами предупреждения организованной преступности являются: объединение сил общества и государства в борьбе с данным явлением, так как необходимы совместные действия, а не только работа одних силовых структур. Следует отметить, что на общегосударственном уровне возможно эффективное воздействие на причины организованной преступности. Они находятся в социальной, политической, экономической, нравственной и духовной сферах; борьба с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков; предупреждение коррупции; контроль за финансовой сферой и игорным бизнесом; слаженная работа правоохранительных органов и государственных служб. При этом каждая структура должна четко выполнять свои функции; координация работы полицейских служб разных стран. Сотрудничество с Международной организацией уголовной полиции (Интерпол), с правоохранительными органами стран СНГ и другими организациями; высокий профессионализм сотрудников, а также отлаженная государственная система их социальной поддержки и защиты; профилактическая работа с осужденными, которые являются активными членами преступных сообществ и группировок; усовершенствование поощрительных мер для лиц, которые добровольно выходят из преступных организаций и прекращают преступную деятельность; научное и пропагандистское обеспечение борьбы с организованной преступностью. Средства массовой информации должны формировать общественное мнение в соблюдении всеми основных прав и свобод человека и гражданина, которые признаются международным сообществом [9, с. 126].

Учитывая вышеуказанное, по нашему мнению, на современном этапе необходимо осуществление следующих мер противодействия организованной преступности:

- привлечение представителей соответствующих органов, которые непосредственно осуществляют борьбу с объединениями, являющимися проявлением

организованной преступности, к разработке нормативных правовых актов, направленных на борьбу с указанным явлением;

- внесение изменений в уголовное законодательство, относительно усиления ответственности за создание и деятельность организованных преступных объединений;

- повышение механизма реализации антикоррупционных действий, в частности совершенствования законодательной базы в этой сфере;

- комплектование подразделений, деятельность которых направлена на пресечение деятельности и создания указанных объединений, наиболее опытными сотрудниками;

- усовершенствование системы подготовки молодых специалистов, путем ориентации на противодействие созданию и деятельности указанных объединений;

- осуществление мер, которые направлены на проведение более тщательных проверок при регистрации и деятельности уже существующих общественных объединений;

- увеличение количества мер, направленных на повышение уровня развития и воспитания молодежи, в частности проведения различных профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступности среди молодежи в учебных заведениях;

- активизация усилий соответствующих учреждений, в том числе и высших учебных заведений, на разработку предложений и их научное обоснование относительно противодействия организованной преступности.

Список литературы

1. Маложон А. Соучастие в преступлении / А. Маложон // Юридическая консультация. – 2004. – № 6. – С. 9-12.
2. Гуров А.И. Организованная преступность, не миф а реальность : (Социал., правовые и криминол. аспекты борьбы с организ. преступностью) : Пособие для слушателей нар. ун-тов. – М. : Знание, 1992. – 79 с. ISBN 5-07-000964-8
3. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль : Монография. – 3-е издание, переработанное и дополненное. – СПб: Алеф-Пресс, 2014. – 574 с.
4. Организованная преступность / Под ред. А.И. Долговой, С. Б. Дьякова. – М : Изд. Криминологическая ассоциация. – 1996. – 326 с.
5. Неапольская политическая декларация и Глобальный план действий против организованной транснациональной преступности. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl_organizedcrime.shtml (дата обращения 15.02.2021).
6. Конвенция ООН Против транснациональной организованной преступности. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения 15.02.2021).
7. Крошко В. Борьба с терроризмом – с чего начать? / В. Крошко // С места происшествия. – 17-23 марта 2006. – № 11. – 16 с.
8. Шакирьянов М.М. Противодействие организованной преступности: российский и зарубежный опыт / М.М. Шакирьянов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (32). – С. 254-259.
9. Кошелюк Б.Е. Профилактика организованной преступности: основные проблемы / Б.Е. Кошелюк // Прикладная юридическая психология. – 2016. – № 4. – С. 124-126.

Obolensky Y. B. Issues of combating organized crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 281-285.

The paper analyzes the authors' opinions on the definition of the concept of "organized crime", as well as measures aimed at countering this phenomenon. The article describes the international normative legal acts that provide for measures to counter organized crime. The author's position on the definition of this concept, as well as the main measures to counter this phenomenon, is indicated.

Keywords: organized crime, signs of organized crime, counteraction, determinants of organized crime.

Spisok literatury:

1. Malozhon A. Souchastie v prestuplenii / A. Malozhon // YUridicheskaya konsul'taciya. – 2004. – № 6. – S. 9-12.
2. Gurov A.I. Organizovannaya prestupnost', ne mif a real'nost' : (Social., pravovye i kriminol. aspekty bor'by s organiz. prestupnost'yu) : Posobie dlya slushatelej nar. un-tov. – M. : Znanie, 1992. – 79 s. ISBN 5-07-000964-8
3. Gilinskij YA.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol' : Monografiya. – 3-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. – SPb: Alef-Press, 2014. – 574 s.
4. Organizovannaya prestupnost' / Pod red. A.I. Dolgovoij, S. B. D'yakova. – M : Izd. Kriminologicheskaya associaciya. – 1996. – 326 s.
5. Neapol'skaya politicheskaya deklaraciya i Global'nyj plan dejstvij protiv organizovannoj transnacional'noj prestupnosti. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/decl_organizedcrime.shtml (data obrashcheniya 15.02.2021).
6. Konvenciya OON Protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (data obrashcheniya 15.02.2021).
7. Kroshko V. Bor'ba s terrorizmom – s chego nachat'? / V. Kroshko // S mesta proisshestiya. – 17-23 marta 2006. – № 11. – 16 s.
8. SHakir'yanov M.M. Protivodejstvie organizovannoj prestupnosti: rossijskij i zarubezhnyj opyt / M.M. SHakir'yanov // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 2 (32). – S. 254-259.
9. Koshelyuk B.E. Profilaktika organizovannoj prestupnosti: osnovnye problemy / B.E. Koshelyuk // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. – 2016. – № 4. – S. 124-126.

УДК 34.01

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-286-295

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ольков С. Г., Олькова О. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Цель статьи – доказать, что юриспруденция вообще и криминология в частности являются полноценной частью экономической науки.

Научные результаты, полученные авторами: 1) доказано, что юриспруденция, включая криминологию, являются отраслевыми экономическими дисциплинами, и должны развиваться именно в ключе соответствующих экономических дисциплин микро- и макроэкономического циклов; 2) доказано, что юриспруденция как наука не имеет временных и пространственных границ; 3) показано, что в отрыве от базовых экономических дисциплин, в частности микро- и макроэкономики юриспруденция развиваться не может.

Научная новизна: заключается во вновь полученных научных результатах.

Практическая значимость заключается в возможности использования полученных научных результатов в развитии юридических научных и учебных дисциплин.

Ключевые слова: юриспруденция, криминология, микроэкономика, макроэкономика, злодеяние, благодеяние, правонарушение, преступление, поощрение, наказание, юридическая ответственность, позитивная юридическая ответственность, негативная юридическая ответственность, цена, спрос, полезность, убывающая полезность, возрастающая полезность, экономические законы, спрос, предложение, кейнсианский крест.

Реальная история делается не на площадях, а в башнях из слоновой кости

Юридическая наука вообще и криминология в особенности – это полноценная часть нормальной экономической науки – микро- и макроэкономики, институциональной экономики и прочих разделов экономической науки. Многовековое непонимание этой очевидной идеи всегда вело и еще продолжает вести всю мировую юридическую отрасль в тупик, «дремучую чашу ошибок и заблуждений» [1, с. 117-126]. Современная юриспруденция вообще и криминология в частности – это театр абсурда именно потому, что все конструкции здесь лежали вне материнского лона, вне великих экономических законов, открытых выдающимися отцами-основателями экономической науки – строителями микро- и макроэкономической теории. Общим недостатком, касающимся отчасти и динамики экономической науки, являлось отсутствие единой научной методологии, которая переводит все отрасли науки в единый разряд точной науки [2, с. 71-89], но этот недостаток, надеемся будет скоро преодолен.

Сложность современного положения дел состоит в том, что экономисты далеки от юриспруденции – не понимают существа юридических явлений и процессов, как явлений глубоко экономических, а юристы еще более далеки от экономики – не понимают сути экономических явлений и процессов, того, как экономические законы управляют юридическими явлениями и процессами. Именно поэтому экономическая наука не получает нового сильного импульса к развитию, а юриспруденция утопает в «болоте» догматики. Нужно изменить положение дел к лучшему, на что и нацелена данная научная статья, доказывающая, что

юриспруденция не самостоятельна, а есть неотъемлемая часть могучей экономической науки, на «плечи» которой юриспруденция и должна опереться. И чем быстрее эту очевидную вещь поймут, как юристы, так и экономисты, тем быстрее начнется бурный прогресс точной юридико-экономической науки.

Юриспруденция стоит на прочном фундаменте теории юридической ответственности, которая делится на два больших вида: 1) позитивную юридическую ответственность; 2) негативную юридическую ответственность. Нет юридической ответственности – нет права.

В свою очередь **вся юридическая ответственность стоит на двух фундаментальных экономических законах**. Первый адресован позитивной юридической ответственности, и это **закон убывающей предельной полезности поощрений** (товар – благодеяния). Второй относится к негативной юридической ответственности – это **закон возрастающей предельной полезности наказаний** (инвэйдерные товары – преступления, правонарушения, объективно-противоправные деяния).

Позитивная и негативная юридическая ответственность – это оптимизационные модели, имеющие противоположные целевые функции. Оптимизационная модель позитивной юридической ответственности задается на максимизацию. То есть обществу желательно получить максимально большое количество благодеяний при существующих ограничениях и граничных условиях. Это вызвано природой позитивной юридической ответственности, лежащей на принципе убывающей предельной полезности поощрений. Как известно закон убывающей предельной полезности был открыт выдающимся прусским экономистом Германом Генрихом Госсеном еще в середине XIX в., и адаптирован проф. С.Г. Ольковым к поощрениям в 2012 г., то есть уже в XXI ст. [3, с. 76-80].

Оптимизационная модель негативной юридической ответственности задается на минимизацию. То есть обществу желательно минимизировать число правонарушений, и, в особенности, преступлений, несущих в себе свойство общественной опасности. Частоты злодеяний, правонарушений и преступлений связаны с законом возрастающей предельной полезности наказаний, который лежит в основе всей негативной юридической ответственности. Данный закон был открыт проф. С.Г. Ольковым в 2012 г. [3, С. 76-80] и более подробно описан в 2017 г. [4, с. 14-32].

Юридическая ответственность – это **функция справедливости: $p = f(x, y)$** , где p – цена деяний субъектов правовых отношений в денежных или других удобных единицах измерения, например, месяцах лишения свободы для злодеяний или рублях в виде премий за благодеяния; x – деяния субъектов правовых отношений в единицах измерения полезности (общественная опасность – это отрицательная полезность, а в благодеяниях содержится положительная полезность); y – оценка личности физического лица, совершившего деяние. Таким образом юридическая ответственность – это поверхность в трёхмерном пространстве, которую можно представить в аналитическом, графическом и табличном виде. Также ясно, что размерность пространства юридической ответственности можно либо расширить, вводя дополнительные переменные, либо сузить, агрегируя переменные, как в теоретических, так и практических целях. Работать уместно, как со скалярными, так

и векторными, тензорными величинами, используя, как аффинные, так и другие удобные исследователям системы координат – полярную, цилиндрическую и т.д.

Очевидно, что **юридическая ответственность – это цена специфических юридических товаров – благодеяний и злодеяний**. За первые субъекты соответствующих правовых отношений могут получать поощрения, а за вторые – наказания. То есть **юриспруденция работает с двумя объёмными рынками специфических товаров – благодеяний и злодеяний**, наиболее интересным среди которых является рынок товаров преступлений.

Математическая модель юридической ответственности в самом простом и общем виде – это уравнение: $p = f(x)$, где p – цена в удобных единицах измерения, x – деяния – в удобных единицах измерения. То есть математическая модель юридической ответственности на плоскости pOx – это какая-то функция справедливости, отражающая соответствующую цену за каждое конкретное благодеяние или злодеяние, поскольку каждому значению непрерывной функции на ординате соответствует одно и только одно значение аргумента функции, заданного на абсциссе.

Взяв простейшую декартову систему координат правой ориентации, мы видим, что по абсциссе идёт множество деяний, а по ординате множество оценок (цен) этих деяний, где каждому деянию ставится в соответствие одна и только одна цена, **заданная уравнением справедливости**.

В теоретических целях удобно записать простейшую функцию справедливости, снятую с закона добра и зла [5, с. 197-214], описываемого модульной функцией: $V = |W|$, где V – количество свободы в единицах измерения полезности, W – разностная переменная, соотносящая личные и общественные интересы: $W = w_0 - w_1$, где w_1 – личный интерес, w_0 – общественный интерес. Ясно, если $w_1 = w_0$, то $W = 0$ и $V = |0| = 0$, то есть личные и общественные интересы сбалансированы. Когда личные интересы ставятся выше общественных $w_1 > w_0$, тогда $W < 0$, а $V = |-w| = a$ – положительному действительному числу, расположенному во втором квадранте декартовой (прямоугольной) системы координат правой ориентации. Величина a показывает дополнительную свободу, которую личность извлекает из общественных отношений вопреки общественным интересам, например, за счёт хищения в виде кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, растраты, присвоения.

Напротив, если $w_1 < w_0$, тогда $W > 0$, а $V = |w| = A$ – положительному действительному числу, расположенному справа от начала отсчёта в первом квадранте декартовой системы координат правой ориентации. Величина A показывает дополнительную свободу, которую извлекает общество из отношений с данным субъектом правовых отношений, за счет его физических, духовных и имущественных средств.

Сняв с функции добра и зла $V = |W|$ функцию юридической ответственности, получим простейшую функцию справедливости в виде линейного уравнения: $p = x$, где $x = W$, развернув функцию $V = |W|$ из второго квадранта в третий, и, заменив количество свободы, оценкой этой свободы в юридических единицах измерения поощрений и наказаний.

Первая и единственная производная функции $p = x$ равна $\frac{dp}{dx} = 1 \Rightarrow dp = dx$.

То есть при изменении количества деяния на единицу измерения, например, 1 балл, цена деяния меняется на единицу в единицах измерения цены.

При нулевом значении независимой переменной ($x=0$) ответственность не наступает ($p=0$), о чем свидетельствует отсутствие свободного члена в данном уравнении юридической ответственности. Вся позитивная юридическая ответственность сконцентрирована в первом квадранте декартовой системы координат правой ориентации, а вся негативная – в третьем. Ясно, что отклонения от функции справедливости, заданной уравнением $p = x$, характеризуют величину несправедливости при применении соответственно либо поощрения, либо наказания. При больших значениях отклонений возможна инверсия, когда злодеяние поощряется – попадание во второй квадрант данной системы координат, либо благодеяние наказывается – попадание в четвертый квадрант.

Естественно, что данная линейная модель – это самая простая математическая модель юридической ответственности, и здесь она приводится для того, чтобы раскрыть сущность феномена юридической ответственности. При этом очевидно, что более сложные, в том числе многомерные и нелинейные модели юридической ответственности, например, кубическая – строятся на тех же принципах, что и данная простейшая модель, но уже с учетом нормального (Гауссова) распределения деяний субъектов правовых отношений во времени и пространстве.

Как мы показали, если упростить математическую модель юридической ответственности, агрегируя в независимую переменную и общественную полезность деяния, и общественную полезность личности, то можно записать функцию юридической ответственности в неопределенном виде: $p = f(x)$. Переходя от неопределенной формулы к определенной удобно записать уравнение юридической ответственности в виде: $p = x$. То есть представить юридическую ответственность классической линейной функцией: $y = a + bx$, где y – зависимая переменная (функция), x – независимая переменная (аргумент функции); a – свободный член, показывающий величину функции при нулевом значении независимой переменной; b – скорость изменения функции, показывающая насколько в абсолютном выражении изменяется зависимая переменная при изменении независимой на единицу измерения. Ясно, что в модели юридической ответственности $y=p$, свободный член в уравнении равен нулю ($a = 0$), так как за нейтральное деяние никто не должен ни наказываться, ни поощряться. Параметр скорости: $b = \frac{dp}{dx} = 1$, поскольку здесь за каждую единицу полезности устанавливается оценка равная одной денежной, временной или другой удобной единице оценки стоимости деяний.

Отметим также полноты ради, что строим математическую модель в декартовой (прямоугольной) аффинной системе координат правой ориентации, поскольку систем координат существует огромное множество, и в любой из них можно строить соответствующие аналогичные, по сути, математические модели.

Функция юридической ответственности – это функция справедливости в виде поощрений и наказаний, устанавливающая строгие однозначные соответствия между деяниями субъектов правовых отношений и ценами этих деяний. То есть

каждому деянию, заданному на абсциссе ставится в соответствие одна и только одна величина цены этого деяния.

В простейшей математической модели юридической ответственности вида: $p = x$ изменение величины деяния на одну единицу влечет изменение цены на одну единицу, поскольку: $\frac{\Delta p}{\Delta x} = 1$.

На плоскости xOy в декартовой системе координат правой ориентации получаем нечетную функцию $p = x$, проходящую через начало координат. Теоретически область определения функции не имеет границ, и лежит в пределах от минус до плюс бесконечности, что делает безграничной и определяемую функцию, которая не имеет ни глобального максимума, ни глобального минимума, но может принимать нулевое значение, где функция также строго дифференцируема.

Точности ради, сразу заметим, что в согласии с законом нормального распределения деяния субъектов правовых отношений наиболее часто являются именно нулевыми или нейтральными относительно видов ответственности, то есть относительно позитивной и негативной юридической ответственности, что легко показать с помощью правила трёх сигм. Если положить личную историю каждого конкретного человека, обитающего в обществе с соответствующей правовой системой, во временной ряд на плоскости tx , где t – время в единицах измерения времени, скажем часах, сутках, неделях, месяцах, кварталах или годах, то совершенные субъектом правовых отношений – физическим лицом деяния, будут располагаться сверху и снизу над средним, характеризуя величины отклонений от среднего – нейтрального положения. Поскольку нейтральное поведение в пределе для популяции равно нулю, то оно будет лежать на абсциссе, благодеяния будут располагаться в первом квадранте декартовой системы координат правой ориентации, а злодеяния в четвертом. В конце жизненного пути можно будет подвести итог, сравнив площади под графиков функции, расположенных соответственно в первом и четвертом квадрантах.

Вернемся к функции юридической ответственности. Ясно, что поле позитивной юридической ответственности всецело расположено в первом квадранте ДСК правой ориентации, поскольку положительным значениям x соответствуют положительные значения зависимой переменной с заданным тангенсом угла наклона равным единице. Поле негативной юридической ответственности лежит всецело в третьем квадранте ДСК правой ориентации, поскольку каждому значению независимой переменной соответствует значение зависимой переменной с заданным тангенсом угла наклона равным единице.

Позитивная юридическая ответственность устанавливается за положительную полезность деяний, которые мы можем назвать благодеяниями, а негативная юридическая ответственность устанавливается за отрицательную полезность деяний, которые мы можем назвать злодеяниями. Ясно, что слева от нуля располагаются непрерывно возрастающие влево злодеяния, а вправо от нуля – непрерывно возрастающие благодеяния. В точке $A [0;0]$ располагается нейтральный тип деяний, в котором не содержится ни добра, ни зла, а, следовательно, за такое деяние мы не должны ни поощрять, ни наказывать субъектов правовых отношений, что и показано в функции справедливости.

Общественная полезность – это свойство товаров и услуг по удовлетворению различных потребностей субъектов общественных, в том числе и правовых отношений. Благодеяния и злодеяния – это товары и услуги, содержащие в себе полезность, благодаря которой мы их, собственно-то, и оцениваем. В благодеяниях содержится положительная полезность, а в злодеяниях – отрицательная. Именно поэтому юридическая ответственность делится на два больших вида – позитивную юридическую ответственность и негативную юридическую ответственность, имеющими противоположные целевые функции. Позитивная юридическая ответственность должна оптимизироваться на максимум, а негативная – на минимум. Благодеяния – поощряются, а злодеяния – наказываются.

Напомним, что теория полезности строится на трёх реалистичных аксиомах: 1) аксиома полной (совершенной) упорядоченности или сравнимости. Применительно к деяниям это означает, что мы можем сравнить (отличить) любые деяния; 2) аксиома рефлексивности – мы полагаем, что любые деяния по крайней мере не хуже самих себя; 3) аксиома транзитивности – означает, если деяние x_1 не хуже деяния x_2 , а деяние x_2 по крайней мере не хуже деяния x_3 , то и деяние x_1 не хуже деяния x_3 , что можно записать: $x_1 \geq x_2$ и $x_2 \geq x_3$ то и $x_1 \geq x_3$. Знак $\geq$ - строго предпочитается или равно.

Совершая различные деяния, субъекты правовых отношений удовлетворяют свои многочисленные потребности, и эти же деяния оцениваются, как самими деятелями, так и другими субъектами правовых (шире – общественных отношений). При этом особое значение имеют правовые оценки деяний в виде судебных приговоров или иных решений, которые в идеале *должны* приниматься строго в согласии с функцией справедливости и использованием принципа биссекториальности с минимизацией неопределенности принимаемого судебного решения [6, с. 4-24]. Здесь в анализе мы используем геометрическое определение вероятности и вариационное исчисление для нахождения наикратчайшей функции.

В простейшей общей математической модели юридической ответственности (ОММЮО) движение по координатным осям связано линейной скоростью функции справедливости, и в системе нет ускорения, поскольку вторая производная функции $p = x$ равна нулю: $p'' = 0$.

Целями юридической ответственности являются – максимизация и минимизация соответствующих видов деяний. Наказания, как цены товаров правонарушений, в особенности, преступлений, призваны сдерживать спрос на товары правонарушения пропорционально количеству общественной вредности (опасности), содержащейся в этих злодеяниях, а поощрение благодеяний нацелено на максимизацию особо ценного общественного поведения. Неслучайно в основании негативной юридической ответственности лежит фундаментальный экономический закон возрастающей предельной полезности наказаний, а в основании позитивной – фундаментальный экономический закон убывающей предельной полезности поощрений.

Закон спроса на товары преступления по цене однозначно свидетельствует в пользу того, что при прочих равных обстоятельствах спрос на товары преступления будет тем ниже, чем выше цены (наказания) на соответствующие товары преступления: $c = \alpha p^{-\beta}$, где c - количество преступлений в штуках, p – цена

преступлений в годах лишения свободы, α и β – параметры уравнения. Если цена преступления растет на 1%, то спрос падает на $\beta\%$, и, наоборот, если цена падает на 1%, то спрос на товары преступления растет на $\beta\%$ [8, с. 128-142].

Сущность человека в юридико-экономическом, да и биологическом смысле проста: всякий человек есть самовлюбленное биосоциальное существо, стремящееся к счастью, идеалу. Неслучайно даже религиозная мораль еще далекая от науки устанавливает правило – «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (*Евангелие от Матфея, глава 22.37-40*). То есть призывает сделать ближнего – другого человека хотя бы равным. Это правило нацелено на установление равновесия в различных малых и больших социальных системах.

По существу, данное религиозное правило призывает каждого человека уравнивать себя со всеми другими людьми, с чем не соглашаются биологи, например, Ганс Селье в работе «Стресс без дистресса» [9], заявляя, что человек не может любить кого-то больше себя самого, впрочем, упуская из виду ту важную деталь, что поведение личности опосредовано большой совокупностью условных рефлексов, формируемых у индивидов в онтогенезе. Совершенно неслучайно в конце 80-х и начале 90-х годов XX столетия мы наблюдали скачок преступности в России после перехода от социализма к капитализму, когда стала быстро меняться система ценностей.

Мы не будем дискутировать на описательном уровне, а просто запишем физическую формулу напряжения: $U = IR$, где U – напряжение в вольтах, I – сила тока в амперах, R – сопротивление в омах. Спрашивается – причём здесь физическая формула? – Всё дело в том, что подобной формулой описывается и личностное напряжение, которое пропорционально спросу (заявленным потребностям индивида), умноженному на сопротивление, скажем установленные запреты. Спрос на товары преступления и другие инвэйдерные товары прямо пропорционален личностному напряжению – разности между желаемым и действительным и обратно пропорционален сопротивлению социальной системы. То есть то, что в физике называется силой тока в экономике называется спросом, естественно, описываемым в единицах измерения спроса, а не амперах. Напряжение личности подобно напряжению в электрической цепи определяется разностью потенциалов, и здесь это разность между тем, что у индивида есть и то, что ему надо. Совершенно неслучайно общий закон спроса на товары преступления записывается так: $C = \frac{U}{P}$, где C – преступления в штуках, U – совокупное напряжение индивида, больших и малых социальных групп, составляющих данное общество; P – цены на товары преступления и другие ограничения, включая конкуренцию между индивидами. Если положить P в качестве константы в краткосрочной перспективе, то спрос на товары преступления является линейной функцией личностного напряжения: $C = \frac{1}{P} U$.

При качественном и количественном росте желаний (потребностей), между индивидами возрастает конкуренция, вызванная ограниченными ресурсами, товарным дефицитом и прочими факторами. Совершенно не случайно степень неравенства в распределении доходов народонаселения является сильным фактором, стимулирующим разнообразные конфликты между индивидами [7, с. 73-78], насыщающими данное общество, а преступность – есть и форма конкурентной

борьбы между потребителями товаров и услуг, покупателями и продавцами, между продавцами товаров и услуг, выражающаяся в приобретении товаров преступлений, выступающих обычно в качестве товаров «захватчиков», товаров посредников, или, другими словами – инвэйдерных товаров.

Ясно, что ОММЮО сама по себе не содержит алгоритм решения оптимизационной задачи. В ней просто выражена функция справедливости в виде монотонно возрастающей нечетной линейной функции. Если мы перейдем от линейной функции справедливости к нелинейной, то от этого алгоритм решения оптимизационной задачи также не появится, но цель, как позитивной, так и негативной юридической ответственности – это управление спросом на соответствующие деяния субъектов правовых отношений. Цель негативной юридической ответственности – подавление спроса, а цель позитивной – его усиление, откуда мы с легкостью переходим к алгоритмам решения типичных оптимизационных задач или задач вариационного исчисления. В результате решения оптимизационных задач мы получаем оптимальные численные значения, например, максимумы или минимумы, а в ходе решения задач вариационного исчисления получаем оптимальные функции, например, наикратчайшие, как в задаче о биссекториальном приговоре [4, с. 14-32].

Рассмотрим пример перехода к решению классической оптимизационной задачи, например, задачи линейного программирования применительно к негативной, в частности, уголовной ответственности, сначала на примере двух видов преступлений – краж и грабежей, которые сильно и положительно коррелированы между собой, что говорит в пользу общих детерминант этих преступлений, а потом приведем решение подобных задач к общему виду для всей структуры преступности, хотя при спецификации таких задач возможно стоит учитывать однородность детерминирующего комплекса для соответствующих структурных составляющих преступности.

Число совершаемых краж и грабежей при их заданных ценах, среднем ущербе на одно преступление данного вида и прочих равных условиях зависит от видов и количества затраченных на борьбу с ними ресурсов. Положим, что все эти ресурсы сводятся к двум – труду и капиталу, и мы можем составить таблицу.

Таблица №1. Ресурсное обеспечение.

Вид ресурса	Запас ресурса	Количество единиц ресурсов, затрачиваемых на противодействие одному преступлению	
		Кражи	Грабежи
Труд	L	L_1	L_2
Капитал	K	K_1	K_2

Необходимо составить такой план предупреждения краж и грабежей, при котором средний ущерб от данных видов преступлений (y) будет минимальным. При этом обращаю внимание, что цена преступления и ущерб от него – это совершенно разные понятия, и это всегда нужно держать в уме. Также отметим, что переход к среднему ущербу обеспечивает линейность целевой функции, а это решающее условие для построения математической модели линейного планирования по методу Л.В. Канторовича.

Обозначим через x_1 – число краж, и через x_2 – число грабежей. Для их предупреждения потребуется $L_1x_1 + L_2x_2$ единиц трудового ресурса и $K_1x_1 + K_2x_2$ – капитального ресурса.

Поскольку потребление ресурсов, направленных на предупреждение и борьбу с кражами и грабежами, не должно превышать запасов ресурсов, то связь между потреблением ресурсов и их запасами выражается системой неравенств:

$$L_1x_1 + L_2x_2 \leq L$$

$$K_1x_1 + K_2x_2 \leq K$$

Ясно, что $x_1 \geq 0$ и $x_2 \geq 0$, а суммарный средний ущерб F составит: $F = y_1x_1 + y_2x_2$, который нам и нужно минимизировать: $F = y_1x_1 + y_2x_2 \rightarrow \min$.

Обратим внимание, что цены краж и грабежей в данной модели относятся в прочие равные условия, то есть в расчетах не учитываются. В противном случае нам пришлось бы записать целевую функцию, например, так $2x_1 + 4x_2 \rightarrow \min$, поскольку цена кражи по ч. 1 ст. 158 УК РФ составляет в максимуме 2 года лишения свободы, а цена грабежа по ч. 1 ст. 161 УК РФ – четыре года лишения свободы. Однако, у нас возникла бы трудность перевода лет лишения свободы в денежные единицы, а с ущербом от этих преступлений все довольно просто – он очевиден, и выражен в денежных единицах измерения.

Для всей структуры преступности задача линейного программирования в общем виде также записывается просто. Целевая функция в виде *суммы произведений* среднего ущерба от одного преступления данного вида на количество преступлений того же вида: $F = \sum_{i=1}^n y_i x_i \rightarrow \min$.

По существу, имеем систему m линейных уравнений и неравенств с n переменными, где n – число видов преступлений, включенных в особенную часть УК РФ; m – число видов ресурсов: $a_1, a_2 \dots a_m$, используемых в противодействии преступности, с ограничениями ресурсов по итоговому количеству $A_1, A_2 \dots A_m$:

$$a_{11}x_1 + a_{12}x_2 + \dots + a_{1j}x_n \leq A_1$$

$$a_{21}x_1 + a_{22}x_2 + \dots + a_{2j}x_n \leq A_2$$

...

$$a_{m1}x_1 + a_{m2}x_2 + \dots + a_{mn}x_n \leq A_m$$

Полагая также $x_i \geq 0$ ■

С точки зрения институциональной экономики государство, различные юридические лица – это экономические институты (агенты), то есть субъекты экономических отношений, которые также являются и правовыми, и не только потому, что строятся на правовых нормах, но и потому, что лежат на фундаменте юридической ответственности, коя покоится на фундаментальных экономических законах.

Анализируя противоправное, законопослушное и прочее поведение, мы не можем игнорировать законы спроса и предложения на микро- и макроэкономическом уровне, в краткосрочной и долгосрочной перспективе, основное макроэкономическое тождество, кейнсианский крест, функции потребления и сбережения, закон Оукена, закон Филиппса, кривую Лаффера, теории потребительского выбора и экономического роста, прочие замечательные теории, объясняющее поведение соответствующих экономико-юридических переменных. Совершенно не случайно, мы видим полноценную связь чисто

экономических переменных с различными юридическими переменными, например, исследуя зависимости между числом умышленных убийств и коэффициентом Джини [7, с. 73-78], численностью народонаселения и преступностью [8, с. 128-142] и так далее.

Отсюда также очевидно, что юриспруденция более не является «крепостной крестьянкой», прикрепленной к «барину» в лице конкретного государства, а становится в разряд полноценных наук, не имеющих временных и пространственных пределов.

Список литературы

1. Ольков С. Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли// Российский криминологический взгляд, 2007, №2. С. 117-126.
2. Олькова О. А. Научная дискуссия по вопросам создания единой научной методологии и точной юридической науки// Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2020. № 3. С. 71-89.
3. Ольков С. Г. Пределы эффективности юридической ответственности при применении однотипных наказаний и поощрений// Публичное и частное право, №4, 2012. С. 76-80.
4. Ольков С. Г. Доказательство закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний и инверсии субъекта в функциях совокупной и предельной полезности этих наказаний. Законы спроса и предложения преступности// Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2017, №3. С. 14-32.
5. Ольков С. Г. Законы спроса благо- и злодеяний в связи с юридической ответственностью и законом добра и зла// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки, - 2019, №4. Т.5(71). С. 197-214.
6. Ольков С. Г. Математические начала теории судебных приговоров// Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2016, №3. С. 4-24.
7. Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование)// Государство и право, 2004, №8. С. 73-78.
8. Ольков С. Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений// Вестник казанского юридического института МВД России, 2019, №2. С. 128-142.
9. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982.

Ol'kov S.G., Ol'kova O.A. Jurisprudence as a special section of economic science / S.G. Ol'kov, O.A. Ol'kova // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 286-295.

The purpose of the article is to prove that jurisprudence in general and criminology in particular are a full-fledged part of economic scientific disciplines.

The scientific results obtained by the authors: 1) it is proved that jurisprudence, including criminology, are sectoral economic disciplines, and should be developed precisely in the vein of the corresponding economic disciplines of micro- and macroeconomic cycles; 2) it is proved that jurisprudence as a science has no time and space boundaries; 3) shows that in isolation from basic economic disciplines, in particular micro- and macroeconomics, jurisprudence cannot develop.

Scientific novelty: lies in the newly obtained scientific results.

The practical significance lies in the possibility of using the obtained scientific results in the development of legal scientific and academic disciplines.

Keywords: jurisprudence, criminology, microeconomics, macroeconomics, crime, good deed, offense, crime, encouragement, punishment, legal responsibility, positive legal responsibility, negative legal responsibility, price, demand, utility, diminishing utility, increasing utility, economic laws, demand, proposal, Keynesian cross.

Spisok literatury

1. Ol'kov S.G. Otkrovennyy razgovor o yuridicheskoy nauke: znachenie i nedostatki otrasli// Rossijskij kriminologicheskij vzglyad, 2007, №2. S. 117-126.
2. Ol'kova O.A. Nauchnaya diskussiya po voprosam sozdaniya edinoj nauchnoj metodologii i tochnoj yuridicheskoy nauki// Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2020. № 3. S. 71-89.
3. Ol'kov S. G. Predely effektivnosti yuridicheskoy otvetstvennosti pri prime-nenii odnotipnyh nakazaniy i pooshchrenij// Ppublichnoe i chastnoe pravo, №4, 2012.S. 76-80.
4. Ol'kov S. G. Dokazatel'stvo zakona vozrastayushchej predel'noj poleznosti ugo-lovnyh nakazaniy i inverсии sub'ekta v funkciyah sovokupnoj i predel'noj poleznosti etih nakazaniy. Zakony sprosa i predlozheniya prestupnosti// Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region, 2017, №3. S. 14-32.
5. Ol'kov S. G. Zakony sprosa blago- i zlodeyanij v svyazi s yuridicheskoy otvet-stvennost'yu i zakonom dobra i zla// Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universi-teta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2019, №4. T.5 (71). S. 197-214.
6. Ol'kov S. G. Matematicheskie nachala teorii sudebnyh prigovorov// Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region, 2016, №3. S. 4-24.
7. Ol'kov S. G. O pol'ze i vrede neravenstva (kriminologicheskoe issledovanie)// Gosudarstvo i pravo, 2004, №8. S. 73-78.

8. Ol'kov S. G. O raz"yasnenii prirody ugovolno-pravovyh otnoshenij// Vestnik kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, 2019, №2. S. 128-142.
9. Sel'e G. Stress bez distressa. M.: Progress, 1982.

УДК 341.343

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-296-301

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 222 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Робак В. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Работа посвящена анализу деяний, характеризующих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации. Отмечены моменты окончания указанных деяний. Анализируются мнения различных авторов относительно вопроса, которому посвящена данная работа. Указана судебная практика по отдельным вопросам квалификации данных деяний. Обозначена авторская позиция, относительно квалификации указанных деяний.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, огнестрельное оружие, боеприпасы, передача, сбыт, хранение, перевозка, ношение огнестрельного оружия и боеприпасов.

Преступность является одним из основных дестабилизирующих факторов современного общества. Характерной тенденцией является повышение общественной опасности преступности, связанной с незаконным оборотом оружия, и в дальнейшем использование оружия при совершении, в частности, тяжких и особо тяжких преступлений. К сожалению, в последнее время число зарегистрированных преступлений, в указанной сфере, имеет устойчивую динамику.

В соответствии с ч. 1 ст. 222 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривается ответственность за следующие деяния: незаконное приобретение, незаконная передача, незаконный сбыт, незаконное хранение, незаконная перевозка, незаконное ношение огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов.

Под незаконным приобретением в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ понимаются покупка, получение в дар или уплату долга, в обмен на товары и вещи, присвоение найденного и т. п., а также незаконное временное завладение оружием в преступных либо иных целях, когда в действиях виновного не установлено признаков хищения [1].

Преступление признается оконченным с момента получения предмета приобретателем с возможностью распорядиться им по своему усмотрению.

Следует отметить, что в литературе неоднозначно решается вопрос относительно квалификации действий лица как незаконное приобретение оружия, если лицо получило оружие от соучастников для непосредственного совершения преступления [2, с. 86]. По нашему мнению, такая квалификация должна иметь место в том случае, если приобретатель оружия впоследствии распоряжается им по своему усмотрению, а если он возвращает оружие, то квалификация по данной форме не требуется.

Так, в соответствии с приговором Челябинского областного суда от 11.08.2010 Полотов А. А. совершил покушение на убийство двух лиц по найму и незаконное

ношение огнестрельного оружия и боеприпасов. В ходе судебного разбирательства было установлено, что Полотов А. А. был нанят за денежное вознаграждение для совершения убийства. Организатором ему было передано пригодное для стрельбы нарезное огнестрельное оружие – пистолет, самодельно изготовленный путем переделки газового пистолета ИЖ-79 под патрон калибра 9 мм (ПМ) центрального боя, а также боеприпасы к нему – не менее пяти патронов калибра 9 мм. Это оружие после покушения было возвращено Полотовым А. А. организатору [3].

В соответствии с приговором Челябинского областного суда от 4.03.2013 Загузин А. Н. совершил убийство из корыстных побуждений и незаконное приобретение и ношение огнестрельного оружия и боеприпасов. В ходе судебного разбирательства было установлено, что Чаванин В. Ю. передал Загузину А. Н. для совершения нападения пистолет, признанный огнестрельным оружием, и боеприпасы к нему. После нападения Загузин А. Н. оставил пистолет на месте совершения преступления [4].

В связи с указанными обстоятельствами ряд авторов считают необходимым установить уголовную ответственность и за незаконное получение оружия во временное пользование, поскольку данное деяние не охватывается существующим понятием «незаконное приобретение оружия» [5, с. 184]. Однако, на наш взгляд, такое предложение является не вполне обоснованным. Дело в том, что незаконное получение оружия во временное пользование полностью охватывается таким понятием, как «хранение».

Под незаконной передачей огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ понимается их незаконное предоставление лицом, у которого они находятся, посторонним лицам для временного использования или хранения [1]. Поскольку передача означает именно предоставление предметов лицами, у которых они находятся, посторонним лицам, для квалификации рассматриваемых деяний не имеет значения, на законных или незаконных основаниях лицо обладает указанными предметами.

Преступление признается оконченным с момента отчуждения предмета иным лицам для временного хранения или использования. Обязательным условием передачи является возврат предмета владельцу.

Так, в соответствии с приговором Ленинского районного суда г. Махачкалы от 19.10.2015 Мустафаев Р. Г. совершил пособничество участнику вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом. В ходе судебного разбирательства было установлено, что Мустафаев Р. Г. принял от участника указанного формирования для хранения боеприпасы, которые спрятал и хранил в багажном отсеке своего автомобиля. Суд приговорил Мустафаева Р. Г. в данной части за приобретение, хранение и перевозку боеприпасов [6]. На наш взгляд, суд необоснованно квалифицировал деяния виновного как приобретение и перевозку.

Под незаконным сбытом огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ следует понимать их безвозвратное (в отличие от незаконной передачи) отчуждение в собственность иных лиц в результате совершения какой-либо противоправной сделки (возмездной или безвозмездной), т. е. продажу, дарение, обмен и т. п. [1].

Преступление признается оконченным с момента отчуждения предмета иным лицам. Избавление от предметов каким-либо способом (выбрасывание,

уничтожение и т. п.), не связанным с передачей или отчуждением указанных предметов иным лицам, не образует состава сбыта.

По моменту окончания данная форма имеет сходство с незаконной передачей, в связи с чем некоторые авторы предлагают проводить разграничение составов сбыта и передачи оружия по критерию времени, на которое оно передается [7, с. 10]. Мы, в свою очередь, не согласны с таким разграничением, поскольку при передаче имеет место временное отчуждение предметов, а при сбыте отчуждение безвозвратно, в связи с чем период времени, на которое передается предмет, не может влиять на квалификацию. Кроме того, как было отмечено выше, данная позиция закреплена в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

В судебной практике также отсутствует однозначность при принятии решений относительно квалификации сбыта (оконченное или неоконченное преступление) при проведении оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка». Так, в соответствии с приговором Авиастроительного районного суда г. Казани от 15.02.2017 действия виновных (группа лиц) по сбыту оружия при «проверочной закупке оружия» квалифицированы по ч. 2 ст. 222 УК РФ [8], а приговором Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 29.06.2016 действия виновного по сбыту оружия и боеприпасов при «проверочной закупке оружия и боеприпасов» квалифицированы по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 222 УК РФ [9].

Расхождение в позициях авторов обусловлено, в частности, отсутствием каких-либо разъяснений по данному вопросу в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5. Обоснованием квалификации действий виновного лица как покушение на сбыт является то, что предметы выбывают из незаконного оборота. Но, по нашему мнению, такая позиция не совсем верна, поскольку в данном случае виновный совершает действия, вследствие которых предметы незаконно отчуждаются иным лицам. Отдельные авторы также указывают на необоснованность этой позиции, поскольку со стороны виновного лица, осуществляющего сбыт, совершены все действия, направленные на окончание преступления, и указанные предметы выходят из его владения, т. е. преступление необходимо признавать оконченным [10, с. 6].

Исходя из этого, необходимо внести следующее дополнение в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 по аналогии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (сбыт указанных предметов считается оконченным с момента выполнения всех необходимых действий по их передаче, независимо от их фактического получения приобретателем, в том числе при совершении данных действий в ходе «проверочной закупки» [11]): «Незаконный сбыт следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных предметов независимо от их фактического получения приобретателем, в том числе когда данные действия осуществляются в ходе проверочной закупки или иного оперативно-розыскного мероприятия, проводимого в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»».

Под незаконным хранением огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, следует

понимать сокрытие указанных предметов в помещениях, тайниках, иных местах, обеспечивающих их сохранность [1].

Преступление признается оконченным с момента размещения предмета в месте хранения, которое избрано лицом в качестве такового. Следует отметить, что окончание преступления связывается с наступлением событий, препятствующих дальнейшему совершению преступления как по воле самого лица, так и без его участия.

Незаконным хранение считается в следующих случаях: незаконное хранение лицом, имеющим разрешение (лицензию) на это, вследствие нарушения требований (окончание срока действия лицензии и т. п.); незаконное хранение предметов, в отношении которых требуется специальное разрешение (лицензия), лицом, не имеющим такового; незаконное хранение предметов, которые полностью изъяты из гражданского оборота.

По мнению ряда авторов, хранение возможно в форме действия и бездействия. Последнее имеет место лишь в случае, если лицо не принимало никаких действий в отношении предмета (например, получение оружия по наследству) [2, с. 89]. Мы согласны с данным утверждением. Однако мнение о том, что хранение путем бездействия имеет место и в случае, если оружие хранится в доме без ведома лица [2, с. 88], считаем ошибочным, поскольку отсутствует какая-либо форма вины со стороны лица, а значит, и отсутствует состав преступления.

Незаконная перевозка рассматриваемых предметов согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ – это их перемещение на любом виде транспорта [1], но не непосредственно при лице, которое обвиняется в совершении указанного действия.

Преступление признается оконченным с момента начала движения того или иного вида транспорта.

Использование транспорта в качестве места хранения указанных предметов не образует состава перевозки и квалифицируется именно как хранение (например, указанный выше приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы от 19.10.2015.). Излишним вменением в части привлечения к ответственности за незаконную перевозку является, на наш взгляд, и приговор Краснокутского районного суда Саратовской области, в соответствии с которым действия подсудимого А. В. Домнышева квалифицированы по ч. 1 ст. 223 УК РФ – незаконное изготовление огнестрельного оружия и по ч. 1 ст. 222 УК РФ – незаконное хранение и перевозка огнестрельного оружия. В марте 2012 г. Домнышев А. В., находясь на территории одного из пунктов приема металла извлек из кучи металлолома одноствольное гладкоствольное охотничье ружье и при помощи подручных средств изготовил из него обрез, отпилив часть ствола. Изготовленный обрез он положил под водительское сиденье принадлежащей ему автомашины ВАЗ-2101, где хранил и перевозил его до момента изъятия [12]. Кроме того, абсолютно верным, по нашему мнению, является исключение вменения данного деяния в приговоре Челябинского областного суда от 30.06.2010: суд, основываясь на фактических обстоятельствах, установленных вердиктом коллегии присяжных заседателей, приходит к выводу, что факты переноса Исоевым Д. Б. обреза в автомобиль, находившийся на месте приобретения им огнестрельного оружия, и перенос из автомобиля на постоянное место хранения не дают оснований

для оценки его действий как незаконного ношения огнестрельного оружия с самостоятельным умыслом на совершение указанного действия. По данным основаниям суд исключает из объема обвинения, предъявленного Исоеву Д. Б. по ч. 1 ст. 222 УК РФ, обвинение в незаконном ношении огнестрельного оружия и в его незаконной перевозке [13].

Незаконной является перевозка в том случае, если умысел виновного лица заключался в доставке указанных предметов из одного определенного места в другое определенное место с использованием любого вида транспорта. Если же лицо перемещало данные предметы с использованием любого вида транспорта для совершения преступления либо к месту хранения, то, на наш взгляд, вменение незаконной перевозки является излишним.

Под незаконным ношением огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ «следует понимать нахождение их в одежде или непосредственно на теле обвиняемого, а равно переноску в сумке, портфеле и т. п. предметах» [1].

Преступление признается оконченным с момента начала перемещения лица с указанными предметами. При этом окончание преступления связывается с наступлением событий, препятствующих дальнейшему совершению преступления как по воле лица, так и без его участия.

Ношение представляет собой активные действия, направленные на перемещение предметов в пространстве. Однако возникает вопрос, как квалифицировать действия лица, если указанные предметы находятся на его теле либо в его одежде, но не перемещаются. Например, лежащий больной держит при себе оружие. Если следовать разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, то это ношение. И другой вопрос: если перемещение носило разовый и целенаправленный характер? По нашему мнению, в первом случае действия лица необходимо рассматривать как незаконное хранение, поскольку перемещение предметов не осуществляется и место своего нахождения лицо использует как хранилище. Относительно второго случая считаем, что если лицо перемещает указанные предметы между различными местами, то это незаконное ношение, а если в пределах одной территории (квартира, гараж), то данная форма объективной стороны отсутствует.

Список литературы

1. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 // Российская газета. – 2002. – 19 марта.
2. Зайцева Е. В. Уголовно-правовые средства противодействия незаконному обороту оружия и его применению при совершении преступлений : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Зайцева Екатерина Васильевна ; Ом. акад. МВД России. – Омск, 2014. – 214 с.
3. Приговор Челябинского областного суда от 11 августа 2010 г. – URL: <http://bsa.chel-oblsud.ru> (дата обращения: 05.05.2016).
4. Приговор Челябинского областного суда от 4 марта 2013 г. – URL: <http://bsa.chel-oblsud.ru> (дата обращения: 05.05.2016).
5. Соколов А. Ф. Преступления в сфере оборота оружия (ст. 222, 223 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Соколов Александр Федорович ; Удмурт. гос. ун-т. – Ярославль, 2002. – 218 с.
6. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы от 19 октября 2015 г. – URL: <http://sudact.ru/regular> (дата обращения: 05.05.2016).

7. Дикаев С. У. Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : учеб. пособие / С. У. Дикаев ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Уфим. юрид. ин-т. – Уфа, 1998. – 53 с. – ISBN 5-7247-0175-8.
8. Приговор Авиастроительного районного суда г. Казани от 15 февраля 2017 г. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/?regular> (дата обращения: 23.11.2017).
9. Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 29 июня 2016 г. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 23.11.2017).
10. Белик Ю. С. Проблемные вопросы определения объективных признаков незаконного оборота оружия (ст. 222 УК РФ) / Ю. С. Белик // Вестник Уральского финансово-юридического института. – 2016. – № 1(3). – С. 4–7.
11. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 // Российская газета. – 2006. – 28 июня.
12. Приговор Красноярского районного суда Саратовской области от 12 июля 2012 г. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ZtnZt9foUG6d/?regular> (дата обращения: 12.08.2017).
13. Приговор Челябинского областного суда от 30 июня 2010 г. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/?regular> (дата обращения: 12.08.2017).

Robak V. A. Certain issues of the qualification of the crime provided for in article 222 of the criminal code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 296-301.

The work is devoted to the analysis of acts that characterize the objective side of the crime provided for in Article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation. The moments of the end of these acts are marked. The opinions of various authors on the issue to which this work is devoted are analyzed. The court practice on certain issues of the qualification of these acts is indicated. The author's position regarding the qualification of these acts is indicated.

Keywords: illegal arms trafficking, firearms, ammunition, transfer, sale, storage, transportation, carrying of firearms and ammunition.

Spisok literatury:

1. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 // Российская газета. – 2002. – 19 марта.
2. Zajceva E. V. Uголовно-правовые средства противодействия незаконному обороту оружия и его применению при совершении преступлений : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Zajceva Ekaterina Vasil'evna ; Ом. akad. MVD Rossii. – Omsk, 2014. – 214 с.
3. Приговор Челябинского областного суда от 11 августа 2010 г. – URL: <http://bsa.chel-oblsud.ru> (дата обращения: 05.05.2016).
4. Приговор Челябинского областного суда от 4 марта 2013 г. – URL: <http://bsa.chel-oblsud.ru> (дата обращения: 05.05.2016).
5. Sokolov A. F. Преступления в сфере оборота оружия (ст. 222, 223 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук / Sokolov Aleksandr Fedorovich ; Udmurt. gos. un-t. – Yarovsk, 2002. – 218 с.
6. Приговор Ленинского районного суда г. Магачкалы от 19 октября 2015 г. – URL: <http://sudact.ru/regular> (дата обращения: 05.05.2016).
7. Дикаев С. У. Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : учеб. пособие / С. У. Дикаев ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Уфим. юрид. ин-т. – Уфа, 1998. – 53 с. – ISBN 5-7247-0175-8.
8. Приговор Авиастроительного районного суда г. Казани от 15 февраля 2017 г. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/?regular> (дата обращения: 23.11.2017).
9. Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 29 июня 2016 г. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 23.11.2017).
10. Белик Ю. С. Проблемные вопросы определения объективных признаков незаконного оборота оружия (ст. 222 УК РФ) / Ю. С. Белик // Вестник Уральского финансово-юридического института. – 2016. – № 1(3). – С. 4–7.
11. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 // Российская газета. – 2006. – 28 июня.
12. Приговор Красноярского районного суда Саратовской области от 12 июля 2012 г. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ZtnZt9foUG6d/?regular> (дата обращения: 12.08.2017).

13. Prigovor CHelyabinskogo oblastnogo suda ot 30 iyunya 2010 g. – URL:
<http://sudact.ru/regular/doc/?regular> (data obrashcheniya: 12.08.2017).

УДК 347.963

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-302-305

НАДЗОРНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Тюнин В. А.

*Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

В статье рассматриваются вопросы: общего понятия «чрезвычайной ситуации», соблюдения прав и свобод человека в условиях чрезвычайного положения и ситуации, обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в указанном периоде, основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, а также организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного характера и их последствий.

Ключевые слова. Чрезвычайная ситуация, защита прав человека, организация прокурорского надзора.

В настоящее время в Российской Федерации, как и во всем мире, является интересным применение правового режима в период массовых заболеваний, влекущих за собой, в том числе, смерть многих людей. Фактически вся наша страна, её отдельные субъекты и территории находятся в особом юридическом поле: «чрезвычайной ситуации» или «чрезвычайного положения».

Одним из первых научное определение «чрезвычайной ситуации» дает в своих работах профессор Б. Порфирьев. По мнению ученого, чрезвычайная ситуация – это внешне неожиданная обстановка, возникшая внезапно и характеризуется прежде всего человеческими жертвами, неопределенностью, конфликтностью, стрессовым состоянием населения, значительными социально-экологическими и экономическими убытками, необходимостью быстрого реагирования (принятия управленческих решений), большими человеческими, материальными и временными затратами на проведение эвакуационно-спасательных работ, ликвидации негативных последствий (разрушение, пожара и др.) [7, с. 34-35; 8, с. 17-26].

Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» – чрезвычайное положение означает вводимый в соответствии с Конституцией РФ и этим Федеральным конституционным законом на всей территории РФ или в её отдельных местностях особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установленные этим Федеральным конституционным законом отдельные ограничения прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей [2, с. 1].

Как правило, чрезвычайные ситуации делят на природные, техногенные и биолого-социальные. В свою очередь природные, техногенные и биолого-социальные чрезвычайные ситуации классифицируются по опасным природным явлениям, опасным техногенным событиям и опасным биологическим проявлениям. Под биолого-социальной чрезвычайной ситуацией понимается особо опасная или широко распространённая инфекционная болезнь людей, животных и растений. Огромную опасность несут новые инфекции, ранее неизвестные человечеству.

Ст. 56 Конституции РФ установлено, что в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия [3, с. 21].

По мнению Ю.Ю. Басовой – чрезвычайная ситуация, это обстановка, возникшая на определенной территории и сложившаяся в результате опасного природного, техногенного или социально-политического явления и характеризуется усложнением (на время) жизни населения определенной территории, создает угрозу жизненно важным интересам личности и государства в целом и может повлечь за собой существенные изменения в жизни общества, изменение государственного устройства, конституционного строя, формы правления, большое количество человеческих жертв, вред окружающей среде и, для ликвидации которой необходимо применение особых мер правового, экономического, организационного характера [4, с. 66].

Для обеспечения режима чрезвычайного положения используются силы и средства органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, федеральных органов безопасности, войск национальной гвардии РФ, а также силы и средства органов по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Перечень правоохранительных органов, как и органов власти, занимающихся предупреждением и пресечением, ликвидацией и профилактикой чрезвычайных положений и ситуаций не является исчерпывающим.

С целью предупреждения возникновения чрезвычайных ситуаций, уменьшения и ликвидации их негативных последствий в РФ реализуется государственная программа «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 300, а стратегическими документами, определяющими государственную политику РФ в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий, являются указы Президента РФ от 16.10.2019 № 501 «О Стратегии в области развития гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на период до 2030 года», от 11.01.2018 № 12 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года».

Необходимо отметить важность роли прокуратуры в указанной сфере, основополагающей целью деятельности которой является защита прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства в условиях чрезвычайных ситуаций [5, с. 1].

свобод как высшей ценности является конституционной обязанностью государства и всех органов власти.

В период чрезвычайной ситуации прокуроры призваны активно применять правовые, организационные и иные методы и средства для своевременного выявления, пресечения и устранения нарушений чрезвычайного законодательства.

В целях обеспечения законности, защиты прав граждан в социальной и экономической сферах, в период действия чрезвычайных ситуаций, Генеральным прокурором Российской Федерации издан приказ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного характера и их последствий» от 10.02.2011 № 30 [6, с. 2].

Вышеуказанным приказом Генерального прокурора РФ прокурорам субъектов РФ, городов, районов, другим территориальным прокурорам, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур предписано при осуществлении надзора за исполнением законодательства органами государственной власти, военного управления и органами местного самоуправления в сфере предупреждения чрезвычайных ситуаций устанавливать ряд принципиально важных вопросов: приняты ли органами государственной власти, военного управления и органами местного самоуправления нормативные правовые акты и соответствующие целевые программы, планы мероприятий в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций; в каком объеме профинансированы указанные мероприятия; созданы ли при органах местного самоуправления постоянно действующие органы управления, специально уполномоченные на решение задач по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и прочее.

В период массового заболевания, ранее неизвестного современному миру и охватившего нашу страну в 2020 г. – коронавирусной инфекции 2019-nCoV (далее – COVID-19), который можно расценивать как период режима повышенной готовности к чрезвычайной ситуации, прокуратурой последовательно реализован комплекс мер прокурорского реагирования, направленный на обеспечение соблюдения прав граждан и интересов государства в условиях распространения этой инфекции.

В сложившихся условиях важное значение имеет мобилизация не только имеющихся ресурсов, направленных непосредственно на минимизацию и нейтрализацию проблем сугубо медицинского характера, но и должное регулирование всех институтов публичной власти, от которых зависит исправное функционирование государства. Одним из институтов стабилизации в нашем государстве традиционно выступает прокуратура Российской Федерации.

В указанной сфере проводятся прокурорские проверки, которыми охвачены учреждения здравоохранения, социального обслуживания, органы государственной власти и местного самоуправления. Проводимыми проверками выявляются и пресекаются многочисленные нарушения прав граждан на доступную медицинскую помощь, бесперебойное лекарственное обеспечение. В условиях распространения COVID-19 повышенное внимание органами прокуратуры уделяется непринятию уполномоченными органами власти необходимых мер по обеспечению соблюдения режима повышенной готовности, защите прав субъектов предпринимательства,

неисполнением ограничительных мер, требований социальной дистанции и санитарных норм на объектах массового пребывания людей.

Деятельность прокуратуры в период распространения COVID-19, охватывает все сферы жизнедеятельности граждан страны, с учётом некоторых особенностей.

Следует отметить, что чрезвычайное положение на всей территории России или в её отдельных местностях вводится Указом Президента, который должен быть незамедлительно передан на утверждение Совета Федерации. Срок действия чрезвычайного положения, вводимого на всей территории РФ, не может превышать 30 суток, а вводимого в её отдельных местностях, – 60 суток. Чрезвычайное положение вводится Президентом лишь при наличии обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю РФ и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер. Из этого следует, что период массового заболевания населения РФ COVID-19 является по сути режимом повышенной готовности к чрезвычайной ситуации, а не чрезвычайной ситуацией. Подводя итоги, необходимо сказать, что проблема защиты прав человека и гражданина в условиях режима чрезвычайной ситуации является одной из самых актуальных проблем в Российской Федерации.

Несмотря на то, что защита прав граждан в условиях режима чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения регламентированы и международными правовыми актами, и Конституцией РФ, законами и подзаконными актами РФ, роль органов прокуратуры в данном направлении продолжает оставаться первостепенной и важной.

Список литературы

1. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ // СПС Консультант-Плюс.
2. Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // СПС Консультант-Плюс.
3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СПС Консультант-Плюс.
4. Басова Ю.Ю. Онтологическая характеристика понятия «чрезвычайная ситуация» // Успехи современной науки // 2016, №10. Т.5. С.63-66.
5. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 // СПС Консультант-Плюс.
6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного характера и их последствий» от 10.02.2011 № 30 // СПС Консультант-Плюс.
7. Порфирьев Б.Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях: анализ методологии и проблемы организации. М.: Наука, 1991. 136 с.
8. Порфирьев Б.Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях: (Проблемы предотвращения и сокращения масштабов последствий технологических и природных катастроф). М.: Знание, 1989. 64 с.

Tyunin V. A. Supervisory powers of the prosecutor's office for the implementation of legislation on emergency situations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – Р. 302-305.

The article deals with the following issues: the general concept of "emergency situation", the observance of human rights and freedoms in a state of emergency and situation, ensuring the safety of citizens and protecting the constitutional system in this period, the basics of the state policy of the Russian Federation in the field of protection of the population and territories from emergency situations, as well as the organization of prosecutor's supervision over the implementation of legislation on the prevention and elimination of natural emergencies and their consequences.

Keywords. Emergency situation, protection of human rights, organization of prosecutor's supervision.

Spisok literatury:

1. Federalnyy zakon «O zashchite naseleniya i territoriy ot chrezvychaynykh situatsiy prirodookhrannogo i tekhnogennogo kharaktera» ot 21.12.1994 № 68-FZ // SPS Konsultant-Plyus.
2. Federalnyy konstitutsionnyy zakon «O chrezvychaynom polozhenii» ot 30.05.2001 № 3-FKZ // SPS Konsultant-Plyus.
3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12.12.1993 // SPS Konsultant-Plyus.
4. Basova Yu.Yu. Ontologicheskaya kharakteristika ponyatiya «chrezvychaynaya situatsiya» // Uspekhi sovremennoy nauki // 2016. №10. T.5. S.63-66.
5. Federalnyy zakon «O prokurature Rossiyskoy Federatsii» ot 17.01.1992 // SPS Konsultant-Plyus.

6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного характера и их последствиях» от 10.02.2011 № 30 // СПС Консультант-Плюс.
7. Порфирьев В.Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях: анализ методологии и проблемы организации. М.: Наука. 1991. 136 с.
8. Порфирьев В.Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях: (Проблемы предотвращения и сокращения масштабов последствий технологических и природных катастроф). М.: Знание. 1989. 64 с.
- .

УДК 340

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-306-309

О СОСТОЯНИИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ СОЮЗА НЕМЕЦКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ УПРАВЛЕНИЙ В 1895-1897 Г.

Змерзлый Б. В.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Развитие железных дорог Германской империи в рассматриваемый период (1895-1897 гг.), шло эволюционным путем, направленным не только на увеличение грузоперевозок и собственно железнодорожной сети, но и на улучшение качества и надежности собственно самих дорог, что выражалось в постепенном улучшении качества используемых при их строительстве и ремонте шпал и рельсов, которые производились из все более стойких и прочных материалов. Эта, внешне мало заметная работа, позволила Германии сократить в последующем расходы на ремонт железнодорожной сети и поддерживать высокий уровень и культуру перевозок.

Ключевые слова: Германия, железные дороги, перевозки, статистика, виды перевозок, километраж.

Как известно, вторая половина XIX в. ознаменовала собой бурное строительство железнодорожной сети в Европе, активно обслуживавшей как быстро развивающуюся промышленности, так и становящимися все более доступными для различных слоев населения пассажирские перевозки.

Именно железные дороги становятся важнейшим фактором в развитии промышленности, торговли, значительно сокращая время доставки различных товаров, в том числе военных грузов. Началось использование железных дорог и с целью быстрого перемещения войск. Пионерами в этом направлении перевозок, как известно, стали именно немцы во время немецко-французской войны [1].

Российская империя долгое время уступала европейским странам в развитии железнодорожной сети, начав ее активное строительство лишь в результате поражения в Восточной войне [2].

Обращаясь собственно предмету исследования, очевидно, есть необходимость указать на то, что сбор и анализ статистических данных о железных дорогах Германии в рассматриваемый период имеет свою специфику. Дело в том, что для различных дорог отчетный период не вполне одинаков. Причина состоит в том, что для 32 из 48 немецких железных дорог он составлял время с 1-го апреля 1897 г. по 31 марта 1898, а для дороги Химэ Chimaе-Bahn) – время с 1-го октября 1896 г. по 30 сентября 1897 г. Для всех же прочих союзных дорог отчетный год совпадал с календарным.

В общем, союзу в рассматриваемый период принадлежало 87 различных железнодорожных округов, причем некоторые железнодорожные округа (Verwaltungsbezirke) королевско-прусских казенных дорог железных дорог были подсчитано отдельно.

О длине рельсовой сети союзных дорог дают понятие следующие данные:

Таблица №1.

годы	Из общей длины сети приходится в конце года на долю:			Из общей эксплуатационной длины сети приходится в конце года на долю		
	главных линий	второстеп. значения	всего	дорог пассаж. движения	дорог товарного движения	всего
	километров			километров		
1897	59.022	23.346	62.368	84.306	85.418	85.551
1896	58.561	21.598	80.159	81.020	83.020	83.153
1895	58.224	20.075	78.299	79.925	80.938	81.076

При вычислении показанного в таблице №2 процентного соотношения между дорогами, в зависимости от числа путей, исключены трехколейные участки. В 1895 г. оно составили 3%, а в 1896 и 1897 г. – 4%.

Таблица №2.

Таблица №2:								
годы	Из общей длины сети приходится в конце года на долю:				Из общей эксплуатационной длины сети приходится в конце года на долю			всего
	одно-колейных	двух-колейных	трех-колейных	общ. длина второстеп. путей	дорог пассаж. движ.	дорог товарн. движ.	второст.	
	километров				процентов			
1897	61920	20944	134	32803	45,2	30,5	25,9	137.141
1896	60234	20677	133	31812	45	30,9	23,7	133.887
1895	58952	20151	108	30544	45,3	30,9	23,%	130.187

Таблица №3.

годы	рельсов			рельсов на шпалах весом в пог. метр				деревянных шпал					
	желез.	стал ьн.	жел. и сталь н.	до 27 кг.	27-32 кг.	32-37 кг.	бол ее 37 кг.	дуб.	бук.	листв.	елов.	пропи тан.	не пропи тан.
	километров			километров				штук					
1897	21844	110523	4778	12710	23404	82920	13555	69736	9130	4236	46079	82928	45343
1896	22941	106145	4801	11686	22392	82012	13037	68583	8704	4259	48698	79750	44418
1895	23635	101372	5180	10604	23279	79795	12683	67108	8769	4005	41370	76979	43364

Прим. В числе данных о деревянных шпалах не казаны (за отсутствием) сведения о нидерландских железных дорогах, вследствие чего итог таблицы не сходится с действительным. Также не имеется сведений о количестве пропитанных шпал на сети, входящей в состав большой бельгийской дороги.

В таблицах №4 и №5 указаны данные о величине и количестве уклонов в процентах к общей длине дорог и такие же данные о кривых.

Дальнейшие же таблицы (6-7) показывают капитал, затраченный на сооружение сети, валовый доход.

Таблица №4.

годы	Уклоны				
	1:00	до 1:1000	от 1:000 до 1:200	от 1:200 до 1:40	Круче 1:40
	процентов				километров
1897	31	8	34	27	207
1896	31	9	34	26	201
1895	31	8	34	27	188

Таблица №5.

гг.	Прямых	Кривых R≥3000	Кривых R ≥ 1000 R <3000	Кривых R≥400 R <1000	Кривых R≥200 R<400	Кривых R<200 Километр.
1897	72	1	8	12	7	359
1896	72	1	8	12	7	345
1895	72	1	8	12	7	342

Таблица №6.

К концу отчетного года	всего	на 1 километр
	марок	
1897	20.046.408.991	250.655
1896	19.123.284.928	243.379
1895	18.709.758.824	244.059

Таблица №7. Доход от пассажирского движения

г.г.	Пассажиро-километров						Перевезено пассажиров на 1 километр							Из общего числа перевезенных пассажиров приходится на долю				
	1	2	3	4	воен - ных	всего	1	2	3	4	вое н- ных	вс ег о	1	2	3	4	вое н- ных	
	миллионы						человек							проценты				
	1897	540	3.7	13,4	4,8	1,3	12,8	6,6	45	164	59	16	291	2,3	15,5	56,3	20,3	5,6
1896	517	3.6	12,9	1,3	1,2	22,7	6,5	45,7	162	54	15,9	284	2,3	16	57	19,1	5,6	
1895	493	3.4	12,1	3,8	1,2	21,2	6,3	44	156	50	15,7	272	2,3	16,2	57,3	18,4	5,8	

Что же касается дохода от перевозки грузов, то он также неуклонно рос с 1895 по 1897 г. (в 1895 г. – 239.828.311 тонно-километров; в 1896 г. – 258.110. 729; в 1897 г. – 285.498.439).

При этом на немецких железных дорогах предусматривалось их следующее деление: товары большой скорости; поштучные перевозки; повагонные перевозки; служебные грузы; живой скот. Кроме того, существовало еще и такая категория как

бесплатные перевозки, которая за указанный период выросла с 2.812.194.404 тонно-километров до 3.589.092.628.

Как видно из представленного материала, развитие железных дорог Германской империи в рассматриваемый период (1895-1897 гг.), шло эволюционным путем, направленным не только на увеличение грузоперевозок и собственно железнодорожной сети, но и на улучшение качества и надежности собственно самих дорог, что выражалось в постепенно улучшении качества используемых при их строительстве и ремонте шпал и рельсов, которые производились из все более стойких и прочных материалов. Эта, внешне мало заметная работа, позволила Германии сократить в последующем расходы на ремонт железнодорожной сети и поддерживать высокий уровень и культуру перевозок.

Список литературы:

1. Тарле Е. В. История дипломатии. Т. II. — М.: Политическая литература, 1959. — С. 743, 744.
2. «История железнодорожного транспорта России». Т. 1: «1836—1917 гг.» / Под общей ред. Е. Я. Красковского, М. М. Уздина — СПб., 1994. — 336 с.
3. В. А. Кокорев. Экономические провалы. М.: Концептуал, 2013. — 304 с.
4. Приложение к журналу «Железнодорожное дело». №8. 1900 г.

Zmerzlyy B. V. On the state of the railways of the Union of German Railway Administrations in 1895-1897. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2021. — Т. 7 (73). № 2. — P. 306-309.

The development of the railways of the German Empire in the period under review (1895-1897) followed an evolutionary path, aimed not only at increasing freight traffic and the railway network itself, but also at improving the quality and reliability of the roads themselves, which was expressed in gradually improving the quality of the sleepers and rails used in their construction and repair, which were made of increasingly resistant and durable materials. This seemingly inconspicuous work allowed Germany to reduce the subsequent costs of repairing the railway network and maintain a high level and culture of transportation.

Keywords: Germany, railways, transportation, statistics, types of transportation, mileage.

Spisok literaturey:

1. Tarle E. V. Istoriya diplomatii. T. II. — M.: Politicheskaya literatura, 1959. — S. 743, 744.
2. «Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii». T. 1: «1836—1917 gg.» / Pod obshchey red. E. YA. Kraskovskogo, M. M. Uzdina — SPb., 1994. — 336 s.
3. V. A. Kokorev. Ekonomicheskie provaly. M.: Konceptual, 2013. — 304 s.
4. Prilozhenie k zhurnalu «ZHeleznodorozhnoe delo». №8. 1900 g.

УДК 343.9.01:316.624

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-2-310-322

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ УГРОЗ МЕНТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ПРАВОВОЙ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ**

Буткевич С. А.

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
E-mail: sbutkevich@mvd.ru*

В статье рассмотрены актуальные угрозы ментальной безопасности личности и социума. В частности, основное внимание уделено характеристике реальных и потенциальных последствий от чрезмерного увлечения компьютерными играми, распространения шокового, опасного и вредного контента в информационном пространстве, цензурирования социальными сетями и другими новыми медиа информации на различных интернет-платформах в корпоративных интересах, а также функционирования теневого сегмента сети Интернет.

Изучение положений зарубежного законодательства и российских нормотворческих инициатив, систематизация научных взглядов на данную проблематику и контент-анализ публикаций на Интернет-ресурсах позволили не только раскрыть специфику информационных и кибернетических угроз ментальной безопасности в современных условиях, но и подготовить авторские предложения и рекомендации по совершенствованию системы криминологической превенции их детерминант, психологического и педагогического воздействия на подростков и молодежь в целях минимизации (нивелирования) последствий от негативного влияния информационно-телекоммуникационной среды на психическое, физическое и социальное развитие личности. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в нормотворчестве, правоохранительной деятельности и психолого-педагогических практиках.

Ключевые слова: виртуальные и материальные угрозы, вредный и опасный контент, информационная продукция, кибернетическое пространство, компьютерные игры, ментальная безопасность, обучение и воспитание детей, треш-контент.

В современном мире информационное пространство перманентно генерирует новые и трансформирует существующие угрозы и вызовы человечеству, локальной и международной безопасности, касающихся без исключения всех сфер жизнедеятельности социума. В первую очередь это обусловлено константным развитием средств и способов коммуникаций, сопряженных с особенностями социального, экономического, информационного, культурного, исторического, научного и технологического развития общества. В свою очередь благодаря их непосредственному или опосредованному воздействию осуществляются генерирование, выбор, популяризация и ретрансляция полярных знаний, догм, идей, идеалов, убеждений и ориентиров. В то же время вследствие негативного влияния последних и определенных манипуляций могут происходить трансформации в индивидуальном и коллективном сознаниях, приводя к отказу целых поколений от традиционных ценностей и жизненных установок, изменению образа мышления, поведенческих паттернов и искаженному восприятию объективной реальности и информационной картины мира. Иными словами, проникновение информационно-телекоммуникационных технологий во все без исключения сферы

жизнедеятельности социума оказывает далеко не всегда положительное влияние на психическое, физическое и социальное развитие индивидуума, прежде всего ввиду отсутствия медийной и информационной грамотности.

Указанные выше обстоятельства обусловили выбор предмета нашей научной разведки. При этом подчеркнем, что мы не исследовали и не ставили перед собой цель дать ответы на вопросы обеспечения ментальной безопасности, связанные с компетенцией философии, социологии, политологии, культурологии и других наук, сосредоточившись лишь на правовых, криминологических и психолого-педагогических аспектах.

Ранее существовавшее выражение «меня воспитала улица» уже не актуально. Теперь кибернетическое пространство и информационная продукция императивно, агрессивно, интенсивно, турбулентно и парадоксально оказывают влияние на личность, часто становясь детерминантами ее социализации, неосознанного социального обучения и источником неформального образования. Ни в коем случае не снижая значимости сети Интернет и информационно-телекоммуникационных технологий в современных условиях (проведение досуга, общение, помощь в учебе, работе, саморазвитие, самовыражение и др.), подчеркнем, что все их преимущества и изъяны также активно используются лицами, организациями, корпорациями и даже государствами в незаконной или противоправной кибернетической активности, в том числе представляющей материальные и виртуальные угрозы для ментальной безопасности человека и социума.

Синкретизм объекта научной статьи обусловлен не только мультидисциплинарным характером нашего предмета исследования, но и функционированием информационного пространства в условиях перманентных трансформационных изменений, в том числе в трансграничных и глобальных масштабах. Далее нами систематизированы и охарактеризованы актуальные вызовы, которые, на наш взгляд, представляют наибольшие угрозы ментальной безопасности личности и общества, а также предложено авторское видение системы мер и действий по минимизации (нивелированию) их последствий и превенции детерминант.

Фиксируемые по всему миру всплески беспричинной агрессии или неосознанной жестокости несовершеннолетних и молодежи свидетельствуют о низкой эффективности профилактики проникновения криминальной, деструктивной и радикальной идеологии в подростковую и молодежную среду, а также насилия и агрессии – в физический мир и киберпространство. Не последнюю роль в формировании и культивировании такой делинквентной модели поведения, индоктринации радикальными взглядами и деструктивным мировоззрением играют *компьютерные или видеоигры*. Априори это – (эго)шутеры, автосимуляторы, файтинги, командные ролевые игры с тактико-стратегическими элементами. То есть массовые многопользовательские сетевые и онлайн-игры, обладающие огромным аддиктивным потенциалом ввиду безлимитного интернет-траффика, гипотетической бесконечности, сопряженности и солидарности с игровым сообществом («гильдии», «кланы», «пати», «сквады», «тимы»). Поэтому разновидность кибераддикции, формируемая вследствие эскалации видеоигр, прежде всего благодаря содержащимся в них сцен жестокости, насилия, неповиновения сотрудникам органам правопорядка, «норм» антисоциального и

аморального поведения, выделена нами в отдельную угрозу ментальной безопасности.

Сегодня киберагрессия в масштабах глобального игрового пространства активно поощряется продуцентами компьютерных игр и маркетологами как «материально» – очками, баллами, бонусами, акциями, скидками, игровой валютой и реальными деньгами, виртуальным оружием, снаряжением, обмундированием и другими улучшениями характеристик игрового персонажа («бафы», «дропы», «имбы», «кач», «лут», «сет», «скины», «ХП», «шмот»), так и морально – новыми заданиями, локациями, миссиями и уровнями («адоны», «капы», «эвенты»), дополнительными возможностями и способностями («абилки», «перки», «скиллы», «статы»), первенством в рейтингах («статка»). Последствием отождествления либо ассимиляции несовершеннолетних с сомнительным протагонистом или харизматичным антагонистом («аватаром», «альтом», «персом», «чаром») в компьютерных играх становится не только сетеголизм, но и проецирование их детализированной и реалистичной асоциальной активности в физический мир, включая попытки ее имитации, перманентной (ре)конструкции или воспроизводства. Наиболее известные и трагические из них – «колумбайн», «скулшутинг», «эффект Вертера», буллинг, опасные игры и челленджи, грубые нарушения правил дорожного движения с летальным исходом [1, с. 55–56].

Одной из первых стран постсоветского пространства, попытавшихся урегулировать данный вопрос в правовой плоскости, стал Туркменистан. Так, ст. 29 Закона «О правовом регулировании развития сети Интернет и оказания интернет-услуг в Туркменистане» устанавливает следующие требования к распространению среди детей компьютерных и иных электронных игр с использованием сети Интернет (далее – видеоигр):

1) в видеоиграх запрещается использование скрытых вставок и иных технических приемов и способов распространения информации, воздействующих на подсознание детей или оказывающих вредное влияние на их здоровье и развитие (включая приемы и средства гиперстимуляции восприятия информации и сенсорной агрессии у пользователей игры), в том числе модулей скрытой функциональности, скрытых бонусов, позволяющих активировать игровые эпизоды либо иным образом получать доступ к информационной продукции, запрещенной для оборота среди детей в соответствии с законодательством Туркменистана;

2) на территории Туркменистана не допускается распространение видеоигр, содержащих сюжеты:

– провоцирующие ребенка на пренебрежительное или негативное отношение к физическим недостаткам других людей, агрессивные насильственные и иные антиобщественные действия, в том числе вызывающие у него проявления агрессии и жестокости по отношению к персонажам игры или партнерам по игре;

– связанные с возможностью совершения игроком виртуальных убийств и нанесения виртуальных увечий персонажам игры, в том числе сопряженные с натуралистическим изображением человеческой крови;

– сопряженные с натуралистическим изображением или моделированием бесчеловечного обращения, связанного с причинением особых физических или психических страданий человеку (а равно существу, имеющему явное сходство с

человеком) или животному, включая пытки, истязания, мучения, глумление, применение особо жестоких способов нанесения увечий и лишения жизни;

– эксплуатирующие интерес к сексу, натуралистично изображающие, моделирующие или имитирующие половые органы, половые сношения или иные действия сексуального характера, в том числе с использованием реальных или виртуальных образов человека, животных или существ, имеющих явное сходство с человеком, либо несущие в себе иную информацию сексуального характера, способную вызвать у детей – пользователей игры не соответствующий возрастной норме интерес к сексуальным проблемам, в том числе содержащие изображения или моделирующие сцены изнасилования или иных насильственных действий сексуального характера, изображения сексуальной эксплуатации детей и любых иных действий сексуального характера в отношении ребенка, а также использование голоса и облика ребенка в сексуальных сюжетах;

– способные вызвать появление у детей повторяющихся страхов, паники или внушающие им ужас, в том числе детально моделирующие или натуралистично изображающие оккультно-мистические практики или магические ритуалы; акты вскрытия человеческого тела, самоубийства, членовредительства; физиологические подробности процесса и последствий смерти или предсмертной агонии живых существ; устрашающие последствия несчастных случаев, аварий, катастроф (травмы, увечья, следы обильного кровотечения, трупы, искаленные тела или ампутированные части тел людей или животных, следы кровопролития);

3) операторы услуг сети Интернет, владельцы и администраторы пунктов коллективного доступа к сети Интернет обязаны обеспечивать применительно к массовым многопользовательским онлайн-играм соблюдение предусмотренных возрастных ограничений на доступ к таким играм детей с помощью верифицируемого подтверждения возраста пользователя [2].

Вводимые ограничения и запреты, а также цели, которые попытались достичь туркменские законодатели, вполне обоснованы и логичны. Хотя компьютерный спорт в 2016 г. повторно (ранее – с 2001 г. по 2006 г.) официально и признан в Российской Федерации видом спорта, угрозы, исходящие от такого рода кибераддикции, очевидны даже обывателям. Возможно поэтому глава Международного олимпийского комитета Т. Бах в 2018 г. заявлял, что игры с убийствами или сопряженные с насилием, жестокостью и дискриминацией никогда не смогут стать частью программы, поскольку противоречат ценностям олимпийского движения [3]. И только в апреле 2021 г. ввиду многократных и агрессивных попыток Всемирной федерации киберспорта (GEF) интеграции компьютерного спорта в жанр олимпийской программы, МОК объявил о сотрудничестве с пятью международными спортивными федерациями и издателями игр для создания Олимпийской виртуальной серии (бейсбол, гребля, велосипедный, парусный и автомобильный спорт).

В связи с изложенным, согласны с исследователями, которые считают, что профилактика компьютерной игровой зависимости у несовершеннолетних также должна находиться в орбите постоянного внимания воспитателей, психологов и педагогов [4; 5].

Считаем, что к этой угрозе ментальной безопасности, помимо исходящей от видеоигр, а также традиционных и новых медиа, относится и негативное влияние

кинематографа и музыкальной индустрии. Последние, вне сомнений, способствуют формированию эмоциональных матриц общества, при этом большинство современной кино- и аудиопродукции закладывает у социума установки к потреблению, паразитированию и саморазрушению. Такое деструктивное мировоззрение гармонично вкладывается в сюжетную линию, модель поведения и образ жизни главных героев, продакт-плейсмент и др., формируя аморальный, безнравственный или асоциальный духовно-нравственный облик потребителей данной продукции.

Следующим вызовом ментальной безопасности личности, социума и реальной угрозой национальным интересам является *цензура 2.0*. Сегодня практически каждого из «социально активных» граждан так или иначе касались блокировки и (или) ограничения (бан), вводимые интернет-платформами Facebook, Instagram, YouTube, TikTok, «ВКонтакте» и т.д. за «подозрительную активность», нарушения пользовательских соглашений либо авторских прав.

Более того, в январе 2021 г. в США, «оплоте свободы и демократии», онлайн-сервисы и социальные сети Facebook, Twitter, Instagram, Twitch, Snapchat, Reddit, Discord и другие заблокировали аккаунты и сообщества президента Д. Трампа и его сторонников за «сомнительные сообщения о выборах», «пропаганду ненависти и подстрекательство к насилию», «в связи с высоким риском дальнейшего подстрекательства к насилию», а также удалили популярное у пропрезидентской поддержки приложение Parler [6]. Таким образом, благодаря беспрецедентным, но не эксцессным действиям интернет-площадок и медиа-гигантов (цензура, модерация, блокировка и удаление контента) впервые в истории в 2021 г. зафиксирована виртуальная смерть главы государства, который ранее в 2016 г. победил на президентских выборах опять же благодаря постам и твитам.

Что касается Российской Федерации, то социальные сети зарубежных интернет-платформ также проявляют «активность» по цензурированию аккаунтов, удалению и блокировке де-юре недостоверного, де-факто неудобного (нерелевантного, невалидного), на их взгляд, контента не только отечественных медиа, но и создаваемого высшими должностными лицами органов публичной власти. При этом какие-либо пояснения или контраргументы пользователей в расчет не берутся. Иными словами, сегодня в мире наблюдается высокая корреляция и тотальная зависимость граждан от информационно-телекоммуникационных технологий и средств электронной коммуникации при фактическом отсутствии у общества и государства механизмов контроля и воздействия на их деятельность. Как следствие, социальные сети, медиа-платформы, мессенджеры, видеохостинги и иные агенты влияния, обладая асимметричным и доминирующим влиянием, растущим значением в социально-политической жизни, экономике, культурно-досуговой и (де)мотивационной сфере, могут принимать какие-либо решения исключительно на основе корпоративного таргетирования, глубинных мотивов, предпочтений, ценностей, убеждений, ангажированности и прочей заинтересованности и партикуляризма своих учредителей, собственников и других стейкхолдеров.

С другой стороны, что касается государственной цензуры, то в топ-5 стран, достигших наибольших «успехов» в контроле и блокировке интернет-ресурсов, входят:

– *Корейская Народно-Демократическая Республика*, в которой доступ к сети Интернет возможен лишь для нескольких процентов населения (сотрудники специальных служб, должностные лица органов государственной власти и управления, научно-педагогические сотрудники) только после регистрации персональных компьютеров в полиции. Для остальных граждан существует внутренняя сеть «Кванмен», полностью изолированная от внешних ресурсов. Специальное ведомство копирует информацию из сети Интернет, цензурирует ее и выгружает в «Кванмен»;

– *Китайская Народная Республика*, в котором функционирует «Золотой щит», заблокированы все известные социальные сети, медиа- и поисковые платформы (Google, Facebook, Twitter, YouTube, Instagram и др.), осуществляется фильтрация контента и поисковых запросов, проводится мониторинг размещаемой информации во внутренних социальных сетях. В последних регистрация осуществляется по паспорту, анонимность фактически запрещена;

– *Исламская Республика Иран* блокирует Facebook, Twitter, YouTube, Whatsapp, Viber, «ВКонтакте», «Яндекс», периодически Telegram, осуществляет фильтрацию контента, не соответствующего государственной идеологии;

– *Украина*, которая с мая 2017 г. по настоящее время заблокировала «ВКонтакте», «Одноклассники», «Mail.ru», «Яндекс» и около 900 поисковых систем, почтовых сервисов, новостных и других сайтов как онлайн-ресурсы, представляющие угрозу национальной безопасности. В феврале 2021 г. президентом Украины В. Зеленским введены санкции в отношении владельца телеканалов «112 Украина», ZIK и NEWSONE, в результате чего было прекращено их вещание, в том числе онлайн. По сути, интернет-провайдеры заблокировали указанные выше интернет-ресурсы добровольно, поскольку решения Совета национальной безопасности и обороны Украины, введенные в действие указами президента Украины, являются обязательными к исполнению только органами исполнительной власти, а они таковыми не являются;

– *Туркменистан* заблокировал большинство известных международных и российских интернет-сервисов и виртуальных платформ, а с конца 2018 г. обеспечил функционирование внутренней социальной сети «Биз бярге» («Мы здесь»). Единственный в стране провайдер ГКЭ «Туркментелеком» отвечает за цензуру [7]. При этом подчеркнем, что в соответствии с Законом «О правовом регулировании развития сети Интернет и оказания интернет-услуг в Туркменистане»: во-первых, самостоятельное интернет-средство массовой информации подлежит регистрации в соответствии с Законом «О средствах массовой информации»; во-вторых, даже договор на оказание интернет-услуг электронной почты заключается в письменной форме; в-третьих, информация о пользователях сети Интернет и оказанных им услугах хранится не менее года и предоставляется по запросу судебных и (или) правоохранительных органов; в-четвертых, пользователи сети Интернет, помимо прочего, несут ответственность за спам (отправка два и более раз в месяц рекламной информации адресату, не передававшему запрос на ее получение), прием или передачу информации по каналам сети Интернет третьим лицам в обход оператора услуг, а также содержание передаваемой информации, ее достоверность и правомерность распространения.

Кроме очевидных и общепризнанных негативных и общественно опасных последствий от фейковых новостей, обратной стороной медали рассмотренного выше сегмента угроз и вызовов ментальной безопасности является допущение и распространение в информационно-телекоммуникационных сетях *шокового, опасного и вредного контента*. То есть в контексте данного вопроса саморегулирование социальных сетей и других интернет-площадок пока осуществляется малоэффективно, благодаря чему они зачастую становятся источниками появления, рупорами вещания и каналами распространения экстремистской, террористической идеологии и их суррогатов, пропаганды деструктивных идей и радикальных учений, насилия и жестокости, ретрансляции порнографии, гомосексуализма и педофилии, формирования моды на криминальную субкультуру, блатную романтику, табакокурение, употребление алкогольной продукции, наркотических средств, психотропных веществ и др. Между тем информационно-телекоммуникационные ресурсы должны отвечать за контент на своих площадках не только перед пользователями, но и по закону. В данном случае это касается психологически неприемлемого, травматического и токсичного содержания контента, способа или формы его передачи, которые могут причинить вред здоровью, нормальному развитию, субъективному и психологическому благополучию человека.

Законодательная инициатива, запрещающая треш-контент и устанавливающая уголовную ответственность за его организацию, формирование и распространение, обсуждалась после стрима (потокowego видео) видеоблогера Reeflay (С. Решетников), во время которого умерла находящаяся с ним перед камерой его девушка (В. Григорьева). Не прерывая трансляцию, он продолжил общаться с подписчиками, собирать «донаты» и пить шампанское, позже – вызвал скорую медицинскую помощь и полицию. Как справедливо указал сенатор А.К. Пушкин: «Пропаганды поведения, унижающего жизнь и достоинство человека, в Интернете быть не должно». Ранее схожую точку зрения высказывали лидер ЛДПР В.В. Жириновский, другие политики и общественники [8]. Подобные случаи не единичны, поэтому в связи с несформированностью сознания, моральной деградацией, отсутствием самоконтроля и психологических тормозов у распространителей и потребителей такого контента согласны с необходимостью законодательного регулирования и введения ответственности за нарушения в этой сфере, но без конкретизации признаков объективной стороны противоправного деяния (способ, место, время, обстановка, средства и орудия его совершения).

Например, в законодательстве Туркменистана установлены ограничения доступа детей к информационной продукции, распространяемой посредством использования сети Интернет. Например, к информации:

1) распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено, отнесена информация: представляемая в виде изображения или описания жестокости, физического и (или) психического насилия, преступления или иного антиобщественного действия; вызывающая у детей страх, ужас или панику, в том числе представляемая в виде изображения или описания в унижающей человеческое достоинство форме ненасильственной смерти, заболевания, самоубийства, несчастного случая, аварии или катастрофы и (или) их последствий; представляемая в виде изображения или описания половых отношений между

мужчиной и женщиной; содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани;

2) запрещенной для распространения среди детей, отнесена информация: побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству; способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные вещества и прекурсоры, алкогольную продукцию и табачные изделия, нас, токсические, психоактивные, сильнодействующие или другие одурманивающие вещества; обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным; отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи; оправдывающая противоправное поведение; содержащая нецензурную брань; содержащая информацию порнографического характера [2]. При этом, как видно, совершенно неважно каким образом передается такая информация – посредством потокового вещания или нет, традиционными или новыми массмедиа.

По нашему убеждению, запреты в этой сфере также должны распространяться и на контент, связанный с: демонстрацией и популяризацией медийными персонами, инфлюенсерами дорожного экстрима (опасного или агрессивного вождения), иначе говоря, рекламирующего нарушения правил дорожного движения и противоправное поведение автомобилистов; пропагандой или оправданием убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений, пиаром и героизацией преступников (жанр *true crime*, включающий интервьюирование лиц, осужденных за преступления против личности), популяризацией их «манифестов».

Вне сомнений, при увеличении дискреционных полномочий правоохранителей, введении дополнительных запретительных норм и усилении санкционной риторики для обеспечения информационной и кибернетической безопасности, рассмотренные выше и иные угрозы могут уйти в «теневую сеть», не теряя своей общественной опасности. Это может быть *DarkNet* или его аналоги, то есть сегмент Интернета, скрытый из общего доступа. Сегодня такое кибернетическое пространство существует в параллельном цифровом мире. Пока акценты в нормотворчестве и правоохранительной деятельности смещены на традиционное цифровое пространство, теневой Интернет («глубокий уровень» и *DarkNet*) имеет оборот в миллиарды рублей, неуклонно увеличивая своей аудиторию, расширяя сферы интересов и зон влияния [9; 10]. Там можно найти все: начиная от конфиденциальной информации, баз персональных данных, инструкций по изготовлению наркотических средств и взрывных устройств до предложений по легализации денежных средств и изготовления фальшивых документов. Согласно исследованиям, русский язык в теневом Интернете применяется чаще всего (5 лет назад – около 40 % всех страниц в *DarkNet*). С точки зрения законодательной базы, в Российской Федерации нет ограничений на использование *DarkNet*, но за большую часть происходящих в нем активностей предусмотрена уголовная ответственность.

Как известно, запретный плод всегда сладок. Именно поэтому дисклеймеры на различных информационных продуктах, возрастные ограничения и нормативные запреты на их потребление чаще всего воспринимаются реципиентами как нечто

манящее, притягательное, сокровенное, сакральное. Соответственно, ключевую роль в превенции и нивелировании этой и иных исследуемых угроз ментальной безопасности граждан и общества должны играть не только правоохранительные контрмеры и пенализация за их продуцирование, но и обучение и воспитание детей. На усиление воспитательной составляющей в образовательном процессе в Российской Федерации делается ударение относительно недавно, поэтому урегулирование данного процесса рассмотрено далее на примере Республики Таджикистан. Так, цель Закона «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» заключается в усилении ответственности родителей за обучение и воспитание детей в духе гуманизма, патриотизма, уважения к национальным, общечеловеческим и культурным ценностям, а также защита прав и интересов детей. В свою очередь обучение определено как совместная деятельность родителей, педагога и образовательного учреждения по развитию личности, таланта, умений, умственных и физических способностей ребенка, а воспитание – как целенаправленный процесс формирования и развития зрелости ребенка родителями, образовательным учреждением, обществом и подготовка его к самостоятельной жизни.

Среди представляющих для нас в рамках исследования интерес обязанностей родителей по воспитанию детей можно выделить следующие: создание условий для охраны здоровья, физического, духовного, нравственного и морального формирования ребенка; воспитание ребенка в духе уважения к Родине, закону, национальным и общечеловеческим ценностям; недопущение присутствия детей, не достигших восемнадцатилетнего возраста, в ночное время в развлекательных центрах; запрет своему несовершеннолетнему ребенку посещения центров предоставления компьютерных игр или интернет-услуг с 18:00 до 6:00; предотвращение антиобщественных поступков детей, их грубого отношения к окружающим, нарушения ими общественного спокойствия, сквернословия и грубого поведения на улицах, проспектах, площадях, местах досуга, в транспорте, общежитиях, по месту жительства и в других общественных местах, а также вредительства детей в отношении окружающей среды; запрет детям дошкольного возраста и детям, обучающимся в общеобразовательных, начальных и средних профессиональных учреждениях образования, независимо от организационно-правовых форм, приносить и использовать мобильные телефоны; запрет детям просмотра порнографических фильмов и фильмов, содержащих насилие, экстремистские и террористические проявления; контроль целевого использования сети Интернет ребенком, соответствующее его обучению и воспитанию; запрет детям чтения и распространения электронных записей (в том числе посредством мобильных телефонов), книг, листовок, газет, журналов и других печатных материалов, содержащих порнографию, насилие, экстремизм и терроризм; недопущение участия детей в деятельности религиозных объединений, за исключением детей, официально обучающихся в религиозных учреждениях [11]. Стоит отметить, что для реализации указанных выше обязанностей родители имеют общие (защищать права и интересы детей; выступать в правовые отношения как законные представители своего ребенка; требовать соблюдения прав ребенка в процессе обучения на основе государственных образовательных стандартов и др.) и специфические права (например, получать от операторов и провайдеров услуг

электрической связи соответствующую бесплатную информацию об использовании услуг электрической связи ребенком). При этом интересно отметить, что родители, даже не проживающие совместно с ребенком, несут равную ответственность за обучение и воспитание детей в соответствии с действующим законодательством.

В Российской Федерации вопросы воспитания детей в этой сфере урегулированы пока либо фрагментарно на федеральном уровне, либо на уровне субъектов, но с упором обучение и общее развитие (см., например, законы Белгородской области от 31.01.2005 № 167, Краснодарского края от 06.12.2005 № 960-КЗ). Так что пока данный вопрос остается лишь в фокусе внимания представителей научного сообщества [12; 13].

В Республике Казахстан каждому ребенку гарантируется право на свободу слова и выражение своего мнения, свободу совести, развитие своей общественной активности, получение и распространение информации, соответствующей его возрасту. В свою очередь государственные органы, физические и юридические лица обязаны защищать ребенка от отрицательного воздействия социальной среды, информации, пропаганды и агитации, причиняющей вред его здоровью, нравственному и духовному развитию. В указанных целях государство: признает пропаганду здорового образа жизни и правовое просвещение детей одним из приоритетных направлений своей политики; обеспечивает детям возможность приобщения к истории, традициям и духовным ценностям народа Казахстана и достижениям мировой культуры; поощряет создание организации для развития творческих и научных способностей детей, выпуск кино- и видеофильмов, теле- и радиопередач, издание детских газет, журналов и книг, обеспечивает их доступность в установленном законом порядке; преследует по закону использование средств массовой информации, литературы, зрелищных и других мероприятий, распространяющих порнографию, культ жестокости и насилия, оскорбляющих человеческое достоинство, оказывающих вредное воздействие на детей и способствующих совершению правонарушений; запрещает осуществлять для детей показ, продажу, дарение, размножение, прокат и распространение игрушек и информационной продукции, направленных на разжигание расовой, национальной, социальной и религиозной вражды, пропагандирующих сословную исключительность, войну, терроризм, содержащих призывы к насильственному изменению конституционного строя и нарушению территориальной целостности Республики Казахстан, порнографию, причиняющих вред здоровью и развитию детей, а также иным образом наносящих ущерб духовному и нравственному развитию ребенка [14].

Более того, Законом Республики Казахстан «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» регламентируется осуществление комплекса правовых, организационных, технических и других мер с целью обеспечения информационной безопасности детей. В частности, установлена возрастная классификация для распространяемой информационной продукции. Например, для возрастной категории «до 6 лет» должна содержаться идея торжества добра над злом, сострадание к жертве и (или) осуждение насилия, а для «с 14 лет» – допускаются эпизодические описания и (или) изображения: наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, табачных изделий, алкогольной продукции с напоминанием об опасности их потребления, порицающие влечение к

ним как провоцирующие антиобщественные и противоправные действия; без натуралистических описаний и (или) изображений смерти человека вследствие применения силы на пути защиты прав человека и законных интересов общества и государства [15].

Необходимость нормативно-правового урегулирования механизмов предупреждения и реагирования на данные угрозы ментальной безопасности граждан, установления ответственности за нарушения в этой сфере, ликвидации медийной и информационной безграмотности населения не вызывают никаких сомнений, но это не должно воплощаться в декламации лозунгов, создании бланкетных норм, тотальном контроле досуга подростков, цензуре конструктивной критики органов власти и оппозиционных взглядов, табуировании незначительных отклонений в общепринятых нормах поведения и установлении непомерных взысканий за их допущение родителями и педагогами, а также чрезмерной зарегулированности указанных, смежных и сопряженных аспектов.

Подводя итог, отметим, что несмотря на значимость исследования и актуальность мониторинга существующих и возможных угроз в информационном пространстве, обеспечение ментальной безопасности личности и социума как таковое еще не стало самостоятельным предметом научных изысканий и приоритетной задачей правоохранителей. Тем не менее, в III тысячелетии международное сообщество и отдельные страны осознают и осязают опасность киберугроз, последствий применения гибридных информационных технологий для эскалации напряженности на международной арене и национальном уровне, а также возможность превращения кибернетического пространства в театр военных действий. Перечисленные выше и другие потенциальные вызовы и модифицирующиеся угрозы ментальной безопасности, несомненно, обладают эффектом домино с кумулятивной силой негативного влияния на нормальную жизнедеятельность личности, общества и государства. Соответственно, в условиях расширения объективно-виртуальной реальности, включая повсеместное завоевание социальными медиа умов и сердец подростков и молодежи, формируется запрос на дальнейшее исследование затронутой проблематики, выработку коллективного (популяционного) иммунитета к контенту, несущему угрозы ментальной безопасности личности и социума, генерирование и привитие в индивидуальном и коллективном сознании потребности в медиаэкологически осознанном поведении.

Список литературы:

1. Никитина Л.Н. Особенности психолого-педагогической профилактики компьютерной игровой зависимости у несовершеннолетних / Л.Н. Никитина, Е.Г. Светличный. – Текст: непосредственный // Личность в информационном пространстве: проблемы и перспективы исследования: монография под ред. С.А. Буткевича. – Симферополь: Полипринт, 2020. – С. 54–62.
2. О правовом регулировании развития сети Интернет и оказания интернет-услуг в Туркменистане: Закон Туркменистана от 20 декабря 2014 г. № 159-V. – Текст: непосредственный // Ведомости Меджлиса Туркменистана. – 2014. – № 4. – Ст. 160.
3. «Насилие и дискриминация». Бах рассказал, почему киберспорт не будет включен в программу Олимпиад. Текст: электронный // Спорт-экспресс: [сайт]. – URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/news/nasilie-i-diskriminaciya-bah-rasskazal-pochemu-kibersport-ne-budet-vklyuchen-v-programmu-olimpiad-1452662/> (дата обращения: 30.04.2021).
4. Коноплева А.А. Противостояние гибридным технологиям посредством культуры в условиях существования угрозы национальной безопасности / А.А. Коноплева. – Текст: непосредственный // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и

- перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: КрУ МВД России, 2018. – С. 235–239.
5. Маздогова З.З. Институты гражданского общества в противодействии экстремизму и терроризму / З.З. Маздогова, Е.Р. Макоева. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 432–433.
6. Траппа навсегда забанили в твиттере – после того, как это потребовали даже сотрудники соцсети. – Текст: электронный // Meduza : [сайт]. – URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/09/trampa-navsegda-zabanili-v-tvittere-posle-togo-kak-etogo-potrebovali-dazhe-sotrudniki-sotsseti> (дата обращения: 30.04.2021).
7. В каких странах ограничивают свободу в интернете? – Текст: электронный // DW.com : [сайт]. – URL: <https://www.dw.com/ru/в-каких-странах-ограничивают-свободу-в-интернете/a-43475495> (дата обращения: 03.05.2021).
8. Совфед планирует законодательно запретить «трэш-стримы». – Текст: электронный // Mail.ru, @Новости : [сайт]. – URL: <https://news.mail.ru/politics/44576770/?frommail=1> (дата обращения: 03.05.2021).
9. Иванов С.И. Особенности проведения оперативно-разыскных мероприятий в сети Интернет / С.И. Иванов. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 18-1. – С. 23–24.
10. Торопов С.А. Актуальные вопросы борьбы с преступностью в сфере компьютерной информацией / С.А. Торопов, Д.А. Сафонов. – Текст: непосредственный // Личность в информационном пространстве: проблемы и перспективы исследования: монография под ред. С. А. Буткевича. – Симферополь: Полипринт, 2020. – С. 198–207.
11. Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей: Закон Республики Таджикистан от 2 августа 2011 г. № 762. – Текст: непосредственный // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2011. – № 7-8. – Ст. 616.
12. Чудина-Шмидт Н.В. Социальные условия формирования экстремальной личности / Н.В. Чудина-Шмидт. – Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 6 (133). – С. 447–449.
13. Красиков В.И. Кризис традиционной интеллектуальной деятельности в формирующейся компьютерной интернет-реальности / В.И. Красиков. – Текст: непосредственный // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. – 2020. – № 2. – С. 82–85.
14. О правах ребенка в Республике Казахстан: Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 г. № 345-ІІ. – Текст: непосредственный // Юридическая газета. – 2002. – № 33 (456).
15. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Закон Республики Казахстан от 2 июля 2018 г. № 169-VI ЗРК. – Текст: непосредственный // Казахстанская правда. – 2018. – № 127 (28756).

Butkevich S. Prevention of threats to mental security: legal, criminological and psychological-pedagogical tools // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – P. 310-322.

The article considers the current threats to the mental security of the individual and society. In particular, the main attention is paid to characterizing the real and potential consequences of excessive enthusiasm for computer games, the distribution of shock, dangerous and harmful content in the information space, censoring by social networks and other new media of information on various Internet platforms in the corporate interests, as well as the functioning of the shadow segment of the Internet.

The study of the provisions of foreign legislation and Russian normative initiatives, the systematization of scientific views on this issue and the content analysis of publications on Internet resources allowed not only to reveal the specifics of information and cybernetic threats to mental security in modern conditions, but also to prepare author's proposals and recommendations for improving the system of criminological prevention of their determinants, psychological and pedagogical impact on adolescents and young people in order to minimize (level out) the consequences of the negative influence of the information and telecommunications environment on the mental, physical and social development of the individual. The results of the research can be used in rule-making, law enforcement, psychological and pedagogical practices.

Key words: virtual and material threats, harmful and dangerous content, information products, cybernetic space, computer games, mental security, education and upbringing of children, trash content.

Spisok literatury:

1. Nikitina L.N. Osobennosti psihologo-pedagogicheskoy profilaktiki komp'yuternoy igrovoj zavisimosti u nesovershennoletnih / L.N. Nikitina, E.G. Svetlichnyj. – Tekst : neposredstvennyj // Lichnost' v informacionnom prostranstve: problemy i perspektivy issledovaniya: monografiya pod red. S. A. Butkevicha. – Simferopol': Poliprint, 2020. – S. 54–62.
2. O pravovom regulirovanii razvitiya seti Internet i okazaniya internet-uslug v Turkmenistane: Zakon Turkmenistana ot 20 dekabrya 2014 g. № 159-V. – Tekst : neposredstvennyj // Vedomosti Medzhliisa Turkmenistana. – 2014. – № 4. – St. 160.
3. «Nasilie i diskriminaciya». Bah rasskazal, pochemu kibersport ne budet vkluyuchen v programmu Olimpiad. Tekst : elektronnyj // Sport-ekspress : [sajt]. – URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/news/nasilie-i-diskriminaciya-bah-rasskazal-pochemu-kibersport-ne-budet-vkluyuchen-v-programmu-olimpiad-1452662/> (data obrashcheniya: 30.04.2021).
4. Konopleva A.A. Protivostoyanie gibridnym tekhnologiyam posredstvom kul'tury v usloviyah sushchestvovaniya ugrozy nacional'noj bezopasnosti / A.A. Konopleva. – Tekst : neposredstvennyj // Obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy i perspektivy: materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2018. – S. 235–239.
5. Mazdogova Z.Z. Instituty grazhdanskogo obshchestva v protivodejstvii ekstremizmu i terrorizmu / Z.Z. Mazdogova, E. R. Makoeva. – Tekst : neposredstvennyj // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2020. – № 11 (150). – S. 432–433.
6. Trampa navsegda zabanili v twittere – posle togo, kak eto potrebovali dazhe sotrudniki socseti. – Tekst : elektronnyj // Meduza : [sajt]. – URL: <https://meduza.io/feature/2021/01/09/trampa-navsegda-zabanili-v-twittere-posle-togo-kak-etogo-potrebovali-dazhe-sotrudniki-sotsseti> (data obrashcheniya: 30.04.2021).
7. V kakih stranah ogranichivayut svobodu v internete? – Tekst : elektronnyj // DW.com : [sajt]. – URL: <https://www.dw.com/ru/v-kakih-stranah-ogranichivayut-svobodu-v-internete/a-43475495> (data obrashcheniya: 03.05.2021).
8. Sovfed planiruet zakonodatel'no zapretit' «tresh-strimy». – Tekst : elektronnyj // Mail.ru, @Novosti : [sajt]. – URL: <https://news.mail.ru/politics/44576770/?frommail=1> (data obrashcheniya: 03.05.2021).
9. Ivanov S.I. Osobennosti provedeniya operativno-razysknyh meropriyatij v seti Internet / S.I. Ivanov. – Tekst: neposredstvennyj // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2018. – № 18-1. – S. 23–24.
10. Toropov S.A. Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu v sfere komp'yuternoj informaciej / S.A. Toropov, D.A. Safonov. – Tekst : neposredstvennyj // Lichnost' v informacionnom prostranstve: problemy i perspektivy issledovaniya: monografiya pod red. S. A. Butkevicha. – Simferopol': Poliprint, 2020. – S. 198–207.
11. Ob otvetstvennosti roditel'ev za obuchenie i vospitanie detej: Zakon Respubliki Tadzhiķistan ot 2 avgusta 2011 g. № 762. – Tekst : neposredstvennyj // Ahbori Madzhlisi Oli Respubliki Tadzhiķistan. – 2011. – № 7-8. – St. 616.
12. CHudina-SHmidt N.V. Social'nye usloviya formirovaniya ekstremal'noj lichnosti / N. V. CHudina-SHmidt. – Tekst : neposredstvennyj // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2019. – № 6 (133). – S. 447–449.
13. Krasikov V.I. Krizis tradicionnoj intellektual'noj deyatel'nosti v formiruyushchejsya komp'yuternoj internet-real'nosti / V.I. Krasikov. – Tekst : neposredstvennyj // Filosofskie, sociologicheskie i psihologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya. – 2020. – № 2. – S. 82–85.
14. O pravah rebenka v Respublike Kazahstan: Zakon Respubliki Kazahstan ot 8 avgusta 2002 g. № 345-II. – Tekst : neposredstvennyj // YUridicheskaya gazeta. – 2002. – № 33 (456).
15. O zashchite detej ot informacii, prichinyayushchej vred ih zdorov'yu i razvitiyu: Zakon Respubliki Kazahstan ot 2 iyulya 2018 g. № 169-VI ZRK. – Tekst : neposredstvennyj // Kazahstanskaya pravda. – 2018. – № 127 (28756).

УДК 347.232

DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-2-323-327

ВОПРОС ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ О ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Руденко А. В., Городулина К. О.

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Авторами статьи рассматривается вопрос практического толкования и применения положений о возникновении прав собственности в силу приобретательной давности. В качестве рассматриваемых положений были избраны Постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов, а также рассмотрено Определение Конституционного Суда Российской Федерации. Основными проблемами видится несоблюдение законодательства в области основополагающего принципа о равенстве участников гражданских правоотношений и свободном толковании статьи 234 ГК РФ. Авторами высказано мнение о конкретизации положений законодательства, которые смогли бы легализовать положения, которые на данный момент являются спорными

Ключевые слова: приобретательная давность, частная собственность, государственная собственность, бесхозяйная вещь, земельный участок

Гражданское законодательство имеет своей целью регулирование частных правоотношений, основываясь на равенстве участников, недопустимости вмешательства кого-либо в частные дела, а также беспрепятственном осуществлении гражданских прав их субъектами [1].

Особое внимание, в рамках настоящего исследования, следует уделить равенству участников гражданско-правовых отношений, к числу которых относится Российская Федерация. Положение участников по отношению друг к другу выступает ключевым основанием разделения отраслей права на публичные и частные. Равноправие является исключительным свойством частных отраслей, определяющим их правовую природу. Однако, о строгом соблюдении и реализации предписаний, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), говорить не приходится. Факт декларативного характера ряда норм, закрепленных в ГК РФ, подтверждается правоприменением института приобретательной давности.

В первую очередь стоит отметить, что ст. 234 ГК РФ напрямую устанавливает общие положения о приобретательной давности, которые характеризуются наличием следующих составляющих: сторонами данного правоотношения должны быть лица – физическое или юридическое –, которые при этом на момент возникновения подобных правоотношений не являются собственниками оспариваемого имущества; при этом владение объектом правоотношений должно быть с соблюдением совокупных условий: добросовестности (не нарушение законных оснований владения имуществом), открытости (осведомленность соседей или иных лиц о деятельности с имуществом), непрерывности (данное понятие приоритетно регулируется за счет общих положений о сроках или возможности перерыва данного срока вследствие предъявления исковых требований, также не является основанием прерывания подобного срока условие передачи его в наем, аренду или иное пользование другим лицам); владение

имуществом «как своим собственным», предусматривающее отношение лица к объекту как к такому, который уже находится в его собственности и при это накладывает на лицо обязанности по его содержанию и ответственности за него (произведение ремонта, оплата коммунальных платежей, надлежащий присмотр за состоянием объекта и т.д.); следующим пунктом является срок, в течение которого лицо должно владеть имуществом, с соблюдением всех необходимых вышеперечисленных условий, который составляет 15 лет для недвижимого имущества и 5 лет для движимого, и начинается с момента перехода во владение лица. Также закон устанавливает правила перехода права собственности, которые включают в себя соответствующую государственную регистрацию, определяющую момент возникновения данного права. Изучая дальнейшее содержание статьи можно найти положения, говорящие о защите прав лица, которое владеет имуществом, до перехода его в права собственности; положения, дополняющие условия о сроке и правопреемстве срока от предшествующего лица, владеющего спорным имуществом и положения о защите владеющего лица с применением правил о виндикационном и негаторном исках. Как следствие, толкование статьи говорит о прямом применении описанных норм, без отсылок к иным законам или свободе договора.

Однако на практике можно увидеть иногда довольно спорное понимание или применение перечисленных положений.

Ныне уже утратившее силу Постановление Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 № 8 "О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" в п. 18 гласило, что: «При разрешении споров, связанных с возникновением и прекращением права собственности, следует иметь в виду, что нормы статьи 234 ГК РФ о приобретательной давности не подлежат применению в случаях, когда владение имуществом в течение длительного времени осуществлялось на основании договорных обязательств (аренды, хранения, безвозмездного пользования и т.п.) или имущество было закреплено за его владельцем на праве хозяйственного ведения или оперативного управления» [2]. Данное утверждение практически не поддается критике и в подтверждение высказанного тезиса хорошо вписывается мысль Д.И. Мейера о том, что «владение от своего имени» предусматривает жесткое ограничение круга лиц лишь одним номинальным владельцем, не имеющим юридического основания для владения объектом. Подразумевается, что он не действует по поручению или разрешению другого собственника, конкретно и четко выражает свое желание на владение и пользование имуществом исключительно от своего имени и осознанно осуществляет в отношении объекта условия обременения и обязанности содержания. Тем самым такое владение становится как бы номинальным (самостоятельным) видом права собственности [3, 68].

Следующим шагом следует рассмотреть случай, в котором Конституционный Суд Российской Федерации, в своем Определении от 11.02.2021 г. № 186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Афанасьева Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации», фактически подтверждает позицию Дмитровского городского суда Московской области и указывает на возможность применения приобретательной давности только при рассмотрении данной категории

дел по поводу земельных участков, находящихся в частной собственности, поясняя, что иные участки не следует считать бесхозными, а напротив необходимо презюмировать государственную или муниципальную собственность на них [4].

Основным доводом Конституционного Суда служило условие о том, что рассматриваемый спорный земельный участок не был сформирован подобающим образом и не поставлен на кадастровый учёт, из чего, безусловно, можно сделать вывод, что эти земли являлись государственной собственностью и, как следствие, не являются бесхозными (п. 2 ст. 214 ГК РФ напрямую указывает на то, что земля и другие природные ресурсы будут считаться собственностью государства, если они не включены в собственность физических лиц, юридических лиц или муниципальных образований). Логика законодателя презюмируется обоснованной и целесообразной, ведь при наличии безграничной дозволенности занятия земельных участков любым из субъектов гражданских правоотношений и получении права собственности на эти земельные участки спустя обозначенный срок, довольно затруднительным видится контроль за соблюдением принципа неприкосновенности собственности.

При этом, приобретение права собственности на бесхозные вещи является предметом регулирования самостоятельного гражданско-правового института. В действительности, указанные институты являются смежными, на основании положения ст. 225 ГК РФ, предусматривающего возможность приобретения бесхозных вещей в силу приобретательной давности [1], но тождественными они не выступают и не могут подменять друг друга. Кроме того, ст. 234 ГК РФ, закрепляющая положения о приобретательной давности, не содержит ограничений, включая ограничение приобретения в собственность только бесхозных вещей и (или) имущества, являющегося или являвшегося частной собственностью, в связи с чем, возникает вопрос о целесообразности применения указанных норм и понятий в рассматриваемом случае.

Также в пользу доводов суда были обозначены положения административного законодательства, указывающего на запрет самовольного и без правовых оснований занятия части или же целого земельного участка (статья 7.1 КоАП РФ), что по их уразумению напрямую свидетельствовало о противоречии положениям статьи 234 ГК РФ в части о добросовестном владении земельным участком.

Первый Кассационный суд общей юрисдикции, вопреки нормам ГК РФ, вовсе подменяет институты приобретательной давности и бесхозных вещей, указывая на возможность применения ст. 234 ГК РФ, только в случае, когда имущество не имеет собственника, собственник неизвестен либо собственник отказался от своих прав на имущество, либо утратил интерес к использованию имущества [5].

Заслуживающими внимания, в пределах рассматриваемой проблематики, являются разъяснения и рекомендации, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29.04.2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», которые определяют, что право собственности, в силу приобретательной давности, может быть приобретено в отношении имущества, принадлежащего на праве собственности другому лицу [6]. Так, подраздел 2 ГК РФ формирует правовой статус лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, в том числе и Российской Федерации. Из анализа указанных

положений следует, что Российская Федерация признается лицом, в рамках гражданско-правовых отношений, а, следовательно, приобретение на праве частной собственности имущества, находящегося в государственной собственности, в силу приобретательной давности, в полном объеме отвечает требованиям действующего законодательства. В Постановлении Пленумов также обозначается мысль, что при разрешении споров в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, учитывается факт, что они приобретаются в собственность в порядке, установленном земельным законодательством.

Таким образом, если придерживаться определений и постановлений перечисленных судов, в толковании применения норм статьи 234 ГК РФ присутствует спорная область, которая заключается в следующем - ограничение получения права собственности по приобретательной давности относится ко всем землям, находящимся в государственной собственности, либо же этот список исключает земельные участки, с обозначенными границами и внесенные в государственный реестр недвижимости, находящиеся в государственной и муниципальной собственности. Нам видится, что подобные ограничения могут касаться только одного из объектов земельных отношений, а именно земли как природного объекта и природного ресурса.

Все таки, рассматривая позиции высших судебных органов, следует подчеркнуть, что в соответствии со ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», официальное толкование федерального законодательства Российской Федерации к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации не относится [7], как и в силу ст. 5 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», не входит в компетенцию Пленума Верховного Суда Российской Федерации [8]. В целом, рассматривая нормы ГК РФ, регулирующие правоотношения в силу приобретательной давности, следует сказать, что юридическая техника их построения и способа изложения сама по себе не допускает различных толкований, а, следовательно, не требует приведенных ранее разъяснений.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время имеет место недопустимое обеспечение, с помощью органов государственной власти, приоритета правового положения государства по отношению к личности, при осуществлении гражданских прав даже в рамках частных правоотношений.

Авторы согласны, что указанный подход правоприменительных органов основывается на защите государственных интересов и направлен на обеспечение наличия и сохранения, в данном случае, природных фондов Российской Федерации. При этом, избранный способ осуществления таковой деятельности является недопустимым. Единственно верным, а главное легальным решением, в данном случае, представляется реализация истинной задумки законодателя путем внесения уточняющих и (или) дополняющих изменений в ГК РФ, определяющих роль и место Российской Федерации в спорных правоотношениях либо обоснованно вносящих ограничения в список объектов, которые могут быть приобретены в право собственности на основании положений о приобретательной давности.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/>
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (утратило силу) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2-х частях: По исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г.. Ч. 2. – М.: Статут, – 1997. – С. 445.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2021 № 186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Афанасьева Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/>
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29.01.2020 № 88-1126/2020 // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/>
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/>
7. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/>
8. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/>

Rudenko A.V., Gorodulina K.O. The question of application of preservation provisions: theoretical and practical aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – Р. 323-327.

The authors of the article consider the issue of practical interpretation and application of provisions on the emergence of property rights by virtue of acquisitive prescription. The Resolutions of the Plenums of the Supreme and Supreme Arbitration Courts and the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation were selected as the provisions under consideration. The main problems are seen as non-compliance with legislation in the field of the fundamental principle of equality of participants in civil relations and free interpretation of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation. The authors expressed an opinion on the specification of the provisions of the legislation that could legalize the provisions that are currently controversial.

Keywords: acquisitive prescription, private property, state property, ownerless thing, land plot

Spisok literatury:

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (GK RF) ot 30.11.1994 # 51-FZ // SPS «Konsultant plyus» [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <http://www.consultant.ru/>
2. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 25.02.1998 # 8 «O nekotoryih voprosah praktiki razresheniya sporov, svyazannyih s zaschitoy prava sobstvennosti i drugih veschnyih prav» (utratilo silu) // SPS «Konsultant plyus» [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <http://www.consultant.ru/>
3. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. V 2-h chastyah: Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izdaniyu, 1902 g.. Ch. 2. – M.: Statut, – 1997. – S. 445.
4. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11.02.2021 # 186-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Afanaseva Vladimira Ivanovicha na narushenie ego konstitutsionnyih prav abzatsem pervym punkta 1 stati 234 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» // SPS «Konsultant plyus» [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <http://www.consultant.ru/>
5. Opredelenie Pervogo kassatsionnogo suda obschey yurisdiktsii ot 29.01.2020 # 88-1126/2020 // SPS «Konsultant plyus» [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <http://www.consultant.ru/>
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF #10, Plenuma VAS RF # 22 ot 29.04.2010 «O nekotoryih voprosah, vznikayuschih v sudebnoy praktike pri razreshenii sporov, svyazannyih s zaschitoy prava sobstvennosti i drugih veschnyih prav» // SPS «Konsultant plyus» [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <http://www.consultant.ru/>
7. Federalnyiy konstitutsionnyiy zakon ot 21.07.1994 # 1-FKZ «O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii» // SPS «Konsultant plyus» [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <http://www.consultant.ru/>

8. Federalnyiy konstitutsionnyiy zakon ot 05.02.2014 # 3-FKZ «O Verhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii» // SPS «Konsultant plus» [Elektronnyiy resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <http://www.consultant.ru/>

НАШИ АВТОРЫ

Аблятипова Н. А.	к.ю.н., доц. заслуженный юрист Республики Крым доцент кафедры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Албутиф Мохаммад Аднан Каркан	соискатель кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета
Анкудинова Я. С.	старший преподаватель к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Басов А. В.	д.ю.н., доц., заведующий к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Басова Ю. Ю.	старший преподаватель к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Бахриева З. Р.	к.ю.н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Буткевич С. А.	к.ю.н., доц. заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (по учебной и научной работе)
Вишневская В. В.	магистр 2 курса юридического факультета Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Галкин А. Г.	«Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», кандидат юридических наук, доцент. «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
Гаук А. М.	аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Горбенко Т. В.	адъюнкт кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России
Горковенко К. А.	слушатель 5-го курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Городулина К. О.	студентка 3 курса очной формы обучения направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция, юридического

	факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Донская (Кавелина) О. Г.	к.ю.н., доц. кафедры уголовного права Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Дорофеев А. В.	«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Евсикова Е. В.	к.ю.н., доц. кафедры административного и финансового права – начальник отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Залевская С. А.	начальник отдела обеспечения судопроизводства по гражданским делам Феодосийского городского суда Республики Крым, советник юстиции I класса, студентка 2 курса магистратуры Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Змерзлый Б. В.	д.и.н., д.ю.н., проф., проф. к-ры истории о теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Зоз В. А.	старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Ищенко Г. К.	к.ю.н., помощник прокурора г. Новошахтинска Ростовской области
Ищенко Д. П.	к.ю.н., старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Карчевский К. А.	преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Кашкаров А. А.	доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук
Кашкаров А. А.	д.ю.н., доц., начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Квасова О. А.	аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Киров А. А.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Клименко Е. П.	к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Климова Д. В.	к.ю.н., старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Кравцова А. А.	магистрант Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь
Мерказова В. А.	преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Могарычев А. М.	помощник прокурора Республики Крым по пенсионному обеспечению
Москалева Е. Н.	старший преподаватель кафедры уголовного права, Ростовский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Муртазаева А. А.	студентка 3 курса очной формы обучения направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция, юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Нагорный А. П.	преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Новикова Т. Ю.	к.ю.н., заместитель директора по учебной и воспитательной работе – доцент кафедры уголовного права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Никоненко Е. И.	заведующий юридическим сектором МКУ «Департамент труда и социальной защиты населения» Администрации г. Симферополя, магистрант 2 курс Юридического факультета Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП»
Оболенский Ю. Б.	к.ю.н., доц., доцент кафедры ТИГП, Севастопольский государственный университет
Ольков С. Г.	д.ю.н., проф. к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии

	<i>Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Олькова О. А.	<i>к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Петров А. Д.	<i>студент I курса юридического факультета по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»</i>
Попов А. Н.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Пономарев А. В.	<i>к.ю.н., доц. к-ры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Робак В. А.	<i>к.ю.н., доц., заведующий к-ры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Соляник В. В.	<i>старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Старостин В. А	<i>преподаватель первой квалификационной категории, г. Симферополь, Таврический колледж (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского</i>
Струнский А. Д.	<i>ассистент к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Равнюшкин А. В.	<i>к.и.н., старший преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Руденко А. В.	<i>ст. преп. кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского»</i>
Таранин М. А.	<i>преподаватель специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Трифонова К. В.	<i>к.ю.н., доц., доц. кафедры гражданского права, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский</i>

	<i>государственный университет правосудия»</i>
Трифанов С. Г.	<i>к.ю.н., доц. кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Тюнин В. А.	<i>к.ю.н., заведующий к-ры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Хаяли Б. Р.	<i>аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Хаяли Р. И.	<i>д. и. н., доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Черечук К. В.	<i>к.ю.н., старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Чуносев М. А.	<i>кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Шишина Е. А.	<i>старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Шроль А. Р.	<i>курсант 3-го курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Щелкогонова Е.В.	<i>к.ю.н., доцент кафедры уголовного права ФГБОУВПО «Уральский государственный юридический университет», г. Екатеринбург</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Альбутиф Мохаммад Аднан Каркан

Траектории формирования, современное состояние и проблемы развития
исламской системы защиты прав человека в контексте регионализации
правозащитных систем.....3

Галкин А. Г., Петров А. Д.

Злоупотребление должностными полномочиями в России и Франции
(сравнительно-правовой анализ).....13

Гаук А. М.

Правовое регулирование выкупа земель для общественных потребностей в
Великом Княжестве Финляндском.....18

Дорофеев А. В.

Правовые средства и правовые стимулы: к вопросу о соотношении понятий...26

Старостин В. А.

Законодательные акты о продолжительности рабочего времени в России
в преддверии первой русской революции 1905-1907 гг.....31

Струнский А. Д.

Уголовный закон и мировые соглашения в Московском государстве
в XV – XVII вв.....39

Квасова О. А.

Учение М. А. Рейснера о верховной власти.....47

Киров А. А.

Становление организации деятельности Рижского лоцманского цеха.....51

Клименко Е. П.

Установление единых норм выработки и оплаты труда грузчиков
в СССР в 1940 г.....67

Черечук К. В.

Гарантия обеспечения права на судебную защиту как одно из проявлений
социальной безопасности государства.....74

Хаяли Б. Р.

Проект «основного закона о земле» депутата Государственной Думы
второго созыва мусульманской фракции Решид Медиева и проект
«основных положений земельного закона» («Проект 104-х») фракции
трудовиков: сравнительный анализ.....80

Хаяли Р. И.

Нормативно-правовое обеспечение научной организации труда,
делопроизводства и отчетности в органах советской прокуратуры (1920-
1930-е гг.).....87

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Залевская С. А., Трифанов С. Г.

Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг: статус и
практика деятельности на современном этапе.....95

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Донская (Кавелина) О. Г.	Преступления против семьи и несовершеннолетних: взгляд современника...	103
Донская О. Г., Москалева Е. Н.	Жизнь новорожденного ребенка как объект уголовно-правовой охраны.....	112
Карчевский К. А.	Влияние судебной практики на превенцию преступлений в сфере предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию.....	119
Новикова Т. Ю., Евсикова Е. В., Щелконогова Е. В.	Некоторые вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр.....	126
Кашикаров А. А.	Уголовно-правовая характеристика склонения и вовлечения в преступную деятельность.....	141
Кашикаров А. А., Кашикаров А. А.	Уголовно-правовая охрана фондового рынка в государствах Европейского Союза.....	147
Нагорный А. П., Попов А. Н.	Основные источники угроз экстремизма в современной России.....	152
Нагорный А. П.	Формирование антинаркотической установки у подрастающего поколения.....	158
Трифонов К. В.	Цифровизация отдельных видов правоохранительной деятельности (на примере миграционной деятельности).....	163
Чуносев М. А., Таранин М. А.	Факторы, причины и условия формирования экстремистского поведения в молодежной среде.....	169
Шишина Е. А., Горковенко К. А.	Особенности уголовно-правовой характеристики преступлений террористического характера.....	174

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Горбенко Т. В.	К вопросу об определении поисково-познавательных следственных действий.....	183
Зоз В. А., Шроль А. Р.	Использование технологий искусственного интеллекта в правоохранительных органах.....	191
Равнюшкин А. В.	О проблемах применения судами уголовно-процессуального и уголовного законов при вынесении решений по уголовным делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности небольшой и средней тяжести.....	195

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО;
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Аблятипова Н. А., Кравцова А. А.

Условие о качестве товара, определяемое конкретными целями
приобретения его покупателем: анализ системности
правоприменительной практики.....202

Бахриева З. Р., Муртазаева А. А.

Сходства и различия предварительного договора и опциона на заключение
Договора.....209

Трифопова К. В., Вишневская В. В.

Государство как субъект наследственных правоотношений при
наследовании выморочного имущества.....213

Соляник В. В., Никоненко Е. И.

Институт добросовестности: теоретико-правовой анализ.....219

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС;
ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО;
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО**

Евсикова Е. В., Пономарев А. В.

К вопросу о трактовании понятия и принципа административной
ответственности в контексте реформирования административно-деликтного
законодательства.....226

СРОЧНО В НОМЕР

Климова Д. В.

Иностранный и отечественный опыт профилактики дорожно-
транспортных происшествий с использованием систем автоматической
фиксации правонарушений.....237

Мерказова В. А.

Характеристики личности несовершеннолетнего преступника.....244

Анкудинова Я. С.

К вопросу о практике реализации антикоррупционного просвещения
(на материалах Республики Крым).....249

Басова Ю. Ю.

Формирование теоретических основ деятельности органов прокуратуры по
обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях как одного из
научных направлений теории прокурорской деятельности.....254

Ищенко Д. П., Басов А. В., Ищенко Г. К.

Правовая оценка оскорбления, как административного правонарушения и
уголовно наказуемого деяния.....265

Могорычев А. М.

Направления совершенствования надзора за исполнением законов о
разрешительной системе в Республике Крым.....275

Оболенский Ю. Б.

Вопросы противодействия организованной преступности.....281

Ольков С. Г., Олькова О. А.

Юриспруденция как специальный раздел экономической науки.....	286
Робак В. А.	
Отдельные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 222 уголовного кодекса Российской Федерации.....	296
Тюнин В. А.	
Надзорные полномочия органов прокуратуры за исполнением законодательства о чрезвычайных ситуациях.....	302
Змерзлый Б. В.	
О состоянии железных дорог Союза немецкий железнодорожных управлений в 1895-1897 гг.....	306
Буткевич С. А.	
Предупреждение угроз ментальной безопасности: правовой, криминологический и психолого-педагогический инструментарий.....	310
Руденко А. В., Городулина К. О.	
Вопрос применения положений о приобретательной давности: теоретический и практический аспекты.....	323